

Чжэн Шуньчао Чэнь Кайго
Путь мастера цигун. Подвижничество Великого Дао.
История жизни учителя Ван Липина, отшельника в миру

Чэнь Кайго, Чжэн Шуньчао
Путь мастера цигун. Подвижничество Великого Дао.
История жизни учителя Ван Липина, отшельника в миру

Предисловие переводчика

Мое знакомство с книгой, предлагаемой вниманию читателя, произошло в конце 1991 года, вскоре после выхода ее в Китае в издательстве Хуася. Этому предшествовал один курьезный случай, который я часто вспоминаю, потому что он свидетельствует и об интересе к даосской культуре и о некоторых «облегченных» представлениях о возможности ею «овладеть».

Однажды ко мне домой (я жила тогда во Владивостоке) пришел молодой человек, представившийся спасателем с одного из известных владивостокских пляжей. Он сказал, что интересуется даосизмом и мечтает поступить послушником в какой-нибудь китайский даосский монастырь. Слышал, мол, что я еду в Китай, так не узнаю ли для него, насколько его мечта реальна? На мой вопрос, знает ли он китайский язык и как собирается общаться с монахами, отвечал, что «выучит, если понадобится». Хотя я не восприняла его намерений всерьез (насколько мне известно, они не имели последствий), встреча послужила определенным стимулом для некоторых моих разысканий. К тому времени я уже несколько лет занималась реконструкцией и переводом текста «Лао-цзы», но практически ничего не знала о современном даосизме. Одной из целей наметившейся тогда поездки в Китай было посещение даосских монастырей, сравнительно недавно возобновивших свое функционирование после катаклизмов «культурной революции». По крайней мере, я должна была узнать, как ведется обучение даосов.

Мне удалось тогда побывать в нескольких знаменитых даосских монастырях и побеседовать как с молодыми монахами, так и с некоторыми преподавателями монастырских школ. В большинстве случаев они общались охотно, но не были слишком многословны, и

мое любопытство не было удовлетворено. Однажды в городе Сиане, в Басяньсы, монастыре Восьми Бессмертных, один из монахов, которого я расспрашивала, заметил у меня в руках книгу Чэнь Кайго и Чжэн Шуньчао «Подвижничество Великого Дао», только что купленную в монастырской книжной лавочке. «Читай эту книгу, – сказал он, – и все узнаешь». Прошло однако более полугода, пока до ее чтения дошли руки. Книга меня поразила. Я много рассказывала о ней и сделала доклад на научном семинаре, мои рассказы всегда вызывали интерес и просьбы перевести книгу, но много воды утекло, пока образовалась возможность взяться за перевод. Вскоре я обнаружила, что сокращенный перевод этого сочинения уже опубликован в книге известного востоковеда В.В.Малявина «Восхождение к Дао» (Москва, изд-во Наталис, 1997). Меня это не расхолодило. Я думаю, что читателям будет интересно познакомиться с полным русскоязычным переводом. В книге говорится о чрезвычайно тонких и почти неизвестных вещах, и каждая подробность здесь драгоценна.

Авторы книги – два молодых человека, выпускники пекинских вузов, изучавшие экономику и успешно работавшие по специальности, ощутили в себе потребность поглубже познакомиться с практически неизвестной им китайской традиционной культурой. Десятилетие «культурной революции» образовало культурный разрыв, который отделил ее молодых современников и тех, кто вырос сразу после нее, от источников традиционной китайской духовности. Этот разрыв оказался чреват неожиданными последствиями для общества и личности, одно из которых получило название «утрата национальной идентичности», – зияющая пустота в душе и рождающийся из нее (по Лао-цзы, «Наличие рождается из Отсутствия») вопрос: «Что значит быть китайцем?»

Такой вопрос, как многие другие, задавали себе Чэнь Кайго и Чжэн Шуньчао. Им повезло. Они встретили человека, который указал им Путь. Это не было случайное везение. И не только потому, что губительность культурного разрыва была глубоко осознана в обществе и государство прилагало большие старания для его ликвидации и залечивания шрамов, создавая условия для развития культуры вообще и религии в частности. Они были готовы к изменению прежних стереотипов мышления. Их личная воля к самосовершенствованию ради обретения цельности и самостояния предопределила встречу этих людей с Ван Липином, Восемнадцатым Патриархом даосской школы Драконовых Ворот Полной Истинности, только что появившимся на культурной сцене Китая и еще мало известным. Они пришли к нему в группу заниматься «цигун», а вышли новыми людьми. Вышли, а не ушли, потому что с тех пор сделали горячими пропагандистами китайской традиционной культуры, одним из устоев которой является даосизм. В силу своих возможностей они помогают теперь Ван Липину в решении задачи, поставленной перед ним патриархами школы предыдущих поколений – раскрыть Китаю и миру сокровища даосской культуры.

Интерес к сокровищам китайской культуры в мире неуклонно растет. Но «сокровища культуры» имеют ту особенность, что, даже выставленные на всеобщее обозрение, они не перестают быть «сокровенными», быть тайной, к которой каждый зрящий их должен найти (а может и не найти) свой собственный ключ. Будь то шедевр живописи, танец или плавное движение Тайцзицюань, будь это мелодия, книга, слово или безмолвие медитации, все это только Знаки культуры, которые раскроются тебе, если станут фактом твоей собственной внутренней жизни.

Сокровища культуры можно приобретать, коллекционировать, их можно наблюдать, изучать, ими можно любоваться и наслаждаться, их можно в той или иной форме «иметь» как вещи или знания. Но хотя мы в жизни часто говорим об «овладении культурой», культурой нельзя «обладать», потому что она не содержится в вещах и знаниях, а «есть» только в живом человеке, в жизни его духа. Культурным можно только «быть». Культура и человек как родовое существо единственны. Каждый индивид «присваивает» культуру» как истинно человеческий образ жизни, и культура каждого равна его «мастерству быть человеком».

В книге «Подвижничество Великого Дао» речь идет о самосовершенствовании

человека в «присвоении» человеком своей родовой сущности, каковое «присвоение» и подразумевается, с моей точки зрения, под уже популярным в мире китайском словом «Дао», или «Путь». Интерес ее в том, что о «Пути» рассказывает тот, чье «мастерство быть человеком» заслужило ему перед авторитетами тысячелетней даосской традиции имя Истинного Человека. В книге много говорится о сферах, этапах, методах и приемах самосовершенствования человека, как они виделись и осуществлялись в даосской традиции. Технике здесь придается величайшее значение, но главное не в ней, она только «функциональна» (юн) и используется для продвижения человека к полноте проявления человеческой сущности (ти).

Человек как родовое существо, по воззрениям даосов, подобен Космосу, это «монада полной информации» о Космосе как упорядоченной Вселенной. Разные уровни существования Космоса имеют микроаналоги в человеке, не в одном его трехмерном теле, а в человеке как целостном живом существе, «микрокосме». Стать «микрокосмом», привести все проявления своей жизни в гармонию с Космосом – вот в чем состоит подвижничество Великого Дао. На наших глазах в книге этот Путь проходит под руководством Высоких Учителей школы Драконовых Ворот Полной Истинности (Цюаньчжэнь Лунмэнь пай) простой мальчик, житель города Фушунь, расположенного в Северо-Восточном Китае, наш современник. Годы его совершенствования а Дао пришлось на период «культурной революции». Ему и его Учителям пришлось скрываться, и много лет они странствовали в глуши гор и лесов Китая. Во время странствий осуществилась главная часть его обучения. По возвращении домой, он, уже юноша, стал рабочим завода. Учителя не позволили ему скрыться в горах и жить отшельником, как жили они сами и как тысячу лет жили их Учителя и Учителя их Учителей, хранители традиции Полной Истинности. Сокровища даосской культуры тысячу лет передавались тайно, только от учителя к ученику. Но наступило время передать их для пользования всем людям, время «Расширения Пути», приобщения к нему не единиц, а миллионов. На Ван Липина была возложена миссия расширения Дао, а потому ему следовало жить в миру, жизнью обычных людей, среди их повседневных забот, радостей, горестей, среди всей мирской суеты, оставаясь при этом Истинным Человеком и взращивая вокруг себя гармонию. «Мудрец одет в рубище, а яшму держит за пазухой», – говорил Лао-цзы. Настало время показать людям красоту яшмы, великой космической гармонии. Если позволительно будет применить к адепту даосизма буддийский термин, Ван Липина следует назвать «бодисатвой», человеком, достигшим Берега Спасения, но не ступившим на него, а вернувшимся к тем, кто остался на этом берегу, чтобы помочь им спастись. В даосской же традиции его называют «отшельником в миру».

Авторы книги создали не роман, не повесть, они не ставили задачу превратить ее в научный доклад. Они записали свои беседы с Ван Липином и его воспоминания и назвали свое произведение «репортажем»

По собственному признанию, они не все понимали в том, что говорил Ван Липин. Понимали в меру своей зрелости, в меру своей готовности к пониманию. В меру своей готовности понял изложенное в книге и переводчик. Разумеется, то же следует сказать и о будущих читателях русскоязычного перевода. Но наша зрелость может расти вместе с ростом степени нашей целостности, нашей свободы, тогда мы перечтем книгу и поймем в ней то, чего сейчас, может быть, даже не заметили.

Большую проблему для переводчика составила терминология книги. Принятые в европейском и русском китаеведении термины, фигурирующие в словарях, не всегда адекватно передают значения китайских терминов. В ряде случаев мне пришлось сделать отступления от традиции, чтобы сохранить смысл текста. Особенно хочу сказать о термине «Сердечная Природа», который я считаю эквивалентом китайского иероглифа «син». Его принято переводить словом «природа», под которым подразумевается биологическая природа человека. Но в даосской традиции, как и в древнекитайской философии вообще, этот иероглиф, составленный из знаков «сердце» (синь) и «рождение», «жизнь» (шэн), относится к психической и умственной стороне жизни человека, сердце рассматривается

здесь как обиталище разума.

В паре с «Сердечной Природой» (син) везде в книге выступает термин, который традиция переводит как «Судьба» (мин). В отличие от «син» как психической и мыслительной природы, он означает природу биологическую, включающую как человеческую телесность, так и образ жизни. Поэтому я принимаю для него термин «Жизнь». Непривычно звучат для русского уха парные категории «Сердечная Природа» и «Жизнь», не правда ли? Гораздо приемлемее кажется пара «Природа» и «Судьба», да только в этом случае искажается смысл текста. А не сказать ли что-нибудь, вроде «Биологическая и ментальная природа»? Выглядит более научнообразно, но смысла оригинального текста тоже не передает. Я думаю так: пусть лучше смысл будет передан точнее, что же до «привычности» выражений и терминов, то вряд ли возможно «обеспечить» ее при переводе книги, в которой все – необычно и которая требует от нас переворота в нашем мышлении.

Другой термин, о котором следует упомянуть, – «совершенствование в выплавлении» (сю лян).

В традиции даосского самосовершенствования используется терминология и образы алхимии. Это связано с тем, что первоначальное развитие даосских техник шло по пути создания «Пилюль», «Снадобий» и «Эликсиров» из растений, металлов и минералов, которые должны были обеспечить адептам здоровье, долголетие и даже бессмертие. Приготовление этих веществ связано с нагреванием на огне и плавкой их составляющих в тиглях и печах. Эти техники Внешней алхимии («Внешней Пилюли») живы и до сего дня, о чем недвусмысленно говорится в книге. Но параллельно с ними уже тысячу лет существуют техники Внутренней алхимии («Внутренней Пилюли»), где «тиглями», «веществом», «огнем», «водой» служат энергии ци, цзин и шэнь, а также различные внутренние органы человека. Это алхимия Духа, человек здесь должен выплавить собственное единство, единство бессмертного микрокосма, из отдельных составляющих его энергий и частей. Обо всем этом рассказывается в книге. Поэтому я считаю невозможным переводить термин «сю лян» как «совершенствование и закалка» или просто «закалка», потому что слово «закалка» и в прямом и в переносном смысле означает совсем иной процесс, чем «выплавление».

Наконец, предметом долгих раздумий были комментарии к тексту. В книге встречается много непривычных выражений, китайских терминов, реалий китайской культуры и современной истории. Нужно ли все непонятные места сопровождать подробными разъяснениями и комментариями? Так принято. Но верно ли это будет для данной конкретной книги?

Скажем, в книге говорится о многих мало известных или существенно новых вещах, которые впервые «инсталлируются» не только перед русскоязычным, но и перед китайским читателем. Материал требует изучения и осмысления, все это вещи непростые. Справедливо ли будет подсовывать читателю в виде комментария свое незрелое мнение, которое может быть ошибочным?

Многие термины, употребленные в книге и касающиеся техники «выплавления», неизвестны не только русскому, но и обычному китайскому читателю, по вышеуказанным причинам оторванному от традиционной культуры. Авторы книги вполне это признают, так как они тоже приобщались к традиции в процессе занятий с Ван Липином и создания «репортажа». Поэтому рано или поздно в книге все непонятные термины разъясняются. В точно таком же положении был, собственно говоря, и обычный мальчик Ван Липин, когда он начал изучать Дао. Ему рассказывали о совершенно незнакомых и очень глубоких вещах, при этом употреблялось много слов, которых он не понимал. Ему ведь не приходилось изучать в школе древнекитайскую философию и историю культуры. Он осваивался с терминологией и со смыслом понятий постепенно, в процессе работы самосовершенствования в Дао. Такой же путь должен пройти и читатель «репортажа». Он поймет многое, если будет читать терпеливо

В книге употребляются китайские термины, которые уже вошли в тезаурус русской культуры. Есть ли смысл разъяснять читателю, что такое Дао, Дэ, цзин, ци, шэнь? Эта книга

предназначена не для специалистов-китаеведов, но она предполагает у читателей наличие достаточной эрудиции. А кроме того, весь текст книги посвящен раскрытию этих понятий.

Наконец, названия китайских произведений, встречающихся в книге, я стараюсь переводить на русский язык, но в скобках везде привожу транскрипции китайских названий, которые могут быть полезны специалистам. Точно так же в скобках даны в необходимых случаях транскрипции китайских терминов. Характеризовать отдельно все эти книги и термины в примечаниях как будто нет необходимости?

В конечном счете я пришла к решению ограничиться лишь самыми необходимыми подстрочными примечаниями для пояснения, в основном, реалий современной политической истории, которые китайскому читателю хорошо знакомы, а русскому неизвестны. Кроме того, будут пояснены и некоторые повседневные культурные реалии. Может быть, подстрочные примечания покажутся кому-то все же недостаточными по количеству. Если такие сигналы будут, в будущем постараемся исправить положение.

Я буду благодарна за любые замечания по переводу текста, от кого бы они ни происходили, – от знатоков ли китайского или русского языков, знатоков культуры или обычных ее любителей.

А в конце я хочу сердечно поблагодарить всех, кто способствовал мне в подготовке этого труда. Меня поддерживали и вдохновляли мои духовные учителя Виктор Моисеевич Кладницкий и Татьяна Владимировна Иванова, которых уже нет. Всестороннюю помощь и поддержку я получала от своих родственников. Мои владивостокские, а после переезда в Севастополь и новые севастопольские друзья стимулировали меня своим энтузиазмом и интересом к китайской культуре, а также оказывали мне разнообразную техническую помощь при подготовке текста.

Л.И.Головачева 11 Сентября 1999 г., г.Севастополь.

Часть первая

Из суетного мира в мир Дао

*Опустошающий свое сердце
Наполняет свой живот,
Ослабляющий свои устремления
Укрепляет свои кости.*
«Лао-цзы»

Глава первая

Учителя из-за тысячи ли

Господин Ван Липин родился 25 июля 1949 года. По древнему календарю династии Ся это год И-Чоу, месяц Син-Вэй, день Бин-Чэнь. Этот год по разделению шестидесятилетнего цикла на пять стихий соответствует Грозовому Огню, а день Бин-Чэнь месяца И-Чоу – это 30 число шестого месяца, самая середина года. О человеке, рожденном в этот день, в предсказаниях судьбы говорится весьма многое Но не будем об этих речах упоминать.

А теперь расскажем о том, что в детстве господин Ван Липин в общем несколько отличался от других детей. Были две вещи, которые он сейчас хорошо помнит. Во-первых, когда его мать, занимаясь по хозяйству, не могла чего-нибудь отыскать, она звала Липина и спрашивала его. И всегда куда Липин сунется, там эта вещь и лежит. Этим он много матери помогал. А еще Ван Липин в детстве очень любил играть с ребяташками в прятки, и в каких бы невероятных местах они ни прятались, всегда мог найти всех до одного.

Родился господин Ван Липин в Шэньяне, крупном городе Дунбэя, или Северо-Восточного Китая, а потом переехал с родителями в Фушунь, древний город с более чем тысячелетней историей, расположенный у знаменитых гор Чанбайшань в восточной части Дунбэя. Фушунь прорезает река Ляньхэ, берущая начало глубоко в горах Чанбайшань.

В этом городе благодаря близости гор и вод необычная энергетика. Здесь находятся залежи баббита. И его называют обычно «столицей угля», а в наше время здесь обнаружился еще и газ. В этом городе, древнем и новом, Ван Липин и жил долгое время.

Семья Ван здесь считалась аристократической, предки ее были когда-то знатными людьми. Хотя при жизни отца Ван Липина прежнего уже не было, он сумел все же окончить Фэнтяньский Политехнический институт, что по тем временам считалось очень неплохо. Матушка Ван была доброй женщиной. Она родила четверых сыновей и двух дочерей, все, кроме второго сына, Липина, были бойкими и крепкими, а он – хрупкий, тоненький, словно девочка, того и гляди ветром унесет. Раз, когда Липину исполнился месяц, мать взяла его на руки и увидела меж бровей какое-то серое пятнышко. Решила, что запачкался, потерла легонько рукой, но пятнышко не исчезло, а сделалось красным. Тогда только поняла, что это алая родинка величиной с песчинку. А когда ему исполнился год, в доме случился пожар. В начавшейся сутолоке за Липином не уследили, и он получил ожог головы. Благодаря лечению больших следов не осталось, но он часто жаловался на головные боли, да и на зрение это повлияло. Много обращались к врачам, но улучшения не наступило. И для матери это всегда было предметом беспокойства.

Многодетной семье Ван в конце пятидесятых–начале шестидесятых годов жилось чрезвычайно трудно. Липин с малолетства знал совесть и долг, был вежливым и уступчивым. Конечно, он заботился о своих младших братьях и сестрах, защищал их, но так же относился и к соседским ребятам. Когда другие дети у него что-нибудь просили, он отдавал все, что имел, и никогда не жадничал.

Однажды осенью 1962 года, когда семья Ван сидела за обедом, с улицы вдруг послышался громкий крик: «Подайте милостыню!» В те трудные годы Дунбэй наводнили нищие, беженцы из голодных мест собственно Китая. Матушка Ван всегда подавала им, отрывая от себя. Но на этот раз Липин, не дожидаясь, пока мать встанет, схватил со стола несколько лепешек из диких овощей и понес на улицу. Липину предстали три старца с мягким выражением лиц. Одеты они были в лохмотья, но казались крепкими, а манерой поведения – бодрыми. Ван Липин насторожился. Он подумал, что эти три старика не похожи на нищих, которых ему приходилось видеть раньше. Но при виде того, как старики схватили травяные лепешки и жадно проглотили их, не сказав ни «спасибо», ни «пожалуйста», а только протягивая вперед руки с жестом, говорящим: «Еще!», сердце у него екнуло, не раздумывая, вернулся он в комнату, взял еще несколько травяных лепешек и вынес их старикам. Съев лепешки, старцы переглянулись и удалились легкими шагами. Липин опять подумал, что здесь что-то не то, но когда обернулся посмотреть еще раз, старцы уже исчезли.

А сердце у Ван Липина екнуло не зря. Три старца были и на самом деле не обычными людьми, а даосскими патриархами, долго скрывавшимися в горных пещерах для самосовершенствования. И теперь они спустились с гор не для того, чтобы милостыней добыть себе пропитание, а для того, чтобы найти своего преемника в следующем поколении, а таковой как раз и обнаружился в этом двенадцатилетнем мальчишке Ван Липине.

Вот кто были эти три старца:

Человек Беспредельного Дао по имени Чжан Хэдао, 82-х лет, патриарх-транслятор традиций даосской школы Драконовых Ворот на Пути Совершенной Истины в 16-поколении, прежде он был врачом при императорском дворе и в миру его называли «Чудо-доктором».

Человек Дао Чистого Покоя по имени Ван Цзяоин, 72-х лет, ученик Чжан Хэдао, патриарх-транслятор 17-го поколения. Прежде он был в числе первых преподавателей Военной Академии Вампу, обладал высоким воинским искусством и замечательными тактическими способностями, за что в миру прозывался «Чудо-тактиком».

Человек Дао Чистой Пустоты по имени Цзя Цзяои, его даосское имя было Инь Лин-цзы (Муж Потаенного Духа), 70-ти лет, ученик Ван Цзяои и Чжан Хэдао, патриарх-транслятор 17-го поколения. За то, что он умел лечить иглоукалыванием без введения иглолок в тело, в миру его прозвали «Беспредельной Иглой».

Все три старца достигли уже преклонного возраста и по правилам, завещанным патриархами школы, должны были отыскать транслятора 18-го поколения, руководствуясь предсказаниями, сделанными в «Туй бэй ту», даосской гадательной книге «Планы, выведенные из прикосновения к спине».

Даосизм – это религия, рожденная и выросшая на китайской почве, его самая прямая и общая функция среди людей «Нижнего из Трех миров» состоит в познании законов природы, пестовании жизни, профилактике болезней и продлении жизни; в том, чтобы на основе гармонизации человека и природы, человека и общества принести развитие и процветание нации, расцвет цивилизации и прогресса.

Учение Совершенной Истины было создано в начале династии Цзинь (XI-XIII вв.). В этот период три религии – даосизм, конфуцианство и буддизм – развивали свои особенности. Но их сущность была единой. Учение Совершенной Истины почитает в качестве «Пяти северных патриархов» Ван Сюаньпу, Чжун Лицюаня, Лю Хайчяня, Ван Чуньяна, а семь непосредственных учеников Ван Чуньяна – Ма Юй, Тань Чудуань, Лю Чусюань, Цю Чуцзи, Ван Чуи, Чи Датун, СуньБуэр – почитаются в качестве «Семи северных совершенных». Цю Чуцзи, по прозвищу Проникший в Тайну, по даосскому имени Вечная Молодость, в миру называемый Истинным Человеком Вечной Молодости, был основателем школы Драконовых Ворот религии Совершенной Истины. История школы Драконовых Ворот со времени создания ее Цю Чуцзи насчитывает уже восемьсот лет и, считая Ван Липина, 18 поколений патриархов-трансляторов.

По правилам даосизма, «человек, следующий Великому Дао, называется „Человеком Дао“, он «телом и душой подчинен принципу, следует только Дао, следование Дао считает своим служением, потому называется Даосом; Даосы в древности делились на 6 ступеней: 1. Истинные Небесные Даосы; 2. Даосы – Святые Небожители; 3. Даосы, живущие отшельниками в горах; 4. Даосы, оставившие семью; 5. даосы, живущие в семье; 6. Даосы, приносящие жертвы вином. Даосы имеют еще имена, соответствующие тому, как они следуют Дао. Грубо можно разделить даосов на три категории: даосы, живущие отшельниками в горных пещерах. преимущественно работают над выплавлением и уразумением Дао, превращая свое тело в объект экспериментов, обобщают опыт по достижению долголетия и законы изменения всех вещей в космосе; даосы, созерцающие Дао, они похожи на научных сотрудников в современных научных институтах, их главная задача состоит в том, чтобы хранить, приводить в порядок и изучать даосские классические книги, исследовать по книгам теорию даосизма; даосы, живущие в семье, называемые также мирянами, они совершенствуются дома и из-за различных помех социального характера, естественно, не могут сравниться по мастерству с даосами, живущими в горах.

Вернемся к нашему рассказу. Человек Беспредельного Дао Чжан Хэдао и два его ученика уже много лет совершенствовались в горных пещерах, их внешнее и внутреннее мастерство достигло высших границ, почему стать их преемником мог только необычный даос. Местом, где они занимались самосовершенствованием, была Лаошань, священная гора даосов.

Гора Лаошань очень необычна. Восточной и южной стороной. она выходит к морю, будто поднимается из него. На вершине ее множество утесов и гигантских камней, изобилие разных трав и деревьев. Волны моря плещутся о подножье горы, белые облака опоясывают ее посередине. Созерцание моря и восходов солнца с вершины горы дает особую, громадную и необычную энергию, поистине, это драгоценное место для совершенствования истинности и пестования внутренней природы. Немало знаменитых даосов совершенствовалось на этой горе на протяжении истории, и число даосских сооружений на ней все росло, там насчитывалось девять храмов., восемь монастырей., семьдесят две кумирни. Высоко в скалах много отверстий, это пещеры бессмертных., они скрыты листвой деревьев, здесь трудно найти след человека, миряне редко о них знают.

Трое старцев и жили в одной из пещер бессмертных, называемой Пещерой Вечной Молодости. Вычислив по книге «Туй бэй ту», передававшейся внутри школы Драконовых

Ворот, что восемнадцатый транслятор традиций школы уже десять лет как появился в этом мире, они прикинули, что сейчас настало время отыскать его., передавать ему мастерство и обучать Дао. Каждый из трех старцев гадал самостоятельно, но результаты их совпали.

Однажды прекрасной летней ночью, когда в небе светила ясная луна и дул морской бриз, три даосских старца в Пещере Вечной Молодости медитировали на луну. Полных четыре часа сидели они в позе лотоса. По окончании медитации Человек Беспредельного Дао подозвал к себе обоих учеников и сказал им: «С прошлого года мы уже не раз гадали о поисках восемнадцатого патриарха, результаты совпали с предсказаниями, сделанными в „Планах, выведенных прикосновением к спине“. Давайте нынче погадаем еще более тщательно, посмотрим, что получится?» Двое учеников согласно кивнули. Старцы снова приняли позу лотоса и погрузились в покой. Притупили зрение и слух, взирали друг на друга только оком мудрости. Взорам их предстал тонкий слабый мальчик. Все трое запомнили то, что они «увидели», а вернувшись в пещеру, каждый написал бумажку. Все три записи совпали:

Знак грозового огня, огонь светел, земля тяжела,
Место, где живет гром., на западном склоне Чанбай.

Старцы переглянулись. Озарения сошлись. На лицах появилась улыбка, и все разом невольно сказали одно слово: «„Отлично!“ Тут же определили счастливый день, чтобы отправиться на поиски ученика для передачи Дао.

Несколько дней спустя, когда наступил счастливый день для совершения дела, три старых даоса поднялись рано, исполнив ритуал, собрали немного вещей в дорогу и быстрыми шагами оставили место уединения. По дороге они переходили горы и реки, днем, шли, а ночью останавливались. Радость и горе мира, которые встречали старики-даосы на своем пути, не могли не вызвать в них сочувствия и переживаний. Они много лет совершенствовались в Дао, каждый обладал высшим мастерством, и сейчас настало время его продемонстрировать. Встретив больных, они лечили болезни, встретив горе, спасали от беды. Человек идет по одной дороге, а Путь направление ее меняет. От Лаошаня до Фушуня всего несколько тысяч километров, и благодаря своему мастерству старики могли бы идти днем и ночью, на дорогу им потребовалось бы всего полмесяца, однако лишь через два с половиной месяца они добрались до Фушуня и остановились на вершине горы в западу от него. Отсюда видно, что по дороге мастерство лечения и спасения людей значило для трех старцев больше, чем мастерство ходьбы. Такова натура даосов. Нечего и говорить.

Итак, три даосских старца, возвращаясь после того как выпросили милостыню в семье Ван Липина, всю дорогу шутили и смеялись. Двухмесячной усталости как не бывало. Они вернулись на постоялый двор для телег, где временно сняли себе жилье, отрясли с себя дорожную пыль и стали спокойно ожидать прихода Ван Липина.

А Ван Липина после ухода стариков охватила непонятная тоска, ему очень хотелось этих необычных добрых и ласковых стариков снова повидать. В это время он уже учился в пятом классе начальной школы. На уроках после обеда мысли его путались, и когда занятия кончились, он не пошел с ребятами домой, а побрел куда глаза глядят и в конце концов вступил на дорогу, ведущую к постоялому двору тележников. Когда же, открыв двери, он поднял голову, то увидел перед собой в маленькой коморке трех стариков, которые разговаривали меж собой и смеялись. Ван Липин не мог скрыть своей радости, он вошел, тоже сел, скрестив ноги калачиком, и стал слушать их разговоры и шутки, как будто они были старыми друзьями. Три поколения учителей и учеников встретились. Осенью 1962 года мальчик Ван Липин начал жизнь даосского «совершенствования в выплавлении», растянувшуюся на 15 лет, а пройдя суровую закалку, поднялся из «Нижнего из Трех миров» к «Среднему из Трех Миров».

Глава вторая

Выплавление сердечной природы

Итак, юный Ван Липин вошел в коморку тележного постоянного двора, уселся, как и три даоса, скрестив ноги, а даосы не обратили на него никакого внимания и все так же говорили о чем-то своем и смеялись чему-то своему. Ван Липин же чувствовал себя удивительно: хотя он не понимал, о чем говорили и чему смеялись старики, на сердце у него было необыкновенно радостно.

А три старца, хотя и болтали и смеялись, тайком давно уже начали «обследовать» подростка. Они узнали, что у него бывают мигрени и болят глаза, и потихоньку все ему начали налаживать, одно за другим вылечивать. А Ван Липин постепенно ощутил в себе бодрость и радость, в глазах появился блеск. Он понимал, что сидящие перед ним старики необычны, про себя он назвал их не имеющими равных, однако виду тоже не показывал. Посудите сами, каков был этот подросток? Он тоже обладал корнем мудрости, в это время он еще не прошел обучения у учителей, но по своей природной сообразительности уже многое понимал и сейчас сидел неподвижно и безмолвно, решив дождаться какого-то результата.

Три старца-даоса, творя про себя заклинания, уже обследовали подростка полностью, узнали, что он всегда был необычным, что он полностью соответствует результатам, полученным ими в трехлетнем гадании, и что это и есть разыскиваемый ими Восемнадцатый патриарх. Хотя корень мудрости у этого подростка глубок, сейчас он пока что безвольный эмбрион, нешлифованная яшма, к тому же долго был в обществе уличных мальчишек, тело его пронизано грязным ци, природа сердца тоже распухлена и слишком своевольна, драгоценность, которую надо получить, пока еще всего-навсего невинное детское тело, надо как можно раньше приложить к нему руки, тщательно выковывать, упорно шлифовать, с душой воспитывать, день за днем и месяц за месяцем рафинировать, питать сладкой росой, тогда оно сможет стать Великим Сосудом, сможет обрести Великое Дао. Сейчас же нужно прежде всего расширить его кругозор, чтобы укрепить его стремление к Дао.

А внешне всего и было, что самый старший из стариков полуприкрыл глаза, потом очень медленно их открыл и спросил: «Сынок, уже стемнело, до дому далеко, тебе не страшно будет по дороге?»

Ван Липин втайне хотел, чтобы старики наконец обратили на него внимание, и не задумываясь ответил: «А чего бояться? Мы всегда с ребятами играем в прятки в темноте, чем темнее, тем интереснее. Не, не боюсь!»

Услышав такие слова, три старика чуть не заплясали от радости. Они уже давно удалились от суетного мира, но детское в их сердцах не иссякло. В горах, занимаясь «пестованием жизни» и самосовершенствованием, они изредка выкидывали какую-нибудь шутку, чтобы повеселиться. Но разве была там возможность поиграть с детьми? Спустились с гор – все время в горестях человеческих, пресытились ими глаза и уши, несколько месяцев шли, пропитались с ног до головы пылью и только сегодня обрели истинную детскость. Трехлетние тяжелые труды начали приносить результаты, в тысячелетнюю традицию передачи Дао опять приходит новый человек. А когда собираются вместе учителя и ученики, это поистине великое событие, почему бы по этому поводу не встряхнуться и не повеселиться? В тот же момент Ван Цзяои потянул Липина к выходу: «Пошли, мы с тобой вместе тоже поиграем!»

Три старика и мальчик, смеясь и припрыгивая, выскочили из постоянного двора тележников, а неподалеку от этого места был пустырь. Уже совсем стемнело, в нескольких шагах с трудом различался силуэт человека. Чжан Хэдао сказал: «Давайте прятаться тут на пустыре. Сынок, если ты сможешь найти одного из нас, будет считаться, что мы все трое проиграли. Идет?» Другие два старика присоединились: «Ну, что, сынок? Играем?»

Ван Липин был храбрым мальчиком, многолетний опыт этой игры, естественно, придавал ему самоуверенности, да и как мог он спастись перед этими стариками? Кроме того, на этот пустырь он часто приходил, каждое дерево и каждая ямка в земле были ему знакомы, куда бы они ни спрятались, трудно будет им от Липина укрыться. Липин не стал

больше раздумывать и сказал только: «Ладно. Начали.» И отвернулся к дереву, закрыл обеими руками глаза в ожидании пока старики спрячутся.

Чжан Хэдао развернул его обратно, сказав: «Не надо. Ты только стой здесь и смотри, смотри во все глаза, как мы пойдем прятаться, обязательно надо смотреть внимательно, далеко мы не уйдем.» Сказав это, старики продолжали стоять неподвижно. Ван Липин поторопил их: «Да прячьтесь же скорей!» Старики все не двигались, только голос с их стороны донесся: «Смотри внимательно, мы уже спрятались!» Липин слышал это ясно, глаза были широко открыты, но куда же подевались в одно мгновение силуэты стариков? Про себя подумал, что стариканы слишком уж «сверхъестественные». Как это с помощью слов сделать так, чтобы людей не видно стало? Ведь даже шороха шагов не было слышно? Ван Липин начал искать повсюду, обыскал все «секретные» места, прощупал все места, где только мог человек спрятаться, прошло почти два часа – и никакого результата. Стало еще темнее, людей нигде не было видно. В безветрии даже шороха травинки или листика не слышалось. На пустыре стояла мертвая тишина. Ван Липин не чувствовал страха и все же от волнения из-за безуспешных поисков он весь вспотел и сейчас уже не знал, как найти этих «мастеров игры в прятки».

И как раз тогда, когда Ван Липин в своих поисках снова вернулся на прежнее место под деревом, три даоса одновременно возникли перед ним и хохоча сказали: «Ну, что, сынок, признаешь, что на этот раз проиграл?» И семь пядей во лбу имея, нельзя было догадаться, откуда они появились, будто духи с неба спустились, Ван Липин, увидев их, на какое-то время дара речи лишился, только потом пришел в себя и спросил: «Где же вы спрятались?» Три старика в один голос ответили: «Да мы же отсюда никуда и не уходили, Велели же тебе глядеть внимательно, а ты не глядел». Ван Липин оторопел.

Посудите сами, как три старика разыграли Ван Липина? На самом деле, они действительно не двигались с места, ведь когда используешь «щит», чтобы скрыть свою форму, зачем отворачиваться и прятаться? Не только ночью тот, кто смотрит, не увидит, но и среди бела дня обычный человек этой формы углядеть не сможет. Этого маленький Ван Липин в то время еще не понимал, но то, что произошло на его глазах, все-таки заставило его понять многое, он лучше понял, что три старика – необычные люди, и проникся к ним еще большим почтением. Когда же Липин хотел расспросить подробнее, Чжан Хэдао сказал только: «Потом ты сам сумеешь понять. Сегодня уже слишком поздно, сейчас проводим тебя домой, ложись спать, днем учись хорошенько, а вечером можно к нам придти, поиграем вместе». Проучили три даоса Липина, проводили его домой и вернулись к себе.

«Щит» – это искусство прикрываться щитом, в котором используется прием, не известный обычным людям, для сокрытия своей формы. Видится «отсутствие», а в «отсутствии» есть «наличие», очень большое «наличие» или очень маленькое, обычные люди все равно смотрят, но не видят. Главное в этом приеме – перемены, это магическая техника, которой умеют владеть только люди «Среднего из Трех миров».

Итак, Ван Липин вернулся домой. Родители как раз начали о нем беспокоиться, спросили, куда ходил, что делал? Но Ван Липин что-то там сочинил, они на этом и успокоились. В семье Ван детей было много, да и времена настали трудные, иногда внимания на всех не доставало, а Липин шел вторым по старшинству, родители больше занимались его младшими братьями и сестрами, он-то уже был в старших классах начальной школы, мог сам о себе позаботиться. Липин наскоро что-то проглотил и, не чувствуя сильного голода, улегся на кан спать. Только где уж тут было уснуть? Сегодняшняя встреча взбудоражила мысли ребенка, три старика засели в его голове. «Это не простые люди!» В ушах, словно эхо другого мира, звучали разговоры стариков в гостинице тележников. «Искусство щита», продемонстрированное стариками, поистине заставляло задуматься. Это почище, чем в волшебных сказках. «Немыслимо!» И самочувствие Липина изменилось, обычное недомогание ушло. И в беседе трех стариков он тоже как будто что-то понял. «Вот это чудо!» Так Ван Липин перебирал в уме события дня, не находил ответов, но ощущал, что какая-то неведомая сила уже рождалась в нем, эта сила уже связывала его с тремя стариками

и сопротивляться ей было невозможно. «Завтра опять пойду!» – решил Ван Липин и заснул, как убитый.

С тех пор, как только кончались уроки, Ван Липин искал способа отделаться от ребят, с которыми раньше всегда играл, свернуть за угол и потихоньку проскользнуть в жилище трех даосов на постоялом дворе тележников. Трех старикам было уже далеко за семьдесят, они пришли в Дунбэй из собственно Китая просить милостыню, и местные жители им очень сочувствовали. Но у них было крепкое здоровье, да плюс к тому, они умели лечить, что, естественно, нравилось людям. Конечно, старики скрывали, кто они такие, даже свои способности врачевания показывали лишь чуть-чуть. Но местные жители, как только кто-нибудь заболел, вместо того, чтобы идти в больницу, приходили сюда к старикам и просили полечить. Хотя болезни были несложные, но не приходилось тратить времени и денег, как сходят, так и выздоравливают. И мало-помалу местные жители от жалости к старикам перешли к почтению, поэтому у стариков с соседями неприятностей не было. Ван Липин приходил каждый день и прежде всего занимался хозяйственными делами, рубил дрова, подметал, поливал огород, растапливал печку, делал все, что мог. Мальчик он был веселый, живой, да еще и сообразительный, а в таком маленьком хозяйстве дел было не так уж много, очень скоро все бывало чисто убрано. Покончив с делами, он подходил к старикам и смотрел, как они лечат людей, и все это без лишних слов и не болтаясь под ногами. Когда все посторонние уходили и старики оставались с мальчиком наедине, они начинали рассказывать о некоторых чудесных вещах, постепенно подводя Ван Липина к вступлению на Путь.

Вскоре даосы поняли, что этот постоянный двор, куда ходит столько людей, неподходящее место для передачи мастерства и воспитания ученика, надо искать более спокойное пристанище, чтобы выполнить такое великое дело. Приняв решение, старики обследовали окрестности и нашли неподалеку заброшенную кузницу. Ей было лет сто, там давно уже никто не жил, но если прибрать в ней, то это все же защита от ветра и дождя, и от деревни далеко, людей здесь много не будет, а по уединенности и спокойствию это жилье было «идеальным». Багажа никакого старики не имели. Решили переехать – и переехали, встали да пошли. Сначала подремонтировали две разрушенные каморки, чисто их подмели, перед домом посадили несколько молодых деревьев, а позади дома разбили огород. Сменили обстановку, на этом и успокоились. В горных деревушках души у народа простые, нравы чистые, а эти три старика и годами и талантами своими были велики, лечили и спасали людей, поэтому и сельчане о них беспокоились, всегда кто-нибудь помогал дровами, рисом и другими материальными вещами. И старики имели возможность прожить.

Еще раз скажем, что три старика уже много дней общались с Ван Липином и потихоньку старались привлечь и направить его, а Ван Липин тоже постепенно начинал кое-что понимать.

Стояла осенняя ночь, ярко сияли луна и звезды. Дул холодный ветер, но в горах было очень тихо. В каморке горела масляная лампа, все четверо сидели вокруг и внимательно слушали, как самый старший даос Чжан Хэдао рассказывал истории о даосах и их учении. Ван Липин с детства рос в деревне, рано узнал волшебные сказки и очень ими восхищался. И сейчас, слушая красочный рассказ старика, он не сводил с него глаз.

Сначала Чжан рассказал историю о Восьми Бессмертных, потом поведал о деяниях Пяти Северных Патриархов, у каждого была необычная жизнь и великая судьба. Еще подробнее говорил он о создателе школы Драконовых Ворот Цю Чунци, Истинном Человеке Вечной Молодости. Этот Цю Вечная Молодость был из Дэнчжоу, из местности Цися, девятнадцати лет вступил на Путь, в двадцать стал учеником Ван Чунъяна, после того как патриарх Чунъян вознесся, патриарх Цю ушел на запад и в районе Циньчуани, питаясь подаянием, совершенствовался в Дао. Несколько дней он прожил в городе Чанъани, но шум и пышность города были неудобны для самосовершенствования. В конце концов он нашел старую кумирню в горах Наньшань и поселился там. В это время как раз был сезон Лундун – Глубокой Зимы, ночью неожиданно подул северный ветер, все затянулось облаками, повалил

сильный снег. Он шел без остановки пять дней и ночей, горы побелели, даже птиц не было видно, не то что тропинки или следов путника. Патриарх Цю сидел целыми днями в кумирне, и хотя было в ней холодно, а в животе пусто, он не обращал на это никакого внимания. Продержался так до вечера пятого дня, что было поистине трудно. Про себя думал: «Наверное, придется мне здесь помереть с голоду. Но „Достойный человек и при смерти придерживается Дао“. Даже в смерти от Дао не отвернусь». И приняв такое решение, он погрузился во тьму беспомощности. И во тьме вдруг раздался голос: «Прошу Истинного Человека принять скромную пищу.» Патриарх Цю медленно открыл глаза, увидел, что небо прояснилось и какой-то старик стоит перед ним и протягивает ему пампушку. Патриарх Цю смущенно спросил: «Добрый старец, снег так глубок, зачем же Вы затрудняли себя, чтобы принести сюда пищу? Ваш слуга поистине этого недостоин! Виноват! Виноват!» Старик остановил его, сказав: «Мой дом недалеко отсюда, мне это ничего не стоило. Ночью я увидел сон, что Истинный Человек в кумирне терпит лишения, поэтому и собрал грубую пищу, чтобы Истинный Человек мог утолить голод, прошу, не отказывайтесь от нее». Сказав это, он вложил пампушку в руку патриарха Цю, повернулся и ушел. Патриарх Цю хотел осведомиться о фамилии и имени и принести благодарность, но старик уже скрылся за дверью. Цю выбежал, осмотрелся – старик исчез. Пригляделся к снегу, повсюду бело, ни следочка. Тогда только понял, что этот старик – дух места.

Когда погода прояснилась и снег сошел, патриарх Цю продолжил путешествие на запад, дошел до Баоцзи у подножья гор Наньшань, там протекала большая река, звавшаяся Паньси. Русло ее было очень широким, когда река разливалась, напор воды был так силен, что невозможно было построить мост, а когда вода отступала, из-за мелкости ее нельзя было пользоваться лодками. Путникам приходилось переходить реку вброд. Прибыв сюда и увидев, как переход труден, патриарх Цю подумал: «Почему бы мне здесь не сделать доброго дела и не накопить немного заслуг перед Небом. Ведь это корень совершенствования в Дао?» И стал переносить людей через реку на спине. Все люди его хвалили. Недалеко от реки тоже была старая кумирня. Как раз подходящее место для совершенствования в выплавлении. И вот патриарх Цю днем переносил людей через реку, а ночью в кумирне медитировал и тренировался в мастерстве. И так шесть лет без перерыва. За шесть лет, упражняя тело и ум, он семь раз пережил большую смерть. А малых смертей было бесчисленное количество. Умирая, он воскресал, и его воля становилась все крепче, а сердце все честнее, мастерство выросло настолько, что он уже превзошел «Нижний из Трех миров».

Почтенный даос Чжан, оканчивая этот рассказ, напоследок сказал: «У патриарха Цю была поговорка: „Когда ни одна мысль не рождается, –это свобода, когда ни в голове, ни в сердце нет вещей, –это бессмертный будда“. И бессмертные духи и небесные бессмертные получают в результате такого вот упорного совершенствования и такой упорной тренировки.» Он погладил рукой бороду и бросил взгляд на Ван Липина, словно говоря: «Понял, малец?»

Ван Липин слушал заворуженно и, только когда старик на него посмотрел, будто проснулся, словно опомнился, и сказал: «Понял».

«Что ты понял?» – спросил старик.

«Сердце должно быть чистым, воля должна быть крепкой, только тогда можно выковать подлинное мастерство», – без запинки ответил Ван Липин.

«Молодец, сообразительный», – все три старика удовлетворенно улыбнулись.

Затем Чжан Хэдао перестал улыбаться и серьезно сказал: «Липин, ты хочешь учиться Дао?»

«Хочу учиться, – Липин сказал эти два слова очень серьезно, с большим убеждением. – Хочу учиться. Да вот не знаю, как надо заниматься, нет у меня учителя». Откуда было ему знать историю сидящих перед ним стариков?

«Хорошо», –сказав это слово, Чжан Хэдао приостановился и обменялся взглядом с другими двумя стариками. Ясно, что они заранее уже условились и договорились, и сейчас наступал момент, когда этому подростку должна была быть «передана суть».

Чжан Хэдао продолжил свою речь: «Липин, если есть у тебя стремление учиться Дао, не печалься, что нет учителя. Ты знаешь, кто такие мы трое и откуда мы пришли? Мы ученики того самого патриарха Цю, которые существуют в каждом поколении. С его времени донине прошло семьсот лет, и всего было больше десятка поколений трансляторов традиции, я транслятор шестнадцатого поколения. А они двое – трансляторы семнадцатого. Мы уже состарились. Все, чему мы учились, надо передавать дальше. Если у тебя есть стремление учиться Дао, надо подготовиться к трудностям и лишениям.

Не умея перенести труднейшего из трудных, нельзя стать Человеком из Человеков. И первое правило изучения Дао – именно перенесение трудностей, затем надо научиться быть человеком. То есть совершать хорошие дела и не совершать плохих, это называется накоплением Дэ, накапливая мастерство и накапливая Дэ, потом естественно вступаешь на Путь».

Три даосских старца долго еще говорили о накоплении мастерства и накоплении Дэ, и Ван Липин запечатлел все эти слова в своем сердце. Эта ночь была для Ван Липина необычной. Тогда решилась его судьба.

Три старых даоса понимали, что хотя Ван Липин и мал годами, но основа у него правильная, способность к пониманию высокая, сердце честное, а природа чистая, и для передачи ему Дао время наступило. Но если хочешь создать великий сосуд, большой труд надо приложить к созданию основы, только тогда он будет стоять крепко. Труд воспитания человека требует методических действий и все нового и нового приложения усилий. Только тогда полное понимание может быть достигнуто.

В трактате «Канон Тайшан Лао Цзюня о постоянстве, чистоте, покое и сокровенности» («Тайшан Лао Цзюнь шо чан, цин, цзин, мяо цзин») говорится:

«В Дао есть чистое и грязное, есть движение и есть покой. Небо чисто, земля грязна, Небо движется, земля покоится. Мужчина чист, женщина грязна, мужчина движется, женщина покоится. Снисходит начало, проистекает конец и рождается Тьма вещей. Чистое – источник грязного, движущееся – основа покоящегося. Если человек постоянно чист и спокоен, к нему приходит знание Неба и земли.

Человеческий дух любит чистоту, а сердце замутняет ее, человеческое сердце любит покой, а желания соблазняют его. Кто постоянно умеет осуждать свои желания, у того сердце от этого успокаивается, он очищает свое сердце, и от этого очищается его дух». Смысл сказанного можно назвать очень глубоким, и он действительно очень глубок; можно назвать его простым, и он действительно очень прост; но осуществить его чрезвычайно трудно. В чем же трудность? В этом «осуждении желаний, очищении сердца, вхождении в покой». Эта философия патриархальной простоты, взгляд на жизнь с точки зрения патриархальной простоты, очень отличаются от философии и взгляда на жизнь, принятых сейчас у обычных людей. Какова нынешняя ситуация? Человеческие желания все более и более развиваются. Различные способы увеселений и формы искусств, обостряющие чувственные желания, все обновляются обновляются, и для этого в большом количестве используются энергетические ресурсы земли. Но чем дальше, тем меньше остается времени на удовлетворение развития желаний. Так в чем же ценность такой философии и такого взгляда на жизнь? В них нет меры для оценки развития желаний, тем более, в них нет никакого устойчивого критерия, с помощью которого можно было бы регулировать отношение человека к самому себе, а также к обществу и природе.

Три даосских старца начали обучение Ван Липина именно с этого основного пункта, и первый шаг мастерства назывался «раскаянием в ошибках».

Что такое «раскаяние в ошибках»? Ты думаешь, это то самое, что мы обычно подразумеваем, когда говорим о раскаянии и исправлении допущенных ошибок? Разумеется, в таком значении понимать это нельзя. По здравому смыслу, в каких «ошибках» может раскаиваться подросток, которому всего тринадцать лет? Но, с точки зрения даосов, даже у этого невинного ребенка, поскольку он родился из материнской утробы и прожил какое-то время в этом суетном мире, природа сердца заражена немалом количеством грязного ци, это

грязное ци и есть «ошибка», от которой прежде всего следует полностью очиститься. Значит, на какое-то время следует отделить себя от суетного мира, в чем есть весьма определенное сходство с «изоляцией подследственного», а отличие состоит в том, что не другие тебя проверяют, а ты сам по собственной воле пристально вглядываешься в себя, чтобы произвести кардинальную чистку природы сердца и перемениться. Это и есть результат начального «раскаяния в ошибках».

Что касается людей, которые погружены в суетный мир очень глубоко и к тому же не имеют правильного культурного руководства, которые весь свой ум, энергию, способности используют для удовлетворения своих вожделений, гонятся за известностью и корыстью, но при этом основных моральных качеств, делающих человека человеком, у них не хватает, то как же тяжелы и глубоки их «ошибки»? А если они хотят полностью очиститься, то как сложны и трудны их задачи – это ясно без слов! Поэтому первый шаг мастерства «раскаяния в ошибках», в сущности говоря, это первоначальное сопоставление двух видов философии и взглядов на жизнь, но оно носит фундаментальный характер. Без решимости оставить неверную культуру, философию и взгляд на жизнь, свойственные суетному миру и его людям, то есть без желания обновиться как человеку кардинально, стать отличным от людей суетного мира, в этих «ошибках» крайне сложно раскаяться и их исправить. Этот труд «раскаяния в ошибках» делится на три стадии. Сначала человека закрывают в темной комнате, при этом не определяется, что ему нужно делать, просто он изолируется от суетного мира. Если так провести два месяца, то «своеволие» постепенно придет к концу, исчезнет; если первый шаг проделан успешно, наступает время второй стадии, когда надо сидеть в темной комнате со скрещенными ногами, каждый раз увеличивая сроки сидения. Только на третьей стадии условия меняются: сидят со скрещенными ногами в обычной тихой комнате, каждый сеанс сидения должен быть свыше четырех часов.

Как уже упоминалось, три старых даоса временно жили в кузнице, где кроме двух комнатушек была еще одна каморка с маленькой дверью и без окон, которая раньше использовалась как кладовка, где сваливались старые железки. Сейчас ее убрали. Она в качестве места действия была вполне подходящей.

Однажды после завтрака Ван Липин как всегда надел ранец и вышел из дому, но в школу не пошел, а отправился прямо к жилищу трех даосов. Он думал теперь только об изучении Дао, о школьной же учебе уже не беспокоился. Вещи, которым он обучался здесь у трех стариков, представляли для Ван Липина гораздо больший смысл и интерес, чем то, что изучалось в школе, и здешняя притягательная сила превосходила тамошнюю. Другими словами, Ван Липин благодаря своей природной сообразительности понял, что ему дальше нужно делать, раз решил изучать Дао, других забот быть не должно, и на уловки он шел, чтобы так оно и было.

Три старых даоса вставали раньше, чем обычные люди. Поздно ложиться и рано вставать, в соответствующее время заниматься упражнениями – за несколько десятков лет такая жизнь стала для них законом. Все они перешагнули за седьмой десяток лет, однако по виду были молодежью, с блеском в глазах – как могли сравниться с ними обычные старики? Когда Липин вошел в комнату, старики опять сидели со скрещенными ногами, выполняя упражнения, положенные для времени Мао (Зайца). Видя это, Липин тоже сел скрестив ноги и только собрался заняться упражнением, как Чжан Хэдао остановил его, сказав: «Так ты решился с нами учиться Дао? Не пожалеешь?»

«Решился, никогда не пожалею!» Ван Липин широко раскрыл глаза и в голосе чувствовалось волнение.

«Ну, ладно, ладно! Ты пока не садись, встань, послушай, что я скажу. Раз стремишься изучать Дао, то надо начинать изучение с начала. Снова повторю: ты не должен бояться трудностей. Понятно?»

«Понятно. Вы только скажите, как начать с начала.»

Не торопись, будешь торопиться, сущности не постигнешь. Сегодня мы дадим тебе первый урок. В этом уроке ни о каких истинах речи идти не будет, надо только делать – и

все, но задача состоит в том, чтобы делать все как я требую. Если этого урока не усвоишь, больше к нам учиться Дао не приходи». Хотя и говорил так Чжан Хэдао, но как же сердце его могло отказаться от Истинного Ребенка, на поиски которого было истрачено столько лет и столько мастерства!

«Хорошо, как скажете, Учитель, так и сделаю». Откуда было знать маленькому и горевшему воодушевлением Ван Липину, что ему предстояло делать? И официальной церемонии принятия в ученики еще не было, а он уже начал употреблять слово «Учитель».

Но Чжан Хэдао не обратил внимания на эту его вольность, сказал только: «Следуй за мной!» – и вышел за дверь. Ван Липин двинулся за ним, и через мгновение они оказались перед входом в темную каморку. Указывая рукой в темноту каморки, Чжан Хэдао сказал: «Входи, молодец. Сиди там смиренно, пока тебя не выпустят, кричать и просить выпустить нельзя». Потянув Ван Липина за рукав, он втолкнул его внутрь, запер дверь с другой стороны и ушел.

Ван Липин не предполагал, что «Учитель» может такое выкинуть. В комнате было темным-темно. «Зачем же меня сюда заперли? – думал он. – Наверное, учитель проверяет, правду ли я сказал. А я буду здесь сидеть, и он увидит, что я сказал правду, и рано или поздно меня выпустит». Все-таки он был маленький и мыслил очень просто. Но трудности оказались неожиданными. Вскоре, шагая туда-сюда по комнате, он стукнулся головой об стену, делать было нечего, кроме как тереть да тереть рукой ушибленное место. Надоело ходить – присел отдохнуть. И так много раз, чтобы убить время. Очень нервничал, и полдня показались чуть не годом.

Дверь с лязгом отворилась, луч света заставил Ван Липина зажмуриться. Только услышав голос старика, велевший ему выходить, Липин, потирая глаза, выскочил наружу. Истомился он до невозможности, но делал вид, что ничего не произошло.

Ван Цзяоин спросил его: «Ну, сынок, терпеть можно еще?»

Липин считал, что «учителя» испытывали его, а он честно выдержал испытание, и твердо сказал: «Ничего, это урок легкий, как по-вашему, у меня ничего получилось?». Он надеялся, что «учителя» поставят ему «удовлетворительно».

«Ничего, – безразлично ответил Ван Цзяоин., – Пойдем с нами кушать».

Ван Липин, терпевший всю первую половину дня, прежде всего побежал за угол пописать. Услышав, что «учитель» сказал «Удовлетворительно», он посчитал, что, хотя отметка и невысокая, но «экзамен» выдержан.

Во время еды, в отличие от обычного, старики говорили очень мало, а о том, как Ван Липин провел это утро, даже не упоминалось. На такое важное для Ван Липина дело они, как будто, совсем не обратили внимания. А Ван Липин тоже был очень хитрый. Про себя думал: «Вы притворяетесь, что не обращаете внимания, я тоже притворюсь, что мне совершенно все равно. Этим приемом меня не обмануть, посмотрим, какие у вас еще есть приемчики». Кое-как поел, потом убрал чашки и палочки и стал ждать нового «экзамена» со стороны «учителей».

Неожиданно Ван Цзяоин все так же безразличным голосом сказал: «Липин, возвращайся опять в ту каморку». И говоря это, на него даже не взглянул, а прямо пошел к чулану. Ничего не поделаешь, пришлось Липину идти за ним. Войдя в каморку, он услышал,, как захлопнулась дверь. Потом щелчок замка и стихающий шум шагов. В каморке темнота, все как утром.

Ван Липин не разгадал, какое лекарство продавали старики в бутылке из тыквы. Про себя подумал: «Разве целого утра для „экзамена“ еще не достаточно? Разве не видно, что я честно сказал? Раз учителя не выдвинули никаких других требований, у меня есть свой прием, чтобы скоротать эту бесконечную „черную ночь“». Подумал так и стал в темноте махать руками и пинать ногами. Побился так сколько-то, вспотел, силы потратил, задохнулся, снова сел. К сожалению, он никак заранее не подготовился, как все утро писать хотел, терпел, очень нелегко было дожидаться, пока «учителя» откроют дверь и выпустят наружу, так и сейчас в животе уже накопилось немало «грязи», сколько времени можно

прождать, пока выйдешь? Липин старался не думать об этом, переводить мысли на другое, но давление в животе в скором времени влекло его внимание обратно, терпеть было уже прямо невозможно. Как быть? Кричал «учителям», чтобы открыли дверь, горло надорвал, никто не ответил. Стучал в дверь руками и ногами – будто все вымерло. Только зря силы потратил. «Может человек умереть из-за переполнения мочевого пузыря или кишечника?» Но в этой крошечной камерке – где здесь пописать? Куда сделать? Сделаешь, так на весь чулан будет вонь, «учителя» придут, стыда не оберешься, засмеют. Нет, в чулане делать нельзя, но как же стерпеть, чтобы не сделать? Этот тринадцатилетний ребенок вел себя героически, но был в конце концов притиснут к стене, такое в жизни с ним случилось в первый раз. Воля у Ван Липина была достаточно крепкая. «Сдержаться, не написать, не наделать, смотрят же, как ты поступишь». И он не выдержал, оба отверстия открылись одновременно, штаны стали мокрыми, в них и наделал. Но насколько приятно было, что в одно мгновение исчезла телесная мука, настолько серьезно было возникновение муки душевной! Ван Липин, тринадцатилетний подросток, заплакал от горя. Это был первый горький урок, полученный им от борьбы с собой в перипетиях человеческой жизни. Он плакал очень горько, но этого тоже никто не слышал. Но и нельзя было, чтобы кто-нибудь об этом узнал. Ван Липин сидел теперь совершенно неподвижно. Поплакав, он успокоился, стал ждать, пока высохнут штаны, чтобы когда его выпустят, «учителя» не обнаружили бы «скандала».

Как уже говорилось, три старых даоса днем были заняты тем, что лечили людей, сердца же их все время были рядом с Ван Липином. Все, что случилось с ним в темной камерке, было им ведомо досконально. Когда Ван Липин там бесился, у них сердце болело. Когда он кричал и звал, стучал в дверь руками и ногами, эти звуки разрывали их сердца. Когда же Ван Липин написал и наделал в штаны, они почувствовали, что задыхаются. Однако в «Лао – цзы» сказано: «Побеждающий себя становится сильным». В «Книге Перемен» есть слова: «К Дэ приходят благодаря верности и чести». Хотя методы трех даосов были близки к «жестокости», для создания нового человека они были необходимы. Три даоса чувствовали бесконечную радость от того, что Ван Липин оказался таким терпеливым и честным, про себя они одобряли его.

Когда стемнело, все три старика вместе подошли к двери камерки, открыли ее и велели Липину выходить. Увидев, что на улице уже темно, Ван Липин, подумал, что «учителя», может быть, и не заметят его постыдного состояния, вышел вперед и поприветствовал их. Старики ни о чем не спрашивали, сказали только: «На сегодня урок закончен, беги скорей домой». Липин, смертельно боявшийся, что «учителя» заметят «проблему», выскользнул и со всех ног помчался к подножью горы.

Прежде всего он бросился к ручейку, снял штаны и чисто их выстирал. Снова надел и тогда уже пошел домой. Родители спросили, почему вернулся в мокрых штанах, а он ответил, что играл с ребятами и неосторожно упал в воду. Обман прошел.

После этого через каждые 3-5 дней Ван Липин должен был заниматься «раскаянием в ошибках» в темной камерке. Каждый раз время «раскаяния» увеличивалось, от полдня до целого дня, от целого дня до целых суток. В результате многократных «раскаяний в ошибках» он постепенно накопил некоторый опыт, «скандалы» с ним приключались очень редко. Прежнее «своеволие» тоже постепенно исчезало, обучение и упражнения сделали сердце спокойным, как вода, и ясным, как месяц. Он начал работать головой, обдумывать вопросы, и «учителя» сообщили ему, что это называется «рисованием в воображении». Это чрезвычайно важный урок тренировки мозга.

В «Лао-цзы» сказано: «Движение побеждает холод, покой побеждает жару, чистота и покой делают Поднебесную правильной». И еще: «Достигается предел пустоты, сохраняется покой и искренность, Тьма вещей вместе поднимается и мы благодаря этому их созерцаем». Главная тайна здесь в иероглифе «покой», покой, доходя до предела, рождает движение, и тайна его благодаря этому созерцается.

Так называемое «рисование в воображении» – это «вещь», порождаемая мозгом после

того как тело и ум достигнут предела покоя, это может быть картина, человек или событие, их надо передвигать взад-вперед, заставляя изменяться, чтобы получить некий результат. Процесс передвижения в воображении называется «рисованием в воображении».

Сидя в темной камерке, Ван Липин по указанию учителей занимался медитативным «рисованием в воображении». Сначала он думал: «Я сейчас в темной комнате, телом связан, дух же и воображение запереть невозможно, они могут выходить. Так вот, чем же сейчас занят мой отец? Он на службе, работает, склонившись над столом. На столе находятся рабочие принадлежности, там стаканчик для карандашей, логарифмическая линейка, рейшина; с левой стороны стоит еще стакан, до половины наполненный кипятком. Над водой горячий пар; рядом со стаканом фарфоровая пепельница, в ней несколько окурков. Отец в левой руке сжимает папиросу, он только что сделал затяжку, во рту как раз струйка голубого дыма, а теперь с карандашом в правой руке ставит какой-то знак на большом листе ватмана. Отец поглощен работой, работа же эта скучная, слишком безрадостная, до самого обеда ее не кончишь, а после обеда надо продолжать, надо ее делать несколько дней, это слишком неинтересно». Поменяв «программу», он думает: «Одноклассники сейчас в школе, идет второй урок, на кафедре учитель арифметики объясняет урок, рассказывает об основах бухгалтерского дела, как записывать счета, что такое двойная бухгалтерская запись, на какие рубрики надо разбивать, как в бухгалтерской книге сводить баланс дебита с кредитом, как сверять гроссбух с текущими счетами. Это тоже слишком скучно и неинтересно. Ученики сидят все по своим местам, только мое пусто. Слушают они не очень внимательно, особенно несколько моих дружков. Видя, что меня нет, они думают: „Везет этому парню, он не мучается, как мы. Скорей бы звонок, очень уж скучно“. После уроков они с грохотом выбегут из класса и будут гоняться друг за другом и драться на стадионе, власть выказывая все свое своеволие. Но вот так беситься и носиться – а зачем? Тоже нет большого интереса». Подумав так, опять остановился.

Теперь Ван Липин принялся мысленно листать книгу. Это учебник языка, начал с первого урока. Вот Великая Стена, рисунок сильный, выразительный, написано тоже очень хорошо, если стоя на вершине горы, смотреть издали на Великую Стену, она похожа на огромного дракона, голова и хвост которого не видны, он извивается по гребням горных хребтов. Стена сложена из гигантских камней и огромных кирпичей. Сооруженная на гребнях, стена имеет высоту в несколько метров. Очень мощная. Сколько в ней пота, крови и ума трудового народа, это символ китайской нации, Хорошо, очень хорошо. «Когда-нибудь и я, может быть, взберусь на Великую Стену и оттуда огляжу прекрасные горы и реки нашей родины. Испытаю гордость за то, что я китаец!»

Занятия Ван Липина по «рисованию в воображении» способствовали развитию его умственных способностей. Маленькая темная камерка уже не походила, как прежде, на тюрьму, в которой он был заключенным, в пространстве и времени она соединилась в одно гигантское целое с внешним миром, мысль в этом беспредельном, безграничном пространстве и времени свободно парила. Люди, события, вещи, им „увиденные“, были настоящими, живыми, это был мир, полный жизни. И он не чувствовал себя в нем одиноким, не чувствовал больше, что время тянется медленно, ведь ему столько надо было „сделать“.

В темной камерке ему часто случалось голодать. Во время «раскаяния в ошибках» три даоса не приходили звать Ван Липина к столу. В не определенное заранее время они вдруг забрасывали, неизвестно откуда, какую-нибудь вещь. Ван Липин по звуку старался определить, что это такое. Мог и камень быть, наверное, даосы с ним развлекались. Иногда это была кукурузная пампушка, ощупав, он хватал ее и проглатывал в два-три приема.

И холод был в камерке обычным. Здесь, в Дунбэе, погода осенью довольно холодная, а ночью особенно, даже мороз прохватывает. По этим колебаниям температуры, по ощущениям тела Ван Липин постоянно «рисовал в воображении», что сейчас, наверное, день или ночь, а позже он научился различать утро, полдень, сумерки, полночь.

Раньше в этой темной камерке кузнец переплавлял железо, а сейчас она стала местом, где три даосских старца переплавляли Ван Липина. Пословица говорит, что хорошую сталь

надо переплавлять сто раз. Так же и с человеком, если его не переплавлять снова и снова сто раз, он не станет Великим Сосудом. Как говорят даосы, если хочешь стать Истинным Человеком, важно, чтобы корень Прежнего Неба был посажен крепко, а шлифовка и выплавление в Последующем Небе еще важнее, без них не обойтись. За два месяца заключения в темной камерке Ван Липин приобрел первоначальное представление о Дао, а три старца, видя, что сердце у него честное и что он не может передумать, решили официально принять его в ученики и выбрали счастливый день, чтобы совершить торжественную церемонию.

Этот день был действительно благоприятным для совершения обряда. Небо синело, словно умытое. Круглая луна стояла высоко в северо-восточной части неба, гроливая на человеческий мир свой чистый и безразличный свет, веял легкий ветерок. По небу плыли небольшие облачка. Люди, уставшие за день, уже постепенно отходили ко сну, лишь едва-едва проступали под сиянием луны темно-синие очертания далеких гор, словно большое стадо скота неподвижно лежало на земле. Спокойно стояли в полях гаолян, кукуруза и соя. И лишь изредка слышался под ветром шелест листы, многоцветья которой уже нельзя было разглядеть. Земля погружалась в тишину. А в старой кузнице не спали еще три старика и подросток. Под чистыми лучами луны они совершали очень серьезную официальную церемонию, три старых даоса посвящали Ван Липина в сан Восемнадцатого Патриарха даосской школы Драконовых Ворот.

Церемонией руководил Патриарх Восемнадцатого поколения Чжан Хэдао. Все четверо совершили омовение. Три старика были в даосских одеяниях, в руках держали драгоценные мечи. Выстроились в ряд по старшинству. Зажгли даосские благовония, закурился синий дымок. Чжан Хэдао с двумя учениками и Ван Липином преклонили колени лицом к югу и прежде всего принесли жертву небу и земле, а потом жертву основателям даосизма. Закончив жертвоприношение, поднялись на ноги. А затем старики уселись рядом в позе лотоса и велели Ван Липину совершить великий обряд по отношению к ним самим, объяснив при этом их будущие отношения как учителей и ученика. Чжан Хэдао как Шестнадцатый Патриарх школы Драконовых Ворот будет приходиться ему Дедом-Учителем, а Ван Цзяомин и Цзя Цзяои как Патриархи Семнадцатого Поколения – Отцами-Учителями. Ван Липин считается Патриархом-Транслятором Восемнадцатого Поколения. По книге «Бай цзы пай» («Расположение ста иероглифов»), в которой значился в школе Драконовых Ворот порядок имен поколений дальних потомков, на Ван Липина падал восемнадцатый знак «Юн» – «Вечность», и Чжан Хэдао присвоил ему даосское прозвище Юн Шэн («Вечная Жизнь») и ритуальное имя «Лин Лин-цзы» («Одухотворенный ребенок»). Далее Чжан Хэдао напомнил Ван Липину о даосских заповедях и правилах, и Ван Липин поклялся Небесному Союзу навечно запечатлеть их в своем сердце. Показывать личный пример в их осуществлении. Уважать учителей и почитать Дао. Служить ему до конца своих дней. Закончив обряд, Чжан Хэдао велел Липину сесть и повел речь о савой сути даосизма. Чжан Хэдао сказал:

«Великое Дао Прежнего Неба не имело формы и образа, не имело ни начала, ни конца. Произвольно назвали его иероглифом Дао, он таит в себе тьму значений. В иероглифе Дао сначала пишутся две точки, левая представляет солнце, а правая – луну, которые обнимают друг друга, как Инь и Ян на чертеже Великого Предела. Эти две точки – образ Солнца и Луны в небе, Воды и Огня на земле. А в человеке это два его глаза, в часы занятий они горят, словно отблески вечерней зари. Ниже двух точек пишется иероглиф „и“ – „Единое“. Это единое задает всему пример. Еще ниже пишется иероглиф „цзы“ – „сам“, то есть ты сам. Значит, небо и земля, солнце и луна, Тьма вещей собираются вместе в тебе самом, Дао не отдельно от тебя самого. Все эти линии вместе составляют иероглиф „шоу“, т.е. „голова“, смысл такой, что изучение Дао – первое важнейшее дело в Поднебесной., хорошее дело. Последним пишется иероглиф „цзоу“, то есть „идти“. Чтобы вокруг тебя само собой вращалось Колесо Закона, веди себя в соответствии с Дао, и Поднебесная пойдет в соответствии с Дао. Это и есть значение иероглифа „Дао“. Сказав это, старец Чжан Хэдао помолчал. В свете луны он сидел в позе лотоса неподвижно, как статуя божества. Потом

продолжил рассказ:

«Наша китайская религия даосизм была создана Тайшан Лао Цзюнем, Лао-цзы. Квинтэссенция учения в иероглифе „Дао“, при постижении законов Дао главное – покой. Секрет иероглифа „покой“ в том, что его принцип неисчерпаем, вверху он может помогать в творении сущности вещей, внизу может обнимать собой все; небо, земля, человек в нем иссякают. Мирской человек умеет только говорить о покое, но не может по-настоящему в него погрузиться., потому что не отыскивает корня и источника покоя. Источник покоя – пустота, превращения Тьмы вещей являются временными состояниями, в конечном счете все они возвращаются в небытие, возвращаются в пустоту. Если сердце человека беспокойно, наверняка это происходит из-за того, что он не отбросил корыстных желаний и мыслей, а это большая помеха совершенствованию и закалке. Когда возникают корыстные желания, создаются препятствия для шэнь и ци Прежнего Неба, заниматься-то занимаешься, а результата нет. Когда корыстные желания уничтожены, тело и душа погружаются в покой, ци Прежнего Неба вздымается вверх и рождается шэнь Прежнего Неба. Отказ от корыстных желаний и суетных мыслей – врата вхождения в покой, для рождения и роста шэнь и ци Прежнего Неба устраняются препятствия, выравнивается дорога. Это уничтожение одного и рождение другого – великий результат покоя, ничто не сравнится с покоем для утверждения в высшем мастерстве. Когда Тьма вещей движется вовне, а мое сердце не волнуется, это происходит потому, что я не знаю, что происходит. А когда цзин, ци и шэнь Прежнего Неба в достатке и в предельном покое есть движение, внешнее волнение непременно ощущается внутри и потом естественно становится известно, что же произошло. Долголетие человека тоже от этого зависит. Ученик „Вечная Жизнь“, входя во врата Дао, тебе надо усвоить этот принцип и стараться использовать его, из этого получится великий результат.

Окончив речь. Чжан Хэдао поднялся на ноги, выпрямился, поклонился, коснувшись рукой земли, и сказал: «Прошу всех встать. Уже кончается Стража Мыши, идите отдыхать.»

Ван Липин, с энтузиазмом слушавший речь Деда-Учителя, увлекся, но увидев, что все встали, тоже поторопился подняться, поклонился каждому из трех старцев и потом пошел в дом отдыхать.

Все четверо встали рано на рассвете следующего дня, учителя позанимались с Юн Шэном некоторыми приемами борьбы, позавтракали, Человек Беспредельного Дао и Человек Дао Чистой Пустоты спустились с горы, в хижине остались только Человек Дао Чистого Покоя и Юн Шэн.

Ван Цзяоцин, Человек Дао Чистого Покоя, в молодости был инструктором в Военной Академии Вампу, он владел очень высоким внешним и внутренним мастерством, был человеком открытым, нрава горячего и к ученикам очень строгим. Сейчас он призвал к себе Ван Липина и сказал ему: «Юн Шэн, сегодня начнем новый урок. Первую заставу „расскаяния в ошибках“ ты уже прошел. Чтобы пройти вторую заставу, надо в темной комнате учиться сидеть со скрещенными ногами. В системе совершенствования школы Драконовых Ворот строго соблюдают правило прочности основы, чтобы обеспечить надежную базу для последующего постижения тонкостей. Мастерство сидения со скрещенными ногами надо тренировать в начале учебы. Надо тренировать его и всю жизнь, до какой бы ступени ты ни дошел. Без этого не обойтись. Научишься делать хорошо – польза будет огромная. Сидение со скрещенными ногами подразделяется на три вида: естественное скрещивание, называемое также свободным скрещиванием; полулотос, когда стопа одной ноги помещается на бедро другой; и лотос, когда обе стопы помещаются на бедрах. Свободное скрещивание считается землей. Полулотос – человеком, а лотос – небом. К этому добавляются различные положения рук. Вариаций поз сидения со скрещенными ногами тысячи. Сегодня будем говорить только о естественном скрещивании. При сидении верхняя часть тела прямая, глаза смотрят прямо перед собой, совершенствуясь в приеме света лучей шэнь, кончик языка на верхнем небе, губы сомкнуты, верхние и нижние зубы легонько сжаты, обе руки лежат на коленях перед собой ладонями вниз. Сосредоточивается дух, успокаивается воображение, отбрасываются все посторонние мысли. В темной комнате

помех очень мало. Это благоприятно для занятий, так что ступай.» Человек Дао Чистого Покоя произнес это в своей манере, отчетливо и живо. Закончив говорить, посмотрел Липину прямо в глаза, и тот понял, что это приказ Учителя, которому остается только подчиняться.

Сначала Липин сходил за охапкой сена, постелил его в темной каморке на пол, сам закрыл дверь и принялся на сене тренировать сидение со скрещенными ногами.

К счастью, Учитель не выдвинул никаких других требований, предоставив ему действовать по собственному усмотрению, да и тело было молодое, кости и мышцы еще развивались. Так что все три способа скрещивания ногу него получались, только вот время, которое мог просидеть в такой позе, было недолгим. Липин уже два месяца «совершенствовался, уйдя от мира» в темной каморке. Чтобы он погрузился в покой – такого еще нельзя было сказать, но к обстановке приспособился и чувствовал себя вольготно, он привык. В сидении со скрещенными ногами за целый день было немало перерывов, но он в общем овладел им, получил в этом собственный опыт разного рода. Пройдет несколько дней и в сидении со скрещенными ногами он уже далеко продвинется. Однажды Человек Дао Чистого Покоя призвал Ван Липина и спросил, каковы его успехи в занятиях. Липин очень подробно расписал, что делал и что чувствовал, а под конец сказал: «Да вот только посторонние мысли не могу из головы прогнать, покой не наступает, Прошу у Учителя указаний, как быть.»

Человек Дао Чистого Покоя, который как раз это и имел в виду, сказал: «Так. Чтобы изгнать суетные мысли, прежде всего надо дать им оценку. Как только какая мысль придет, сразу ее оцени – положительно, отрицательно или что надо тут же с ней покончить. Установление оценки не позволяет мыслям растекаться и множиться, и эти суетные мысли сами собой исчезают, а ты в результате погружаешься в покой.»

Ван Липин возвратился в темную каморку, сел, скрестив ноги, отрегулировал позу и дыхание, успокоился. Как только возникала какая-нибудь мысль, он прогонял ее, как научил его учитель. Так повторялось много раз, и всегда эффект был явный. Кроме того, этот тринадцатилетний мальчик был еще и не слишком-то погружен в суетный мир, желаний у него было немного, а сердце гораздо проще и чище, чем у обычного взрослого, когда мысли приходили, отгонять их было легко. Липин про себя гордился и радовался. Прошло еще несколько дней тренировки. С каждым днем посторонних мыслей становилось все меньше и меньше, постепенно они ослабевали. А мастерство погружения в покой мало-помалу росло.

За семь недель сидения со скрещенными ногами в темной каморке Ван Липин накопил уже некоторый опыт в сидячей медитации, также приобрел некоторые способности. К этому времени работа по «раскаянию в ошибках» была уже большей частью освоена, своевольные выходки в основном прекратились, Ван Липин стал воздерживаться от многословия. У него был вид маленького даоса, за несколько месяцев его как будто подменили. Чтобы не помешать школьным урокам, он по-прежнему ходил в школу, а после уроков отправлялся на занятия к Учителям. И в школьной учебе и в обучении Дао появился большой прогресс. Родители начали замечать в Липине перемены. Стали выяснять, в чем дело, узнали, что три старика люди очень хорошие, что они лечат Липина и учат его, хотят поставить на правильный путь, поэтому успокоились и даже обрадовались.

Итак, через семь недель сидения со скрещенными ногами в темной каморке все три старика-Учителя призвали к себе Ван Липина, а речь, как и раньше, повел Человек Дао Чистого Покоя: «Юн Шэн, с нынешнего дня урок будет новый будешь сидеть в этой комнате в позе лотоса, каждый раз по две стражи, кончишь занятия, можешь идти домой.»

Ван Липин подумал: «Что в этом трудного? Сорок девять дней просидел. Так неужто две стражи не выдержу? Учителя опять меня испытывают, так я вам покажу.» Влез на кан, сел в позу лотоса, закрыл глаза и начал сидячую медитацию. У Липина действительно уже была некоторая база, сидение со скрещенными ногами нужно было начинать именно так. Две стражи – это нынешние четыре часа, это половина рабочего дня. Обычно за полдня работы, если речь идет о сидячей работе, например, в канцелярии, где-то в середине этого

времени надо подвигаться, как минимум, надо изменить позу, иначе кто же выдержит сидение в одной позе? Тем более можно себе представить, как трудно для тринадцатилетнего ребенка просидеть четыре часа в позе лотоса.

Прошел час, Ван Липин сидел, словно каменный истукан, ни одна черточка у него не двигалась, Еще один час прошел, Липин держался по-прежнему. А дальше пришлось призывать на помощь все свои силы. «Время еще не наступило? Выпрямись, Учителя же смотрят. Надо выдержать во что бы то ни стало». Время опять ползло медленно, секунда за секундой. Что он чувствовал? Опять то же, что и в начале занятий сидением со скрещенными ногами. Ступни начали неметь, голени распухли и болели, пока на седалищные кости можно опираться, держать поясницу прямо – не проблема. А теперь стало плохо, седалищные кости тоже разболелись, поясницу заломило, тело покрылось потом. «Выпрямись, выпрямись, во что бы то ни стало надо выдержать до конца. Нет, не выдержать, пот льет все сильнее и сильнее, в голове затуманилось. Дело плохо». В конце концов Ван Липин не выдержал и опрокинулся на кан. «Сесть как следует», – Ван Цзяомин отдал приказ, словно командир, обучающий солдат.

Ван Липин пришел в себя, сел, но ноги онемели, скрестить их было невозможно.

«Восстановить позу лотоса», – снова отдал команду Ван Цзяомин.

Ноги не слушались Ван Липина, он как одеревенел. Два Учителя вышли вперед и связали Липину ноги и руки веревками, укрепили в позе лотоса, чтобы он продолжал сидеть. Хотя Ван Липин был мал, воля у него была крепкая. В глазах стояли слезы, но он не позволял им пролиться, сжав зубы, выпрямился и продолжил сидение.

«Я виноват перед ними!» Когда мы нанесли визит господину Ван Липину, то дойдя в рассказе до этого места, он печально задумался, и в глазах его блеснули слезы. В этих горестных думах было безграничное чувство к трем старикам, без учителей, похожих на строгих отцов, не было бы сегодняшнего «Лин Лин-цзы». В этих слезах выразилась его вина за «ненависть» к старикам, которые в обычное время относились к нему с отеческой лаской, а в ключевые моменты обучения применяли к нежному, как молодой побег, подростку, еще не знавшему бурь и гроз, методы, близкие к пыткам.

Искренне взволнованный, господин Ван Липин погрузился в воспоминания. «Много, очень много было таких вещей за полтора десятка лет занятий по изучению Дао. Но три старика всегда были на высоте! Сейчас я каждый год бываю в горах Лаошань. Учитель Ван Цзяомин уже отправился к бессмертным, а Дед-Учитель и Учитель Цзя Цзяои живы-здоровы. Нечего и говорить, встречаемся мы тепло, совсем как прежде, обнимают и целуют меня бесконечно, как маленького. У нынешних учителей и учеников бывают, разве между собой такие чувства? Возвращаясь с гор, я каждый раз заблеваю. Приходится регулировать свое здоровье, мне становится слишком грустно». И авторы книги, слушая рассказ Ван Липина, и позже, когда писали это, были глубоко взволнованы.

Но вернемся к рассказу. Через полгода суровых тренировок Ван Липин завершил в конце концов этап «раскаяния в ошибках». Он мог уже проводить в сидячей медитации день и ночь, тело его окрепло, а сердце успокоилось. Ни внутри, ни вовне ничто ему не мешало.

Глава третья

Накапливание цзин, собирание шэнь

Весь процесс своего совершенствования в выплавлении, длившийся более десятка лет, господин Ван Липин для нашего репортажа разделил на девять этапов, составил подробные тезисы и поэтапно все осветил. Сейчас он приступает ко второму этапу, а именно «контролю над сердцем и пестованию сердечной природы», внимание в нем по-прежнему сосредоточено на закалке природы сердца, но, по сравнению с этапом «раскаяния в ошибках», это более высокий уровень, трудность его больше, требования строже, внешние условия в период совершенствования более жесткие. Задача совершенствующегося состоит в том, чтобы накопить энергию цзин и собрать энергию шэнь, сосредоточить внимание на

обеспечении сохранности шэнь, чтобы на самом себе понять тонкие изменения, происходящие внутри тела, и породить необычные способности из обычного.

На этот раз Учителя перевели Ван Липина для самосовершенствования в земляной погреб. Погреб был очень тесным, темным и сырым, он не проветривался и, с точки зрения расхожих представлений, для занятий не годился. Но в том, что три старца выбрали специально такое особое место для тренировки Липина, был свой глубокий смысл. Этот смысл, думаем, состоял вовсе не в том, что они просто хотели «в суровых условиях воспитать необыкновенного человека», то есть использовать отрицательные факторы среды для положительной цели. Мотивы были, как нам кажется, более конструктивные. Возможно, резон состоял в том, что погреб глубоко уходит в землю, что он темный и сырой. По соответствию Пяти Элементам, то, что ниже поверхности земли, относится к Земле, там сильно ци Земли. Темное же – это предел Инь, когда Инь доходит до предела, то рождается Ян. Сырое в Пяти Элементах соответствует Воде, источнику жизни. В расположении Восьми Триграмм, как в Порядке Прежнего Неба, так и в Порядке Последующего Неба, и земля Кунь и Вода Кань находятся внизу. В «И чжуань», комментарии «Книги Перемен» говорится: «Достижение начала Кунь способствует рождению Тьмы вещей, и тогда направление движения соответствует Небу. Когда Кунь в избытке, возвращаются вещи, Дэ соединяется с безграничным, держащий во рту драгоценность излучает великое сияние, оценка вещей полностью благоприятна». В «Лао-цзы» в «Дао следует естественности» почитание и сохранение середины в покое и пустоте относится к добродетелям Кунь. В изображении триграммы Кань черты Инь находятся снаружи, черта Ян – в середине. «Ян погружен в Инь, снаружи пусто, а внутри полно». В «И чжуань» сказано: «Чтобы в рискованных действиях не потерять доверия к себе, благоприятно связывать сердце, тогда твердостью достигается верность». Не потому ли три старца использовали для закалки Липина погреб?

Ван Липин, конечно, не понимал, с какими целями Учителя заставили его заниматься в погребе. Он спрыгнул туда и, как они велели, в каждом из его четырех углов зажег по три курительные свечи. Крошечный погреб очень скоро наполнился дымом, Липин же принялся заниматься в позе лотоса. Сначала он занимался спокойно. Но дым становился все гуще и гуще, да плюс еще этот сырой холодный воздух, дым опускался вниз и атмосфера сделалась такой спертой, что трудно было дышать. Ван Липин снова не смог удержаться от «своенравной выходки», он громко закричал: «Задыхаюсь!», чтобы Учителя выпустили его. Подошедший Ван Цзяоцин одернул его, велел, чтобы строго исполнял задание, а не орал. Без прохождения этой заставы прежние результаты в конечном счете разрушатся, а с точки зрения дисциплины, за непослушание полагается строгое наказание. Пришлось Ван Липину подчиниться и делать так, как сказал Учитель.

Сидение в позе лотоса в тесном, сыром и душном погребе действительно было трудно выдержать. «Раз Учителя уже заперли дверь, – подумал Ван Липин, – они больше не придут. Почему бы мне не изменить позу, не расслабить немного мышцы, не устроиться поудобнее?» И он прислонился к стенке погреба, поднял вверх руки и вытянул ноги. Но как только так устроился, перед глазами вдруг что-то блеснуло, внутренность погреба мгновенно преобразилась. Он превратился в зал, наполненный светом, перед ним чинно сидели Дед-Учитель и Отцы-Учителя, манерой и убранством напоминающие небожителей. Дед-Учитель с покрасневшим лицом легонько коснулся пола перед собой метелкой из перьев, которую держал в руке, и строго сказал: «Лихо! Обыкновенный мальчишка, а надо же, смеет ломать перед нами комедию и надеется, что это пройдет. Если ты стал учеником, клятва должна быть прежде всего, ты должен сам выполнять ее, присутствует ли Учитель или нет. Способ обретения Дао заключается в том, что Учитель передает тебе поучение словом. А ты сам должен прилагать усилия к совершенствованию в выплавлении. Если же поступать как ты, если сердце твое будет полно грехов, а ты не вычистишь их заранее, не будешь контролировать сердце и пестовать природу, Дао тебе не обрести». Закончив речь, он закрыл глаза. Двое младших Учителей – один поднял вверх палку и не опускал ее; другой, тряхнув, развернул веревку и так остановился. Оба вместе сказали: «Хочешь обмануть Небо

и ослепить Дао, беспутный ученик!» Ван Липин мгновенно бросился на колени и, глотая слезы, закричал: «Ученик ошибся! Больше не будет!» Когда поднял голову и оглянулся, ничего уже не было, в погребке, как прежде было темно, тесно, сыро и душно. Но в ладонях ощущалась боль, а ноги оказались крепко связанными. Тогда только он понял, что Учителя прибегли к магическому приему, чтобы наказать его. Ван Липину стало невыразимо совестно, он начал понимать, как высоко мастерство Учителей, и как его собственное сердце еще нечисто. И как он далек еще от Дао. Никогда больше он не посмеет своевольничать и умничать, только всем сердцем будет стремиться к Дао и сейчас приложит все свое мастерство достижению «контроля над сердцем и пестования природы» и «сохранения середины в покое и пустоте». Когда Ван Липин добился того, что мог просидеть в погребке в позе лотоса и с зажженными свечами две стражи, Учителя начали изучать с ним «Внутреннее мастерство укрепления умственных способностей классической энциклопедии Драгоценностей Духа» («Гу дянь Лин Бао тун чжи нэн нэй гун шу»), книгу школы Драконовых Ворот. Ван Липин слушал лекции и одновременно занимался практикой и в результате мало-помалу постигал истинное Дао.

«Внутреннее мастерство укрепления умственных способностей классической энциклопедии Драгоценностей Духа» – собрание методов внутренней техники древнего даосизма. Главное здесь в том, чтобы «Сначала помочь государю воскреснуть из мертвых, потом обеспечить счастье и долголетие». Особенностью его является взаимосочетание движения и покоя, внешняя и внутренняя природа совершенствуются одновременно, методы составляют строгую и целостную систему совершенствования способностей человека. Методы долгое время хранятся данной школой как драгоценность и передаются исключительно внутри школы от учителя к ученику, предаются изустно и записываются в сердце, чтобы не было утечки секретов вовне. Теперь Ван Липин начал учиться этому у Деда и Отцов-Учителей, поистине, такое счастье выпадает одному из сотен миллионов людей.

Внутреннее мастерство укрепления умственных способностей энциклопедии Драгоценностей Духа подразделяется на «Три мастерства» и «Девять приемов». «Три мастерства»: «Мастерство Трех Бессмертных» – мастерство сидячей медитации в покое; «Мастерство равновесия» – мастерство внешнего движения; «Мастерство сна» – промежуточное мастерство. «Девять приемов»: «приемы укрепления умственных способностей», «приемы диагностики болезней», «приемы лечения болезней», «приемы передачи одухотворенности», «приемы утверждения сердца», «приемы утверждения государя в воскресении из мертвых», «приемы превращения в бессмертного», «приемы прерывания терзаний души», «приемы поддерживания образов». Из этих «девяти приемов» первые четыре суть приемы «помощи человеку в обретении счастья», а последние пять – приемы «ниспосылания достоинств». Четвертый прием «передачи одухотворенности» тоже имеет функцию приемов «ниспосылания достоинств».

Однажды Дед-Учитель и Отцы-Учителя призвали Липина и, постепенно переходя от простого к сложному, начали рассказывать ему о первых приемах, «приемах укрепления умственных способностей». Человек Беспредельного Дао Чжан Хэдао сказал: «Приемы укрепления умственных способностей – это приемы тренировки в покое, приемы совершенствования в выплывании преимущественно с помощью сидячей медитации в позе лотоса. Ты, Юн Шэн, уже научился основам сидячей медитации и сейчас можешь совершенствоваться в этих приемах.. „Приемы укрепления умственных способностей“ подразделяются на девять шагов: первый шаг – возвращение к младенчеству в воспоминаниях о прошлом; второй шаг – ясное различие истинного и ложного; третий – очищение духа шэнь и воли; четвертый шаг – знание своих перспектив; пятый шаг – голодание ради жизни; шестой – переодевание в новую одежду; седьмой шаг – наблюдение и раскрытие небесного механизма; восьмой шаг – обращение в космическом мире; девятый – восхождение на Луну, чтобы высматривать дорогу. Сегодня ты начнешь заниматься с первого шага – возвращением к младенчеству в воспоминаниях о прошлом.»

Ван Липин про себя ахнул: « Такое богатство! Недаром Учителя так долго учили меня

сидению в покое, ведь за этим еще .стоят вещи, которым надо серьезно учиться.»

Рассказ продолжил Человек Дао Чистой Пустоты Цзя Цзяои: «После того как в позе лотоса погрузишься в покой, посторонние мысли устраняются, покой доходит до предела и рождается движение. В это время в голове начинают появляться различные видения. А закрыв глаза, можно увидеть чрезвычайно отчетливые картины: птиц, летающих в воздухе, бегающих и прыгающих животных, растущие в полях и лесах цветы, травы, деревья, людей, которые занимаются разными делами. Возникающие картины – не иллюзии. Это мозг начинает воспроизводить действительные картины, виденные в прошлом, это и есть воспоминания. Обычно люди, вспоминая прошлое, не видят таких четких изображений, но когда овладеешь мастерством погружения в покой, голова может „видеть“ ясно. Мало-помалу ты сможешь увидеть и некоторые очень давние события, которые ты никак не мог фиксировать с помощью памяти, но теперь ты сможешь увидеть их отчетливо. Эти события можно постепенно двигать все дальше в прошлое, вплоть до детских лет, это происходит потому, что в твоём мышлении возник обратный ход. Это и называется „возвращением к младенчеству в воспоминаниях о прошлом“; когда мышление идет назад, говорят, что „вспоминают“. А на самом деле „смотрят назад“, видят отчетливые изображения. Когда такое возникнет, не надо бояться, пусть оно изменяется как угодно, но непременно надо смотреть внимательно, нельзя ни в чем допускать небрежности. Ну, ладно, теперь ступай на сидячую медитацию в погреб, успокой сердце. Понаблюдай, какие картины смогут возникнуть».

Ван Липин снова возвратился в погреб, сам запер дверь, зажег свечи. Заструился чистый дымок, стал подниматься вверх. А Ван Липин уселся на охапке сена и погрузился в покой. В этом погребе «фэншуй» и вправду был ничего, в результате самосовершенствования в эти дни Липин уже удостоверился в полезности занятий в этом месте. Дым от свечек уже его не душил, наоборот, вносил духовную изысканность. Посидев немного в спокойной медитации, Липин перестал ощущать свое тело, в голове было совершенно пусто. А затем появились картины. Но на этот раз картины в голове отличались от тех, которые появлялись во время «рисования в воображении» в темной камерке. Тогда он «воображал», а в этот раз они возникли сами. Картины были отчетливы и одна за другой проходили перед глазами. Как и наставлял Учитель, Ван Липин не испугался и стал картины внимательно рассматривать, наблюдал, как они проступают, как изменяются. И каждую запоминал. До сих пор Липин не знал, что с пространством и временем могут происходить такие метаморфозы, что пространство неустойчиво, а время может идти обратно. Настоящий Ван Липин в сидячей медитации действительно проходил «возвращение к младенчеству в воспоминаниях о прошлом». Сколько прошло реального времени, он не знал. Лишь когда картины в мозгу поблекли и скрылись, закончил упражнение и вышел из погреба. Снаружи была темная ночь, откуда он и заключил, что медитация опять продолжалась две стражи, но в «возвращении к младенчеству в воспоминаниях прошлого» прошло много лет, в течение которых он ясно «видел» много мест.

Когда Ван Липин доложил трем старцам, что он видел на этот раз в спокойном сидении в самосозерцании, старики уверились, что ребенок действительно очень понятливый, что сердце у него честное, а вступление на Путь происходит быстро. Все они очень обрадовались и строго приказали ему «продолжать совершенствоваться, чтобы закрепить результаты».

С тех пор Ван Липин стал в изучении Дао еще более прилежным. Однажды он, как обычно, залез в погреб для сидячей медитации. Погрузившись в покой, обратил взгляд внутрь и вскоре неизвестно каким образом увидел всего себя снаружи и изнутри, причем то и другое ясно различал. Ван Липин был мал, а сердце его чисто, он не испугался, а только удивился и продолжал внимательно смотреть. Закончив упражнение, Липин опять доложил старикам об увиденном на этот раз. Старики переглянулись и, подавив улыбку, ничего не сказали. Липин понял, что им наверняка есть что сказать, и попросил Учителей дать ему указания.

Человек Дао Чистой Пустоты смеясь сказал: «Ученик Юн Шэн, у тебя опять прогресс в

сидячей медитации. Ты сейчас уже вступил во второй шаг „приемов укрепления умственных способностей“, он называется „различением истинного и ложного“. После вхождения в покой внутренним взглядом рассматриваешь свое тело, и хотя глаза закрыты, да еще и темно, все, что внутри твоего тела, можно увидеть очень отчетливо. В это время тебе ни в коем случае не надо удивляться, не надо бояться и двигаться, надо только серьезно и тщательно наблюдать. Посмотри, сколько же в твоем теле костей? Какой они формы? Как соединяются между собой? Как выглядят внутренние органы? Какого они цвета? Нет ли пятен? Если все это рассмотришь и поймешь и хорошо запомнишь, то позже пригодится. Это мастерство является основой для того, чтобы лечить людей. По внешнему виду, у человека нет никаких болезней, но только когда посмотришь внутрь, действительно узнаешь, есть болезнь или нет, если есть, то в каком месте. Поэтому этот шаг приемов мастерства и называется „различением истинного и ложного“. Раз ты уже вошел в эти пределы, сейчас продолжай хорошенько заниматься, рассмотри все строение тела, крепко запомни каждый мелкий суставчик».

Человек Беспредельного Дао, помолчав немного, продолжил: «После завершения этих двух шагов, когда у тебя уже будет прочная основа для внутреннего мастерства, нужно будет еще разобраться, как в древней школе пестования жизни выплавляется внутреннее мастерство. При выплавлении внутреннего мастерства параллельно совершенствуется природа сердца и жизни. В работе с природой сердца совершенствуют дух шэнь, душу хунь(, волю, душу лин, покой, стабильность в работе с природой жизни совершенствуют ци, кровь, семя цзин, мышцы, кости, кожу. Приемы совершенствования состоят в соединении покоя и движения, в последовательности и постепенности, в соответствии естественности, в подвижности и изменяемости. Пестование жизни в школе Драконовых Ворот ведет свое начало от древних долгожителей Пэн-цзу и Лао-цзы, регламентируется оно с помощью Инь-Ян, настраивается с помощью гадания. Инь-Ян – постоянное Дао неба и земли, гадание – великий порядок сохранения жизни. Внутреннее мастерство Драгоценностей Духа включает взаимоотношения Неба, земли и человека. Корень утверждения и совершенствования природы сердца и жизни в том, чтобы во внешних Инь-Ян, внешних Пяти Элементах и Восьми Триграммах найти пару для внутренних Инь-Ян, внутренних Пяти Элементов и Восьми Триграмм и усовершенствовать их. Небо, Земля и человек – единый космос, и человек – единый космос, микрокосм. Изменения в макрокосме не могут не влиять на микрокосм, все изменения в микрокосме не могут не получать отклика в макрокосме. При совершенствовании в выплавлении в соответствии с тем, как луна вращается вокруг земли, получается Малая Орбита, прорыв Трех Застав, разрушение Небесных Врат, открывание Небесного Глаза, понижение трех Полей. Когда открывается Пещера Небесного Глаза, то можно видеть внутреннее. Пещера Небесного Глаза – это три точки на одной линии, которая идет извне вовнутрь, вместе они составляют Верхнее Киноварное Поле, или Верхний Даньтянь. „Пещера“ – биологически активная точка – расположена меж бровей, „Глаз“ – внутри, его называют „Глиняным Шариком“, „Небо“ располагается за ним, называется также „Небесным Зеркалом“. Пещера регулярно открывается сама, Глаз же надо совершенствовать и выплавлять, а Небо существует еще до рождения. При открытой Пещере вещи не видны, а при закрытом Глазе видны, они отражаются в зеркале Неба. У тебя сегодня открылась Пещера Небесного Глаза, то есть можно наблюдать то, что внутри. Это значит, что у тебя есть успех в совершенствовании в выплавлении в соответствии с обращением солнца и луны. Вслед за этим внутреннее ци подается наружу, что может привлекать к тебе некоторых мелких животных. Это переход к третьему шагу „приемов укрепления умственных способностей“ – „очищению духа шэнь и воли“.

Человек Беспредельного Дао разошелся в развитии темы, и Ван Липин слушал трепетно, боясь упустить хоть одну фразу, хоть одно слово. Слушать-то он слушал, но многие вещи не мог понять и запомнить, все это он начал понимать и запоминать, только когда Человек Дао Чистой Пустоты еще раз подробно ему рассказал. Человек Дао Чистой Пустоты сказал: «Сейчас прежде всего поговорим об „очищении духа шэнь и воли“, чтобы

заранее тебя предупредить. Не надо пугаться, что бы ни произошло, надо сохранять чистоту и ясность духа и воли. На двух предыдущих шагах все картины появлялись в голове, это было внутреннее наблюдение, а на третьем шаге внутреннее ци выносится наружу. И те маленькие зверушки, которые обладают одухотворенным ци, следуя ци, соберутся вокруг тебя. В это время тебе ни в коем случае не надо тревожиться и бояться, не обращай на них внимания. Пусть ведут себя естественно. Хотя зверушки и приблизятся, они тебе не причинят вреда, и когда ты свернешь посыл в конце работы, сами уйдут. Эти зверушки, по большей части, будут мышами, хорьками, будут и некоторые пернатые, птицы. Но они умные. Да плюс к тому обладают одухотворенным ци, некоторые из них способны поклоняться луне, воспринимать блеск луны и сияние солнца, следуя природе, заниматься кое-какими маленькими упражнениями. Если ты будешь к ним безразличен, не станешь их затрагивать, ничего плохого они тебе не сделают».

Слушая Учителя, Ван Липин невольно подумал: «Как удивителен и таинственен этот мир! Кто бы мог подумать, что у этих маленьких симпатичных зверушек есть еще одухотворенное ци, они тоже „проводят изыскания“ тайн природы, хотят обрести бессмертие. Как интересно!» С этих пор он стал прежде всего заниматься «различением истинного и ложного», хорошо рассмотрел и понял строение тела, а также тренировал внешние посылы ци и действительно увидел, что собирается много мелких зверушек, они сиделись неподалеку от него, словно слушали какую-то интересную историю или красивую песню. Ван Липин, как и велел ему Учитель, не обращал на них внимания. Когда он свертывал посыл, зверушки тоже «отводили войско в лагерь», друг другу они не мешали. Каждый раз когда Ван Липин видел такое, ему становилось очень смешно, но сердцем он уже постигал глубокую тайну природы.

Когда три шага мастерства были завершены. Учителя преподали ему четвертый шаг – «знание своих перспектив».

Что же означало «знание своих перспектив»? А то, что на основе установления контроля над сердцем и пестования природы сердца при полном отсутствии посторонних мыслей, обладая уже мастерством внутреннего наблюдения и мастерством испускания ци наружу, нужно было теперь на более высоком уровне сознательно тренировать мышление. Мышление в это время уже не было «рисованием в воображении» в темной камерке, не было и теми картинами, которые «виделись» при внутреннем наблюдении на первом и втором шагах «метода укрепления умственных способностей». Оно состояло в том, что устанавливалась тема, из нее нужно было вывести следствия, предложить способы решения.

«Знание своих перспектив» не является случайным и беспорядочным мышлением. Прежде всего, надо «установить тему» Когда еще не обучен вхождению в покой, все мысли в голове посторонние, то есть заставить мысль сосредоточиться на обдумывании одного вопроса очень трудно. Обучение вхождению в покой избавляет от посторонних мыслей, и умственные силы возрастают против прежнего в десять, в сто, в тысячу раз. И здесь при выдвижении «темы» обращаются не к прошлому, а к будущему. В реальной жизни бывают важные вопросы, которые обычными способами решить трудно, а решать надо. Их-то теперь и выдвигают, а потом ищут способ решения. Это мастерство тренировки умственных способностей, или мышления, и называется «знанием своих перспектив». Перспектива – это вопрос, который надо решить в данный момент. Это, конечно, пока только начальный шаг. Чтобы судить о перспективах на более длительное время и по более крупным проблемам, нужно обучаться и тренироваться дальше. Но это первоначальное «знание своих перспектив» является базой, которая крайне важна для будущего. «Метод укрепления умственных способностей» используется для лечения болезней и спасения людей, поэтому «знание своих перспектив» так же главным образом применяется при лечении больных. Днем смотришь больного, болезнь неясна или хочешь придумать, как ее лечить. Ночью во время Мыши начинаешь заниматься, выдвигаешь этот вопрос, подробно рассматриваешь состояние больного и ищешь способ решения. Ван Липин шаг за шагом совершенствовался по указаниям Учителей, и его умственные способности намного возросли. Нечего и говорить,

что он намного превосшел своих сверстников, взрослые и то не могли с ним сравниться. Ему было нипочем обдумать и решить любой жизненный вопрос, не говоря уж о школьных отметках. Но Липин этот был чрезвычайно умным, в обычное время при общении с людьми всегда смеялся, вел себя непринужденно, а истинного своего мастерства не обнаруживал, и люди тоже относились к нему как к обычному человеку. Притворялся «простачком» он также очень «серьезно».

Как уже было сказано, три старца поистине вкладывали в воспитание всю свою душу. Чтобы воспитать человека, требуется много лет. Изучение внутреннего мастерства мало-помалу продвигалось вперед, а к изучению внешнего мастерства даже еще и не приступали. Когда говорят о квинтэссенции внутреннего и внешнего мастерства, всегда имеют в виду «зарождающееся» и «сокровенное». «Зарождающееся» – это едва заметное, мельчайшее, это предзнаменование события и его ключевой момент. «Сокровенное» – это тончайшее, это глубинное, это самая суть. В «И чжуань» говорится: «Опираясь на Перемены, совершенномудрый находит искомое, потому что очень внимательно изучает зарождающееся отклонение». И еще: «Благородный муж действует, заметив зарождающееся, а не ждет, пока пройдет время». И далее: «Благородный муж знает зарождающееся и явное, мягкое и твердое». В «Лао-цзы» говорится: «В древности умелые мужи доходили до сокровенного и тайного, скрытого и всепроницающего». В «Гуань-цзы» говорится: «Чтобы сердце было на месте, думай о том, чтобы понимать не только в грубом. Чтобы уйти от грубого, разбирайся в сокровенном и тайном, потому что в совершенствовании главное дойти до сути». Чтобы овладеть зарождающимся и сокровенным, совершенствуют природу сердца и жизнь. Вершка не достанет – потеряешь тысячу верст. Не разберешься в зарождающемся и сокровенном – не достигнешь высшего мастерства. Из таких соображений, после того как завершилась работа Ван Липина в погребке, начали с ним еще более специфические занятия.

Сначала его заперли в большом деревянном ящике. Ящик был сделан специально для занятий, высота его равнялась росту Ван Липина, а по ширине и длине он был просторным, но сверху утыкан гвоздями, торчавшими внутрь на вершок, так что если Липин в нем вставал, то не мог двигаться, а если двигался, то в него впивались гвозди. Кроме того, были устроены и другие сложности. Когда Липин залез в ящик и ящик заперли, он тщательно все вокруг осмотрел и благодаря мастерству сидячей медитации, обретенному в многомесячном внутреннем самосовершенствовании, нашел там нужное положение стоя. Липин подумал: «Ну, что тут сложного? Гораздо легче, чем сидеть в позе лотоса». Неожиданно для него в это самое время Человек Дао Чистого Покоя потянул за веревку и подвесил ящик на большое дерево. От порывов ветра дерево качалось, и ящик начал качаться вместе с ним. Липин не думал, что Учителя еще и такое ему устроят. А все для того, чтобы не позволить ему отвлекаться; ему пришлось сосредоточиться на поддержании равновесия в ящике, чтобы не пораниться гвоздями. Сидя внутри ящика, он тщательно продумывал и испытывал на себе тончайшие связи между движением ветра, движением дерева, ящика и человека. Постепенно некоторые закономерности нашел, физических сил для этого не надо было затрачивать, но зато требовалось сосредоточить тонкую энергию ума цзин и собрать энергию духа шэнь, напрячь все духовные силы. За два с лишним месяца такой тренировки он научился чувствовать малейшее дуновение ветерка и шевеление травы. Ночью в горах он мог ощутить любое движение, даже если снаружи в нескольких шагах бесшумно пробежала мышь.

Видя, что Липин уже «прошел эту заставу», старики сделали ящик поменьше, так что в нем теперь можно было только поместиться, а двигаться место уже не позволяло. Тут уж уберечься от гвоздей можно было только в том случае, если тело будет внутри как приклеенное. Но поскольку за несколько предыдущих месяцев уже была заложена основа мастерства сидячей и стоячей медитации в покое, а теперь надо было только совершенствоваться в этом мастерстве, то через некоторое время он его полностью освоил.

Учителя все еще продолжали строить «темные замыслы», чтобы испытать мастерство Ван Липина в сосредоточении ума и собирании духа, раскрыть способности его души и ума

схватывать суть. Один раз он незаметно приблизился к жилищу Учителей и из-за двери стал украдкой подсматривать, что там они делают. Неожиданно дверь с шумом отворилась, его отбросило на несколько шагов в сторону. Пощупал голову – вскочила громадная шишка. А Человек Дао Чистой Пустоты в комнате со смехом сказал: «Дурачок, что ж ты уселся за дверью?» Только тогда Липин сообразил, что «даосские стариканы» с самого начала его вычислили, и с тех пор вел себя осмотрительно, не смел допускать небрежности.

В другой раз он пошел по нужде в отхожее место. Над ямой там были положены доски, чтобы садиться на корточки. Только собрался Липин присесть и сделать свое дело, как вдруг – «Та-ра-рах!» – и он уже в яме и весь перемазан в испражнениях. Только хотел выругаться, как из комнаты отчетливо донесся смех стариков. Сдерживая досаду, Липин подумал: «Опять эти стариканы меня подловили! Ну, я тоже вам устрою, посмотрим, как будете смеяться!»

Действительно, все это подстроил Человек Дао Чистой Пустоты с целью проучить Липина, чтобы он и в повседневной жизни всегда сохранял высокую бдительность, не допускал оплошностей и невнимательности даже в самых ничтожных делах. В результате такого урока бдительность у Ван Липина, конечно, возросла еще больше.

Однажды Ван Липин случайно увидел в стене жавую кнопку. В голове сразу родился план, он вытащил кнопку и потихоньку подложил ее в то место, где спал Человек Дао Чистой Пустоты. А потом, делая вид, что ничего не произошло, и занимаясь другими делами, стал спокойно ждать, когда «старикану» придется несладко за «старые подвохи». И неожиданно, когда вечером он залез на кан заниматься, эта кнопка впилась в него. Тут уж, хотя несладко пришлось ему самому, жаловаться было неудобно. Человек Дао Чистой Пустоты сразу заметил, что Липину больно, а признаться он не может, но не стал его разоблачать, а только сказал: «Паренек! Ну, и молод же ты еще!» Липин понял и горько усмехнулся: «Какой Учитель жестокий!» Но маленькие «фокусы» Учителей и ученика вносили немало интересного в жизнь, посвященную совершенствованию в Дао.

Следующей «заставой» стали занятия под большой глиняной корчагой. Когда эту корчагу перевернули кверху дном, Липин смог поместиться под ней, сидя на корточках и опустив голову. Внутри корчаги положили два осколка кирпича, Учителя потребовали, чтобы на корточках он сидел только на кирпичках. Да еще поставили ту корчагу на самом краю выгребной ямы таким образом, что сбоку оставалась щель. Как раз стояла жара, и корчага сверху накалялась на солнце. Сидящему внутри на корточках было так жарко, что пот рекой стекал вдоль спины. Да плюс еще вонь от выгребной ямы, мухи жужжат, червяки повсюду ползают, так противно, что Липина просто тошнило. А Учителя использовали этот метод как раз для того, чтобы Липин мог «контролировать сердце и пестовать природу сердца», «сосредоточивать ум и собирать дух» в любой самой отвратительной обстановке и заниматься не отвлекаясь. На этой тихой и пустынной пригородной горе в такую жару корчага и выгребная яма могли, пожалуй, быть «самыми лучшими» инструментами Дао, предоставляемыми окружающей средой. А старики в использовании рельефа местности и предметов на местности были поистине искусны и хитроумно устраивали полигоны для занятий, исходя из местного материала.

Из-за внешних помех Ван Липину не удавалось погрузиться в покой и приступить к занятиям. В это время по корчаге вдруг постучали и раздался грубый голос Человека Дао Чистого Покоя, который бранил его: «Прекрати посторонние мысли! Занимайся сосредоточенно!» Еще через некоторое время Человек Дао Чистого Покоя снова пришел и стал нарочно нарушать покой, бросать осколки кирпича в днище корчаги, испытывая таким образом, может ли Ван Липин, как должно, не обращать внимания на помехи. Как будто чувствуя, что этого еще недостаточно, Учитель зачерпнул черпак из выгребной ямы, да и полил корчагу сверху. Вонь сделалась еще невыносимей, а червяки полезли прямо в корчагу. На этот раз Ван Липин стерпеть уже воистину не мог, громко закричал: «Слушаюсь, понял!» Хорошо еще, что пощады не попросил, а то еще хуже было бы. Видя, что Липин все никак не успокоится, Учитель подлил еще масла в огонь, плеснул черпаком так, что содержимое

выгребной ямы через щель на краю корчаги попало прямо внутрь и эта грязь облепила Липина с головы до ног. Липин знал характер Человека Дао Чистого Покоя, знал, что к процессу обучения он подходит крайне строго и просить пощады у него бесполезно, оставалось только собрать все терпение и все переносить, не издавая больше ни звука.

С тех пор как он мучился в темной комнате, не зная, куда сходить по нужде, Ван Липин всегда заранее готовился к занятиям, тут у него уже был опыт. Но сейчас он опять с этим столкнулся, терпеть действительно было невозможно, и Липин хотел перевернуть корчагу и вылезти. Учитель, заметив внутри корчаги какое-то волнение, взял ветку дерева и стал тыкать ею внутри. Тыкал так, что поранил Липина в нескольких местах.

Выйти было нельзя, но и терпеть невозможно, оставалось Липину только разрешиться внутри корчаги. Учитель узнал, что он так сделал, и принялся бранить его за то, что загрязнил место занятий. Липин знал, что заповеди дисциплины нельзя нарушать, раз уж ты посвятил себя Дао, как же не послушаться приказа Учителя? Пришлось убрать все, вытерев грязь одеждой.

Так прошло несколько дней. Постепенно Ван Липин приспособился к этим условиям, да и Учителя тоже больше не приходили «мешать» его занятиям. Поистине, это был необычный подросток, и он выдержал это испытание. В преодолении беспорядка, вони, грязи покоем, в контроле над сердцем и пестовании природы закалялась природа его сердца, становившаяся все чище.

А дальше Учителя увидели, что для занятий годится расположенное неподалеку кладбище, и, используя такой подручный материал, спланировали дело в соответствии с особенностями места, а именно, к процессу самосовершенствования по «контролю над сердцем и пестованию природы» добавили еще один пункт: стойкость духа и сохранение от растерянности.

Три старца знали, что у отрока Липина природа сердца чиста и правильна, если они и принимались снова и снова за ее закалку, то только для того, чтобы она стала еще более рафинированной. Так, если его дух и душу не тревожить, они привыкнут к благополучию и не будет в них стойкости. Следует употребить чрезвычайный прием, чтобы укрепить их стойкость.

Этот прием для обычных людей очень труден, поэтому старцы призвали Липина и Человек Беспредельного Дао, стараясь раздражить его, сказал: «Юный ученик Юн Шэн уже год занимается самосовершенствованием, чтобы вступить на Путь. Дело немного продвинулось вперед. Ныне мы хотим углубить методы работы, использовать особый прием, чтобы сделать его храбрее, чтобы укрепить его душу. Осмелится он или нет?»

Ван Липин понимал только, что мастерству, которому его хотят научить, надо учиться, но не знал, о каком приеме говорит Учитель. Он ответил без всяких раздумий: «Осмелюсь, почему не осмелюсь?»

Человек Беспредельного Дао усмехнулся: «Замечательно. Этот прием состоит в том, чтобы заниматься ночью одному на кладбище, осмелишься пойти?»

Ван Липин ответил: «Это сделать нетрудно». Человек Беспредельного Дао почувствовал, что за такую храбрость надо похвалить, и сказал: «Древние говорили, что дух в теле все равно что государь в стране. Если дух беспокоен внутри, вовне теряется форма. Это как если государь теряет разум наверху, в стране начинается смута внизу. Благородный муж знает, что чтобы укрепить форму, надо опираться на дух, а духу для существования нужна форма. Поэтому совершенствование природы сберегает дух, стойкость сердца сохраняет целостность тела. Когда форма и дух друг с другом близки, это на пользу и лицу и подкладке. Умение жить разумно – это чистая пустота и спокойная гармония, уменьшение корысти и ограничение желаний. Внешние вещи перестают волновать сердце, шэнь и ци чисты, бескрайняя невозмутимость, тихое безмыслие сохраняются с помощью единого, пестуются с помощью гармонии, мир и порядок с каждым днем возрастают, за этим следует общее благоденствие и великий лад. Ныне в контроле над сердцем и пестовании природы ты уже обладаешь таким мастерством, однако в том, как сделать стойкой земную душу „по“ и

крепкой небесную душу „хунь“, нисколько не разбираешься. Поэтому мы еще раз поучим тебя приемам работы, чтобы сделать дух стойким».

Липин кивнул. Сказанное Дедом-Учителем он понял приблизительно, что, мол, надо поступать по указаниям трех стариков и будет все хорошо.

Было уже совсем темно, на кладбище стояла мертвая тишина. Луны не было, а звезды закрывали плотные тучи. В этом пустынном месте только три старца и отрок занимались совершенствованием в выплавлении. Каждый из стариков уже выбрал себе место для медитации. Человек Дао Чистого Покоя приказал Липину выбрать и себе место, сесть в позу лотоса, заниматься две стражи, а когда закончится Время Мыши, завершить работу и возвращаться.

Липин уселся, а про себя думал: «Три Учителя здесь, работа эта нетрудная». Откуда было ему знать, что старики в это время бесшумно поднялись, Человек Беспредельного Дао и Человек Дао Чистой Пустоты вернулись в свое жилище, остался только Человек Дао Чистого Покоя, который издали наблюдал, как занимается Липин. А Человек Дао Чистого Покоя был умельцем в устройстве всяких «каверз». Когда Липин погрузился в покой, он стал мешать ему, испуская всякие звуки, типа криков и волчьего воя. Но этот ребенок уже поистине обладал определенным мастерством. Хотя такие звуки заставили бы похолодеть сердце любого человека, Липин ничуть не боялся, слушал и не слышал, занимался себе своим делом. Время Мыши истекло. Липин завершил работу, а когда огляделся и увидел, что стариков уже нет, и тогда не испугался, повернулся и пошел. Внезапно перед ним замаячили какие-то темные тени, двигавшиеся туда-сюда. Они держались от него на некотором расстоянии и загоразивали дорогу. Липин подумал – неужели и вправду привидения? Пусть и привидения. Все равно не испугаюсь. Он шел твердым шагом, а эти черные тени манили его то слева, то справа, хотели взять в кольцо. Ван Липин собрал всю свою храбрость и пустил в ход истинное ци, поднял правую руку, словно меч и с громким криком бросился в сторону черных теней. Черные тени исчезли. Вдруг послышался явственный смех. Липин определил, что это голос Человека Дао Чистого Покоя, и поторопился сказать: «Учитель опять дразнит ребенка». Тогда Учитель показался, в двух словах его похвалил и, взяв его маленькую руку в свою, повел домой.

По существу в этих занятиях на кладбище тоже было немало пользы. В результате некоторого времени совершенствования в выплавлении на кладбище Ван Липин почувствовал, что Инь и Ян во всем теле у него пришли в гармонию, истинного ци стало в достатке и мастерство стойкости души хунь и сохранения от растерянности получило свою основу.

Человек Дао Чистого Покоя потратил много труда для обучения и тренировки этого маленького ученика. Он относился к Липину как к родному сыну и даже в сто раз больше любил его, чем любят родных сыновей. Как обычно между отцами и сыновьями бывает? Некоторые, любя, их балуют, некоторые, любя, не способны их воспитать, пускают все на самотек. Родить родили, вскормить вскормили, учить тоже учили, но если разобраться в содержании и методах этого обучения сыновей, то в них много порочного. Часто заботятся о красивой одежде и хорошей еде, а природа сердца получается нехорошей. Нередки примеры, когда у выходцев из влиятельных семей отклоняющееся поведение. Работа по воспитанию человека поистине является для человечества огромным и важным делом. Три старика, составляющие очень крепкую «команду», сейчас сосредоточили все силы ума и души на работе по воспитанию преемника. Человек Дао Чистого Покоя очень строг, но если посмотреть на его намерения, то разве они не добры? Перешагнул в восьмой десяток, а снова занимается старым делом обучения и тренировки. Днем кругом надо бегать, чтобы для занятий Липина отыскать «самый замечательный» полигон, создавать «инструменты Дао», ночью и вечером надо самолично наблюдать за тем, как Липин занимается, и поучать его, и дразнить, и пугать, и защищать. Кто из обычных людей способен на такое? Г-н Ван Липин, вспоминая, что мучился в те дни тренировки мастерства, но зато добился успеха в изучении Дао, всегда с глубочайшим чувством говорил об этом умершем Учителе. И только зная г-на

Ван Липина, можно глубоко прочувствовать его слова: «Это был поистине добрый старик!»

Заниматься ночью на кладбище – тут обстановка слишком скверная, условия слишком жестокие. Но если набраться храбрости, предохранить от растерянности небесную и земную души «по» и «хунь», сказав себе, что между небом и землей я один силен, то сможешь все успокоить, установить мертвую тишину. Я один здесь живой, обладающий и духом и телом. Я здесь хозяин. Сейчас я тоже погружаюсь в покой. Покой, покой, покой, покой. «И сердце само успокоится, и духу помех не будет. А когда духу нет помех, упрочивается чистый покой». Когда сердце в покое, когда дух стоек, остается почувствовать их пустоту. Пустота это и есть Дао. Это также другие Небо и Земля, другой мир.

Потом, еще много-много раз повторяя эти упражнения, Ван Липин от занятия к занятию все больше и больше подавлял естественное чувство страха. На кладбище он входил, как в обычную дверь, есть там мертвецы или нет, его нисколько не волновало, он уже достиг определенного мастерства в том, чтобы духу шэнь и душам хунь не было помех. Ван Липин прошел целый ряд тренировок, одну за другой прошел все «заставы», сюда прибавилось еще изучение внешнего мастерства, крепкая основа была заложена и для внутреннего мастерства и для внешнего. С точки зрения обычного человека, он был уже необычным. Но три старца знали, что этот отрок-ученик все еще в Нижнем из Трех миров, до Среднего из них ему еще очень далеко.

(По традиционным представлениям китайцев, у человека десять душ – семь небесных душ «хунь», которые после смерти возвышаются и могут стать духом «шэнь», и три земных души «по», которые уходят в землю и могут стать демоном «гуй».

Глава четвертая

Упорное совершенствование в трех мирах

Просим читателя познакомиться сначала с выдержкой из книги «Чжун Люй чуань Дао цзи» («Дао в передаче Чжуна и Люя»). Чжун – это один из «Восьми Бессмертных», Хань Чжунли. Люй тоже из «Восьми Бессмертных», Люй Дунбинь. В этой книге записаны вопросы и ответы Чжуна и Люя о выплавлении внутренней пилюли. Записал, обработал и передал их миру Истинный Человек Яркого Солнца – Хуаян Чжэньжэнь.

Люй сказал: Почему великое Дао трудно познать и трудно осуществить?

Чжун сказал: Окольными путями и низкими способами легко добиться эффекта, и в миру их множество, они передаются от одного к другому, хотя их никто не понимает, они входят в обычай и наносят вред великому Дао.

Люй сказал: А кто уже познал окольные пути и низкие способы, может ли тот сподобиться узнать о великом Дао?

Чжун сказал: Корень Дао – отсутствие вопросов, корень вопросов – отсутствие согласования. Коль скоро Истинное Начало определено, великая простота уже рассеялась. Дао рождает Единое, Единое рождает Два, Два рождает Троицу. Единое – это сущность, Два – ее проявление, а Троица – ее творение. Проявление сущности не выходит за рамки Инь-Ян, а все сотворенное причиной имеет совокупление. Верх, Середина и Низ составляют Три Материи, Небо, Земля и Человек имеют одно общее Дао. Дао порождает два ци, два ци порождают Три Материи, Три Материи порождают Пять Элементов, Пять Элементов порождают Тьму вещей, среди Тьмы вещей самая одухотворенная, самая ценная – человек. Только человек доискивается принципа Тьмы вещей и исчерпывает природу собственной единичности, доискиваясь принципа и исчерпывая природу, осуществляет свое предназначение, блюдет в полноте предназначение и сохраняет жизнь, тем самым соединяется с Дао, по крепости становится равным небу и земле и подобно им обретает долговечность.

Люй сказал: Небо и земля вечны, они существуют искони и им не будет конца, человек же живет самое большее сто лет, даже достигшего семи десятков лет редко встретишь. Почему Дао существует только для неба и земли, а от человека отдалается?

Чжун сказал: Не Дао отдаляется от человека, а сам человек отдаляется от Дао. А отдалившийся от Дао не знает способов пестования своего предназначения. А не знающий способов тратит силу несвоевременно. А тратящий силу несвоевременно не постигнет пружины Неба и земли.

Что же называется «пружиной Неба и земли»? Да это законы движения неба и земли. Человек живет между небом и землей, человек – это маленький космос, микрокосм. Человек испытывает влияние макрокосма и находится под его контролем, и если при изучении Дао не понимать законов движения неба и земли, действовать несвоевременно и без знания методов, изучение будет безуспешным.

Когда грубую природу полируешь, сама собой проявляется изначальная природа. Когда отказываешься от суетности сердца, тебе остается истинное сердце. Как вернуться к истинному сердцу? Надо вернуться к естественности.

Год работы по контролю над сердцем и пестованию природы завершился успешно. Из темной каморки, из погреба, из-под корчаги Ван Липин вышел к великой естественности.

Небо, земля, человек – какое огромное пространство! Квинтэссенция Неба, соль земли, цвет человечества – какая в этом красота! Солнце, луна, звезды, горы и реки, ручьи и потоки, цветы, травы и деревья, птицы и звери, ветер, дождь, гром и молния, жара и холод, весна, лето, осень и зима, Восток, Запад, Север и Юг, океаны и материки, Восемь Триграмм и Пять Элементов, внутренность Трех миров, все, что таит в себе творение, все скрытое и мельчайшее – все это является объектом совершенствования для человека, понимающего Дао.

Теперь Ван Липин под руководством трех старцев начал работу упорного совершенствования в Трех мирах.

Солнце встает и садится, луна идет на ущерб и округляется, Ковш Большой Медведицы поворачивается, звезды движутся, весна родит, осень убивает, лето приращивает, зима сохраняет, моря высыхают, камни рождаются, сменяются династии и мелькают эпохи, в Трех мирах Неба, земли и человека одно уменьшается, а другое растет, опустошающееся опустошается, наполняющееся наполняется, происходят бесчисленные изменения, потом снова, соотнесясь друг с другом, они становятся единой совершенной системой, во взаимном противостоянии они идут от неравновесия к равновесию, в равновесии зарождается неравновесие, образуется равномерное ритмичное движение. И человек внутри них, живя и действуя в соответствии с естественным предназначением, подвергается со всех сторон многообразному давлению природы и общества. У сил давления не только различные направления, но и во времени они распределены неравномерно, а по природе различий в них несметное множество. Есть такие, что ощущаются пятью органами чувств человека, есть и такие, которых человеческими ощущениями ощутить нельзя, есть полезные для человеческой сущности, а есть и вредные. Современная наука тщательно изучает ощутимые силы, но не признает, что за ними скрываются бесчисленные неоощутимые, воздействие которых на жизнь человека в действительности больше воздействия ощутимых сил. В древней культуре Китая, а также других наций такого недостатка не было, прежде всего они признавали, что эти силы существуют. Далее, эти культуры различными способами изучали такие силы, а кроме того, с ними экспериментировали и их использовали. Исконное достоинство китайской культуры состоит в целостности мирозерцания. Небо, земля и человек составляют единство, благодаря этому ничто не упускается, исключено впадение в однобокость, нет односторонности. Что же касается того, какой степени она достигла в постижении связей с высшим миром и каким языком это описала, это уже другой вопрос. Даосская культура – важный столп традиционной культуры Китая. Методы, используемые ею в области изучения космоса и человека, и достигнутая с их помощью глубина поражают современного человека, и на Западе поняли ее ценность даже больше, чем в Китае, ее оценивают как блистательную жемчужину человеческой цивилизации.

Небо, земля и человек составляют единство, человек помещается между Небом и землей. Если взаимодействовать с космосом, следуя великому Дао, то столкновения и лад

сами собой уравновесятся.

Даосы в течение нескольких тысячелетий стойко придерживались Дао, применяли его для познания космоса, для совершенствования в выплывании человеческого тела, оставили десятки тысяч свитков классической литературы, неисчерпаемые сокровища.

Сейчас три почтенных даоса из Драконовых Ворот горы Лаошань использовали эти переданные предками методы для обучения своего юного ученика Ван Липина.

Под открытым небом у большого дерева Учителя преподавали ему «мастерство равновесия» из «Внутреннего мастерства развития умственных способностей древней энциклопедии Драгоценностей Духа», или «Энциклопедии Лин Бао тун».

«Мастерство равновесия» – один из методов «Энциклопедии Лин Бао тун», оно относится к мастерству внешнего движения и возникло благодаря эволюции более древнего «искусства дыхания». Это мастерство состоит в том, что совершенствующийся, используя «взаимосочетание круговых движений конечностей и тайных приемов дыхания», через мысли, через дыхание и через поры тела обменивается «пневмой ци» с растениями, животными, людьми, а также с другими природными объектами. Оно называется так потому, что приводит овладевшего им к умению достигать баланса «пневмы ци» в таких парах противоположностей, как человек – растение, человек – животное, человек – человек, а также человек – другие природные объекты.

В названии, принципах и приемах этого мастерства воплощена глубокая философская идея рассмотрения отношений человека с другими предметами внутри системы с точки зрения целостности макросистемы, осмотрительного и всестороннего регулирования этих отношений, достижения целей пестования жизни, здоровья и долголетия при предпосылке ненанесения вреда равновесию целого, путем выявления и широкого использования ци, нужного для «себя» и создания нового равновесия между «собой» и внешним миром.

Человек Дао Чистого Покоя, указывая на стоящую перед ними большую сосну, сказал Ван Липину: «Видишь эту сосну? Вот с ней-то мы и будем сегодня заниматься. Древнее название занятий с деревьями – „хождение по деревьям“. Это дерево очень толстое и высокое, много лет оно переносило жару и холод, дождь и ветер, жизненные силы его в полном расцвете, в нем содержатся вещи, необходимые для нашего совершенствования. В человеческом теле есть пути для прохождения ци, пути движения крови, пути выброса отходов. В этом дереве также есть пути движения его ци, пути движения воды, пути всасывания питательных веществ и удаления отходов. В мастерстве равновесия главным образом совершенствуются в приемах испускания из тела наружу и приема внутрь души-вестника. При занятиях же с деревьями происходит обмен ци с деревьями и достижения баланса Инь-Ян и Пяти Элементов в человеческом теле. Деревья имеют разные цвета и распределяются по Пяти Элементам. Цвет этой сосны зеленый, по Пяти Элементам, это „Дерево“, а из пяти органов человеческого тела соответствует печени. Если человек страдает болями в области печени, то болезнь происходит от слабости „Воды“. Когда Вода слабая, Дерево не живет. Владыка почек – „Вода“, цвет „Воды“ черный, среди деревьев черным считается кипарис, по Пяти Элементам, он „Вода“. Значит, сначала нужно заниматься с кипарисом, чтобы добавить почкам воды, а потом опять заниматься с сосной, чтобы излечить болезнь печени. Болезнь печени может быть также вызвана расцветом „Огня“, при расцвете „Огня“ исторгается ци дерева. Надо обуздать „Огонь“, только тогда овладеешь мастерством в лечении болезней печени. Болезни печени могут возникать и при избытке „Металла“. При избытке „Металла“ „Дерево“ не устоит, опять надо обуздывать „Металл“ чтобы была польза для лечения печени. Всегда надо найти соответствующее дерево для занятий, только тогда можно отрегулировать Инь-Ян и Пять Элементов внутри тела, избавиться от болезни и укрепить здоровье».

То, что Человек Дао Чистого Покоя рассказывал о порождении и преодолении Пяти Элементов, Ван Липин уже слышал от Человека Беспредельного Дао и сейчас, естественно, понял сказанное. «Душа-вестник», о которой упомянул Человек Дао Чистого Покоя, тоже была ему известна. Об этом мы здесь пока подробно не говорим, потом будет еще

возможность это обсудить.

Далее Человек Дао Чистого Покоя сказал: «В мастерстве равновесия всего имеется девять видов базовых действий. С сегодняшнего дня мы будем изучать их одно за другим».

Затем он подошел к дереву на расстояние около полуметра: «Смотри, что я буду делать». Учитель свободно расставил ступни на ширину плеч, колени слегка согнул, верхняя часть туловища оставалась в прямом положении. Липин видел только, что Учитель поднял обе руки, вытянул их вперед, они были прямыми, но не напряженными, подмышки «пустые», ладони обращены к дереву. Затем Учитель слегка прикрыл глаза, устремил взгляд вперед и, плавно сгибая ноги и сохраняя верхнюю часть туловища прямой, стал двигаться вверх и вниз, обе же руки, следуя за движением его тела, как бы скользили вверх и вниз вдоль ствола дерева.

Демонстрируя движения, Учитель разъяснял: «Следи за регулированием дыхания. При движении вверх вдох, при движении вниз выдох, тело движется плавно и дыхание должно быть плавным, тонким, глубоким, длинным и ровным. Надо сопровождать его мысленно. Мысли сосредоточены на внутренней стороне обеих ладоней. Представляем это огромное дерево большим столбом ци определенного цвета. Это сосна, и столб ци зеленый. Представляем, что наши ладони тоже испускают ци того же зеленого цвета, происходит взаимообмен ци с этим деревом. Хорошо, делай так, как я сказал».

Ван Липин начал тренироваться, как показал Учитель. Стоя рядом, Учитель тщательно его проверял, напоминая, где следует сосредоточить внимание. Закончили они, только когда Липин стал делать все правильно и внутри появилось явственное ощущение.

На вершинах Западных гор в Фушуне большое разнообразие видов деревьев, это хороший полигон для «хождения по деревьям». Ежедневно на восходе и на закате Ван Липин занимался поочередно перед заранее выбранными большими деревьями разных видов в течение назначенного Учителем времени. Кроме того, он уже научился от Учителя несколькими позам: «Десять пальцев рубят в горизонтальном направлении», «Десять пальцев рубят в вертикальном направлении», «Тянуть, сложив ладони», «Скользить, как меч», «Мысленные Шарик Восьми Триграмм», «Стоять столбом спиной к дереву».

Человек Дао Чистого Покоя всегда относился к обучению серьезно и предъявлял строгие требования. На этот раз он придумал новую штучку. На дерево, с которым велись занятия, он приладил блочок, а внизу подвесил большой камень. Камень, подвешенный на веревке, мог двигаться вверх и вниз. Во время занятий Липина он управлял концом веревки, чтобы камень давил Липину на макушку, вынуждая его приседать и подниматься в одном темпе с движением камня, а верхняя часть тела в это время должна была сохранять вертикальное положение. А Учитель специально «строил каверзы» Липину, тянул веревку так, что камень поднимался и опускался один раз только за полчаса, то есть в очень медленном темпе. Сделать это было гораздо труднее, чем стоять неподвижно в какой-нибудь фиксированной позе. Да и дыхание должно было быть соответственно крайне медленным, поистине тут одна трудность громоздилась на другую. За две стражи присесть и подняться такое считанное число раз – тут у «молодого государя» коленки прямо-таки заболели, ноги подкашивались, поясница занемела, камень давил на макушку, да еще строгий Учитель рядом наблюдал, он должен был выдержать все, даже если бы было трудней и мучительнее вдвое. Закончив работу, он был до нитки мокрым от пота, даже двигаться не было сил. У Учителя душа очень болела, но как без такой закалки выработать у ученика необычные способности? Не говоря ни слова, он взял Липина на руки и понес. А на самом деле, разве Учителю легче было? Пока ученик работал, он также совершал великую работу.

После того как Ван Липин наловчился заниматься под камнем, его мастерство в регулировании тела, дыхания и обмена ци стало незаурядным. И он делал все очень хорошо и в отсутствие Учителя.

Раз уж сейчас тренировали мастерство движения, то ходьба – один из его основных приемов. Учителя опять стали создавать новые планы «уроков», чтобы Липин, изучая мастерство равновесия, с самого начала заложил прочную базу. Старики обнаружили на

вершине горы замечательное местечко, оно было небольшое, но там росли пять огромных деревьев, четыре были ориентированы точно по сторонам света, а пятое находилось в центре: на востоке – сосна, на юге – тунговое дерево, на западе – тополь, на севере – кипарис, в середине – ива. Они были расположены как раз в том порядке, в каком располагаются природные Пять Элементов, поэтому представляли собой естественный полигон для тренировки Пяти Элементов внутри человеческого тела на внешних Пяти Элементах.

Обнаружив такое место, старики в изумлении переглянулись. Человек Беспредельного Дао, сложив руки перед грудью, сказал: «Это Небо помогает нам». Затем между деревьями на высоте половины человеческого роста подвесили веревочную сетку, предназначавшуюся для того, чтобы Ван Липин мог проходить под ней при выпрямленной спине только на согнутых в коленях ногах, а макушка головы его должна была слегка касаться сетки, не отрываясь от нее вниз и не прогибая ее вверх. Так он и тренировался упорно два месяца, двигаясь между пятью деревьями «лошадиным шагом», причем если на голове у него была бы чашка с водой, даже при движении в быстром танцевальном темпе ни одна капля не пролилась бы, поскольку плоскость движения макушки головы была ровной, как зеркало.

При хождении между пятью деревьями Пять Элементов внутри человеческого тела один за другим приходили в соответствие с Пятью Элементами деревьев, расположенных вовне. Учителя научили Липина движению по определенному маршруту, смысл его заключался в том, чтобы отрегулировать внутренние Пять Элементов с помощью связей взаимопорождения и взаимопреодоления и, воздействуя внешними элементами на внутренние, достичь цели равновесия Пяти внутренних Элементов, ликвидации болезней и долголетия. Благодаря изменению маршрута, вкупе с соответствующими жестами и видами дыхания, возможно также активизировать в человеке скрытые способности и натренировать способности экстраординарные.

От этих нескольких самых что ни на есть обычных деревьев Ван Липин набрался незаурядной «энергии». То, что в простом «порядке расположения» может заключаться такая чудесная сила, кажется совершенно невысказанным. Это заставляет вспомнить выстроенный Чжугэ Ляном¹ боевой порядок Восьми Триграмм. Скрытая в нем сила позволила с его помощью противостоять тысячному войску. Слава идет не напрасно, так должно было быть в действительности.

Деревья, самые крупные представители растительного мира, распределяются по Пяти Элементам, но и другие растения также соотносятся с Пятью Элементами, содержат в себе энергию цзин и ци и могут быть использованы для занятий. Если занимающийся в соответствии с состоянием своего здоровья и потребностями в отношении результатов, опираясь на определенные приемы мастерства равновесия, будет шаг за шагом поглощать и выбрасывать эту энергию, вдыхать и выдыхать ее, обмениваться «пневмой ци» с растениями, от этого всегда будет большая польза.

И животные, подобно растениям, распределяются по Пяти Элементам, и люди могут заниматься с ними. Все это Учителя постепенно Ван Липина обучали.

Однажды Человек Дао Чистой Пустоты призвал Ван Липина, указал ему на стоящую перед ним на земле корзинку и сказал: «Посмотри внимательно на то, что в этой корзинке». Заглянув в шелку и увидев, что корзинка полна больших змей, которые кишат внутри, Ван Липин невольно вздрогнул. Большинство северян непривычно к змеям и очень их боится. Липин спросил Учителя: «Для чего туда столько змей посадили?» Учитель сказал: «Чтобы с ними заниматься». Липин его не понял. Учитель объяснил, что секрет мастерства равновесия в том, чтобы «заниматься в противостоянии», а чтобы заниматься в противостоянии, должен быть объект, которому противостояешь. В Трех мирах нет ничего, что не могло бы служить объектом занятий в противостоянии. Змеи же эти – один из видов живых существ, живущих в темных, холодных и сырых местах, их природа «крайне иньская», при занятиях в противостоянии с ними человек может выработать в себе экстраординарные способности.

Учитель договорил, и Ван Липин увидел, что губы его изогнулись и издали странный

звук, похожий на шипение змеи. Змеи в корзинке тотчас покорно застыли. Учитель предупредил, что не надо бояться, заниматься с ними можно, и научил приемам тренировки. Через несколько дней занятий в противостоянии со змеями Липин остро почувствовал в себе необычные ощущения. Той ночью свет луны был прозрачным, как вода. Человек Дао Чистой Пустоты повел Липина к замшелой пещере на небольшой горе и велел ему встать неподвижно недалеко от входа в нее. Учитель издал звук, прищелкнув языком. В скором времени ко входу со всех сторон стали подползать змеи, большие и маленькие. Липин видел, как они холодно блестят в лунном свете, останавливаются у входа в пещеру поблизости от него и не проникают внутрь, а лишь ползают по траве, извиваясь и время от времени высовывая и пряча языки. Липин больше не боялся, он заранее укрепил дух. Учитель велел ему заниматься в соответствии с требованиями метода. Липин принял позу и начал занятия. Он прикрыл глаза, тренируясь в противостоянии змеям в опоре исключительно на внутренние ощущения. Десяток змей, следуя за движением рук и движением ци Липина, двинулся вокруг него на некотором расстоянии и в определенном направлении, сначала медленно, потом быстрее, потом постепенно замедлив темп, змеи запрыгали и затанцевали, холодно поблескивая в лунном свете. Липин изменил прием работы, змеи прекратили танец и покорно замерли, словно мертвые. Истекли две стражи, Липин убрал посыл, и тогда змеи очнулись и уползли своей дорогой. Учитель все время находился рядом, чтобы в случае необходимости помочь, и видя, что Липин уже овладел приемом занятий, в душе очень радовался.

Вслед за тем Человек Дао Чистой Пустоты один за другим передал Липину приемы занятий в противостоянии другим мелким животным, лисам, хорькам, мышам и т.п. Липин по ночам в пустынных местах вел трудные занятия с ними и освоил все тонкости разных приемов.

Все занятия в противостоянии мелким животным проводились ночью потому, что все они являются существами чистого Инь, у большинства из них ночной образ жизни. Но сколько в этих маленьких душах одухотворенного ци! Часто в лунные и звездные ночи в безветренную погоду они, обратясь к небу, поклоняются луне и некоторые из них преуспевают в достижении долголетия. Знакомых с народными преданиями и классическими популярными романами это не может удивить, но большинство людей не понимает заключенного в них смысла, считая, что все это выдумки авторов, беспочвенный вымысел, «антропоморфизация» животных и растений и что принимать всерьез этого нельзя, ибо придумано все ради развлечения. Действительно ли это так? По даосской теории Трех миров, у каждого живого, обладающего формой и сущностью существа есть «душа-вестник». Это только в Нижнем из Трех миров, то есть в слое «Человека-Событий-Вещей», выглядит сомнительно. Если же подняться в следующий слой, достичь уровня «Среднего из Трех миров», где способ существования более высок, внизу мы тотчас же с этим можем столкнуться. То, что даосы и буддисты избегают убийства живого, в этом слое получает свое глубокое объяснение.

Снова лунная безветренная ночь начала осени, близится Время Мыши. Человек Беспредельного Дао решил нынешней ночью в этот час не заниматься. Медленными шагами ведет он Человека Дао Чистого Покоя, Человека Дао Чистой Пустоты и Липина вниз с горы и останавливается возле небольшого холма у излучины речки.

Пристально взглядевшись, Человек Беспредельного Дао поворачивается к двум ученикам и спрашивает: «Видите ли вы над этой горой истинное ци?» Человек Дао Чистого Покоя и Человек Дао Чистой Пустоты ответили: «Вдали видим сияние истинного ци, это ци очень яркое».

Человек Беспредельного Дао снова говорит, теперь уже Ван Липину: «Сынок, здесь собираются два ци, Инь и Ян, очень благоприятная зона земли, на горе, где поднимается истинное ци, больше всего следует заниматься работой над собой. Давай, мы в этом месте и поработаем».

Затем он подробно рассказал о приемах занятий с противостоянием горам, передавая их

Липину. Когда рассказ был закончен, все четверо погрузились в работу в стоячей позе. Учителя уже научили Ван Липина «приемам укрепления умственных способностей», «малая небесная орбита»? у него стала уже проходимой, Пещера Небесного Глаза открылась, духовная работа над приемами «мастерства равновесия» тоже завершилась успехом. Нынешней ночью изучение этих приемов повторялось, и по прошествии одной стражи, глядя вдаль Небесным Глазом, он увидел поднимающееся над горой синее ци, вступил с ним в противостояние, и внутренняя энергия в теле резко возросла. Через две стражи Учителя и ученик закончили работу и Липин сказал трем старцам: «Правду сказали Учителя, ученик уже видит истинное ци горы, результат занятий с противостоянием очень велик». Старики его похвалили.

Однажды Человек Дао Чистого Покоя привел Липина на берег пруда, где заранее приготовил для его занятий большую доску. Учитель приказал Липину сесть на доску со скрещенными ногами, а потом осторожно толкнул доску в воду. Доска поплыла и в самой середине пруда постепенно остановилась. Погруженный в покой, Липин работал на доске, чтобы, как сказал Учитель, поднять мастерство до новых границ. Прошло две стражи, и Учитель понял, что Липин уже достиг результата. Стоя на берегу, он опустил руку в воду, и по зеркальной поверхности пошли круги. Когда круги достигли доски, отражение Липина в воде сморщилось, заколебалось, а Липин почувствовал, что сердце в нем встрепенулось, и вздрогнул. Круги прошли и поверхность снова застыла зеркалом, а Липин сердцем и телом стал спокоен, как прежде. Учитель испытывал его так несколько раз, и каждый раз у Липина появлялось аналогичное ощущение. Учитель понял, что мастерство приобрело большую глубину, и приказал ему закончить работу и грести к берегу. Липин подробно пересказал Учителю ощущения, испытанные на воде, которые были для него непонятны.

Только возвратившись в хижину, Учитель разъяснил ему смысл этой работы. До этого Липин прошел через занятия в противостоянии множеству вещей, внутреннее и внешнее мастерство его возросло и янская и иньская души «хунь» в нем также окрепли, обрели ощущение. На взгляд обычного человека, тень и отражение человека в воде или в зеркале – иллюзорны, относятся к вещам, у которых «есть форма, но нет материи», и для человеческого тела они не имеют никакой ценности. Но на взгляд даоса, это пустое отражение, «имеющее форму, но не имеющее материи», также обладает одухотворенным ци, и если его затронуть, в теле человека появляется ощущение. У людей, которые не работают над собой, ощущения притуплены, у тех же, кто обладает высоким мастерством, даже от такого «неощутимого прикосновения» ощущение очень явственное. Поэтому когда было затронуто отражение Ван Липина в воде, его тело и сердце также оказались затронутыми. Что касается «Среднего из Трех миров», то в нем эти пустые отражения «обладают и формой и материей». Глубинный смысл воздействия на человеческое отражение для лечения болезней, которому Учителя обучили Липина позже, состоит как раз в этом. Если читатель это поймет, тогда и в отношении лечения болезней воздействием на тень у него не будет больших сомнений и недоумения.

А сейчас Ван Липин снова и снова занимался с «Мысленными Шариками Восьми Триграмм», чему научили его Учителя. Мысленные Шарика Восьми Триграмм, разноцветные и похожие на шарики сгустки ци, число которых постепенно возросло от одного до девяти, вращались вокруг его тела сверху вниз и слева направо. Верхнюю часть туловища он при этом все время поддерживал в вертикальном положении и в равновесии, а в ногах была такая легкость, словно он летал. Бесконечно менялись позы, положения рук и виды дыхания Ван Липина по мере того как в определенной последовательности он переходил от одной Триграммы к другой, и сгустки ци девяти цветов вращались вокруг него в соответствующем определенном порядке. Овладев этим мастерством, он сможет мысленно вынимать свои внутренние органы из тела, переворачивать их в пространстве, массировать. А потом снова помещать в живот, в результате чего они, конечно, будут более крепкими и здоровыми.

Ван Липин упорно совершенствовался в Трех мирах, и его мастерство с каждым днем

становилось тоньше. Человек Дао Чистой Пустоты снова начал вклинивать в преподавание Липину материалы из энциклопедии «Лин Бао тун» – «работу во сне» и «приемы естественного обмена ци». «Работа во сне» является одним из трех видов мастерства, промежуточным мастерством. Совершенствующийся принимает «позу спящего», а его сознание находится в движении, то есть во сне продолжает работать. «Тело в покое, мысль в движении», мысль в движении, мысль заставляет ци двигаться, укрепляя дух и тело. «Работа во сне» подразделяется на одиннадцать форм, каждой формой достигается специфический эффект, а вместе они составляют совершенную систему, приводящую к равновесию Инь-Ян во всем теле.

«Приемы естественного обмена ци» относятся в энциклопедии «Лин Бао тун» к вспомогательным, они называются также приемами естественного вдыхания ци. Практика этих приемов не ограничена ни временем, ни местом, но наиболее благоприятны для этого места, где много цветов, трав, деревьев, где воздух свеж. Сами приемы состоят в сочетании естественной ходьбы с дыханием и воображением. Например, делаешь один вдох и проходишь три шага, выдох – еще три шага. Когда такая ходьба и такое дыхание становятся для тебя естественными, начинается увеличение: на один вдох – шесть шагов, на один выдох – еще шесть шагов. И так число шагов увеличивается вплоть до двенадцати или двадцати четырех на каждый вдох и выдох, а дыхание и походка все так же естественны и легки, нет никакого ощущения дискомфорта. Когда такая выучка станет совершенно привычной, начинается освоение другого приема: вдох на три шага, потом задержка дыхания на три шага, выдох на три шага и еще три шага на задержке дыхания. Дыхание происходит по схеме «вдох – задержка – выдох – задержка», а ходьба равномерная и естественная. И все повторяется снова и снова. Когда этот шаг пройден, время ведения ци снова увеличивается, то есть на один вдох делается шесть шагов, на одну задержку шесть шагов, на выдох шесть шагов и еще на одну задержку шесть шагов. Увеличение происходит вплоть до того, как научишься делать таким образом двенадцать и двадцать четыре шага. Это соответствие движения ци с ходьбой должно сопровождаться соответствующими представлениями. При вдохе надо представлять себе, что ци со всех сторон всасывается поверхностью кожи, а при выдохе – что ци испускается кожей всего тела во все стороны. При задержке ци после вдоха – представлять, что все тело образует единое целое, а при задержке после выдоха – представлять, что летишь в облаках.

Благодаря обучению таким приемам, Ван Липин стал использовать для занятий время сна и ходьбы и телом и умом всегда был в состоянии работы над собой.

Видя, как прилежно занимается Ван Липин изучением Дао и как быстро прогрессирует его мастерство, старики радовались необыкновенно. Однажды Липин, вернувшись из школы, помогал Учителям готовить ужин, а потом все четверо весело уселись кружком за немудрящей едой, Учителя расспрашивали Липина о его опыте в занятиях, и Липин отвечал все как есть.

Потом Человек Беспредельного начал рассказывать ему кое-что из даосской теории. Такие фундаментальные вещи, как Великий Предел Тайцзи, Инь-Ян, Три Материи, Четыре Образа, Пять Элементов, Шесть Энергий ци, Семь Драгоценностей, Восемь Триграмм, Девять Дворцов и т.п., он уже прошел, он знал уже также великий смысл древнейших даосских классических канонов, таких как «Лао-цзы», «Чжуан-цзы» и другие. И даже запомнил наизусть важные фрагменты из них. Учителя-Отцы уже начали преподавание ему многих важных классических произведений, входящих в «Дао цзан», таких как «Чжоу и» («Чжоусские Перемены»),? «Хуанди нэй цзин» («Трактат Желтого Императора о внутреннем»),?+ «Хуан тин цзин» («Канон о желтом дворе»),?++ «Инь фу цзин» («Канон об иньских знаках»),?*** «Цин цзин цзин» («Канон очищения»), а также жизнеописаний некоторых патриархов. В школе Ван Липин изучал основы культурных знаний, которые изучают все обычные люди – язык, математику, естествознание, географию, историю, биологию, а здесь, у трех старцев, он изучал намного более широкую, глубокую и богатую систему теории культуры. Благодаря совершенствованию во внутреннем и внешнем

мастерстве и в работе во сне умственные способности Ван Липина были уже не сравнимы со способностями обычных людей, три старца преподавали ему множество глубоких эзотерических вещей, и он мог все это понять и запомнить.

И нынешней ночью Человек Беспредельного Дао снова учил Липина принципам самосовершенствования: «Патриарх Чунъян сказал: „Существует пять ступеней бессмертных: бессмертные-гуй, демоны, не обладают качествами, которыми следует овладевать; о бессмертных-людях не стоит говорить; бессмертные-земные живут в этом мире долго; бессмертные-шэнь, духи, то появляются, то исчезают. Скрытое и явное в них никто не может измерить, за одним их телом стоит другое тело, они способны раздваиваться – вот что называется бессмертными духами шэнь. Бессмертные-небожители стоят выше бессмертных –духов. Кто изучает Дао, не должен быть последователем только низшего и среднего. Когда изучают самые высшие, истинные приемы, основанные на едином, сокровенном Дао, превыше которого нет ничего, то проникают в Небо и землю, Инь и Ян, глубоко постигают сотворение Пяти Элементов. Нет более важного принципа, чем Инь-Ян. Небо, земля, солнце, луна и Пять Элементов созданы благодаря нему. Когда Великий Предел Тайцзи положил начало различению, чистое ци поднялось вверх, от чего получило образ Небо. Мутное же ци опустилось вниз, от чего получила форму земля. Семя-цзин элементов Дерева и Огня образовали солнце, а цвет элементов Металла и Воды – луну. Небо, земля, солнце и луна созданы благодаря возбуждению двух ци, эти два ци обращаются между Небом и землей. И их непрерывная циркуляция порождает все многообразие видов живого. Так же и с человеческой жизнью –собирается отцовское семя и материнская кровь, янское ци Неба, иньское ци земли, янская душа-хунь солнца и иньская душа-по луны, янская энергия-шэнь Огня, иньская энергия-цзин Воды, все тело человека создается из единения ци Неба и земли. Небо и земля – великие родители человека. Уразумевший это превосходит Инь-Ян Неба и земли, не понимающий этого погружается в море страданий, принимающее Тьму образов. Не ограниченный Пятью Элементами, не связанный Инь-Ян называется высшим небесным бессмертным, небожителем.“ А вот что касается принципов. Земной человек наблюдает движение солнца и луны, они ведь непрерывно обращаются по своим орбитам. Если говорить о солнце, то когда солнце поднимается, прирастает жара, ци становится сухим, по Триграммам это соответствует Огню. Когда солнце опускается, жара уменьшается, ци увлажняется, по Триграммам это соответствует Воде. Когда солнце удаляется от Земли, жара проходит, ци рассеивается, по Триграммам, это Дерево. Когда Солнце приближается к Земле, жара собирается, ци скопляется, по Триграммам, это Металл. Когда Солнце идет на равном расстоянии от Земли, жара затихает, ци сдерживается, по Триграммам, это Земля. И так от весны к лету, к осени, к зиме, затем опять возвращение к весне. Когда движением солнца все Пять Элементов исчерпываются, когда пройдена вся орбита, это называется годом. Если говорить о луне, то когда луна опускается, жара увеличивается, ци становится суше, по Триграмма, это Огонь. Когда луна поднимается, жара уменьшается, ци увлажняется, по Триграммам, это Вода. Когда луна приближается к Земле, жара проходит, ци рассеивается, по Триграммам, это Дерево. Когда Луна отдаляется от Земли, жара собирается, ци накапливается, по Триграммам, это Металл. Когда луна на равном расстоянии от Земли, жара утихает, ци сдерживается, по Триграммам, это Земля. Так Луна полнится и ущербляется, а затем снова полнится. Движением Луны по порядку исчерпываются Пять Элементов, это еще одна орбита, называемая месяцем. Согласно самосовершенствованию по энциклопедии „Лин Бао тун“, необходимо Пять Элементов внутри человека привести в соответствие с внешними Пятью Элементами солнца и луны, а также с Пятью Элементами земли. При совершенствовании в соединении Трех миров –Неба, земли и человека – работа по „Лин Бао тун“ завершается успехом только тогда, когда от Девяти возвращаются к Восьми, от Восьми – к Семи, от Семи – к Шести, от Шести – к Пяти, от Пяти – к Четырем, от Четырех – к Трем, от Трех – к Двум, от Двух – к Единому, когда возвращаются в итоге к Великому Пределу Тайцзи, где Тайцзи – это шар. Ты уже много месяцев совершенствуешься в работе с Тремя мирами. Сегодня благоприятный день, чтобы

подняться на более высокую ступень, чтобы достичь сокровенного Дао, работай прилежно и упорно».

Ван Липин уже совершенствовался в соединении Трех миров – Неба, земли и человека – в соответствии с тайными методами, завещанными патриархами и переданными ему Дедом и Отцами-Учителями. Неуловимыми и сокровенными глубинами своего тела он усвоил метаморфозы Пяти Элементов неба и земли, похитил блеск солнца и сияние луны Прежнего Неба для пополнения изначального ци Прежнего Неба в своем теле, постепенно понял существо перехода «987654321», осталось только отточить мастерство этого поворота.

Когда наступила ночь и взошла луна, Ван Липин уже занимался, сидя в позе лотоса, на заранее выбранном месте среди зеленых трав и деревьев. Он отрегулировал тело, ци и мысли, погрузился в покой и неподвижность и мысленно следил, как золотая луна медленно поднимается с восточного края неба. Луна приближается к нему, постепенно увеличиваясь и светлея. Подобная чудесному сгустку ци, она льет во все стороны яркий свет, уже наполнивший все тело. Вслед за этим он почувствовал, что все его тело «испаряется», его больше уже нет, и между небом и землей вообще ничего нет. Осталось только ощущение того, что тело, словно сгусток ци, поднимается, подлетает к луне, тоже гигантскому сгустку ци, смешивается с ним, исчезает. Нет больше времени, нет больше пространства.

Небо с восточного края постепенно бледнело. Можно уже было различить плывущие по нему облака. Вот оно из черного стало серым, а потом белесым, и в нижней части появилась полоска светло-желтого цвета. Вскоре воздух посинел, звезды померкли. Луна уже переместилась на западный край, наступило раннее утро. Восток порозовел, предвещая восход солнца. Сияя золотом, оно медленно поднималось над землей. Ван Липин все еще сидел неподвижно в позе лотоса. Он уже почувствовал, что солнце взошло, поднял лицо и посмотрел прямо на него. Потом закрыл глаза – вбирает внутрь лучи энергии шэнь, посылает их вниз – и вот уже золотое солнце обращается в его теле, Ван Липин омывается в солнечном свете и солнце в его теле похоже на новорожденного младенца, здорового и прекрасного.

Ван Липин сидит так неподвижно уже несколько дней и ночей. В сидячей медитации он тонко усваивает законы движения и изменения небесных тел, ищет соответствующие изменения в глубинах своего тела и постепенно обретает просветление. В действительности движения и изменения в человеческом теле происходят одновременно с движением и изменением неба и земли. Внешнее движение непременно вызывает ответную реакцию внутри, а реакция вызывает чувство. Когда ты можешь управлять чувствами, даже если еще не можешь придать им обратное направление, такое мастерство в глазах обычных людей уже не считается мелким. Но до требований Деда и Отцов-Учителей от этого еще далеко. Надо уметь поворачивать обратно, от Девяти поворачивать к Одному, от движения по часовой стрелке – к движению против нее, только тогда в покое сосредоточиваешься на Едином, обретаешь великое Дао. Единственный метод овладения движением по часовой стрелке и против нее – работа над собой.

Человек Дао Чистой Пустоты в процессе работы Ван Липина над Тремя мирами снова давал ему основы знаний о том, как даосы занимаются пестованием жизни.

Пестующие жизнь считают, что небо и земля среди вещей самые великие, а человек – самый одухотворенный. Человеческое тело – микрокосм, внутри него есть небо и земля, солнце и луна, Инь и Ян, есть обращение Пяти Элементов Металла, Дерева, Воды, Огня и Земли, которые достигают равновесия, взаимопорождаются и взаимопреодолеваются, взаимно поддерживают и обижают друг друга. В «Шу цзине», в главе «Хун фань» для Пяти Элементов установлены числа: «Единицу называют Водой, Двойку – Огнем, Тройку – Деревом, Четверку – Металлом, Пятерку – Землей». Поясняется там и природа Пяти Элементов: «Водой зовется увлажняющее то, что внизу; Огнем – раскаляющее то, что наверху; Деревом зовется изгибающееся прямое; Металлом зовется послушное обработке; Землей зовется то, что при посеве дает урожай». В «Хуанди нэй цзин», в разделе «Су взнь. У чан чжэн да лунь» еще подробнее об этом говорится, считается, что «ровный характер»

Пяти Элементов таков: «Деревом зовется то, в чем сильна гармония; Огнем зовется то, что дает свет; Землей – то, что готово к метаморфозам; Металлом – то, что выправляется до плоскости; Водой – то, что спокойно покоряется». О случае «недоразвитости» Пяти Элементов сказано: «Деревом зовется то, в чем гармония слаба; Огнем–то, в чем свет прячется, Землей – то, что следует низким образцам; Металлом – то, что покоряется обработке; Водой – то, что иссыхает». О «пересоле» в Пяти Элементах говорится: «Деревом зовется пускающее ростки; Огнем–гневно вспыхивающее; Землей – щедро расточающее; Металлом – то, что прочно; Водой – то, что течет равномерно». Глубокое познание природы Пяти Элементов и их взаимосвязей, приведение внутренних Пяти Элементов в соответствие с Пятью Элементами космоса, пестование истинного ци, регулирование Инь-Ян – это и есть Дао Вечной Жизни.

Самую большую связь с циклическими движениями в теле человека имеют небо и земля. Грубо можно подразделить их на Землю, Луну и солнце. Один оборот Земли – это один день и одна ночь. В человеческом теле этому соответствует циклическое движение по орбите Земных Ветвей Мао и Ю, цикл открытия меридианов. Одному обороту Луны вокруг Земли в человеческом теле соответствует Малая Небесная Орбита, а одному обороту Земли вокруг Солнца – Большая Небесная Орбита. Небесные орбиты – это различные циклы циркуляции жизни. Не занимающийся самосовершенствованием и то знает, что в циклах циркуляции, соответствующих небу и земле, есть время работы и время отдыха, и следует этому. Работающий же над собой, регулируя иньское и янское ци внутри тела, сознательно ведет обращение ци по небесным орбитам, это есть следование орбитам на более высокой ступени мастерства. Когда же самосовершенствующийся на высоком уровне с помощью Истинного ци внешних Пяти Элементов пестует Истинное Ци внутри тела, когда, следуя по орбитам в обратном направлении, он поднимается вверх, когда Вода и Огонь заключают брак, зарождается снадобье, собирается снадобье, завязывается Пиллюля, которая согревается и пестуется, это уже бессмертный.

Патриарх Люй (Дунбинь) сочинил «Стелу ста знаков», в которой поется:

Пестуй ци и заветы молчания блюди,
Покори свое сердце Отсутствию Дел,
А смутится покой –патриархов своих помяни,
Больше них в безмятежности кто преуспел?
Мыслям истинным должно вещам отвечать,
Чтобы им отвечать, с заблуждениями надо проститься
И сердечной природы хозяином надобно стать,
Овладеешь природою сердца – и ци воротится.
Возвращается ци –завязалась Пиллюля уже,
Ли-Огонь, Кань-Вода составляют в сосуде чету.
Инь и Ян повторенье свое породят,
Небеса потрясают удары великого грома.
Облака проплывают над крышею с острым коньком,
Восполнение дают высыхающей Сладкой Росе
Долголетья вино пригубив хоть единый разок,
Кто беспечным и праздным остаться сумеет?
При сиденьи внимает музыке без струн,
Перемен и Творенья Пружины воочию зрит.
Двадцать строчек всего начертала рука,
Их секрет – все ступени ведут в облака

Ван Липин продолжал заниматься по указаниям Учителей и прилежно осваивал принципы Трех Орбит.

На рассвете солнце встает на востоке, это Время Мао, Время Зайца, великое ци востока

блестит в солнечных лучах, температура его поднимается, объем увеличивается, медленно и плавно всплывает оно вверх, это ци, рожденное Молодым Ян. В полдень солнце стоит над головой, находится на макушке неба, это Время У, Время Коня. Температура ци поднимается выше, объем его увеличивается намного, оно быстро взлетает, Тьма вещей растет в это время лучше всего, это время зовется временем, когда Старый Ян растит ци. После полудня солнце клонится к западу, это Время Ю, Время Петуха, теплота великого ци рассеивается, объем его уменьшается, оно медленно опускается, Тьма вещей начинает сжиматься, это время называется временем, когда Молодая Инь собирает ци. Солнце скрылось, темная ночь, это Время Цзы, Время Мыши, великое ци охлаждается объем его уменьшается, оно исчезает, это время называется временем, когда Старая Инь сохраняет ци.

Внутреннее ци тела человека находится с этим во взаимном соответствии. Ци печени – это ци, которое рождается Молодым Ян; ци сердца – это ци, возвращенное Старым Ян; ци легких – ци, собираемое Молодой Инь; ци почек – ци, сохраняемое Старой Инь. Во Время Мыши внутри тела в почках рождается ци, во Время Зайца оно приходит в печень, во Время Коня – в сердце, ци, накопившееся в сердце, рождает жидкость, во Время Петуха она приходит в легкие, во Время Мыши – в почки. Ци почек подобно Воде, ци сердца подобно Огню, ци печени – Дереву, а ци легких – Металлу. Вода увлажняет то, что внизу; Огонь подогревает то, что вверху. Если Огонь и Вода не помогают друг другу, то долгой жизни нет. Когда работа над собой эффективна, Вода наверху, а Огонь внизу, Огонь и Вода помогают друг другу и потому живут долго.

Так как внутренняя концентрация у Ван Липина была полной, когда он начал работать с Малой Небесной Орбитой, ци штурмом взяло «Три Заставы» на пути прохождения энергии – «Хвостовые Ворота» (Вэй Люй) на копчике, «Щипцы на Позвочнике» (Цзя Цзи) между почек и «Яшмовую Подушку» (Юй Чжэнь) на затылке. Лишь когда ци достигло Небесных Ворот на макушке головы, потребовалась помощь Учителей. Дело в том, что вокруг этой точки Байхуй на макушке головы всегда есть четыре мерцательно раскрывающиеся точки. Древние называли их «Духами Четырех Великих Ворот», они охраняются так крепко, что даже Истинному Ци внутри тела очень трудно сквозь них прорваться. Нужно было прикосновение Учителя к этим «Духам Четырех Ворот», чтобы Небесные Ворота могли открыться.

У Ван Липина появилось совершенно новое ощущение: после того как Малая Небесная Орбита открылась, он ощутил в своем теле, как что-то очень теплое и блестящее медленно и плавно поднимается вдоль позвоночника и, дойдя до макушки, так же медленно и плавно опускается со стороны лица. Цикл обращения составлял ровно месяц, что удивительно точно соответствовало времени обращения Луны вокруг Земли. Так что даже если бы его заперли в темной комнате на несколько суток, он мог бы точно судить о положении луны и знать, какой сейчас месяц и какой день по древнему календарю Ся.

Здесь невольно вспоминается, что в последние годы некие люди рекламируют «Метод быстрого успеха в Малой Небесной Орбите». При этом говорится, что даже люди, совсем не занимавшиеся тренировкой, овладев их методом, смогут за несколько дней открыть Малую Небесную Орбиту. Боюсь, что «секрет» и «дух» этого метода могут понять только они сами. А способны ли эти самозваные «открыватели Малой Небесной Орбиты» ощутить в себе обращение луны?

Время одного оборота Земли вокруг Солнца – один год – китайцы делят на двадцать четыре сезона. Для занятий особенно важны четыре ключевых точки, составляющие «Два Разделения» и «Два Прихода» весны, лета, осени и зимы. Если рассматривать человека как небо и землю, то сердце – это небо, почки – земля, печень занимает янское место, легкие – иньское,¹ «ци» – это Ян, а «жидкость» – Инь. В день Прихода Зимы, когда солнце, двигавшееся на юг, поворачивает на север, и, с точки зрения жителей северного полушария, Инь достигает предела и рождается Ян, в теле человека начинает расти почечное ци. Ко дню Весеннего Разделения почечное ци поднимается в печень. В день Прихода Лета, когда солнце, двигавшееся на север, начинает перемещение на юг, и, с точки зрения жителей

северного полушария, предел Ян порождает Инь, в теле человека янское ци поднимается до сердца, скопление ци порождает жидкость, которая начинает опускаться вниз. Ко дню Осеннего Разделения жидкость опускается до легких и снова в день Прихода Зимы входит в почки.

В ключевые дни смены сезонов под руководством и защитой Учителей Ван Липин проводил сидячие медитации, тщательно засекая все «сокровеннейшие» изменения в своем теле, выплавляя ци и завязывая Пилюлю в Желтом Дворе (Среднем Даньтяне), словно в тигле. В «Лао-цзы» говорится: «Дух долины бессмертен, это зовется Сокровенной Самкой, врата Сокровенной Самки зовутся корнем неба и земли, сохраняется он при плавности, пользуясь им, не переусердствуй». Полость этой сокровенной заставы способна втягиваться в пространство Великой Пустоты Тайсуй. В даосских канонах говорится: Самое высокое место на небе отстоит от самого низкого места на земле на 84 тысячи ли, а середина между небом и землей отстоит от них, соответственно, на 42 тысячи ли. Аналогично, человеческое тело – это маленькие небо и земля, и сердце и пупок отстоят друг от друга на 8 цуней 4 фэня, а серединка центра от них отстоит на 4 цуня и 2 фэня. Эта полость как раз под Небом-Цянь и над Землей-Кунь, к западу от Грома –Чжэнь, к востоку от Водоема-Дуй, где Восемь Каналов и Девять Полостей, меридианы и параллели сходятся вместе, это пустая биологически активная точка, подвешенная в пустоте жемчужина с просяное зернышко, это самый центр неба и земли человеческого тела, там хранится изначальное прародительское ци. Поэтому патриарх Чуньян говорил: «Сокровенная самка! Сокровенная Самка! Истинная Сокровенная Самка! Не приведешь в порядок сердце, не позаботишься о почках, исчерпаешь начало, из которого при рождении тела получается ци, не удивляйся, что вытечет Небесная Пружина». Отсюда можно видеть важность этой полости. Пока Ван Липин усовершенствовал и закалил это место, он несколько раз умирал малой смертью.

Глава пятая

Прием Пилюли Бессмертия и голодание

Упорно совершенствуясь в Трех мирах, Ван Липин не заметил, как промелькнули три года.

Три старца, видя постепенное взросление отрока и его успешную работу над собой, увлекли его к более высоким пределам.

Первый раз в своей жизни Ван Липин пережил незабываемую обстановку «приема Пилюли Бессмертия».

Древние методы самосовершенствования в выплавлении при пестовании жизни делятся на внутреннее совершенствование и внешнее пестование. Внешнее пестование состоит в приеме Пилюли Бессмертия, позже оно развилось в алхимию.

Начало употребления Пилюли Бессмертия относится к периоду Воюющих Царств (Чжаньго), оно развилось в эпохи Цинь и Хань, особенно же пышный расцвет наступил в эпохи Вэй и Цзинь. В книге Гэ Хуна «Бао Пу-цзы» есть специальное место, где об этом рассказывается. Но в те времена под Пилюлей понимали главным образом снадобья из растений, хотя были и такие люди, которые в качестве Пилюли глотали киноварь.

«Внешняя Пилюля» составляется из свинца, ртути и других веществ, сплавленных вместе. Гэ Хун относился к Внешней Пилюле чрезвычайно серьезно, в «Бао Пу-цзы» описывается несколько десятков способов ее выплавления. Гэ Хун говорит: «Кто хочет стать бессмертным духом, должен только получить для этого самое важное, а для этого самого важного достаточно дорожить семенем-цзин, продвигать ци и принять одно великое снадобье, большего и не требуется. Однако если в этих трех делах делать глубокое мелким, не заслужить себе просветленного Учителя и не прилагать старания и упорства, то понять все досконально будет невозможно». Сохранение семени – это искусство внутренних покоев. Прием Пилюли, продвижение ци и сохранение семени – три дела, важных для того, чтобы стать бессмертным. Кроме того, Гэ Хун подробно рассказал, на что следует обращать

внимание при выплавлении Пилюли: «Соединять Пилюлю следует в знаменитых горах, в безлюдном месте, больше трех человек быть не должно. Сначала надо сто дней поститься, омыться в пяти ароматах, чтобы быть кристально чистым, нельзя приближаться к грязному и общаться с грубыми людьми. Кроме того, нельзя, чтобы об этом знали не верящие в Дао, при клевете на святое снадобье оно не составляется». Знаменитые горы охраняются духами справедливости и потому благоприятны для выплавления Пилюли. Даосы, удаляющиеся в горы для выплавления Пилюли, должны выбрать счастливый день и иметь при себе амулеты.

Нечего и говорить, что древняя алхимия внесла большой вклад в последующую химическую науку. Скажем только, что если обычай приема Пилюли не умирал тысячу лет, то этим он обязан ее чудесной эффективности. О чудесной силе «Золотой Пилюли» широко было известно в народе. Кроме того, ее преувеличенно описывали в литературных произведениях, представляя как что-то сверхчудесное. Сколько людей на протяжении истории погибло от приема Пилюли, не стоит перечислять. Но Пилюля несомненно приносит человеку пользу, надо только знать способ ее приготовления и принимать ее должным образом.

Из опыта выплавления и приема Пилюли даосизм извлек глубокие уроки, поэтому в процессе самосовершенствования использует ее чрезвычайно строго. С появлением Школы Драконовых Ворот Полной Истины исключительное внимание стало уделяться самосовершенствованию в выплавлении «Внутренней Пилюли», а «Внешняя Пилюля» стала лишь дополнением к внутреннему самосовершенствованию. Выплавление и прием Внешней Пилюли всегда происходит под руководством просветленных Учителей с богатым опытом.

Ван Липин под наблюдением и при поддержке трех старцев на пустой желудок принял «Золотую Пилюлю», которую они принесли с собой с горы Лаошань. «Золотая Пилюля», медленно растворяясь в его теле, благодаря обращению ци и крови проникала все тело. Старцы руководили им в процессе вхождения в работу в позе лотоса и в процессе выведения жидкости Пилюли изнутри тела к коже с помощью силы внутреннего мастерства. Ночь была очень тихая. А в бедном жилище стариков было еще тише. В мутном свете лампы Ван Липин медитировал в полном покое, три старца стояли вокруг него со строгими лицами. Потому что ради вступления на Путь и жизни не жалко. Сейчас три старца и отрок вершили святое дело, великий опыт.

Голени и ступни Ван Липина снова связаны веревкой, чего уже не случалось с тех пор, как он начал совершенствоваться в Трех мирах. Он понимает серьезность и важность дела. С его нынешним мастерством в обычной среде и обстоятельствах уже нет необходимости пользоваться веревкой. Ван Липин, упрочив свой дух и пользуясь приемами движения ци, держится стойко. Проходит стража за стражей.

Прошел день. Яд в составе «Золотой Пилюли» постепенно начинает оказывать действие. Ван Липин чувствует, что все его внутренности как будто поджариваются на яростном огне, голова кружится, льются слезы. Наконец он потерял контроль над собой и упал без чувств. Но так как ступни были связаны, лотос не распался. Человек Дао Чистого Покоя привел его в чувство, облив заранее приготовленной холодной водой. Поднял и снова посадил. Кроме того, три старца помогали ему тайными приемами. Ван Липин продолжал стойко держаться и работать.

Прошла ночь. На другой день старики увидели, что цвет кожи всего тела у Ван Липина постепенно меняется, она то зеленеет, то краснеет, то чернеет. На основании своего опыта они рассудили, что опасность уже миновала. Тогда только все трое облегченно вздохнули.

Все яды в теле благодаря действию «Золотой Пилюли» уже вытеснились к поверхности кожи, вот почему кожа Ван Липина меняла цвет. Опасность для его жизни миновала. Но прекращать работу было еще нельзя. Если сейчас прекратить работу, яды стуются в кожном покрове, волосяной покров тела будет поврежден, а прежнее мастерство также утратится. Хотя мастерство Ван Липина глубоко, но разве был у него когда-нибудь раньше такой расход внутренней энергии, как сейчас? Теперь он скоро должен был дойти до предела своей стойкости. Мучительный жар во внутренностях уже прошел. Но сейчас невыразимо

мучительное ощущение было во всей коже. Она горела, болела, распухала, чесалась. Как жаль, что ее нельзя было разодрать на куски руками, чтобы утишить страдание. Учителя приказали ему держаться, даже пошевелиться было нельзя.

Прошла еще одна томительная ночь. На третий день после полудня Ван Липин почувствовал во всем теле комфорт и свободу, в цвете кожи тоже произошли удивительные перемены: черное, красное, зеленое перешло в здоровый белый с румянцем цвет, во всех порах завязались светящиеся точки, вроде переливающихся шариков, которые сияли при сильном свете. «Золотая Пиллюля» завершила свое обращение в теле и была полностью выведена. И извне и внутри тела Ван Липина «дорога ци» была полностью свободна.

Дед-Учитель тщательно все обследовал и результаты признал очень хорошими. Все обрадовались до слез. Три старика сразу стали детьми, как этот мальчик, они прыгали, плясали, поздравляли друг друга. Им хотелось, чтобы Ван Липин был еще моложе, он должен был быть их собственным рожденным в муках младенцем, отнимая друг у друга, они носили его на руках и без конца целовали. Победа! «Наше дитя родилось!»

Дед-Учитель, взяв Липина за руку, побежал на вершину горы.

Три старика и мальчик, пройдя заросли травы, вошли в лес. Пейзаж на закате был необыкновенно красив. «Давайте глубоко подышим свежим воздухом, обратившись лицом к солнцу». На сердце у стариков стало очень легко. И у Ван Липина тоже. Но у него теперь появилось и необычное ощущение. Стоило теперь сделать лишь малейшее движение низом живота, как ци неба и земли со всех сторон устремлялось в поры его тела – и вот уже чистое и прохладное, всерастворяющее, всепроницающее и свободное, оно обращается внутри его тела, кажется, будто бы все тело растворено в космосе.

Три старца, тщательно осмотрев цвет глаз и всего тела Ван Липина, поняли, что во всем его теле, как внутри, так и снаружи, произошли радикальные изменения, и посчитали, что настало время для передачи ему четвертого шага мастерства. Поэтому стали обучать его «отказу от пищи».

Удивительный человек был Ван Липин, никто в детстве его этому специально не учил, но он был вегетарианцем, скоромного никогда не ел. С удовольствием питался разными злаками, зеленью, редькой, постной домашней пищей. С начала обучения мастерству у трех старцев Ван Липин уже постиг много методов из энциклопедии «Лин Бао тун», получал огромную энергию непосредственно от природы и к еде становился все более и более безразличен. Три старца, считавшие своим важнейшим делом воспитание ученика, в свободное время лечили людей, а также разработали вблизи жилища кусок целины, посеяли пять злаков и посадили кое-какие овощи. Жили они чрезвычайно просто. Ван Липин часто ел вместе со старцами, а иногда занимался по несколько дней и о еде даже не вспоминал. Когда же возвращался после школы домой, то тоже схватит что-нибудь самое простейшее – и все.

Сейчас Учителя будут учить его отказу от пищи, переходя от мелкого к глубокому, ну и что ж, не такое это уж трудное дело. Но он не знал, что здесь тоже есть немало того, о чем можно порассказать.

В даосизме считается, что внутри тела существуют «Три Излишества», называемые также «Тремя Трупами», все они для человека вредны. Верхний Труп зовется Излишеством Украшенного, это любовь к драгоценным вещам; Средний Труп зовется Излишеством Простого, это любовь к вкусному; Нижний Труп зовется Излишеством Крепости, это любовь к плотским утехам. Даосы считают также, что в человеческом теле есть «Три Червя», Верхний Червь живет в мозгу, Средний – в Светлом Дворце Минтан (между бровями), а Нижний – в желудке. Это тоже демоны-отравители человека. Три Червя живут за счет ци пищи, и если хочешь Трех Червей извести, нужно прервать ци пищи, если хочешь уничтожить Три Трупа, надо отказаться от пищи.

Отказ от пищи появился как эволюция Вкушения Ци доциньской эпохи. Цюй Юань в «Чуских строфах» писал: «Вкушай Шесть Ци и пей дымку тумана, положи рот солнцем и глотай утреннюю росу. Блюда чистоту просветления духа, и цзин и ци войдут в тебя, а все грубое и грязное выйдет». Метод Вкушения Ци применялся уже тогда, когда Цюй Юань,

покинув царский двор, ушел в дальние странствия. Что же касается конца эпохи Хань, эпох Цзинь и Вэй, то в эти времена расцвели техники бессмертных-духов, распространились и приемы вкушения ци и отказа от пищи. Примеры голодания нередко упоминаются в династийных историях. В «Истории Поздней Хань» в главе «Жизнеописание Фан Шу» говорится: «Хао Мэнцэ мог глотать финиковые косточки и после этого не есть пять–десять лет. А еще мог задерживать ци и не дышать, лежать неподвижно, прикидываясь мертвым вплоть до ста дней или полугода». Во внутренних главах «Бао Пу-цзы» говорится: «Я много раз видел людей, которые прекращали прием пищи, чаще всего на три или два года, у всех было легкое тело и хороший вид, легко переносили ветер, холод, жару и сырость, никто не был толстым». «Был такой Фэн Шэн. Он вкушал только ци, не ел уже три года, таскал на гору коромысла с кладью и никогда не уставал. Иногда натягивал лук и почти не разговаривал, а если и разговаривал, то негромко. Спрошенный об этом, он сказал, что у прекратившего прием пищи два самых больших страха–как бы не убить семени-цзин и как бы не растратить ци». О современниках, способных отказываться от пищи тоже есть сообщения в газетах и журналах.

Мастерство голодания, которому три старца обучали Ван Липина, по степени глубины делилось на три шага.

Первый шаг: «Прекращение питания злаками». Это значит не есть никаких зерновых продуктов, питаться в малом количестве лишь овощами и фруктами, просто для того, чтобы облегчить бремя работы желудка и кишечника и с помощью этих чистых продуктов очистить внутренние органы. Требование к этой работе – чтобы она велась не менее двух месяцев, а если больше, то еще лучше. Во время таких занятий Ван Липин, как все обычные люди, учился и работал. Часто он уходил в уединенные места, где было много деревьев цветов и трав, и занимался там в позе лотоса во Время Мыши (23-1), Коня (11-13), Зайца (5-7) и Петуха (17-19), чтобы укрепить пять внутренних Истинных Ци. Этот шаг он проделал за 98 дней, то есть за три с лишним месяца. Чувствовал себя комфортно, был чист и бодр духом.

Второй шаг: «Прекращение питания». Это значит не принимать никакой пищи, ежедневно утром и вечером выпивать только по стакану холодной воды. После этой работы грязного в теле совсем не остается, нет даже мочи. Природа сердца была очищена уже раньше, а теперь тело тоже очистилось.

Тут только обмен Истинным Ци с природой, ощущение, что тело уже в иной стороне. Ван Липин продержался в таком состоянии пятьдесят с лишним дней.

Третий шаг: «Сухое голодание». После первых двух шагов тело Ван Липина стало походить на тело только что вышедшего из бани, розовое, влажное, блестящее, насквозь пронизанное чистой энергией шэнь и бодрым духом ци. Три старца, видя, что он похож на новорожденного младенца, что благодаря самосовершенствованию в выплавлении тело стало подобно чистому льду или прекрасной яшме, что все грязное ци, столько лет впитывавшееся им от суетного мира, вычищено до последней капли, не могли не радоваться. Четыре года, орошая кровью своего сердца, старики возвращали цветок орхидеи и наконец взрастили его, после тонкой обработки из яшмы вышел драгоценный камень. Эту необычную для Нижнего из Трех миров вещь следовало поднять, дать ей взлететь вверх.

В тот день старцы приказали ему: «С сегодняшнего дня начнешь „сухое голодание“, будешь только сидеть здесь в позе лотоса, не поднимаясь, воды больше пить не будешь. Таков метод занятий». Тогда по календарю Ся шел год Бин У, а по современному летоисчислению была золотая осень 1966 года, великая земля Хуася уже начала «бурлить»¹. А четверо людей, не обращая внимания на то, что вселенная переворачивается вверх дном, все время отдавали занятиям.

Каждый день утром, в полдень и вечером Учителя обрызгивали пол чистой водой, чтобы воздух в комнате стал влажнее. С помощью этих испаряющихся капелек жидкости Ван Липин увлажнял все тело, а кроме этого поддерживал жизнь только Истинным Ци. Два Отца-Учителя по очереди дежурили возле него, сидя в сторонке.

Прошел один день.

Прошло два дня.

Прошло три и пять дней.

Ван Липин сидел, словно каменное изваяние, ни одна черточка не двигалась, в сердце стояла мертвая тишина. Солнце, луна, звезды, горы, реки, озера и моря, цветы, травы и деревья, родители, братья и сестры, школьные учителя и соученики, его Дед-Учитель и Отцы-Учителя, весна, лето, осень и зима, белый день и темная ночь, юг неба и север земли, верх, низ, лево и право, жара, тепло, мороз и холод, рождение, старение, болезнь и смерть, радостное веселье и горестные обиды, кислое, сладкое, горькое и острое – все-все когда-либо им на этой быстро приходящей в упадок земле виденное, слышанное, почувствованное из числа людей, событий и вещей «Нижнего из Трех миров» – все-все совершенно скрылось, исчезло из его сердца, мозга и тела. О, Туман, О, Неясность! Он мало-помалу потерял ощущение самого себя, не стало времени, не стало пространства, все стало совершенно пусто, пусто, пусто, пусто.

Прошло десять дней.

С Ван Липином было все как прежде. Дед и Отцы-Учителя, видя, что цвет кожи у него розовый и прозрачный, изменения в теле нормальные, успокоились. По-прежнему двое Отцов-Учителей по очереди разбрызгивали воду и несли вахту.

Прошло пятнадцать дней.

Прошло двадцать дней.

С Ван Липином было все как обычно. Три старца видели, что он сидит в медитации, словно Бессмертный, с видом святости и спокойствия. Старцы все время осматривали его, чтобы чего-нибудь не упустить.

Прошло двадцать пять дней.

В эту ночь поднялся сильный ветер с дождем, сверкали молнии, гремел гром. Старики быстро заперли двери и окна, они поняли, что произошло что-то необычное. Вслед за этим переоделись в ритуальные даосские одеяния, взяли в руки драгоценные мечи и воскурили ритуальные свечи. Дед-Учитель творил заклинания, передавая Липину душу-вестника: «Мы, Патриархи-Трансляторы школы Драконовых Ворот Полной Истины, с древних времен сердцем взыскуем Дао, телом посвящены Дао, в отказе от пищи сухое голодание – заставка жизни и смерти. Ты Патриарх Драконовых Ворот должен подражать патриархам-основателям, не в твоей власти устанавливать жизнь или смерть, нельзя самовольно задерживать процессы будущего».

В забытии Ван Липин услышал указания Истинного Человека и все их запомнил, дух-шэнь и душа –хунь получили поддержку, и он продолжал сидеть в медитации.

Прошло двадцать шесть дней.

Прошло двадцать семь дней.

Прошло двадцать восемь дней.

В эту ночь снова поднялись ветер и дождь, черные тучи и низкое небо нагоняли страх. В горной хижине мутно светился огонек масляной лампы, атмосфера была напряженная. Три старца с драгоценными мечами стояли вокруг Ван Липина в полном безмолвии.

Внезапно язычок пламени в лампе вспыхнул, тело Ван Липина медленно опрокинулось, лотос разжался, ступни выпрямились, руки спокойно вытянулись по бокам, он лежал в мирной позе и не шевелился. Старцы проверили у него пульс и дыхание. И то и другое прекратилось, и они поняли, что он уже мертв. Тогда расположились для церемонии, уселись в позе лотоса на полу, подняли голубые клинки драгоценных мечей и, размахивая ими, стали творить заклинания. Дед-Учитель прежде всего повелел, чтобы на сто ли в округе стих ветер и прекратился дождь; договорился со всякого рода святыми людьми, чтобы они не вмешивались; затем приказал, чтобы рядом не было никаких иньских предметов. Два Отца-Учителя с исключительной сноровкой запеленали тело Ван Липина. Не переставая творить заклинания, старцы несли караул день и ночь. Уже раньше Дед-Учитель поставил дщицу души Ван Липина рядом с дщицами душ патриархов на жертвенный алтарь и воскурил свечи.

Как уже говорилось, с начала сухого голодания Ван Липин ощутил, как все стало пустым, а потом даже и ощущения полностью исчезли.

В какой-то неизвестный момент тело вдруг всплыло, и все, что было в его жизни, дом, школа, горный лес, лужайки, тропинки, родители, соученики, Дед и Отцы-Учителя, – все исчезло, он уже не помнил, что только что прожил чрезвычайно трудную жизнь, все непостижимым образом бесследно исчезло.

Ван Липин ощущал только во всем теле необычную легкость, это было чрезвычайно приятно. В одно мгновение вокруг сделалось темно, пространство стало пустым и холодным. Ван Липин, казалось, должен был упасть в глубочайшую бездну, он изо всех сил карабкался вверх, но не во что было упереться ногами и руками, а у него не было сил. Вдруг вспыхнул впереди ослепительно яркий свет. Глянул туда – перед ним светлый свободный путь. Он поплыл вдоль него легко и быстро. С обеих сторон видны были лишь зеленые горы, струящиеся потоки, пахучие травы и благоухающие цветы. Все вокруг было спокойно, чисто, ни следочка пыли.

Ван Липин не понимает, куда попал. Вдруг впереди на дороге появилось много людей, все одеты по-старинному, ведут себя чинно, улыбаются ему. Какой-то старик, по виду, самый старший из них, с развевающейся серебряной бородой, подошел, улыбаясь, взял Ван Липина за руку и ведет его в усадьбу, скрытую в лесу на гребне горы. Ван Липин видит, что этот двор, дома в нем, все старинное, простое, чистое. Старейшина вводит Липина в комнату, показывает, чтобы он сел, все другие тоже чинно садятся. Старейшина велит подать чаю, диких фруктов, чтобы Липин поел. Липин не отказывается, думает про себя, что это как раз то, чего ему хочется, берет стакан, пьет и не ощущает горячего или холодного, а только благовонное, омывающее душу. Берет еще дикие фрукты и ест и не слышит ни звука, только чувствует прекрасный освежающий вкус сочных плодов. Люди, увидев, что он такой добродушный и веселый, радуются. Только старейшина, как будто, о чем-то задумывается, а потом спрашивает: «У тебя впереди еще долгая жизнь, зачем же пришел сюда сегодня?» Липин его не понимает и по-прежнему ест дикие фрукты. Видя, что он не отвечает, старейшина больше вопросов не задает, а одного за другим представляет ему присутствующих, начиная с себя. Услышав, что старейшина называет себя его предком-родоначальником, Липин тотчас же откладывает фрукты в сторону, становится на колени и земно кланяется. Все остальные тоже оказываются предками Липина в нескольких поколениях, Липин кланяется им все по очереди. Когда Липин был еще маленьким, ему и то не пришлось видеть предков старше своего деда, а теперь вдруг всех сразу увидел, разве это не радостно?

Хотя Липин несколько лет занимается самосовершенствованием, да и по природе он человек вольный, но разве случалось ему когда-нибудь бывать в таком вольготном месте, как то, куда он сегодня попал? Потом он повсюду гуляет, даже не знает, сколько мест посетил, но только погостил у всех предков и даже у всех друзей и приятелей всех предков. В этих краях не только пейзажи прекрасные, изысканные. Отношения между людьми тоже очень хорошие, порядок везде слаженный, устройство дворов и домов очень разумное. Люди все сидят в праздности, либо о красоте природы говорят, либо играют в шашки и шахматы.

Липин не знает, сколько прошло времени, но чувствует, что раз со столькими людьми он встречался и столькому от них научился, то должно было пройти по крайней мере несколько десятилетий.

Но вот чего Липин здесь понять не может, так это почему никто не занимается производством, почему между людьми нет споров и ненависти и почему за такое долгое время не случилось ни рождений, ни смертей, ни болезней, ни старости. Все это крайне удивительно.

Липин под старой сосной на гребне горы смотрит, как два старика играют в шашки. Медленно и плавно подходит к нему тот старейший из предков, берет его за руку и говорит: «Приказываю тебе возвращаться обратно, здесь нельзя долго оставаться». Потом опять целая толпа провожает его до того светлого ровного пути, машут руками, прощаются.

Во мраке Липин слышит, как около его уха что-то жужжит, телесные ощущения мало-помалу восстанавливаются, он медленно открывает глаза и видит мутный свет лампы в комнате, видит, что Дед и Отцы-Учителя недвижно сидят в позе лотоса, сверкают в их руках голубоватым светом драгоценные мечи. И тогда понимает, что он все время был в этой комнате, и быстро садится – это похоже на долгий сон.

Три старца, видя, что он очнулся, прекращают заклинания, встают и отвешивают поклоны в пространство, а потом бесконечно обнимают Липина, не замечая слез, льющихся из глаз

Только из рассказа стариков Ван Липин узнает, что двадцать восемь дней провел в сухом голодании, что трое суток назад умер и что все это время все трое охраняли его тело со всех сторон и сердца их истекали кровью. Узнав об этом, Ван Липин заливается слезами.

Часть вторая

Воскресение из мертвых и новое выплавление

*Если довести пустоту до предела,
Сохранять покой и искренность,
Тьма вещей соединится в ощущении,
Мы от этого сможем наблюдать их возвращение
«Лао-цзы»*

Глава шестая

Воскресение из мертвых

Учителя и ученик провели несколько дней в жестокой схватке за жизнь, и наконец полная победа одержана. Но они охвачены сейчас сложными смешанными чувствами горя и счастья, страдания и радости, а также усталости, которые появляются после битвы.

Первым унял свои стариковские слезы Человек Беспредельного Дао. Он налил чашку супа и подал Липину, чтобы у него прибавилось сил. Ван Липин сразу почувствовал себя лучше. И все три старика выпили по чашке.

Человек Беспредельного Дао подвел Ван Липина к алтарю поклониться патриархам школы, а когда юноша поднялся с колен, сказал ему, указывая на одну из табличек: «Посмотри-ка, что здесь написано». Вглядевшись, Липин прочел:

**ТАБЛИЧКА ДУШИ ВАН ЮНШЭНА ЛИН ЛИН-ЦЗЫ
ПАТРИАРХА ШКОЛЫ ДРАКОНОВЫХ ВОРОТ ПОЛНОЙ ИСТИННОСТИ
В ВОСЕМНАДЦАТОМ ПОКОЛЕНИИ**

Только сейчас пораженный Ван Липин понял, что пережил смерть. События, случившиеся с ним в другом мире, чередой прошли перед его глазами, и он рассказал обо всем старикам, а те, сами все это когда-то пережившие, только кивали головами.

В беседе с авторами этой книги г-н Ван Липин сказал: «Это самое незабываемое событие в моей жизни. Оно было слишком реально, чтобы его можно было забыть. Все люди, живущие в этом мире, знают, что есть рождение и смерть. А каковы ощущения в момент рождения? Этого человек помнить не может. А что чувствуешь в момент смерти? Что происходит после смерти? Личный опыт такого рода существует только у умерших. Но умершие не возвращаются и не могут рассказать нам об опыте смерти. Рождение и смерть – важные этапы человеческой жизни, но наукой это до сих пор мало изучено. А в даосской культуре такими исследованиями занимались много, накоплены богатейшие материалы. Но без изменения образа мыслей нельзя воспользоваться этими материалами и углубить изучение столь важного вопроса. Я обладаю опытом нескольких смертей. Опыт этой первой смерти заставил меня многое понять. Часто, например, обсуждается проблема пространства и времени. Мое понимание их отличается от понимания обычных людей, и это создало

основу для моего дальнейшего обучения Дао». Помолчав, Ван Липин продолжил рассказ о своем незабываемом приключении:

«Момент смерти в действительности очень болезнен. Хочешь выкарабкаться, но сил уже нет. Были бы силы – не умер бы. Но это ощущение очень быстро исчезает. Вслед за этим время начинает двигаться в обратном направлении, соответственно меняется и пространство. „Прокручиваются“ все прошлые события, даже такие, которых совсем не помнишь. Потом появляется человек, и он ведет тебя в совершенно незнакомое место, где очень красиво и где встречаешься с умершими родственниками. Три дня в нашем мире там равны нескольким десяткам лет. А то, чему там научился, после возвращения к жизни помнится очень отчетливо. Мне не пришлось при жизни видеть своих предков из прежних поколений. А когда я рассказал родителям о людях, с которыми встретился там, об их внешности, характерах, одежде, родители подтвердили, что такими именно их старики и были, и очень удивлялись. Следовательно, я действительно их видел, это не выдумка, не фантазия.

Вернувшись к жизни, Ван Липин ясно все осознавал, но чувствовал себя подавленно. Оглядывался по сторонам – эта каморка, такая маленькая, тесная, разве можно в ней жить? Нет смысла. Думал обо всем множестве существ, теснящихся в этом вроде бы обширном, но таком узком пространстве. Целые дни трудятся ради хлеба насущного, стремятся к будущему, растрачивают силы, а зачем? Нет смысла.

Старики видели коренную перемену в настроении юноши и понимали, в чем дело: многие вещи для него стали ясны, многие истины понятны. Человек Беспредельного Дао сказал: «Юншэн, ты сейчас стал другим человеком, ты прежний умер. Тот, умерший, сердцем искренно стремился к Дао, без страха и трепета посвятил себя продвижению по Пути. Но он был всего только человеком Низшего из Трех Миров. Дело, которое он не закончил, должен завершить ты, ты должен смело идти к Среднему из Трех Миров .

Это поучение Деда-Учителя Ван Липин хорошо понял, но настроения сразу не изменишь. Возможно, что за полгода он израсходовал слишком много истинного ци, содержащегося в его теле, и, несмотря на полное перерождение, субстанция его была еще слаба, и настроение постоянно сохранялось пониженное.

Однажды ночью он, спотыкаясь, бродил по склону горы. Стояла уже поздняя осень, холодный ветер насквозь продувал его одежду, ерошил волосы, а он не обращал на это никакого внимания.

Было очень темно, густые тучи заволакивали небо. Ван Липин шел куда глаза глядят, ему было все равно. Оступился в маленький ручей, холодная вода наполовину вымочила одежду, а он все шел и шел. Не было страха, жизнь и смерть для него не имели различия.

Начал накрапывать дождь. А ему было приятно, что он промок и промерз. А кончилось тем, что прилег на лужайке и крепко заснул.

Обычным людям такое тоже знакомо: Они ведут на дороге жизни борьбу, рискуют жизнью, тратят большую часть своих духовных и физических сил ради поставленной ими самими цели, а когда цель достигнута, оборачиваются назад и безучастно говорят: «Только-то и всего!» Как обычный человек Ван Липин по дороге жизни прошел дальше других, намного обогнал время, умер, повидал многое из того, что недоступно людям этого мира, а потом вернулся обратно. Не было ничего, что могло бы удовлетворить его, и больше других людей он имел право сказать: «Только-то и всего в этой жизни!» Он был сейчас живым трупом, жил, но уже был мертв, и хотя был мертв, все еще жил. Семнадцатилетний, он только что пережил потрясающую для человеческой души борьбу со смертью, умер и ожил опять, с Дедом и Отцами-Учителями радовался этой победе. А теперь, когда все успокоилось, он вспоминал все это, и в отношении жизненной реальности, в которой все шло по-старому, у него было одно только чувство отвращения к ее пресности и обыденности, он ощущал, что в ней «нет смысла».

Ван Липин вступал в пятый этап своей жизни в рамках изучения Дао и упражнений в мастерстве, этап «живого трупа».

Старший и младшие Учителя проходили этот этап и знали душевное состояние

«живого трупа» в самом начале этапа. Оно очень мучительно, требуется время, чтобы постепенно собраться с силами, но надо идти и по мере продвижения производить регулирование.

Прошло два месяца, а Ван Липин все не был похож на самого себя. Его как будто подменили: он мало говорил, вел себя иначе, чем прежде. По мнению окружающих, парень был «немного не в себе». Наступила зима, мерзли голые безжизненные деревья, дул пронзительный ветер. Он же, одетый в невозможно старую и рваную ватную фуфайку, бродил повсюду нараспашку, с открытой грудью. В Поднебесной тем временем было уже беспокойно, жизнь утратила прежний порядок, и каждый человек чувствовал себя в опасности. Состояние Ван Липина все видели, но не поражались и старались не обращать внимания. Когда о самом себе позаботиться не можешь, лучше поменьше знать о чужих делах.

Ван Липин бродил по округе, иногда садился у края дороги или около чужого дома и плакал, плакал очень жалостно, горестно. Возвратившись домой, больше молчал, спросят его о чем-то — отвечал невнятно, трудно было понять.

Однажды мать послала его купить масла. Он вышел на улицу, сел в подошедший автобус, а билета не купил. Видя его одежду и необычное выражение лица, кондуктор не стал к нему приставать. Неизвестно, сколько кругов проехал он на автобусе, но вернулся опять к той же остановке, к магазину около дома, где продавали масло. Перед магазином выстроилась длинная очередь желающих выкупить то небольшое количество масла, которое тогда выдавали. А он и очереди как будто не видит, идет прямо вперед и говорит, что ему нужно масло. Задние ждали уже давно, и некоторые разнервничались, стали с ним ругаться. Подошел наблюдавший за порядком патрульный с ружьем, хотел его забрать, а он воспротивился. Патрульный пригрозил ружьем, но он еще больше распалился, отставил в сторону бутылку из-под масла и, обнажив грудь, закричал: «Стреляй! Прямо сюда стреляй! Что умереть, что не умереть — все равно!»

Видя такое, люди больше уже с ним не спорили, дали купить масла, лишь бы скорее убрался во избежание неприятностей. Неизвестно, где он еще бродил, но когда вернулся домой, масла с ним не было, и куда оно подевалось, сказать не мог. Посылать его с поручениями перестали.

Очень обеспокоенная из-за сыночка, мать пошла к «почтенным докторам» узнать о причине и попросить, чтобы они еще раз его полечили. Чжан Хэдао с улыбкой ей сказал: «С твоим сынком все в порядке, он не болен. Но разве выходят бессмертные духи из нормальных людей? Этого ребенка ждет великая судьба. Ты успокойся, все будет хорошо». Матушка Ван поверила его словам и предоставила Липина самому себе.

Что было удивительно, так это то, что где бы Ван Липин ни бродил, каждый день в точно назначенное время он появлялся в жилище трех стариков. Старики требовали, чтобы он ежедневно ставил курительные свечки к табличке души «Ван Юншэна» и земно кланялся, прося «Ван Юншэна» охранять его и помогать ему. Ван Липин не очень понимал, зачем надо кланяться самому себе и у самого себя просить защиты и помощи, и кто он, в конце концов такой — мертвец или еще жив. Человек Дао Великой Пустоты, зная о таком недоумении, разъяснил: «Ты живой труп, то есть и жив и мертв одновременно. Ты сейчас отличаешься от обычных живых людей, и тебе сейчас в этом брэнном мире нужна только чашка риса, а все остальное — лишнее, понял?»

Несмотря на это предупреждение, он продолжал свои безрассудства, так что Учителю приходилось терпеливо его наставлять. «Существуют Три Мира. Одни люди после смерти идут в Нижний Мир, другие — в Верхний. Верхний мир в тысячу раз лучше Нижнего. Хочешь в Верхний Мир, так надо прилагать упорство и старание, снова и снова работать над собой, совершенствоваться в выплавлении себя. Позже ты сам сможешь все это понять».

И хотя Ван Липин был не в силах отделаться от скрытой печали, он все-таки продолжал по повелению стариков ежедневно исполнять церемонии и делал это неукоснительно.

Однажды, когда Ван Липин завершил воскурение свеч перед табличкой своей души,

Дед-Учитель приказал ему сесть и рассказал историю, как патриарх Чуньян совершенствовался в Дао. Он хотел поддержать Ван Липина.

Вот что Ван Липин услышал: «Когда патриарху Чуньяну– Двойному Солнцу исполнилось сорок восемь лет, он был посвящен в монахи патриархом Чуньяном – Чистым Солнцем, а на следующий год опять встретился с этим истинным небожителем, который научил его пяти тайным заклинаниям. И с этого времени со всей искренностью занимался совершенствованием в выплавлении. Еще через год в деревне Наньшицунь в уезде Чжуннань он вырыл могилу, насыпал курган высотой в несколько локтей и на нем установил стелу с надписью „Табличка души Ван-гуна“. Глубиной могила была больше трех метров. И он жил в ней два с лишним года. Патриарх Чуньян сам написал несколько строф в жанре „цы“, где все это описано. Там есть такие слова:

Ван Чжэчэн, живой мертвец,
Ты с одним концом «мирил» другой конец,
Имя взял «Двойное Солнце»,
Прозван же «Могильный Червь».
Жил заботой об одном –
Душе по смерти тела нужен новый дом,
За корыстью не гонялся,
Мудрость отрешения передать хотел.
Труп живой, а, труп живой,
Смерть при жизни может дать покой,
Ты от суеты мирской
Отделен могильной тишиной.
Словно труп, в щели могилы
Один бездельник глупый обитает,
«Сердца Истинность» питает,
А зачем – того никто не знает.
Кто расчистит Дао-Путь,
Ляжет ровный Путь тому под ноги,
Так озарит луна дорогу,
Тому, кто разгонит стаи туч.
Может, потому, в грязи зарытый,
Ношу недеянья живой труп таскает,
Что луна, от мира скрытая,
Свежий ветер вызывает.

Смысл стихов патриарха Чуньяна очень глубок, эти стихи проясняют. Ты сейчас сам живой мертвец и должен понять, что имел в виду патриарх».

И вправду, от поучения Деда у Ван Липина произошло просветление. Он поклонился наставникам, благодаря их за милосердие в своем перевоспитании, и снова повторил слова клятвы – всем сердцем стремиться к Дао и крепить свою волю, чтобы она была неизменной.

У Ван Липина началась совершенно новая жизнь. Он продолжал восхождение.

Глава седьмая

С головой в самосовершенствовании

Шестым этапом продвижения Ван Липина в области изучения Дао было «самосовершенствование».

До голодания и смерти он уже четыре года учился Дао, учился старательно и упорно, уже была заложена прочная основа и имелись успехи во внешнем и внутреннем мастерстве. Но если обобщить все достигнутое одним выражением, это было мастерство обычного

человека. Такому могут научиться все обычные люди, надо только знать приемы и постоянно их практиковать.

У Ван Липина, по сравнению с другими людьми, в изучении Дао было два преимущества. Во-первых, он изучал Дао в отроческие годы. От природы Ван Липин был умным и чистосердечным, а это самые необходимые для изучения Дао условия. Учение Драконовых Ворот Цельной Истинности обращает особое внимание как на совершенствование сердечной природы, так и на совершенствование жизни, сначала совершенствуется сердечная природа, а потом жизнь, причем из внешнего и внутреннего мастерства особый упор делается на совершенствовании в выплавлении внутреннего мастерства. «Раскаяние в ошибках», «сосредоточение ума и пестование природы» – все это относилось к совершенствованию сердечной природы, и на это было затрачено немало времени и энергии именно для того, чтобы заложить хорошую базу. Одни только эти два шага в обучении мастерству обыкновенному человеку очень трудно сделать и сделать полностью. Но этот подросток сделал все, причем сделал очень серьезно и полно. Второе преимущество состояло в том, что у него были просветленные Учителя, которые обучали его самолично. Да не один Учитель, а трое, и все они были людьми высокого Дао, высокого Дэ, высокого мастерства и высокого возраста. В истории даосизма редко случалось, чтобы при передаче Дао опыт троих просветленных Учителей в совершенствовании в выплавлении сосредоточивался для обучения единственного ученика и высокое внешнее и внутреннее мастерство сразу троих передавалось одному. У обыкновенных людей нет таких условий, поэтому даже для овладения тем уровнем мастерства, которое у Ван Липина было до голодания, им требуется истратить не один десяток лет.

Но все эти умения были лишь подготовительным этапом для более высокого мастерства. Ван Липин, уже один раз умерший, сейчас стал новым человеком, и три старика собирались обучать его по новой программе.

На следующий день Дед-Учитель, заметив, что он «пришел в себя», хотя внешне все было по-прежнему, сказав ему: «Прошедший заставу между жизнью и смертью всего лишь отделил себя от плода, рожденного отцом и матерью, отличился от обыкновенных людей. Но от Великого Дао он еще очень далек. Дао подразделяется на Три Колесницы, и начинать совершенствование надо с Нижней, а великого совершенства можно достичь, лишь переходя с Нижней на Среднюю, со Средней на Высшую, шаг за шагом продвигаясь вверх. Многие люди, занимающиеся самосовершенствованием, тому, что делали утром, изменяют вечером, то, что делали сидя, разрушают, когда встают. Они радуются мгновению, но пресыщаются, если приходится заниматься долго, начинают старательно, а кончают лениво и безрезультатно. Учатся не до тонкости, работают без тщания, ум их в беспокойстве, энергия шэнь не истинна, они тратят на учебу годы, а успехов все равно нет. Похоже, как говорится, что Великое Дао пренебрегает людьми. В действительности же не Дао пренебрегает людьми, а сами люди пренебрегают Дао».

Ван Липин спокойно слушал, ожидая того, что будет сказано дальше.

«Патриарх Чунъян сам вырыл себе могилу, сломав различия между жизнью и смертью, два года провел в ней в медитации и завершил великое дело. Ты сейчас должен сделать еще один шаг вперед, но начинать надо по-прежнему с закладывания основы, только тогда это будет истинное совершенствование».

А далее Дед подробно пересказал Ван Липину «Пятнадцать рассуждений Чунъяна об основании учения»:

Рассуждение седьмое. О сидении

Обычное сидение, при котором не соблюдается прямое положение спины и глаза не прикрыты, это сидение ложное. Истинное сидение требует, чтобы в течение двенадцати страж, будешь ли ты ходить, сидеть, лежать, двигаться или пребывать в покое, сердце всегда было подобно горе Тайшань, недвижимой и неколебимой. Должны быть накрепко закрыты Четверо Врат – глаза, уши, рот, нос – чтобы внутрь не проникли внешние раздражители. Если есть хоть малейшая мысль, спокойная или беспокойная, это уже не называется сидением в

покое. Кто способен на это, имя того уже стоит в ряду небожителей, пусть даже тело его в брэнном мире. И не надо ему далеко отличаться от обыкновенных людей по виду, это внутренняя совершенная мудрость. А исполнится сто лет работы – он оставляет оболочку и восходит к истине, как только Пилюля завяжется, дух совмещается с внешностью.

Рассуждение восьмое. О мысленном падении

Можно говорить о Дао сердца, если оно постоянно и глубоко. Если сердце не волнуется, если оно темно и безмолвно, не воспринимает Тьмы вещей, если оно в другом мире, не внутри и не вовне, если в нем нет и следа мысли, то это установившееся сердце, в котором не может быть мысленного падения. Если сердце живет в зависимости от обстановки, если оно кувьркается, гонится за одним, а получает другое, это называется смущающим сердцем. Следует быстро его отсечь, нельзя давать ему свободы, оно разрушит мораль, нанесет вред сердечной природе и жизни. Если двигаясь, сидя и лежа, ты все время падаешь мыслью, ощущения от слуха и зрения становятся порочными.

Рассуждение девятое. О выплавлении сердечной природы

Налаживание сердечной природы подобно настройке струн лютни, перетянешь – порвутся, недотянешь – не будут звучать. Надо найти в натягивании середину, тогда лютня будет настроена. Это похоже еще на отливку меча, много железа – будет хрупким, много олова – будет гнуться. Надо найти середину в содержании железа и олова, тогда меч будет хорошим. Если при настройке выплавления сердечной природы держаться этих двух образцов, она сама собой сделается чудесной.

Дед-Учитель передал также Ван Липину отрывок из речи Даньяна, Истинного Человека Киноварного Солнца, на заседании Общества Чуньяна в горах Лунмэньшань. Даньян тогда сказал:

Вы никогда не должны забывать о повседневных делах. Есть два вида повседневности, внешняя и внутренняя. Внешняя повседневность замечает у других много ошибок, а себя похваливает за уже приобретенное Дэ, ревнует к мудрости, завидует таланту. В устремлениях ее нет светлого огня, мысли суетные, появляется желание всех победить, представление о своем «я» ложное, ненависть и любовь различаются только на словах. Внутренняя повседневность забывает подозрительность, но не забывает о внутреннем. С ней плывешь, как на облачке, она очищает сердце, освобождает от желаний, нет ни привязок, ни препятствий, ни прикрашивания, ни выдумок, истинная чистота и истинный покой, воля и независимость.

А еще Дед рассказал Ван Липину о правилах Чанчуня, Истинного Человека Вечной Молодости. Они гласили:

Живущие в обители да хранят чистую пустоту и бесстрашие, несуетность и уединение. Да будет прислушивание к сердечной природе их основой, а пестование жизни их делом. Мягкость и податливость да будут их правилами, скромность и согласие – их добродетелями, милосердие и сострадание – их корнями, помощь и поддержка – их путями. Среди людей да ставят они себя всегда ниже всех, да хранят покой, не допуская в себя грязных чувств. В делах суетного мира да не растрачиваются их силы сверх меры. В еде и платье да не будет ничего сверх необходимого. Да не будет в обители излишков в запасах хлеба, не будет жадности в одежде. Если у постоянных обитателей появятся излишки, да раздадут они их проходящим и уходящим и проходящим мимо беднякам. В помощи другим местам или в устройстве постных угощений в обители не должно быть ложного, только светлое и чистое. Да сметается пыль и грязь, да чистятся и омываются водой котлы перед приготовлением пищи, да устраняются корыстные намерения и гнев. Да сохраняется единство, да будут отринуты споры. Разделение по иерархии мешает поддержанию единства, да настраивается и выплавляется истинная природа во взаимном обмене. Кто не способен держаться этого, тот не может нейтрализовать положительное и отрицательное. Да стремятся избежать мысленного падения, разделения на свое и чужое, да станут глухи и слепы к соблазну звуков и цветов, да забудут о формах, оставят мудрствования, да держатся отсутствия желаний. Да будут равно приняты здесь приверженцы всех трех религий, да не будет в этом допущено

нерадивости.

Де д– Учитель одно за другим пересказывал и комментировал эти правила патриарха , чтобы был понятен их смысл. Ван Липину, который стал теперь новым человеком, необходимо было хорошо разбираться в этих принципах людей, занимающихся самосовершенствованием, это очень важная сторона самосовершенствования. У даосов законов чистоты и заповедей дисциплины очень много, и послушник все их должен знать и соблюдать. Главное в них – как дисциплинировать себя и относиться к другим, как относиться к вещам и событиям. Все они пронизаны идеями даосизма, то есть требованием действовать согласно законам естественности, помогать государству, спасать народ, уважать предков, почитать учителей, совершать добрые поступки для накопления заслуг, отказываться от вредных привычек, совершенствовать сердечную природу и пестовать жизнь, чтобы превзойти уровень заурядности и стать совершенномудрым.

Ван Липин запечатлевал в сердце рассказы Деда-Учителя и одновременно тщательно осваивал мастерство выплавления сердечной природы в течение круглых суток и в любом состоянии – сидя, лежа, стоя, при ходьбе и т.д.

Однажды Дед-Учитель снова повел рассказ о Дао. На этот раз речь шла о «Песне про совершенствование в толковании черт» патриарха Люя. Дед читал наизусть и давал пояснения, пока у Ван Липина не появилось такое ощущение, что внутри у него уже завязалась Золотая Пиллюля, и он сам, взмыв в воздух, летит по Трем Мирам. А в конце Дед спел всю эту песню:

Не ценит славы, верен только Дао
Потомок истый мудрецов святых,
На злато, яшму и на коней гордых
Не бросит взора – как на пыль в щели.
К пыли в щелях, к огню, сокрытом в камнях,
К чему взывать напрасно? Никогда
На зов страданья не найдешь ответа
Там, где борьба за славу и корысть,
Кипят, словно в котле.
В котлах кипящих тонут без зазренья,
Утраты Дао корень в них сокрыт.
Небес Пружину только тот узрит,
Кто справедлив и знает угрызенья.
Изведав Жизнь, поняв Природу Сердца,
Святым и бодисатвой можно стать.
Путем Чистейших люди редко ходят,
За вход и выход у Шести Ворот,
Что на Пути, они дерутся снова.
Чтоб мудрость оберечь, пресечь сомненья нужно,
Заставы Жизни и Природы Сердца
Пружину нужно зорко охранять.
Всего один отсутствует в букете
Цветок – и нет благоуханья в нем.
Оборотись, восполни упущенье!
Быть может, думал о Природе Сердца,
Про Жизнь забыв совсем? – Такой порок
В работе над собой у нас – первейший.
Иль родовую ты лелеял сущность,
Работать над Пиллюлей позабыв?
Тьмы Иньских темных душ в итоге
Стать совершенномудрым не дадут.

А в храме Жизни позабудешь Сущность –
И вот уже для Зеркала Шкатулка
В твоих руках – а Зеркала в ней нет!
И будь Дурак, как мир сам долголетен,
Он не имеет рычагов, чтоб ими
Богатством Дома мудро управлять.
Работай глубже над своею Жизнью,
Природу Сердца шире раскрывай,
И пусть встают со дна морского волны,
Управиться с Ладьей Закона сможешь,
Живьем Дракон морской тобою будет пойман,
Тогда поймешь – что в сказках говорится
О Мастерстве – не рассказы пустые.

Прошло чуть не полдня, а Дед-Учитель все пел и рассказывал, не двигаясь с места, и не прерывался даже, чтобы напиться воды. Учителя-Отцы тоже сидели прямо и не шевелились, слушали, а, похоже, одновременно и медитировали. Ван Липин вслушивался внимательно в каждое слово и ясно понимал великий смысл сказанного

В голове у Ван Липина вертелся один вопрос. но он задал его, лишь когда Дед закончил свой рассказ: «Уважаемый Учитель, это ведь только начальное мастерство, а что дальше?»

Дед-Учитель сказал в ответ: «Не торопись. Послушай еще „Троесловие“ патриарха Люя». И снова запел:

Дао-Путь – не дорога торная,
Он Ума и Тела корень
И жизни и смерти суть.
Пусть над тем, что в словах смехотворно,
А на деле чудесно,
Хохоchet с издевкой толпа,
Только все надо «перевернуть».
Не насытишься грязью, не спорь,
А ступай по Пути – будет чудо.
Как предвестье расцвета Небес и земли
Все раздоры и ссоры утихнут,
Тот, кто Дао узнает, проглотит язык.
То росток исцеленья, предвестие Прежнего Неба.
Меж бровями ищи, по обратному следуй пути.
О добре и о хуе понятия –наше знание от них.
Станут лишними оба, прекрасно то непостиженье!
В путь пускаясь, не слушай того, кто окликнет с обочин тебя,
Лишь удерживай ци, не растрачивай попусту шэнь.
Коль движения нет, только старость в удел получаешь,
Ну а истины свет стариков превращает в детей.
Не нужны поученья тому, кто не ведает звуков,
Мало правил совсем у идущих Великим Путем.
Цзин, ци, шэнь –от старенья лекарство,
За покоя внутри полноту воздаяние – внутренний свет,
Запрягай же луаней и фениксов и – зову Неба внемли.

Дед-Учитель закончил пение и больше ничего не объяснял. Ван Липин и так уже понял смысл. А особенно хорошо запомнил три слова в конце – цзин, ци, шэнь.

Дед, прикрыв глаза, пестовал дух шэнь, а Учитель-Отец, Человек Дао Чистого Покоя,

продолжил для Ван Липина рассказ о начальной ступени мастерства.

Эта начальная работа зовется еще фундаментом. Работа по закладке фундамента также подразделяется на три уровня, и на каждом уровне работают над этими «цзин, ци, шэнь». В начале выплавки фундамента требуется выплавить Нижний Даньтянь – Нижнее Поле Пилюли. У обычных людей в теле происходят утечки, и надо сначала выплавлять возвращение к первоначальному состоянию и пополнение утечек. После наполнения семенем цзин, которое уже не утекает, идут выше, то есть выплавляют превращение цзин в ци, выплавляют превращение ци в дух шэнь, выплавляют возвращение шэнь в пустоту. Но люди обыкновенно считают, что если в Даньтяне ци достаточно, то там завязывается Пилюля. В действительности же они не имеют и представления, где завязывается Пилюля, что такое Золотая и Яшмовая Жидкость. Они останавливаются на уровне Нижнего из Трех Миров, уровне «людей-событий-вещей». Ван Липин сейчас начал совершенствоваться в выплавлении Среднего из Трех Миров, мира «Неба-земли-человека». Начальное мастерство здесь тоже является фундаментом, здесь также выплавляются цзин, ци и шэнь, но совершенствование в выплавлении происходит на более высоком уровне.

Дед и Отцы-Учителя преподавали Ван Липину тайные способы, передававшиеся в школе Драконовых Ворот под названием «Мастерство Трех Бессмертных».

«Мастерство Трех Бессмертных» имеет своим источником «Способы завершения Драгоценностей Духа» («Лин бао би фа»). Книга «Лин бао би фа» составлена Истинным Человеком Зенита Чжун Лицюанем. В предисловии к ней он писал:

«Ваш покорный слуга преклонялся перед мудрецами прошлого и лелеял в сердце Великое Дао. Не желал поднимать оружия, а время было смутное и опасное. Начал со спасения бегством от мира, жил на берегах рек и озер и горных ручьев. Познать свою природу и сосредоточить сердце можно лишь в чистоте и тишине. В канонах о Пилюле, которые за это время читал, сконцентрирован опыт даосов, но говорилось в них лишь о малых правилах пестования жизни и не говорилось о великом Дао истинных бессмертных. Тридцать свитков канонов Драгоценности Духа нашли замурованными в каменной стеле в горах Чжуннаньшань. Первая часть „Цзин гао шу“ („Книга Золотых указов“) создана в первоначальные времена. Средняя часть „Юй лу“ („Яшмовые записи“) пересказана первыми императорами. Последняя часть „Чжэнь юань и“ („Смысл Источника Истины“) передана свыше. Всего несколько тысяч слов. Я с утра до ночи обдумывал мир далеко вокруг и глубоко в себе и понял наконец, что в Инь содержится Ян, а в Ян содержится Инь. Это соответствует раздвиганию вверх и вниз исконного Неба-Земли, это принцип взаимодействия солнца и луны. В ци рождается вода, в воде рождается ци, это принцип взаимодействия сердца и почек. Только при соединении знаков Цзя и Гэн проверяется правильность Золотой Пилюли. При извлечении и пополнении Мао и Ю естественные фазы огня безошибочны. Красный свинец и черный свинец, проникая до дна, не составляют Великого Снадобья. Золотая Жидкость и Яшмовая Жидкость доходят до дна, лишь тогда становятся Возвращающейся Пилюлей. От Отсутствия переходящий к Наличию всегда лелеет карающее сердце, снизу поднимающийся вверх постепенно вступает в обитель тишины. Извлекай свинец и пополняй ртуть, и так две восьмерки Инь. На смену костей и выплавление формы тратятся девять троек Ян. Чист или грязен источник, судят после переправы через него. Истинную пустоту того, что внутри, узнаешь в тот день, когда будешь сидеть, забыв обо всем. Скрытый смысл Сокровенной Пружины трудно исчерпать. Только книги, в которых собраны чудесные принципы Драгоценностей Духа, пригодны для того, чтобы превзойти заурядность и вступить в совершенную мудрость. В общем это способы Трех Колесниц, называемые „Способами завершения Драгоценностей Духа“. В речи совершенномудрых о Великом Дао не посмел вторгаться в одиночку, вместе со мной был Дунбинь. Полное раскрытие тайн Дао остается на долю мужей будущего.» («Дао цзан», кн.28).

Когда Люй Дунбинь прибыл в Чжуннаньшань и во второй раз встретился с Чжун Лицюанем, два Истинных Человека вместе обсудили даосскую технику пестования жизни, а

Ши Цзянью записал их диалоги, отредактировал записи и передал их миру. Это и есть «Собрание речей Люй Дунбиня о Дао», входящее в «Дао цзан». Люй и Чжун обсудили всего девяносто вопросов, касающихся восемнадцати областей, и систематично и полно рассказали о сущности учения о внутреннем мастерстве. Самый последний вопрос Люя был таков: «Ныне уважаемый Учитель особо удостоил меня разговором о великом смысле тишины, о Сокровенной Пружине Неба и земли. Но зная чудесные принципы и не умея их осуществить, в конечном счете не овладеешь мастерством. Позвольте спросить о приемах осуществления, с чего начинать, как работать?» Чжун отвечал: «У Вашего покорного слуги есть „Способы завершения Драгоценностей Духа“. Нужно выбрать счастливый день и преподать их Вам».

Такова история «Способов завершения Драгоценностей Духа».

«Способы завершения Драгоценностей Духа» подразделяются на Три Колесницы – Небесную, земную и человеческую:

Малая Колесница человеческих бессмертных
Четверо врат к способам покоя, радости и продления жизни
Первые – подбор пары Инь-Ян
Вторые –собрание и рассеивание Воды и Огня
Третьи – совокупление Дракона и Тигра
Четвертые –выплавление Пилюли и Элексира
Средняя Колесница земных бессмертных
Трое врат к способам того, как при долгой жизни не умереть
Пятые –испарение Золотого Кристалла выше локтя
Шестые –Яшмовая Жидкость и Возвращающаяся Пилюля
Седьмые –Золотая Жидкость и Возвращающаяся Пилюля
Великая Колесница Небесных бессмертных
Трое врат к способам превосходения заурядности и
вхождения
в совершенную мудрость
Восьмые – поворот лицом к изначальному
Девятые –внутреннее созерцание
Десятые –превосхождение и отрыв

В «Лин Бао би фа» о смысле работы рассказывается глубоко и всесторонне, но вот о конкретных приемах совершенствования в выплавлении говорится довольно мало. Когда этот классический трактат попал к Ван Чунъяну, тот на его принципах создал комплекс приемов работы, которые непосредственно используются при совершенствовании в выплавлении, это и было «Мастерство Трех Бессмертных». Ван Чунъян передал «Мастерство Трех Бессмертных» Цю Чуцзи, а уж потом оно сделалось секретом, передаваемым только внутри школы Драконовых Ворот.

Теоретической основой «Мастерства Трех Бессмертных» является идея единства Неба и Человека. В нем Инь-Ян и Пять Элементов в теле человека приводятся в соответствие с Инь-Ян и Пятью Элементами небесных тел (солнца, луны, звезд, земного шара и т.д.) и, выражаясь математически, проводится совершенствование в выплавлении сначала объема, потом переходят от плоскости к линии и, наконец, к точке, так постепенно осуществляется переход к высшей Колеснице. Мастерство Трех Бессмертных –это мастерство медитации в покое. В сочетании с Мастерством Равновесия, или внешнего движения, с Мастерством Сна, или промежуточным мастерством, оно составляет целостный комплекс совершенствования сердечной природы и жизни школы Драконовых Ворот, приемы даосского мастерства, в котором сочетаются покой и движение.

В «Мастерстве Трех Бессмертных» фундаментальным приемом, приемом возвращения к истокам и пополнения утечек служат «Способы привлечения бессмертных» – «Инь сян фа», с их помощью, начиная от Беспредельного, выстраиваются Девять Дворцов. В

«Способах привлечения бессмертных» способов всего двенадцать:

1. сосредоточение ума при сидении в покое
2. настройка тела
3. прекращение созерцания и слушания
4. сосредоточение зрения, внутренний слух
5. настройка обычного дыхания
6. работа трех шагов со спокойным шэнь
7. настройка истинного дыхания
8. тренировка удержания от утечек
9. внутреннее зрение и внутренний слух
10. сосредоточение шэнь в тишине
11. прислушивание к дыханию, следование за дыханием
12. пестование сердца, омывание в ручье

Все приемы комплекса концентрируются вокруг «покоя», производится регулирование тела, дыхания, выплавление формы и духа. При регулировании тела, когда принята поза тигля и закрыты все девять отверстий, происходит вот что:

Глаза не смотрят, а душа-хунь в печени,
Уши не слушают, а семя-цзин в почках,
Язык не шевелится, а дух-шэнь в сердце,
Нос не ощущает запахов, а душа-хунь в легких,
Конечности не движутся, а мысль в селезенке.

При настройке дыхания, то есть при переходе от обычного дыхания к истинному, обычное дыхание приостанавливается, а истинное дыхание приходит в действие. Здесь главные приемы и заклинания таковы:

Ци вдоха проходит под пупком, Ци выдоха не выходит из сердца;
Вдыхая ци, вбираешь самого себя, вбираешь мир;
Выдыхая Ци, выпускаешь наружу, выпускаешь во все стороны, образуешь шар.
(Си ци гоу ци ся, ху Ци бу чу синь;
Си ци, шоу шэшь, шоу юй чжоу;
ху Ци, вай фан, сян сы мянь ба фан фан, фан чэн юань син).

Выплавление формы означает, что внутренним зрением и слухом, появившимися после прекращения внешнего созерцания и слушания и приведения в действие истинного дыхания, слушают собственное сердце, сердце Дао и сердце Неба, то есть слушают биение своего сердца и то, как истинное дыхание следует обращению небесных тел. Когда Пять Элементов в собственном теле займут подходящие им места, начинается безмолвное движение их внутри тела в порядке линии взаимопорождения Небесных Пяти Элементов – из почек в печень, из печени в сердце, из сердца в селезенку, из селезенки в легкие, из легких снова в почки и так далее, цикл за циклом.

При выплавлении духа шэнь дают мысли войти в космос тела, во все поры и биологически активные точки тела и в конце концов достигают состояния бессознательности.

Когда выплавляешь дух шэнь,
надо выплавлять из неодухотворенного одухотворенное,
Когда вносят дух в неодухотворенное,
неодухотворенное одухотворяется.

И, наконец, пестование сердца, омывание в ручье, то есть вхождение в великую устойчивость. В главе «Ван цзы пянь» («О забывании слов») говорится:

Забыванием понятий можно питать ум,
Забыванием чувств можно питать сердечную природу,
Забыванием покоя можно питать шэнь,
Забыванием секса можно питать цзин,
Забыванием страсти можно питать форму,
Забыванием формы можно питать Ци,
Забыванием «Я» можно питать пустоту,
Забыванием дел можно питать Дао.

А существует еще «Закливание со словом Сокращение» («Гуа цзы цзюэ»):

Сокращением речей можно питать Ци,
Сокращением дел можно питать славу,
Сокращением слушания можно питать сообразительность,
Сокращением размышлений можно питать ум,
Сокращением страстей можно питать природу,
Сокращением волнений можно питать шэнь,
Сокращением Дэ можно питать цзин.

И еще есть «Закливание со словами Ци» («Ци цзы цзюэ»), где говорится:

Уменьшением болтовни можно питать внутреннее Ци,
Сокращением страстей пола можно питать Ци семени цзин,
Пренебрежением ко вкусному можно питать безвкусное Ци,
Подавлением слюны можно питать Ци плотных органов,
Отказом от гнева можно питать Ци печени,
Ограничением в питье и пище можно пестовать Ци желудка,
Выравниванием зародышевого дыхания можно пестовать Ци

легких,

Уменьшением размышлений можно питать Ци сердца,
Не упуская семени, можно питать Ци почек,
Старательным сбережением можно питать Ци духа шэнь.

До того как Ван Липин умер после голодания, Учителя преподавали ему немало приемов мастерства из «Внутреннего мастерства укрепления умственных способностей энциклопедии Драгоценностей Духа» («Лин Бао тун чжи нэн нэй гун шу»). а сейчас он продвинулся на более высокий уровень, и они учили его «Мастерству Трех Бессмертных».

Человек Дао Чистого Покоя рассказывал: «Мастерство Трех Бессмертных» ведется от «Способов завершения Драгоценностей Духа», это способы совершенствования в выплавлении соответствия между человеком и Небом, соответствия между Последующим Небом и Прежним Небом. Способы делятся на Три Колесницы, десять врат, сорок пять ступеней, они требуют девяти лет сидения лицом к стене, одного года омывания в ручье, всего для завершения требуется десять лет. В Малой Колеснице, в способах покоя, радости и продления жизни, четверо врат, это мастерство человеческого бессмертия, в нем семнадцать ступеней. В Средней Колеснице, в способах долгой жизни без умирания, трое врат, это мастерство земного бессмертия, в нем шестнадцать ступеней. В Великой Колеснице, в способах превосходения заурядности и вступления в совершенную мудрость, трое врат, это мастерство небесного бессмертия, в нем двенадцать ступеней. Мастерство Малой Колесницы ты фактически уже выплавил. сейчас ты и принадлежишь к Низшему из Трех Миров и не принадлежишь к нему. Нужно начинать выплавление по способам Средней Колесницы. И

начальная работа здесь опять же с цзин, ци и шэнь.

И Учитель Чистого Покоя принялся за обучение Ван Липина базовому мастерству следующего уровня. Эти цзин, ци и шэнь патриархи называли также «Тремя Цветками». «Три цветка» ночью находятся в почках, а днем сохраняются в трех местах: цзин – в ушах, ци – во рту, а шэнь – в глазах. Поэтому долгое слушание наносит ущерб цзин, долгое говорение – ущерб ци, долгое разглядывание – ущерб шэнь. «Цзин», о котором здесь говорится, также является бесформенным, но обладающим материальностью. Во время совершенствования в выплавлении затыкают свои уши, закрывают глаза и сжимают губы, чтобы цзин, ци и шэнь сконцентрировались на макушке, во Дворце Глиняного Шарика, это называется «собрать Три Цветка на макушке».

Пять Элементов человеческого тела также нужно, используя способы выплавления, направить в одно место. Когда глаза не смотрят, душа-хунь в печени, когда уши не слышат, цзин – в почках, когда на языке нет вкусовых ощущений, шэнь – в сердце, когда нос не ощущает запахов, душа-по – в легких, когда конечности недвижны, мысль – в селезенке. Таким образом ци этих пяти плотных органов возвращается и концентрируется в «Сюань Гуань», «Сокровенной Заставе», то есть во лбу. Это называется «Повернуть пять ци к Изначальному».

Базовое мастерство следующего уровня состоит в том, чтобы овладеть способами пополнения Трех Первоначал в своем теле. Первой заставой при внутреннем выплавлении является метаморфоза цзин в Ци, когда достигается взаимосоединение Первоначального цзин и Первоначального ци с Первоначальным шэнь, при сгущении образуется Ци, результат соединения цзин и ци, называемое также «Великим Снадобьем». Средней заставой внутреннего выплавления является выплавление метаморфозы Ци в шэнь, когда «Великое Снадобье» соединяется с Первоначальным шэнь и превращается Шэнь, сгущенное из Трех Первоначал. Это «Шэнь» располагается во Дворце Глиняного Шарика. Дворец Глиняного Шарика является также Верхним Даньтянем, в пустоте открывается полость, там и хранится Шэнь.

В результате занятий совершенствованием в выплавлении Ван Липин через некоторое время стал внутренним зрением видеть на макушке на месте Дворца Глиняного Шарика светящуюся точку. Учителя тоже увидели светящуюся точку и поняли, что полость у него на макушке открылась, что базовая работа завершена, и тогда стали руководить им в выплавлении Девяти Дворцов на голове.

Время перед рассветом, солнце еще не встало. В небе мерцают звезды, вдруг пронесется метеор и во мгновение ока исчезнет. Чуть проступают вдали темные силуэты гор, изредка доносится далекие крики петухов и лай собак. Люди еще спят. А на вершине горы уже сидят четверо в позе тигля, пристально всматриваясь в восточный край горизонта. На кайме небесного занавеса сияет яркая и лучистая звезда. Она плавно движется меж других звезд. Дед-Учитель сообщает Ван Липину, что это Меркурий, Звезда Воды. Обычно отыскать его нелегко, только перед рассветом над восточной кромкой горизонта или к вечеру над западной, он ближе к нам, чем неподвижные звезды. В своем свободном движении по небу он почти неощутимо влияет на землю и все, что на ней есть.

«Прикрой легонько глаза, позабудь себя, и ты почувствуешь тонкие и тончайшие изменения, которые он производит в тебе. Понаблюдай, какая реакция будет на них в твоём теле, какие изменения произойдут на голове, во Дворце Глиняного Шарика».

По указанию Учителей Ван Липин погружается в покой. О, туман! О, неясность! Эта звездочка подходит к нему, все ближе и ближе. О, далекое! О, смутное! Очень слабая, чуть заметная вибрация в почках. О, колеблющееся! О, мельчайшее! Во Дворце Глиняного Шарика возникает светящаяся точка, она тоже движется, мерцает.

Ван Липин докладывает старикам, что «ощутил» существование Меркурия. И старики уже увидели, что один «Дворец» на его голове движется.

Сумерки, последние бледные лучи солнца еще освещают западный край неба. Завеса ночи еще не опустилась. Над западной кромкой горизонта замерцала большая и яркая звезда.

Учителя говорят, что это Венера, Звезда Металла. Древние, видя ее в сумерках, называли «Звездой Долгожителей», а видя перед рассветом, – «Рассветной Звездой». Она влияет на железы человека, на макушке также есть соответствующая ей биологически активная точка. Если наблюдать дальше, станет видна еще одна звезда огненно-красного цвета, тоже движущаяся между звезд. Это Марс, Звезда Огня, влияющая на психические и физические силы человека, и опять на макушке есть соответствующая ей точка. А если понаблюдать за Юпитером, Звездой Дерева, то он непосредственно влияет на печень. Вслед за изменением угла склонения Юпитера над землей функции человеческой печени ослабляются или усиливаются. На небе есть очень медленно перемещающаяся звезда. Перемещения ее обнаружить почти невозможно, если только не наблюдать непрерывно, но она очень яркая, ярче звезд созвездия Пастуха и Ткачихи. Это Сатурн, Звезда Почвы, она влияет на человеческую систему пищеварения. А Меркурий (Звезда Воды) влияет на нервную систему человека.

Учителя велели Ван Липину совершенствоваться в выплавлении, наблюдая за звездами, и в процессе выплавления рассказывали ему кое-что о небесных телах и явлениях, направляли его мысли к звездному пространству, чтобы привести в соответствие человеческое совершенствование в выплавлении и движение небесных тел.

Живущие в горах даосы тоже так обучаются. Днем созерцают тень, вечером созерцают звезды и так день за днем и месяц за месяцем накапливают богатые знания о движении небесных тел – солнца, луны, звезд, и одновременно обнаруживают связи и соответствия между движениями небесных тел и человеческим совершенствованием в выплавлении.

В «Хуанди нэй цзин» («Трактате Желтого императора о внутреннем») в разделе «Су вэнь» («Вопросы о простом»), в главе «Шэн ци тун тянь» («О соединении живого ци с Небом») говорится:

Связующийся с Небом достигает корня жизни, коренящегося в Инь-Ян. Между Небом и землей, в Шести Единениях все Девять Областей ци, Девять Полостей, Пять Хранилищ, Двенадцать Сочленений проникнуты небесным ци.

Здесь говорится о взаимосоответствии человеческого тела и неба и земли. Между небом и землей земное ци внутри Шести Единений и Девяти Областей и человеческого ци Девяти Полостей, Пяти плотных органов и Двенадцати Сочленений соединяются с небесным ци. Шесть Единений – это шесть сторон света – восток, запад, север, юг, верх и низ. Девять Областей – это девять мифических островов на территории Китая, образовавшихся в результате всемирного потопа. Девять Полостей – глаза, уши, ноздри, рот, анус и уретра. Пять плотных органов – печень, сердце, селезенка, легкие, почки. Двенадцать Сочленений – два сустава лучезапястных, локтевых, плечевых, голеностопных, коленных и тазобедренных.

Позже, в процессе работы даосов по совершенствованию в выплавлении своего тела обнаружилось, что гораздо большее количество частей тела имеет соответствие небесным телам (включая Землю). Эти открытия имеют очень большое значение для изучения человека. И наоборот, очень важное значение имеет возврат от изучения человека к изучению небесных тел.

В «Дао цзане», в «Каноне Небесной Пружинь» (« Тянь Цзи цзин») говорится:

Девять полостей – это девять планет на небе, девять областей на земле и девять отверстий в человеке.

Те приемы работы, которым три старика сейчас обучали Ван Липина, относились уже не к девяти отверстиям человеческого тела, а к девяти скрытым полостям на макушке головы. В последние годы об этом было открыто рассказано в книге «Сю чжэнь ту» («План совершенствования истинности»). На голове у тех, кто занимается совершенствованием в выплавлении, есть большое кольцо, а внутри него располагаются девять малых колец. Это значит, что когда совершенствующийся в выплавлении доходит до определенного уровня работы над собой, на голове у него открывается некая полость, называемая Дворцом Глиняного Шарика. В центре Дворца Глиняного Шарика, располагается еще один дворец, а вокруг этого центрального дворца, большой светящейся точки, образуются девять

биологически активных точек. Внутренним зрением можно видеть, как девять маленьких ярких точек вращаются вокруг большой светящейся точки. Большая точка соответствует солнцу, а девять маленьких – девяти планетам солнечной системы. То, что это крошечное место на голове отражает солнечную систему, является ценнейшей составной частью сделанного даосами с помощью совершенствования в выплавлении открытия – открытия соответствия человека и неба.

Это научное открытие даосов до сих пор не получило полного признания, почти никто его внимательно не изучил и от науки его по-прежнему отделяет глубокая пропасть. Например, даосскую внешнюю алхимию, выплавление Внешней Пилюли, современная наука признает началом химической науки, это принимается и химиками и учеными специалистами других областей. Но на том все и кончается. Почти никто не собирается идти дальше, выяснять, следует ли еще заниматься изучением даосского выплавления Внешней Пилюли, приносит ли такая Пилюля человеку пользу.

И в наблюдении за небесными телами наука также идет своим собственным курсом и пренебрежительно отвергает даосские исследования неба, проводимые иными методами. Благодаря совершенствованию в выплавлении даосы давно знали, что «на небе есть девять планет». А наука выяснила это после изобретения оптических приборов. С тех пор как с помощью телескопа астрономия открыла Уран, началось изучение его орбиты. В результате наблюдений через некоторое время обнаружилось, что в своем движении вокруг солнца Уран отклоняется от должного курса, то есть действительная орбита не соответствует орбите, вычисленной теоретически. До 1822 года Уран двигался с ускорением, а потом начал замедляться. Это привело к предположению, что вероятно существует еще одна планета, которая его притягивает. Была проведена тщательная проверка, и в конце концов 22 сентября 1846 года на основе законов движения других планет была открыта новая планета – Нептун.

Конечно, самое большое влияние на человека оказывают такие небесные тела, как солнце, луна и Земля. Можно сказать, что Земля оставила на человеке свою тень. Но по-настоящему понять смысл этого выражения могут только совершенствующиеся в выплавлении.

Индия, как и Китай, является древнейшей культурной страной, и в ее истории также было множество самосовершенствующихся со своими собственными учениями и методами. Самое знаменитое из этих учений – йога. Интересно, что в индийской йоге, как и в китайском учении о пестовании жизни, используется идея единства неба и человека, есть немало общего между ними и в методах. Но так как расположение двух стран на земном шаре различно, так как они находятся на разных параллелях, различаются и центральные линии человеческого тела, выплавляемые в процессе совершенствования.

Даосы считают, что земной шар есть космос, космосом является также и человек. На земле есть параллели и меридианы, они есть и в человеческом теле. Проблема меридианов, каналов и биологически активных точек земли уже выдвигается некоторыми учеными, и это большой прорыв в области теории. Всемирно известны учение китайцев о каналах и меридианах человеческого тела и соответствующая практика. А учение и практика относительно параллелей человека долгое время были тайным достоянием даосов, мирянам совершенно неизвестным. Впервые о существовании параллелей в человеческом теле рассказал авторам этой книги Ван Липин. Мы надеемся, что это вызовет интерес во всем мире и поможет продвинуться далеко вперед в исследовании тайн человека.

Земля имеет центральную линию, то есть экватор. Есть центральная линия и в человеческом теле. Даосская техника пестования жизни делит тело человека на три места порождения Пилюли, это часто упоминаемые Верхний, Средний и Нижний Даньтяни. Обычно занимающиеся работой выплавления знают, что Нижний Даньтянь находится под пупком, в нижней части живота, но точное его расположение для них неясно. В разные времена даосские адепты тоже имели об этом различные мнения. Из своего собственного опыта совершенствования в выплавлении Ван Липин сделал вывод, что место расположения Нижнего Даньтяня в теле человека изменяется в зависимости от местоположения человека

на земном шаре. У китайцев он находится на расстоянии 1,2 –1,5 дюйма ниже пупка. У людей, живущих вблизи экватора, Нижний Даньтянь расположен ближе к пупку, а у живущих от экватора дальше, он от пупка дальше.

Если сказанное немного развернуть, то в человеческом теле сверху донизу имеется большое соответствие с землей с юга на север. Обычно север называют верхом, а юг низом, почему же в соответствии человеческого тела и земли имеет место такое «переворачивание»?

Ван Липин пояснил, что нормальное положение человека в утробе матери как раз головой вниз, это соответствует тому, что у земли юг внизу, а север наверху.

Почему даосы настаивают, что во время совершенствования в выплавлении необходимо сидеть со скрещенными ногами, а лучше всего в позе лотоса? Резон такой же. Именно потому, что необходимо подражать положению зародыша в утробе матери, чтобы нижние меридианы и биологически активные точки были полностью закрыты, чтобы не было утечек через открытые полости. Это удобнее всего для формирования зародышевого дыхания, а также для проходимости пупка, этой десятой полости тела. Другое важное назначение этой позы состоит в том, что она дает возможность ощутить в себе существование параллелей. Когда даосы говорят, что надо «девять лет сидеть лицом к стене, десять лет созреть и два года омыться в ручье, чтобы вернуться к Прежнему Небу», это означает, что достижение экстраординарных результатов в пестовании жизни происходит в том случае, если Великое Ци Прежнего Неба, непрерывно расходуемое в Последующем Небе, выплавляется в течение срока, в двенадцать раз превышающего срок пребывания зародыша в утробе матери.

В «Лао-цзы» говорится: «Храня в душе Единое, можно избавиться от утрат, делая ци податливым, можно стать подобным новорожденному младенцу». Возвращение от старости к детству – одна из целей, преследуемых даосским пестованием жизни. Человек старится, и целиком вернуться к стадии младенчества для него невозможно, но вот выплавить в процессе совершенствования некоторые характерные черты младенческого состояния – это доступно. Одна из таких характерных черт состоит в том, что у новорожденного младенца в теле совершенные меридианы и параллели. Наличие меридианов в человеческом теле уже является общеизвестным фактом, но обыкновенные люди их не видят, их невозможно увидеть с помощью научных приборов и западных методов медицины. Меридианы и каналы у человека существуют при жизни, их нельзя обнаружить анатомическим путем. Лишь с помощью методов внутреннего мастерства, Небесным Глазом можно явственно видеть меридианы и каналы в теле живого человека.

Точно таким же образом существуют в человеческом теле и параллели. Взаимопересекаясь с меридианами, они образуют в нем целостную систему каналов. Существование параллелей является «тайной за семью печатями», в том смысле, что о них мало кому известно, даже среди совершенствующихся в выплавлении. Но тому, кто узнает об их существовании, расположение биологически активных точек в теле человека сразу же становится понятным, за очень короткое время тогда можно запомнить несколько сот уже исследованных точек. Что же касается неисследованных точек, то оказывается возможным узнать места их расположения и функции.

Историческая миссия даосов как раз и состоит в том, чтобы с помощью методов совершенствования в выплавлении исследовать тайны человека, тайны небесных тел и тайны связи человека и неба.

Совершенствуясь под руководством трех стариков в выплавлении «Мастерства Трех Бессмертных», Ван Липин уже поднялся до столь высокой ступени, что занимался теми же самыми делами, что и тысячи ученых в мире, но только пути и способы у него были другие.

Г-н Ван Липин утверждает, что у даосов есть множество идей и открытий, которые могли бы способствовать глубокому просвещению людей, и принести огромную пользу развитию человечества.

Их не перечесть.

Выше уже говорилось о соответствиях в строении земного шара и человека, о том, что

Южный полюс соответствует голове. Даосы издавна знали, что Южный полюс – драгоценное место земли. Люди открыли Антарктиду в 30-х годах прошлого столетия. Почти одновременно начались исследования функций головного мозга, а на Западе сформировался «спиритизм». По мнению Ван Липина, это совсем не случайные совпадения.

Есть еще более удивительные вещи. В процессе совершенствования в выплавлении Ван Липин обнаружил, что у некоторых каналов человеческого тела есть начало, но нет конца или нет ни начала, ни конца. Дойдя до определенного места, они вдруг таинственным образом исчезают. В школе Драконовых Ворот такие каналы называют «тупиковыми». В теле есть еще «точки смерти», или «запретные точки», их местонахождение можно определить только с помощью внутреннего мастерства. Ни при лечении, ни при единоборстве их ни в коем случае нельзя затрагивать. Если случится что-нибудь с «тупиковым каналом» или будет затронута «запретная точка», человека поражает трудноизлечимый общий паралич, а в некоторых случаях и смерть.

Так вот, существуют ли такие «тупиковые каналы» на земном шаре? Существуют ли на земле «точки смерти»?

При упоминании о «точках смерти» земли естественно приходит на ум страшный «Бермудский треугольник». Он расположен на стыке Атлантического океана с Карибским морем, там часто таинственно и бесследно исчезают самолеты и корабли, это место зовется «Треугольником Ужаса». С точки зрения учения Ван Липина, Треугольник соответствует «тупиковому каналу» или «точке смерти» в человеческом теле. «Тупиковые каналы» и «точки смерти» у человека не всегда открыты. Представляется, что Бермудский треугольник тоже имеет свое особое время «открывания» и «закрывания», и когда «точка смерти» земного шара откроется, проходящим здесь людям, машинам, кораблям, самолетам не поздоровится. Что же касается того, когда именно эти точки открываются и закрываются, то тут тоже должна быть какая-то закономерность циклического характера. Это значит, что при изучении Земли ее надо рассматривать не как мертвую вещь, а как живой микрокосм. И здесь учение о меридианах, параллелях и каналах человеческого тела может стать теоретической основой для изучения земных параллелей, меридианов и каналов. Необходимо также изучать Землю с точки зрения ее положения внутри солнечной системы, исследовать взаимосвязь движения земли с другими планетами солнечной системы и небесными телами вне ее. Здесь даосские теории относительно «единства неба и человека», «взаимодействия неба и человека» также могут быть очень полезны.

С повышением уровня совершенствования в выплавлении можно отыскать в теле человека новые, все более потаенные «тупиковые каналы» и «точки смерти».

Дописав книгу до этого места, ее авторы во второй раз посетили г-на Ван Липина. В это время он как раз организовал в Шэньяне курс «неторопливые беседы о даосской технике пестования жизни», в котором участвовало 1400 человек. При встрече, не успев даже еще задать обычные вопросы о здоровье и жизни, авторы очертили на поясице г-на Вана в районе точки Ворот Жизни (Мин мэнь) кружок диаметром сантиметров в пять и спросили: «Верно ли, что в этом месте располагается хоть одна из „точек смерти“?» Ван Липин немного удивился: «А вы откуда это узнали?»

«Вычислили по земному шару!» Потом авторы с жаром открывателей новых материков рассказали, как это произошло.

Во время написания этой главы перед авторами всегда стоял маленький глобус. Однажды при взгляде на него у них родилась замечательная мысль: Ван Липин говорил, что в пренатальном периоде (периоде Прежнего Неба) человеческий зародыш получает питательные вещества от матери через пуповину. Значит, пупок – это точка, через которую человек снабжается питанием. «Пуп» Земли, соответствующий точке снабжения питанием в человеческом теле, также должен быть точкой снабжения Земли питанием Дед-Учитель в детстве говорил ему, что если от Центральной Китайской равнины идти прямо на юг, на какой-то линии можно отыскать точку снабжения Земли питанием. Авторы сейчас же по ассоциации подумали о гигантских залежах нефти в районе Восточного Китая. Не здесь ли и

расположена точка питания Земли, о которой говорил Человек Беспредельного Дао? Пусть пока будет так, а ассоциации продолжают. Пупку человека противостоит на пояснице место вокруг Мин Мэнь, Ворот Жизни. В линиях внутреннего мастерства (см. стр.) соединяющая их линия называется «линией сохранения жизни». Ну, а что же находится на стороне земного шара, противоположной Восточному Китаю? Повернем глобус. Поворот на 180 градусов заставил авторов книги прямо-таки вздрогнуть. По меридианам и параллелям выходило, что напротив расположен «Бермудский треугольник»! Так, может, между этими районами существует какая-то таинственная связь? «Бермудский треугольник» – это «точка смерти» Земли, а если в человеческом теле действительно есть глубинная связь с земным шаром, то в районе Ворот Жизни у человека должна быть по крайней мере одна точка смерти. С этой ассоциацией мы и пошли во второй раз к Ван Липину. Г-н Ван Липин, выхватив у одного из авторов ручку и бумагу, принялся рисовать и объяснять: Все девять «точек смерти» человека сконцентрированы в районе Ворот Жизни и они расположены как раз таким образом, что получается форма Девяти Дворцов. Из численного соотношения с Девятью Дворцами можно заключить, что точки смерти на земле занимают территорию, гораздо большую, чем ныне уже обнаруженный Бермудский треугольник.

А Ван Липин тем временем под руководством стариков шаг за шагом осваивал мастерство земных бессмертных из «Мастерства Трех Бессмертных».

«Мастерство Трех Бессмертных» было создано патриархом Чуньяном, который конкретизировал и систематизировал его на основе «Способов завершения Драгоценностей Духа». Оно состоит из Трех Колесниц, десяти ступеней и сорока пяти звеньев.

Малая Колесница,

четверо врат к способам радости, покоя и продления жизни

мастерство человеческих бессмертных

1. Подбор пары Инь-Ян

(1) Иньское дыхание Янского зародыша (2) дыхание истинного зародыша (3) пара гексаграмм Ли и Кань

2. Сосредоточение рассеянных Огня и Воды

(1) Тайи содержит истинное ци (2) малое выплавление формы (3) Небесное дитя, Небесный старец

3. Совокупление Дракона и Тигра

(1) Собираение, дополнение и возвращение в Пилюлю (2) пестование Бессмертного Зародыша (3) упорядочение Воды и Огня (4) свидание Истинных Супругов

(5) обмен ци при неизменности формы

4. Выплавление Пилюли

(1) Выдержка на огне (2) Малая Небесная орбита (3) выдержка на огне Небесной орбиты (4) сосредоточение шэнь, пестование ци (5) сосредоточение ци, пестование шэнь

(6) выплавление Ян, пестование шэнь

Средняя колесница,

Трое врат к способам того, как при долгой жизни не умереть –

мастерство земных бессмертных

5. Испарение Золотого кристалла за локтем

(1) Возвращение семени цзин, пополнение мозга (2) подъем Водяного колеса

(3) совокупление Дракона и Тигра (4) всасывание свинца, добавление ртути (5) поворот от старости к детству

6. Возвращение Яшмовой жидкости в Пилюлю

(1) Яшмовая жидкость выплавляет знак формы (2) омывание в ручье Бессмертного Зародыша (3) малое возвращение в Пилюлю (4) великое возвращение в Пилюлю (5) семь возвратов в Пилюлю (6) девять вращений Пилюли

7. Возвращение Золотой жидкости в Пилюлю

(1) Золотая жидкость выплавляет знак формы (2) начинается пожар и сжигает тело

(3) Золотой Цветок, Яшмовая Роса (4) великое упорядочение (5) способ Желтого и

Белого

Великая Колесница,

трое врат к способам превосхождения заурядности и вступления в совершенную мудрость –

мастерство Небесных бессмертных

8. Поворот лицом к Изначальному, выплавление ци

(1) Превосхождение Внутреннего двора (2) выплавление ци, образование формы

(3) Лиловая и Золотая Пиллюля (4) выплавление Янского шэнь (5) концентрация Трех

Цветков на макушке

9. Взаимообмен во внутреннем созерцании

(1) Сосредоточение Янского шэнь (2) прикосновение к Небесному Огню (3) обмен Шариками Бессмертия (4) Совершенная Небесная страна среди людей

10. Превосхождение и отделение от формы

(1) Вход и выход при отделении от формы (2) духовный Бессмертный оставляет материю (3) превосхождение заурядности, вступление в совершенную мудрость.

Ван Липин на этом уровне совершенствования в выплавлении усваивал глубинные связи между человеком и Природой, исследовал тайны человека и космоса. С головой погрузившись в совершенствование, он вошел в границы того, что трудно описать словами. И нам, чтобы понять связь между человеком и космосом, следует немного “приподнять” свое мышление.

Люди часто говорят: “Земля – наша мать”. Далеко недостаточно понимать эти слова в том смысле, что Земля нас порождает и кормит. Земля и Космос создают нас по собственному образу и подобию, человек – это уменьшенная Земля, уменьшенный Космос. Под этим углом зрения надо объяснять загадки человека, Земли и Космоса, под ним же надо рассматривать и наши связи с землей и Космосом. Развитие науки и техники не должно служить бесконечному развитию чувственных вожделений человека, не должно опираться на разграбление природных ресурсов, не должно оплачиваться разрушением взаимосвязи человека с природой, то есть разрушением равновесия, которое обеспечивает их взаимное выживание. Человек – душа всего сущего, можно сказать, что человек царит в космосе, но он царит в нем, только если он разумный и чувствующий Человек. Эта разумность есть глубокое понимание сущности космоса. Это чувство есть глубокая любовь к нему. Человек в космосе должен не только действовать, но и воздерживаться от действий, не только “брать”, но и “не брать”, не только “идти вперед”, но и “останавливаться”, избегать причинять ему ущерб, делать упор на связи, слиянии, гармонии, сохранении середины, вместо того чтобы бросаться в крайности и тем самым подрывать базу существования и развития человечества.

Человек – это малый космос. Тело человека несет в себе космическую информацию, а также информацию о развитии человечества и общественном развитии.

Настал день, когда три старика начали рассказывать Ван Липину о том интересном, что есть в человеческом теле. И начали с издавна знаменитой истории о “Туй бэй ту”, “Планах, выведенных из спины”.

Жили в танское время два гадателя, один звался Ли Чуньфэном, другой Юань Тяньганом. Ли Чуньфэн с детства знал наизусть множество книг и умел “вычислять судьбу”. Он служил при императоре Тайцзуне придворным историографом, и в гаданиях о счастье и несчастье его предсказания всегда сбывались. А Юань Тяньган был тонким физиогномистом, всегда все удивительно верно видел по лицам людей. Часто он говорил о себе, что благодаря своему искусству знает людей лучше, чем их собственные родители. Как-то Ли и Юань вдвоем сделали предсказания в картинках, касающиеся подъемов, упадков и других исторических перемен, которые были названы “Планами, выведенными из спины”, или “Планами толчка в спину”.

По одной легенде, когда они создавали картинки и дошли до 60-й, Юань Тяньган толкнул Ли Чуньфэна в спину, мол, хватит, откуда и произошло название.

Даосы таким рассказам не верят, у них другое объяснение названия. Оно означает не

то, что кто-то кого-то “толкнул в спину” или “хлопнул по плечу”, речь идет о подлинном “выспрашивании спины”, о вещах, которые можно увидеть по человеческой спине. Ли и Юань в то время рассматривали будущее по спинам друг друга, или, выражаясь современным языком, считывали информацию, содержащуюся на спине, и с ее помощью предсказывали крупные события в Поднебесной. Они сверяли друг с другом увиденное, обозначали картинку гексаграммами и располагали их по часовой стрелке. Шестьдесят картинок в таком порядке и составили то, что они оставили миру под названием “Планы, выведенные из спины”.

“Планы из спины” состоят из изображения гексаграмм, картинок, предсказаний и стихотворных од. Смысл предсказаний и од очень глубок, изображения на картинках тоже очень таинственны, они оставляют в человеке ощущение непонятности.

“Планы, выведенные из спины” фактически являются книгой предсказаний, говорящей о событиях, которые могут произойти в будущем. Существует много видов таких “Планов”. Те, которые были созданы Ли и Юанем, – это предсказания по истории общества, а те “Планы”, о которых старики начали говорить, были предсказаниями по спине, сделанными на всем протяжении истории школы Драконовых Ворот ее трансляторами. Напрашивается вывод, что и для других областей жизни возможно сделать “Планы из спины”, только содержание будет другое, да и уровень может быть разный. С этой точки зрения, “Планы, выведенные из спины” отнюдь не являются мистикой.

“Планы из спины”, созданные Ли Чуньфэном и Юань Тяньганом, поскольку в них предсказывались великие события общественного развития и общественные перемены, были государственной тайной, так они рассматривались всеми правителями, и неудивительно, что их не знал не только народ, но и чиновники ниже определенного ранга. Со временем эта запрещенная книга все-таки просочилась в общество, но людей, которые могли бы ее по-настоящему понять, было отнюдь не много.

Даосы в процессе совершенствования в выплавлении очень тщательно и подробно изучают каждую часть человеческого тела. Они видят в них информацию не только о заболеваниях или изменениях внутренних органов, а также об обращении небесных тел. Там есть информация и об общественном развитии.

Три старика учили Ван Липина “Планам, выведенным из спины”, то есть учили считывать информацию со спины. Такая информация касается не только прошлого, но и будущего. С точки зрения обыкновенных людей, спина человека – это спина в биологическом смысле, кроме кожи и пор, ничего на ней не увидишь. И только люди высокого внутреннего мастерства видят на спине информацию, не видимую для обычных людей.

Глава восьмая

С облаками на все четыре стороны

Еще до того как спуститься с гор, три старых даоса знали по «Планам, выведенным из прикосновения к спине», что в Поднебесной будет смута, но они не знали, что смута может дойти до такой степени.

На священной земле с шестисотмиллионным населением появились «хунвэйбины», которые, размахивая «маленькими красными книжечками», пытались перевернуть небо и землю. Когда они принялись «выметать вон» всяческую «нечисть», «коровьих чертей и змеиных духов»¹ на всей большой земле не осталось места, где можно было бы спрятаться.

Ход событий в брэнном мире повернулся так, что ни черти, ни духи поделаться с ним ничего не могли.

Даже в землях обетованных, в обителях святых бессмертных в глухих горных местах, куда нога человека ступала редко, где в тишине и покое буддийских и даосских монастырей удалившиеся от мира занимались самосовершенствованием и пестованием жизни, и то стало трудно укрыться, один за другим они «разносились вдребезги» и «выметались вон»².

Был разгромлен родовой храм Конфуция, вырублен лес на его родовом кладбище.

Боевики из организации «Объединенные действия хунвэйбинов провинций и городов Китая» заняли священную гору Уданшань.

Несколько тысяч хунвэйбинов с красным знаменем ворвались в монастырь Шаолиньсы на священной горе Суншань.

Были захвачены и перевернуты вверх дном священные горы Эмэйшань.

Главный даосский монастырь Байюньгуань в Пекине был уже разгромлен.

Драгоценному Дворцу Трех Чистых – святилищу высших даосских божеств на горе Лаошань не удалось остаться в безмятежности.

Три старых даоса в последние дни пребывали в душевной тревоге, ни есть, ни спать не могли спокойно, понимали, что беда близко и чтобы избежать ее, нужно торопиться.

В старинном городе Фушуне тоже было беспокойно. Старики-даосы сторонились шумного города, четыре года прожили они в бедной хижине на вершине горы Сишань, всегда в большом уединении, их истинное лицо и высокое мастерство оставались глубоко скрытыми. Но когда у окрестных жителей случались горе или болезнь, три старца по доброте душевной приходили им на выручку. Иногда они применяли не понятные обычным людям приемы лечения. Отношение к ним было очень душевным, пострадавшие всегда принимали их милосердную помощь с глубокой благодарностью. Но с изменением обстановки человеческие души изменяются непредсказуемо, и не давая людям никакого «повода», можно навлечь на себя большое несчастье. Со времен смуты в конце династии Цин до междоусобных войн периода милитаристов, а потом от пожара антияпонской войны до гражданской войны между коммунистами и гоминьданом три старых даоса прошли через все перипетии событий и многое повидали. Но когда в мире было небезопасно, глубоко в горах, в лесах всегда оставались тихие местечки, где вдаль от шума и суеты можно было укрыться для совершенствования в выплавлении. К тому же все три старца столько лет накапливали мастерство и обладали такой огромной духовной мощью, что хотя ее и не доставало для возвращения на Небо, но уж для самозащиты хватало с лихвой. А сейчас и «старые логовища» были порушены, и фушуньская хижина становилась уже ненадежным убежищем. А это великое дело обучения учеников, которое никогда не прерывалось в течение тысячи лет, – ныне три старца взяли его на свои плечи, и ноша была тяжела. Тысячелетнюю мудрость, Драгоценности Духа надо было передавать дальше, Великий Путь надо было расширять в ожидании будущего. Три старца поразмыслили и решили вместе с учеником уходить подальше.

А у Ван Липина в это время печаль как огнем жгла сердце, не меньше, чем у трех стариков. По правилу, установленному старцами, с того самого дня, как он попросил их стать его учителями в Дао, он должен был подробнейшим образом записывать весь свой опыт, как конкретно проходило изучение Дао и совершенствование в выплавлении, это были драгоценные материалы, предназначенные для изучения потомкам. Существует целое море даосских документов, только в одном «Дао цзане» собрано пять с лишним тысяч свитков (цзюаней), значительная часть из них посвящена принципам и приемам работы по пестованию жизни и совершенствованию в выплавлении. Но в них, выражаясь современным языком, очень много аллегорий, которые мешают пониманию. Принципы сами по себе мощные, а осуществить их трудно. Каждый из 3600 приемов, описанных с помощью обиняков, имеет свою историю, все они были созданы в результате накопления практического опыта на протяжении долгого исторического периода. Но люди, изучающие эти малые приемы, в конечном счете не знают путей к великим приемам дальнейшего совершенствования, занимаются работой над собой целую жизнь, но все-таки остаются в границах нижнего уровня. По традициям старой культуры владеющие тайными приемами всегда хранили их для себя как драгоценность, и они редко просачивались вовне. Таким образом, хотя людей высокого мастерства было много, но оно очень мало распространялось и очень мало служило всей нации. Это недостаток старой культуры и одна из причин того, что выдающаяся китайская культура долгое время не имела возможности распространиться

по миру. Хотя в школе Драконовых Ворот обучение мастерству не осуществлялось в рамках одной семьи и такого препятствия как отсутствие кровнородственной связи здесь не существовало, но ограничение состояло в том, что передача осуществлялась от учителя к ученику, а учеников было немного, их конкретные методы работы над собой также были очень мало известны вовне. С тех пор как Ван Липин начал изучать Дао, появилась задумка сделать новое, подробно описать процесс изучения Дао и работу по выплавлению, чтобы восполнить недостатки «Дао цзана» и удовлетворить потребности исследований и совершенствования в выплавлении. Сейчас обстановка обострилась, было очень трудно избежать обвинений в принадлежности к «четырем старым»* и трудно уберечь все от разрушения.

Эти дневники занятий он четыре года писал кровью сердца. Несколько десятков тетрадей, несколько миллионов иероглифических знаков, они заполнили собой довольно большой деревянный сундучок. Особенно жаль было историю и опыт голодания. Часть этих записей была сделана Учителями на основе их наблюдений, там был и его собственный опыт, и то, что он видел. Все это было своевременно зафиксировано. Драгоценнейшие первоисточники, которые представляли собой редчайший материал для изучения, как для него самого, так и для страны и даже для всего человечества.

Но отец Ван Липина уже был объявлен «реакционным техническим авторитетом»**, держать все эти материалы дома стало очень опасно. Спрятать в другом месте – да разве найдешь место, где можно было бы спрятать? Безопасных мест не осталось. Сейчас срочно нужно было спасаться, Дед и Отцы-Учителя уже решили уходить в далекие края, тащить же дневники с собой невозможно. Старики утешали его, а тетради приказали сжечь. «Если оставить их, а они попадут в руки плохих людей, стыдно будет перед патриархами, лучше сжечь. Потом, когда появится возможность, снова запишешь. Хотя и будет не так хорошо, как прежде, но потомки простят». Делать было нечего, пришлось Ван Липину разжигать огонь, который и превратил все дневники в пепел. И сердце Ван Липина сгорело в этом огне. Теперь у него не осталось никаких забот, и он готовился уходить со старцами в далекие края, куда – никто не мог сказать наверное.

«Странствие с облаками» – это процесс, составляющий обязательную часть даосского совершенствования в выплавлении, сущность его весьма отличается от «путешествий» обыкновенных людей. Во время путешествий обыкновенные люди всего только меняют обстановку своей жизни, лазают по горам, забавляются водой – и все. Люди образованные и тонкие тоже, самое большее, используют путешествия для увеличения жизненного опыта, для того чтобы полюбоваться пейзажами, ближе узнать быт и нравы чужих сторон, воспитать чувства, возбудить вдохновение. А даосское странствие с облаками имеет три основных цели. Первая – совершенствование в выплавлении, вторая – посещение Истинных, третья – поиск. Совершенствование в выплавлении состоит в том, что Истинное Ци собственного тела пестуется с помощью одухотворенного ци разных гор и рек и тем самым наращивается мастерство. Посещение Истинных – это визиты к Истинным Людям, живущим в пещерах на знаменитых горах, беседы с ними о Дао ради шлифовки своего искусства, исправления своих недостатков и увеличения достоинств. А поиск – это поиск закономерностей в разных обстоятельствах жизни с целью самосохранения. Даосы не отправляются в странствия с облаками, пока не приобретут определенного мастерства. Отсюда видно, что странствие с облаками занимает в жизни даосских самосовершенствующихся очень важное место.

Даосы очень тонко наблюдают природу, и эти наблюдения, опять-таки, пронизаны одной философской идеей, а именно теорией единства Неба и человека. Хотя метаморфозы Неба и земли тесно связаны с изменениями в человеческом теле, лишь человек высокого мастерства может почувствовать в собственном теле тончайшие изменения, произошедшие во внешнем мире.

Три старца и юноша начинали сейчас странствие с облаками по четырем морям из-за безвыходности положения, но Небо и земля уже естественно подошли к этому, оставалось

только следовать им. Хотя по мастерству Ван Липин и не мог сравниться со стариками, но так как он был молод, да еще и стал «живым трупом», перенесение трудностей тоже было полезно для его мастерства.

Только засвидетельствованная в текстах, китайская культура и то уже насчитывает несколько тысячелетий истории, и пронизывающая ее главная линия видна совершенно отчетливо – это даосская культура. Но за длительный период феодализма даосская культура многократно подвергалась гонениям. В чем же причина этого? Причина в том, что даосы слишком много знали о небе, земле и человеке, над ними было трудно господствовать.

После того как династия Цинь объединила Китай, она прежде всего принялась за унификацию китайской культуры. «Все нециньские записи хронистов сжечь» – и всю классическую литературу Ста школ сожгли, а «Если кто обманом хочет сохранить ее, тех казнить». «Не подвергаются уничтожению книги по медицине, гаданию, земледелию. Если кто хочет учиться грамоте, учителями должны быть чиновники». Чиновники в качестве учителей были великим изобретением, от использования которого не отступали все последующие правители.

В развитии китайской культуры привлекает внимание одно удивительное явление. Известно, что каждая вещь в своем пространственном существовании обязательно имеет меридианы и параллели. В теле человека тоже есть меридианы и параллели, об этом выше уже рассказывалось. И в литературе тоже есть меридианы и параллели – канонические книги и апокрифы, гадательная литература. А сейчас каноны существуют, а вот апокрифов, гадательных книг, нет. В чем тут дело? Дело в том, что после сожжения книг Циньским императором династия Хань «почитала только конфуцианские книги», естественно, что конфуцианские каноны сохранились, а «апокрифические книги», основой которых были даосские идеи, ходили только в народной среде. Кроме того, в этих гадательных книгах обсуждались жизненно важные для Неба, земли и человека вещи, поэтому они и стали объектом гонений со стороны правителей.

И позже в истории такие вещи возникали непрерывно, потому что было бы слишком опасно, если бы простые люди овладели книгами по астрономии и географии, по предсказаниям судьбы по Инь-Ян, по военному искусству. Разве в том было дело, что книги эти способствовали суевериям? Феодальные императоры знали, что делали, и мотив запретов на книги у них был другой.

Взять, например, «Планы, выведенные из прикосновения к спине». Эта книга фактически была особой государственной тайной. Не только простым людям она была недоступна, но и самым высоким сановникам нелегко было ее увидеть. Неизвестно как, но позже она все-таки просочилась в общество, несмотря на ясный запрет, ее прятали в народе. Чжао Пу, сановник сунского императора Тайцзу доложил императору об этом. Тайцзу сказал: «Не стоит запрещать, просто надо перепутать порядок». И так в обществе появились списки, в которых порядок был перепутан. Чем больше их рассматривали, тем больше не понимали. И хотя важность «Планов, выведенных из прикосновения к спине» была известна, способных понять ее оказалось слишком мало.

Еще один пример. При династии Мин работал в области астрономии и воинского искусства Лю Цзи, он в совершенстве владел искусством предсказания и помог Чжу Юаньчжану* захватить Поднебесную, составил план расширения столицы, заслуги его были очень велики. На восьмом году эры Хун У (1376 г.) во время его тяжелой болезни его сыну было приказано передать все его книги по астрономии в императорскую библиотеку. По приказу высших властей народу запрещалось хранить подобную литературу, и никто не мог изучать астрономию как частное лицо. И этого уже достаточно, чтобы понять, что даосские книги не были простым суеверием.

Самое же драгоценное в этом виде даосской культуры очень мало сохранилось в мире из-за того, что на протяжении истории происходили политические перевороты и неоднократные гонения, но, спрятанные глубоко в горах, в горных пещерах, книги передавались в каждой школе по одной линии. Как и передача семейных секретов

патриархами семей в народе, это было средством сохранения культуры, к которому заставляли прибегать обстоятельства. Благодаря этому квинтэссенцию китайской культуры удалось сохранить и продолжить, и это действительно счастье, но, к сожалению, распространение и развитие китайской культуры было этим в значительной степени сковано.

Сейчас, в конце 60-х годов двадцатого столетия великую землю Китая снова затопил прилив разрушения культуры, и сердца трех старцев и юноши на вершине горы Сишань были погружены в тяжкие думы.

В эту ночь черные тучи закрыли небо, выл холодный ветер. Учителя и ученик, совершив жертвоприношения небесным и земным патриархам, спрятали хорошенько таблички душ патриархов, прибрали до лучших времен всю свою утварь, с собой взяли лишь несколько самых необходимых вещей и тихо, чтобы никто не заметил, стали спускаться с горы. Впереди легкими шагами шел 86-летний Человек Беспредельного Дао, за ним гуськом следовали Человек Дао Чистого Покоя, Человек Дао Чистой Пустоты и Ван Липин, все четверо исчезли в темноте ночи.

Учителя и ученик двигались быстро. Ван Липину, несмотря на его молодость, было трудно угнаться за стариками, владевшими мастерством ходьбы. Дед-Учитель, видя, что он задыхается, остановился и сказал: «Юншэн, ты иди по этой тропинке вперед один, а мы трое здесь немного отдохнем, часика два, ты же подожди нас впереди под большим деревом». С этими словами три старика уселись на землю.

Ван Липин подумал, что года Учителей преклонные, пусть пока отдохнут, а он пойдет вперед и будет их ждать. Размышляя так про себя, Ван Липин шел быстро и за два часа отмахал больше десятка километров, пока не увидел, что на середине горы и вправду стоит большое дерево. Тогда он направился к нему. Только собрался отдохнуть немножко, как в ушах у него раздался смешок: «Юншэн, что-то ты припозднился, мы здесь давно уже отдыхаем». Липину сразу стало совестно.

Человек Дао Чистого Покоя взял его за руку и, усадив, сказал: «Чтобы странствовать с облаками по Поднебесной, надо сначала заниматься мастерством ходьбы, иначе все время и силы будешь растрчивать на дорогу, посетить сумеешь лишь несколько великих гор, а уже раньше времени состаришься и ходить не сможешь. Хотя мастерство ходьбы и внешнее, но для него нужно сначала иметь совершенную основу внутреннего мастерства, чтобы поднимать тело мыслью, делать его легким, как перышко, тогда и ходить будешь с быстротой молнии. К этому надо прибавить мастерство равновесия, которое ты изучал раньше, приемы обмена ци с природой, да каждые 25, 50, 100 километров присаживаться разок на землю, чтобы дать отдых ногам, позаниматься циркуляцией ци и пестованием шэнь, вот тогда сможешь всегда ходить без усталости.

Затем Человек Дао Чистого Покоя преподавал ему конкретные приемы, и, день за днем тренируясь на дорогах странствия с облаками, Ван Липин постепенно освоил мастерство ходьбы.

Учитель обучил его также приемам определения сторон света. С мастерством Малой колесницы стороны света определяют по луне, звездам, ориентируются по горам, воде, камням, деревьям, домам и другим естественным вехам. С мастерством Средней колесницы можно правильно определить стороны света темной ночью, прием состоит в том, чтобы во время отдыха, сидя со скрещенными ногами, найти положение луны на Малой орбите внутри тела, а потом ориентироваться на местности, открыв «Небесный Глаз». С мастерством Великой колесницы все это становится ненужным, здесь надо следовать только интуиции, а интуиция это есть собственное Изначальное шэнь. Это опять три уровня «Неба-земли-человека», они есть во всех вещах, чем выше поднимаешься, тем приемы мастерства становятся глубже, а принципы работы проще, безыскуснее, поэтому и говорится: овладевший Дао безыскусен.

В странствия в этот раз пустились, чтобы избежать беды, просто ради покоя и безопасности, и по дороге три старца все так же искали возможности передать Липину приемы мастерства. Иногда останавливались в каком-нибудь тихом месте и старики

рассказывали ему наизусть книги, шаг за шагом ведя его все глубже, и сейчас Ван Липин уже многое понимал и легко схватывал смысл.

Однажды они сели отдохнуть. «Драгоценная красная книжечка»* выскользнула из кармана Ван Липина и он ее не поднял. Учитель сказал: «Подними и спрячь хорошенько, сейчас это наш оберег, наш пропуск». Ван Липин не понял. Учитель продолжил объяснение: «Все люди этого „Нижнего из Трех миров“ должны иметь „оберег“, потому что они не могут управлять своей судьбой, они сами себе не хозяева. Мы сейчас пока что ходим по „Нижнему из Трех миров“ и тоже должны для самозащиты иметь такую вещь. В будущем, достигнув „Среднего из Трех миров“, ты станешь хозяином своей судьбы и подобные „талисманы“ будут уже не нужны».

По дороге Учителя и ученик далеко обходили стороной города и поселки и заходили только в уединенные горные деревушки. Когда они чувствовали голод и жажду, Ван Липин устраивал стариков на отдых, а потом один шел на поиски воды и какой-нибудь пищи и приносил старикам, чтобы они могли утолить голод. Иногда, изображая из себя беженцев из районов стихийных бедствий, они заходили в деревни просить милостыню, но им нужно было лишь немного чистой пищи. Стояли морозы, они кое-как находили временное убежище от ветра и снега, чтобы погреться. Так шло время и незаметно минуло несколько месяцев.

Подойдя однажды к подножию горы, Учителя и ученик увидели, что время уже не раннее, а на дальнем краю неба собираются дождевые тучи. Человек Беспредельного Дао сказал: «Поищем-ка поблизости места для ночевки». Все четверо осмотрелись и, увидев, что в ложбине горы разбросан под деревьями десяток домов, пошли в направлении этой горной деревушки.

Деревушка была тихая и простая, большинство домов ее обитателей было сложено из камня, а сверху они были накрыты от дождя тростником. Уездный город и поселок народной коммуны были далеко, горные дороги труднопроходимы, и начальство редко сюда заглядывало. Хотя обитатели деревеньки и были членами народной коммуны, но жили они родовым кланом, и старшие обладали здесь довольно высоким авторитетом. В середине деревни располагалась небольшая ровная площадка, под большим деревом лежали каменные жернова, по виду, это было место для собраний жителей деревни. Войдя в деревню, Учителя и ученик сложили свои вещи на жернова, старики сели отдохнуть, а Ван Липин, осмотревшись по сторонам, увидел, что собираются деревенские ребяташки.

Редко кто заходил в эту захолустную горную деревушку, а сегодня ее посетили четыре человека, это ведь большое событие, и, конечно, ребят оно обрадовало.

При виде того, как бедна деревушка, какая старая и рваная одежда у ее жителей, при виде следов голода на лицах ребяташек сердце у стариков перевернулось. Детей вокруг становилось все больше и больше. И Человек Беспредельного Дао, несмотря на дорожную усталость, сказал Человеку Дао Чистого Покоя: «Пусть Юншэн покажет им „ Две Дороги Кулака и Стопы“, повеселит немного сельчан».

Человек Дао Чистого Покоя все понял, неизвестно откуда в руках у него появился какой-то старый гонг, он ударил в него – и в одно мгновение вся деревня была взбудоражена. У деревенских жителей редко бывают такие развлечения, сюда вели стариков, тащили младенцев, несколько десятков человек столпились вокруг трех стариков и юноши, любопытствуя, что они будут «представлять».

А Человек Дао Чистого Покоя, совсем как бродячие артисты в Центральном Китае, сложив обе руки перед грудью, сделал круг по площадке, благодаря жителей за благосклонное внимание: «Мы четверо прибыли сюда из голодных мест, все мы люди бедные, и нет у нас с собой никаких редких вещей, только вот учились немного искусству борьбы, кое-как хватает, чтобы губы заклеить. Сегодня демонстрируем свое искусство, надеемся на вашу снисходительность, чтобы способнее было идти дальше».

Деревенские жители, видя, что старикам уже всем лет помногу, а все нет у них места, где голову можно преклонить, глубоко им сочувствовали. И к пареньку они отнеслись доброжелательно. Люди в горных деревушках безыскусны, многие подходили к ним и

говорили: «Живите здесь у нас, мы вас все сообща будем кормить!»

Все четверо были очень тронуты. Не ожидая приказа Учителей, Ван Липин вышел на середину площадки, низко поклонился на четыре стороны, поблагодарил всех за доброту. Вслед за этим он слегка согнул ноги, принял стойку, собрался с духом – величественность и холодность в одно мгновение стерли образ мирного и спокойного юноши-книжника, все прямо ахнули. Он так быстро выносил вперед кулак и двигался, нанося удар за ударом, что у зрителей зарябило в глазах, они разразились аплодисментами и криками одобрения.

Ван Липин постепенно замедлил движения, стал принимать тягучие плавные позы, руки его изогнулись, словно держали шар, который вращался вокруг тела сверху вниз, слева направо и обратно. Через мгновение стало видно, что в руках у него действительно что-то есть, какая-то вещь размером с куриное яйцо, которая ярко мерцает. Все невольно ахнули и начали тарашить глаза, не веря им. Но этот огненный шарик не исчез, наоборот, он становился все больше и больше, а цвет его – все красивее и красивее, словно разноцветный мяч плясал в руках Ван Липина. Ван Липин сделал какое-то неуловимое движение ногами, и цветной шар принялся выписывать спирали вокруг его тела. Пораженные зрители одобрительно закричали. Все действительно видели чудо, он тряхнул обеими руками, и шарик превратился в три шара, по одному было в обеих руках, а третий висел в воздухе у низа живота. Когда три шара начали кружиться и плясать вокруг тела, окутывая его, словно цветной атлас, был уже слышен только свист ветра, люди же все затаили дыхание. Еще через мгновение вылетели девять цветных шариков и завертелись вокруг тела Ван Липина в разных направлениях, к вящему изумлению сельчан. А три старика, наблюдая мастерство Липина, тоже потихоньку кивали головами и усмехались.

Внезапно Ван Липин остановился, цветные шарики во мгновение ока исчезли, он плавно провел руками по груди вниз, словно вдавливая что-то, и открыл глаза – работа была закончена. Сельчане единодушно закричали, сегодня поистине они повидали невиданное.

Читатель уже догадался, что это были «Мысленные Шарик Восьми Триграмм», которым обучили Ван Липина Учителя. Секрет этих Мысленных Шариков Восьми Триграмм заключался не в том, что они были красивыми внешне и могли доставить радость сельчанам. Назначение их было совсем другое, оно состояло в «отделении от тела». Как только появляются цветные шарики, в них заключается тело человека, но это «тело» обыкновенным людям не видно. Ты видишь, как Ван Липин мнет шарики в руках, а он на самом деле делает массаж какой-то части тела. У Мысленных Шариков Восьми Триграмм есть и другое тайное назначение, с их помощью можно послать «душу-вестника» за тысячу ли. Потому что в шарике находится «Я», этот шарик есть «клеточка» полной информации, в нем содержится все мое, как и мое «Я», он обладает жизнью, мышлением, душой. Это обыкновенным людям понять еще более невозможно.

Современные люди говорят «информация», а древние говорили «душа-вестник». По-китайски эти выражения отличаются лишь одним иероглифом, а действительная разница между ними огромна. «Информация» и «душа-вестник» относятся к разным уровням бытия, их нельзя смешивать. Слово «душа» – это водораздел между мирами живого и неживого, между Нижним и Средним из Трех миров.

Поскольку секрет цветных шариков обыкновенным людям непонятен, зрители представления, сельчане, тем более ничего не поняли. Все видели, что паренек этот такой слабый, тоненький, одним словом, «книжник», никому и в голову не могло придти, что он умеет так «представлять», и теперь на него глядели иными глазами. В это время вперед вышел Человек Дао Чистого Покоя, у которого тоже был план, как развеселить всех еще больше. Неожиданно, увидев, что он силен в «твердом мастерстве»*, несколько сельских парней приволокли огромный камень и спросили, может ли старик его разрубить.

Видя воодушевление сельчан, Человек Дао Чистого Покоя не стал отказываться. Он принял несколько картинных поз, как это делают обычно артисты китайской оперы, сделал вдох и с громким криком резко рубанул по камню ребром ладони – камень с треском развалился на несколько кусков. Сельчане остолбенели. Парни, притащившие камень,

бросились осматривать руку Человека Дао Чистого Покоя – обыкновенная человеческая рука, ничего особенного. А этот 76-летний старик улыбался до ушей.

Ван Липин, видя силу духа Учителя, тоже им восхищался. Он понял силу руки Учителя, когда тот его обучал. Однажды, когда надев защитный нагрудник, он занимался с Учителем тренировкой в противоборстве, Учитель, видя, что у ученика мастерство уже немалое, в конце концов зацепил его по-настоящему. Но как только его ладони коснулись Ван Липина, тот отлетел в сторону метров на пять. Учитель бросился поднимать Липина, но два правых ребра у него были уже поломаны. Учитель понял, что переборщил, и душа у него болела больше, чем бок у Ван Липина. Это происшествие встревожило Деда-Учителя, и он подошел посмотреть. Хорошо еще, что три старика обладали высоким мастерством, спустя короткое время сломанные кости были соединены, надо было только подождать, пока они постепенно срастутся. Дед-Учитель сказал ему, что счастье, что на нем был щит, да и судьба помогла, а обычно тот, кто попадал под кулак Ван Цзяомина, прощался с жизнью. Тогда Ван Липин узнал мастерство Учителя в боксе и стал тренироваться день и ночь.

Деревенские парни, сгрудившиеся вокруг Человека Дао Чистого Покоя, никак его не отпускали, но когда из толпы вышел глубокий старик, они тут же расступились. Старик сказал: «Время уже позднее, пусть эти почтенные мастера отдохнут и покушают, расходитесь все». А потом, повернувшись, поклонился «четырем почтенным мастерам» и пригласил их переночевать в складе «производственной бригады». Вся компания, увидев, что старейшина рода сделал распоряжения, разошлась. А старейшина повел четверых почтенных мастеров в склад.

Склад этот был простым сараем, кроме нескольких сельскохозяйственных орудий, ничего там больше не было, так что четыре человека в нем вполне могли поместиться на ночь. Несколько ребяташек, которые никак не хотели отстать от «почтенных мастеров», уже натаскали в сарай сена и постелили его на землю. Старейшина снял со стены фонарь, зажег, поставил его на каменную скамейку и все уселись вокруг на сене и повели разговор о том, о сем. Вскоре стали появляться люди, принесли кукурузные лепешки, суп из овощей, старейшина сам подал их «четырем почтенным мастерам» со словами: «Просим. В горах только такое угощение, откушайте, не надо церемониться». Учителя и ученик не заставили себя просить, сколько уж дней не приходилось им есть таких вещей, у Ван Липина просто глаза разгорелись.

После ужина приходило еще немало людей, кто принес зерна, кто несколько мелких монеток. Все четверо горячо благодарили, но принять подарки отказались, просили унести их обратно. В таком положении старейшине ничего не оставалось делать, кроме как попросить всех разойтись, чтобы «четыре почтенных мастера» могли спокойно отдохнуть.

Вот так вот четверо трансляторов даосских приемов мастерства под ударами политических ураганов не имели места, где преклонить голову, им приходилось скрывать свои имена, маскироваться, рядиться, бежать в далекие горы, голодать и холодать, давать представления на перекрестках дорог, просить милостыню в деревнях.

Это картинка жизни конца шестидесятых годов.

Все в Китае перевернуто вверх дном, сколько людей словно с ума сошло, культура порушена, производство остановлено. Национальная трагедия.

После окончания войны и периода восстановления в 50-х годах это был самый драгоценный период времени, многие государства, пользуясь этим благоприятным моментом, старались развиться экономически, культурно, политически и в других областях, великая же китайская земля впала в смуту, равновесие было нарушено, жизнеспособность утрачена, Изначальному ци нанесен ущерб.

О, Китай, у тебя есть плодородная земля, да время года тебе не благоприятствует, а когда время благоприятствует, то нет согласия среди людей. Так как же можешь ты не отставать, как можешь не быть побитым, как можешь не бедствовать?

О, Китай, есть у тебя великая мудрость, которая сразу же вызывает уважение у людей Запада, но есть в тебе и великая глупость, которая заставляет людей Запад смеяться над

тобой! Один великий человек на Западе говорил, что больше всего он боится, как бы этот восточный исполин не пробудился от спячки. Сейчас исполин вроде бы пробудился от спячки, но, вставая, принялся сам себя калечить, вести непрерывные войны, а когда проснется по-настоящему, то опять будет далеко позади других, как и прежде. Глупый исполин, пестуешь ты свои раны, так плетись в хвосте!

Это национальная трагедия!

Горькие плоды достанутся на долю каждого!

Начался дождь и шел очень долго. Учителя и ученик поспали несколько часов, но поднялись рано и занялись медитацией. К тому времени, когда она была закончена, уже совсем рассвело. Все четверо вышли из сарая и позанимались еще внешними искусствами, почувствовали, что воздух в этих горах необыкновенно чист и свеж.

Увидев, что пришел старейшина, Человек Беспредельного Дао пошел ему навстречу, они поклонились друг другу, и Человек Беспредельного Дао сказал: «Мы причинили вам столько беспокойства своим приходом, а приняли нас, как родных, нам прямо-таки неловко».

Старейшина замахал руками: «Старший брат, не надо церемониться, ведь в дороге всегда очень устаешь. По правде говоря, в нашей деревушке и угостить-то нечем, приходится нам обидеть четырех почтенных мастеров. Я вот беспокоюсь, что сильный дождь ночью был, может, крыша протекла, замочило вас».

Человек Беспредельного Дао заверил, что сарай не протек и что ночью они хорошо отдохнули. Старейшина успокоился. Человек Беспредельного Дао, видя, что он все время посматривает на небо, покрытое темными тучами, и что лицо у него печальное и задумчивое, уже понял, что происходит в его душе, и спросил, чем он озабочен.

Старейшина вздохнул и ответил только после долгого молчания: «В этих горах земли очень мало, прокорм всех в деревне от мала до велика зависит от погоды. Сейчас поспела пшеница, надо жать, собирать урожай, а дождь не перестает, не знаю, как быть».

Человек Беспредельного Дао улыбнулся: «Уважаемый младший брат, не стоит из-за этого печалиться. Ступайте и скажите всем, чтобы начинали жатву». Старейшина слышал, что он говорит серьезно, и по глазам двух старых мастеров, стоящих у него за спиной, тоже видел, что они серьезны. Он повернулся и пошел.

Человек Беспредельного Дао приказал Ван Цзяомину, Цзя Цзяои и Ван Юншэну идти за деревню, найти укромную спокойную полянку и творить заклинания. Они взошли на пригорок и расположились боевым порядком. Человек Дао Чистого Покоя сказал Ван Липину: «Будь осторожен, в этих тучах на небе есть и дождь и гром, когда останавливаешь дождь заклинаниями, очень легко можно навлечь удар грома, поэтому прежде всего надо укрыться от грома. Ци грома относится к Огню, в человеческом теле соответствует сердцу. Прием защиты от грома состоит в том, чтобы в момент вспышки молнии закрыть сердце, прервать связь Громого Огня с сердцем. „У тебя, Гром, большая сила, а сила Огня в моем сердце больше твоей“, все время мысленно повторяй такое заклинание, и сила громовой молнии исчезнет, в этот момент хозяин этой части мира я. Я царь, а он раб, он должен слушаться меня».

Человек Дао Чистого Покоя закончил речь, сделал жест и внезапно задрожал всем телом, из уст его вырвался крик, одновременно с этим в небе сверкнула молния, а вдали загрохотал гром. Затем он протянул руки к тому месту, где сверкнула молния, и стал легонько разгребать ими. Стало видно, что тучи в небе мало помалу разделяются на две части, которые поплыли в разные стороны, между ними появилась бело-серая неровная дорожка.

А Человек Дао Чистой Пустоты стал учить Ван Липина магическим приемам перемещения ци, тому, как сделать космос внутри своего тела хозяином космоса внешнего, как сделать, чтобы внутренний космос как можно быстрее расширился, чтобы ци сердца стало выше облаков и чтобы вблизи можно было раздвигать скопления туч руками.

А плотные тучи в это время плавно задвигались, неровная дорожка между ними становилась все шире и шире. Человек Дао Чистой Пустоты тоже поднял обе руки, спины

трех человек соответственно образовали правильный треугольник, руки всех троих были обращены к небу, тучи двинулись прочь, точно стадо овец разбежалось во все четыре стороны под ударами кнута. Пустая середина все росла и росла, становилась все светлее и светлее. За четверть часа работы серо-черная громада туч проплыла перед ними и ушла за горизонт. Серединка неба сделалась необычайно светлой, синей-синей и очень красивой. Как только черные тучи совсем уплыли, солнце, вспыхивавшее золотыми лучами на востоке, наконец поднялось, и в его лучах горы засияли необычайно яркой красотой. Учителя и ученик купались в лучах солнечного света, настроение их поднималось. Полчаса заклинаний – и плотно закрытое тучами дождливое небо превратилось в новое небо – светлое и сияющее.

Ван Липин научился еще одной ворожке, и радость его сердца нельзя было выразить словами. На обратном пути Учитель Чистый Покой сказал, что прекратить дождь нетрудно, а вот чтобы вызвать дождь, когда в округе на тысячи километров нет облаков, надо совершенствоваться в выплавлении еще столько же. Соответствовать естественности, следовать Небесному Дао – это постоянные принципы, которые нельзя нарушать. Активизируя силы верха, прекращая или ниспосылая дождь, тоже надо поступать таким образом, это можно делать, только если это на пользу народу, но ни в коем случае не просто так.

Старейшина рода, увидев, что тучи чудесным образом разошлись и небо поразительно ясно, убедился в том, что четверо почтенных мастеров не обыкновенные люди, и тотчас повел сельчан к складу, чтобы принести им благодарность, но тех четверых уже и след простыл.

Оказывается, Человек Беспредельного Дао давно уже взвалил на спину свои вещи и немного подаренного сельчанами зерна и ожидал на горной тропинке, когда остальные спустятся с горы, и все вместе они снова отправились в дальний путь, куда глаза глядят.

Ван Липин все хорошо понял. Три старика много раз говорили, что для совершенствующегося в Дао первое дело – расширение и связывание засчитываемых заслуг, которые зависят не от уровня мастерства, а от количества добрых дел. В спасении всего живого надо осуществлять соответствие Дао вместо Неба, здесь совершенствование сердечной природы важнее совершенствования тела. Делать добрые дела и не стремиться получить за них вознаграждение – это служит накоплению Дэ, а будет высоко Дэ, будут высоки и заслуги. После прекращения дождя сельчане естественно могли придти, чтобы вознаградить и поблагодарить их, так лучше было заранее ступешаться, чтобы не отвлекать всех от дел и не мешать полевым работам.

Глава девятая

Пять искусств открытия мудрости

В годы странствий с облаками все старания старцев были направлены на то, чтобы передать Ван Липину Дао, научить его мастерству. На пути изучения Дао у Ван Липина начинался седьмой этап – «открытие мудрости». Главным его содержанием было изучение «Пяти Искусств». Что такое Пять Искусств? Это пять видов магии, пять видов знахарства, существующих в традиционной китайской культуре – врачевание, гадание – бу по стеблям тысячелистника, физиогномика-сян, гадание – мин о судьбе, гадание – шань по местности. Источник Пяти Искусств лежит в обобщении опыта и мудрости древних, которые в поисках способов выживания то боролись с природой, то приходили с ней ко взаимному соответствию и взаимному равновесию. Позже, и в большой степени усилиями даосов, совершенствовавшихся в выплавлении в горах, этот опыт был развит, и для словесного выражения его стала использоваться система знаков, отличная от языка обычных современных людей. Каждый вид Искусств буквально пропитан потом и кровью сердца, это кристаллизация человеческого опыта и мудрости на всем протяжении истории. Надо только расколоть панцирь этого языка, вышелушить скрываемую под ним сущность, чтобы

освободить необыкновенные краски, которые могут осчастливить человечество.

Итак, странствие с облаками продолжается. Однажды наша четверка добралась до укромного местечка в горах, где струился чистый ручей, на берегу которого можно было смыть дорожную пыль и отдохнуть.

Внезапно Человек Беспредельного Дао почувствовал почти незаметную дрожь, словно легкий ветерок сморщил поверхность воды. Он поднял голову и приказал Цзя Цзяои: «Осмотри-ка окрестности, как будто человек стонет?» Человек Дао Чистой Пустоты и Человек Дао Чистого Покоя тоже услышали стон с северо-восточной стороны и двинулись в этом направлении. И Ван Липин пошел с Учителями. Пробираясь сквозь заросли кустарников и деревьев, карабкаясь по камням и сухим лианам, они преодолели гребень горы и нашли того, кто стонал. Это был дровосек, который по оплошности провалился в расщелину. Ему было около пятидесяти лет, темное изможденное лицо, штаны и куртка – заплатка на заплатке. Правая нога распухла и посинела, он уже ничего не видел и только испускал стоны. Человек Дао Чистой Пустоты внимательно осмотрел дровосека и понял, что дело не только в ушибе, наверняка его укусила змея. Он тотчас же вытащил из шкатулки, которая всегда была при нем, серебряную иглу, зажал ее тремя пальцами правой руки, повернул острием к небу, покрутил несколько раз в пальцах и, сосредоточив дух и зрение, в одно мгновение ока всадил ее в бедро дровосека. Ван Липин подумал, что прокол должен быть очень уж силен, но оказалось, что игла остановилась двух вершках от поверхности кожи. Учитель же по вибрации иглы невозмутимо следил за реакцией в теле дровосека. Затем он сделал еще круг иглой в воздухе над ногой и стал продвигать ее вниз вдоль ноги. Зажатая в пальцах игла чуть-чуть поворачивалась, иногда, останавливаясь над каким-то местом, она колебалась, затем вдруг снова продвигалась вперед, опять-таки неожиданно приподнимая острие вверх, иголка была похожа на корабль, плывущий, ныряя в волнах. Проходя колено, игла накренилась сильнее. Учитель вертел ее рукой, поднимал и опускал, подкручивал, словно вытягивая что-то и заставляя течь вдоль иглы. Наконец игла достигла места змеиного укуса. Учитель легонько покачал ею над крошечной ранкой и, прикрыв глаза, стал концентрировать дух шэнь. Сосредоточиваясь на острие иглы, он про себя читал заклинания, а потом внезапно рывком поднял иглу вверх и из ранки брызнула черная кровь. В то же мгновение дровосек открыл глаза и перестал стонать.

Человек Дао Чистой Пустоты поднялся, уложил иглу в шкатулку и сказал дровосеку: «Все хорошо, ци яда подавлено, жизнь вне опасности».

Ван Липин наклонился и обратил ладони к раненой ноге дровосека, делая от себя посыл энергии, чтобы дровосек скорее поправился. Учитель уже запечатал все биологически активные точки на сосудах колена и яд вытек, теперь же, благодаря нескольким толчкам внутреннего ци Ван Липина вытекла черная кровь и выступила наконец свежая. Тогда он закончил посыл. Отек ноги постепенно спадал. Дровосек поднялся, прошелся несколько раз и почувствовал, что в состоянии вернуться домой. Обливаясь слезами, он бросился на колени, благодаря за спасение, но Человек Дао Чистой Пустоты поторопился его поднять. Тем временем Человек Дао Чистого Покоя собрал большой пук лекарственных трав и отдал дровосеку. Тот опять поблагодарил и, утирая слезы, ушел.

Он ушел, а Ван Липин все еще стоял, мысленно поражаясь несравненному искусству иглы Учителя. Человек Дао Чистого Покоя хлопнул его по плечу: «Что стоишь? Надо возвращаться!» Только теперь он пришел в себя и двинулся вслед за Учителями.

Человек Дао Чистой Пустоты, понимая, о чем он думает, на ходу стал рассказывать ему историю своих серебряных игл.

Она и в самом деле была необычна. Каждая из игл имела свое имя. Одна звалась Иньской Иглой, другая – Янской Иглой, а третья – Иглой-Воспроизводящей-Форму. Все три иглы изготовил искуснейший мастер, но удивительно было вовсе не это, а то, что эти иглы, в отличие от обыкновенных, тоже должны проходить совершенствование в выплавлении. В те дни, когда иглами не пользуются, их надо вынимать и вращать ими перед лицом неба, земли, солнца и луны, чтобы истинное ци космоса переместилось на их острия. Только тогда во

время пользования в иглах появляется чудесная сила.

В приемах иглоукалывания тоже надо разбираться очень тонко. Есть приемы Великой иглы, Малой иглы, Длинной иглы, Кожной иглы, Конечной иглы, Распределенной иглы, Беспредельной иглы и многие, многие другие. Только что был использован прием Беспредельной иглы. В этом приеме игла не касается больного, ею действуют на расстоянии, и одна игла может выполнять много функций. Она может естественно двигаться по меридианам и каналам, по кровеносным сосудам, по биологически активным точкам и везде, где нужно, “втыкаться”. Если втыкать иглу в тело, то одной иглой не обойдешься, каждая поставленная иголка закрепляется на месте и не может передвигаться, и для циркуляции ци тогда возникают препятствия.

В оперировании иглами прежде всего надо добиваться ощущения игл. Ощущать иглу значит чувствовать правильность и ложность, медленность и быстроту внутреннего ци после того, как игла “воткнута”. Правильное ци ровное, стабильное, медленное, гармоничное. Ложное ци бурлит волнами. Внутри биологически активных точек также имеется деление на три горизонта “Небо-земля-человек”, и надо выяснять, на каком горизонте проходит правильное ци, а на каком ложное. Иногда правильное ци проходит на горизонте “Неба”, а ложное ци скрыто движется на горизонте “Земли”, если этого не различать, иглоукалыванием пользоваться бесполезно, болезни все равно не излечить. Ощувив правильное ци, его стараются привлечь, ощутив ложное ци, его запирают в ключевых биологически активных точках, чтобы затем вытеснить.

Рассказы Учителя по дороге, можно сказать, все в Ван Липине перевернули, он был в восторге. Неудивительно, что Учителя называют “Первой иглой Поднебесной”! Такая степень мастерства в иглотерапии – это действительно Высшая Колесница, это мастерство духов, сверхчеловеческое мастерство!

Вернувшись на то место, где отдыхал Дед-Учитель, младшие Учителя доложили, что одного человека укусила змея, но его уже вылечили. Дед похвалил их и предложил всем присесть отдохнуть, попить родниковой водички, а на обед у них было немного сухого зерна. И вот уже Ван Липин жует это зерно, а Человек Беспредельного Дао рассказывает ему о Дао врачевания.

Человек Беспредельного Дао рассказывает, что при укусе змеи надо разобраться, какая змея, ядовитая или нет. Неядовитая змея по большей части оставляет шесть следов от своих зубов, четыре вверху и два внизу. Ядовитая же змея в большинстве случаев оставляет четыре следа, и место вокруг раны отекает, сначала болит, как обожженное, а потом немеет. Жалят чаще всего в руки и в ноги, потом отек распространяется вверх, сопровождается ослаблением зрения, одышкой, головокружением и рвотой, кровеносные сосуды сужаются и уплотняются, тело горит огнем. Для лечения прежде всего надо пускать в ход внутреннее мастерство, чтобы преградить и наглухо закрыть дорогу медленному распространению яда, а потом вытеснить и удалить его. Можно использовать такие приемы, как “Рассеивание того, что поддерживает угрозу” или “Истинное рассеивание яшмы”. Из лекарственных растений чаще всего употребляются южная звезда, лазурник, борщевик, пузатка-гастродия, нотоптеригинум, борец, а также используют минерал реальгар и шпанскую мушку. И способ употребления и количество должны изменяться гибко, в соответствии с обстоятельствами, диалектически, никакие догмы тут неприемлемы. Наше применение к обстоятельствам тоже отличается от того, что под этим понимают в обычной медицине, патриархи обобщили тут Девять Приемов: прием кольцевого течения, прием пронизывания ци, прием выманивания ци, прием меридианов и каналов, прием кровеносных сосудов, прием скользкого пути, прием лимфы, прием внутреннего созерцания, прием просматривания насквозь. Эти Девять Приемов, как и прием Источника Бессмертных, прерывают течение человеческих болезней очень быстро и точно.

В Девяти Приемах тоже существует деление на уровни “Небо-земля-человек”, на три уровня мастерства. Например, о способах слушания пульсе говорят: “мягкий, жесткий, плавающий”. В медицинских книгах тоже говорят о таком разделении, но обычный врач

понимает только жесткий пульс. Плавающий пульс – это слушание, при котором рука находится на небольшом расстоянии от кожи больного, когда происходит зависание. Такая проверка пульса считается мастерством высшего класса, людям с невысоким внутренним мастерством она недоступна. Кроме “цунь”, “гуань” и ”чи”, трех точек биения пульса на запястье, пульс щупается еще на спине и на голове. В общем, мастерство не имеет границ. Древние говорили, что исправление пороков труднее их проявления, а проявление их труднее, чем распознавание их причин, а распознавание причин пороков труднее их предотвращения, а предотвращение пороков труднее предвидения. Ты сейчас молод, приступай пока к изучению лечения. В Дао врачевания нужно быть таким же чистым, как наши патриархи, врачеванию и спасению людей нужно отдаваться всем сердцем, чтобы не было порочных отклонений. Никогда не отказывай больным и не пренебрегай ими, ничего от них не бери, строго соблюдай обет даосов, носи счастье людям.

Отдохнув и напившись, они снова пустились в путь. Видя такой интерес Ван Липина к Дао врачевания, старики на ходу рассказывали ему обо всем, что встречалось по дороге. Видели гору – рассказывали о горах, встречали воду – говорили о воде, сталкивались с больными – говорили о лечении, встречали травку – рассказывали о лекарствах. Побывали они во многих местах, лечебных трав повстречали немало, и о каждой из них было все рассказано Ван Липину.

Однажды они опять отдыхали в горном лесу. Время близилось к полудню, вокруг не было ни души. Человек Дао Чистой Пустоты с Ван Липином набрали в лесу диких плодов, и все утолили голод. Видя, что время еще не позднее, Человек Беспредельного Дао не торопился пуститься в дорогу. Он подозвал Ван Липина и начал опять рассказывать о китайских снадобьях и травоведении.

Учитель-Дед сказал, что нельзя научиться врачеванию без знания трав. Обычно люди питаются какой попало растительной пищей, не зная принципов того, как охранить себя от болезней. Способов лечения очень много, но лечение травами – самый распространенный и удобный из них. В «Травнике Шэнь Нуна»? , самом древнем каноне врачевания, упоминаются 365 видов снадобий, что соответствует числу дней в году. Снадобья подразделяются на травы, злаки, рис, фрукты, деревья, червей, рыб, животных, минералы и многие другие виды, а кроме того, еще на три категории –высшую, среднюю и низшую. В высшей категории 120 видов, это «государевы снадобья». используемые для пестования жизни, для продления жизни, они не наносят вреда при длительном употреблении. В средней категории тоже 120 видов, это «снадобья для сановников», используемые для пестования сердечной природы, пополнения опустошающегося и лечения болезней, их не следует принимать долго. В низшей категории 125 видов, это снадобья для приближенных служащих. Они очень ядовиты, их используют для лечения, но при приеме нужно проявлять большую осторожность. Кроме того, нужно соблюдать сочетание Инь-Ян, степени сродства, знать способы сочетания корней и стеблей, цветов и плодов, трав и минералов, костей и мяса, ядовитого и неядовитого, знать сушку в темноте и на солнце, дни и часы сбора и приготовления, свойства почвы, на которой происходило созревание, знать истинное и ложное, старое и новое.

Жил при династии Мин Ли Шичжэнь, который кровью своего сердца написал 52 свитка «Бэнь цао гань му» («Травник»), в котором описаны 1892 вида снадобий, классифицированных по 16 разделам и 60 рубрикам. Это великое творение собирателя трав, обширное, но не путанное, в нем много подробностей, но все они важны. Если говорить о «разделе Воды», то в нем 42 вида снадобий, относящихся к рубрикам «Земной Воды» и «Небесной Воды». Среди них «Снег 12-го месяца», на вкус сладкий, холодный,? неядовитый, сохраняется в запечатанном сосуде, поставленный в темное прохладное место, не портится несколько лет. Снег 12-го месяца благоприятен для овощей и злаков, способен уничтожать вредных насекомых. Если им заранее замочить семена, то вредителей вообще не будет. При распыливании им уничтожаются мухи, а фрукты предохраняются от порчи. Избавляет от любых бактерий, вылечивает при эпидемиях чумы,

похмельном синдроме, детской падучей болезни и истерии. Вылечивает он и желтуху, но при приеме его требуется немного подогреть. Если снегом 12-го месяца промывать глаза, то избавишься от воспаления. Он избавляет от жажды, если на нем приготавливается чай или варится каша. Замечательный эффект получается при смазывании им потницы.

При лечении водой тоже нужно знать приемы. Дизентерия и понос прекращаются приемом Воды Инь-Ян, которая получается от соединения в равных частях сырой колодезной воды и кипятка, что очень просто и удобно. В истории записано, что раз Хуа То встретил женщину, страдающую сезонной лихорадкой. Он велел ей сесть в каменный жолоб, где поили скотину, и окатывал холодной водой. Время было зимнее, стояли морозы, а тут еще холодной водой поливают. Люди этому очень удивлялись. Когда он облил ее водой в семидесятый раз, больная так заоченела, что, казалось, кончается. А на восемьдесят первый раз во всем теле ее появилось тепло. После сотого раза ее подняли, насухо вытерли, завернули в толстое одеяло, она какое-то время спокойно полежала, пропотела и выздоровела. Такие приемы обычная медицина применять не смеет. При изучении медицины, врачевании и спасении людей надо хорошо усвоить принципы врачевания, а кроме того, надо понимать природу лекарств, это два необходимых условия.

Во время долгих странствий в глуши старики одно за другим прочитали Ван Липину главные места из нескольких классических канонов по медицине. Прочли 81 главу «Су вэнь» («Вопросы о простом») из «Хуанди нэй цзин», 81 главу «Лин цю» («Священного гроба»), «Шэнь Нун бэнь цао цзин» («Канон Шэнь Нуна о травоведении»), «Ба ши нань цзин» («Канон о 81 трудном случае болезней»), «Сунь Чжэнь Жэнь цян цзинь фан» («Тысяча золотых рецептов Истинного человека Суня»), «Цзи цю сянь фан» («Волшебные рецепты экстренной помощи»), «Сянь чуань вай кэ би фан» («Тайные хирургические предписания, переданные небожителями»), «Хэ сянь вэн чжоу хоу бэй цзи фан» («Рецепты почтенного небожителя Хэ для экстренных случаев») и другие. Да кроме того, старики передали Ван Липину свое совершенное искусство и более сотни абсолютно секретных рецептов, не упомянутых в канонах и совершенно не известных в миру, которые ему велели накрепко запомнить и без необходимости другим не открывать. Ван Липин запомнил все, чему учили его Учитель-Дед и Учителя-Отцы, и в изучении Дао врачевания взошел на Высшую Колесницу мастерства.

Тем временем опадали последние листья, близилась зима. Учителя с учеником шли по горам, которые постепенно теряли краски и приобретали сизый оттенок. В багаже Ван Липина добавилось несколько драгоценных вещей, это были редкие лекарственные травы. встреченные по пути, а еще приготовленные согласно всем правилам пилюли и порошки. Лекарств было немного, но в миру они очень редко встречались и ценились дороже золота. Учителя и ученик истратили на их приготовление много времени и сил, но не для того, чтобы продать их или обменять, а потому, что готовились к неожиданным случаям, когда надо будет лечить людей.

И вот однажды, перевалив через гору, они увидели, что навстречу им по дороге с трудом бредет несколько человек. Приблизившись, они разглядели позеленевшие лица, старую рваную одежду. Похоже, это были голодающие издалека.

Человек Беспредельного Дао обратился с вопросом к одному парню, и тот объяснил, что они живут в деревеньке неподалеку. На жителей ее напал мор, за несколько дней умерло более десятка людей, сейчас они временно уходят в другую деревню. Вам четверым, сказал парень, тоже туда ходить не стоит, лучше обойти это место стороной. Человек Беспредельного Дао с улыбкой сказал: «Не стоит, лучше землякам пойти вместе с нами обратно, мы пришли сюда для излечения этой болезни».

Подходившие люди обступали их, вид у большинства был недоверчивый. Человек Беспредельного Дао увидел на руках одной женщины девочку лет двух, бледную, с посиневшими губами. Глаза ее были закрыты, она бессильно задыхалась. В глазах женщины стояла мольба. Человек Беспредельного Дао протянул руку и погладил головку ребенка. С улыбкой сказал: «Ничего с ней не случится, вернешься, покормишь немного, и все будет

хорошо».

Женщина не верила, но лицо девочки чуть порозовело. Мать коснулась губами ее головки – жара не было. Ребенок открыл глаза: «Мама, есть хочу». Пораженная женщина собиралась броситься на колени, но Ван Липин ее удержал. А все другие свидетели этого чуда без дальнейших расспросов повернули назад в деревню.

Деревня казалась заброшенной, не видно было людей, не слышно петухов и собак. Лишь на некоторых воротах трепетали на осеннем ветру листки белой бумаги в знак того, что здесь умер человек.

Человек Дао Чистого Покоя зашел в один дом и, вернувшись, доложил Человеку Беспредельного Дао, что здесь несомненно эпидемия холеры, требуется немедленная помощь.

Отдых был забыт. Пришедшему с ними молодому парню велели скорее собрать всех, кто еще может ходить, в большом пустом доме и принести туда тех, кто уже не в состоянии двигаться. Туда прежде всех вошел Ван Липин, чисто подмел помещение, а окна плотно закрыл. Человек Дао Чистой Пустоты вытащил серебряную иглу и с закрытыми глазами проводил циркуляцию ци. Человек Дао Чистого Покоя притащил охапку хворосту, охапку соломы и сложил в середине комнаты. Человек Беспредельного Дао попросил людей принести бумагу и карандаш, уселся на циновке в позе лотоса и начертал знак, потом, поместив его перед грудью, с закрытыми глазами мысленно заставил его циркулировать по комнате, читая при этом тайные заклинания.

Наконец приготовления были окончены, все жители собрались в комнате. Человек Дао Чистой Пустоты рассаживал их вокруг кучи хвороста, а кто не мог сидеть, тех укладывал головами к ней. Человек Беспредельного Дао приказал Ван Липину достать лекарственные пилюли и роздал по одной всем лежащим. А потом велел Ван Липину зажечь солому и хворост. Они отсырели, и как только огонь был разожжен, помещение наполнилось дымом. Человек Беспредельного Дао сжег на огне знак. Двери были закрыты, а дым в комнате душил людей, они начали кашлять, все сильнее и сильнее. Потом некоторых стало рвать, и в одно мгновение в помещении все смешалось. Дым, вонь, грязное ци, звуки кашля, рвоты и стонов. Человек Дао Чистой Пустоты с иглой в руках, совершал в этой кромешности так называемое сплошное иглоукалывание, двигая иглой в воздухе и мысленно вонзая ее в биологически активные точки Чжун Юань, Тай Цюй, Гуань Юань, Цзу сань ли и другие, что одновременно вызывало реакцию у всех больных. Когда он закончил эту операцию, Человек Дао Чистого Покоя принялся проводить «сплошной массаж», что тоже все ощутили.

Прошел час, и в помещении постепенно все успокоилось, ни кашля, ни рвоты, ни стонов уже не было слышно. Сидевшие почувствовали себя лучше, лежавшие сели, у всех появились здоровые ощущения..

Тогда Человек Беспредельного Дао приказал Ван Липину отворить двери и окна, в комнате стало светло и пахло свежим воздухом. Потом он сказал жителям деревни: «Поднимайтесь, земляки, и ступайте по домам. Несколько дней ешьте понемножку и побольше отдыхайте, пока силы постепенно не восстановятся».

Люди слушали и смотрели друг на друга, им казалось, что все это происходит во сне. Начали подниматься и ходить, нет, все вроде наяву, но не могли придти в себя от изумления. Глядь, а четверо «волшебников» собрали свои вещички и были уже далеко. Знакомый парень кричал им вслед: «Просим святых людей остановиться!» Женщина со спасенной девочкой выкрикивала слова благодарности. «Волшебники» же торопились исчезнуть. Один только Ван Липин обернулся и махнул на прощанье рукой. Люди не могли удержаться от слез.

Покинув деревню, Учителя с учеником еще несколько дней совершали посылы дистанционного массажа для лечения больных. И те быстро поправились. С тех пор в деревне царилась радость, жители благодарили четверых благодетелей за спасение.

К истории с излечением холеры нужно добавить еще одну деталь. Человек Дао Чистого Покоя вначале провел там сидячую медитацию и применил магический прием под названием «В небесном одеянии нет швов.» С помощью мощного посыла внутреннего мастерства он

плотно накрыл своим полем всю деревню и только после того, как его Учитель привел в действие свой знак, а его собрат – свою иглу, он принялся за дистанционный массаж. Все три старика с помощью вещей, «обладающих формой и материей, совершили передачу души-вестника, „не обладающей формой, но обладающей материей“, чтобы этот посыл завершился тогда, когда будут излечены все больные.

Чтобы все жители деревни одновременно заразились холерой – такое за многолетнюю свою практику старики редко встречали. Из-за множества больных болезней становится чрезвычайно опасной и промедление смерти подобно. Ничего другого не оставалось, как собрать всех больных вместе, а потом воздействовать на них параллельно и одновременно с помощью техники пресечения, одухотворенных снадобий, магических знаков, иглотерапии и массажа. Лечение с помощью вычерчивания знаков на бумаге, проведения над ними циркуляции посылов и сжигания их на огне называется «Жертвенной Иглой». Существует много видов знаков, есть «Знак Смешения Снадобий», «Знак квинтэссенции Солнца и Луны», «Знак Пяти Элементов», есть также «Знак Неба-земли-человека», «Знак космоса». Не всякий знак можно использовать, кроме того, после его начертания нужно заставить его циркулировать, для чего нужно знать приемы, а выполнение приемов требует очень высокого внутреннего мастерства. Например, чтобы заставить циркулировать «Знак квинтэссенции Солнца и Луны», требуется умение собирать ци, затем нужно уметь перенести это ци на знак. Что же касается более высоких категорий знаков, например, «Знака Неба-земли-человека», то они выходят из границ сферы Среднего из Трех Миров. Чтобы оперировать с ними, нужно обладать силами более высокого уровня, которым они только и подвластны. Такие силы обычным людям неизвестны, да они в их существование и не верят, а если верят, то считают совершенно мистическими, недоступными для понимания. Ну, а как же на самом-то деле? Такие «силы» существуют. Читатель уже видел это в случае «прекращения дождя», а теперь снова сталкивается с ними в связи с «лечением болезни».

Китайская медицина ведет свое начало от «шаманского врачевания», в древности врачевание и шаманство составляли одно целое, а потом постепенно обособились. Некоторые считают это историческим прогрессом, а другие видят в таком прогрессе регресс. Какая же из этих двух точек зрения верна, а какая ложна? По-видимому, сразу этого не решить. Но одно можно сказать определенно: китайская медицина в отрыве от китайской культуры, в отрыве от такой теоретической базы, как учение об Инь-Ян и Пяти Элементах, в отрыве от такой практической базы, как внутреннее мастерство, теряет источник своей жизненности.

Опыт для развития китайской медицины совершенно необходим, в западной медицине тоже есть много такого, что китайская медицина для своего развития могла бы с пользой заимствовать, но ни то, ни другое не может стать базой ее развития. Сделать их базой значит перевернуть дерево корнями вверх.

Китайская медицина также делится на три уровня «Небо-земля-человек». Имеет такие уровни и опыт. Опыт, который обычно имеется в виду, неотделим от «Нижнего из Трех Миров», ограничивать китайскую медицину его рамками значит ограничивать ее развитие. В даосской медицине такого ограничения нет, она расширяет опыт, распространяет его на Средний и Высший из Трех Миров, у нее есть для этого много приемов, много «сил», которые могут стимулировать движение вперед. Предпосылкой использования этих приемов и «сил» является совершенствование в выплавлении самого врача. Здесь медицина и «шаманство» составляют единство, стоящее выше обычной китайской медицины. Это первооснова китайской медицины, ее крепкая традиция, и только следуя ей, китайская медицина имеет потенциал развития.

Приведем простой пример. В последние несколько лет, когда г-н Ван Липин читал лекции по китайской медицине перед профессорами нескольких институтов китайской медицины, он рассказывал им, что измерение пульсов подразделяется на уровни «Неба-земли-человека», рассказывал, как измерять плавающий пульс. Профессорам этот принцип был понятен. Они говорили, что раньше слышали это от своих профессоров, как

говорится, знали, что такое есть, но не знали почему, и не практиковали, не могли найти этот «Небесный» плавающий пульс. Г-н Ван Липин сказал им: «Приемами обычного человека вы, конечно, не сможете его найти. Существует несколько десятков разновидностей этого пульса, различия между ними чрезвычайно тонки, без внутреннего мастерства ощутить их невозможно. Без внутреннего мастерства невозможно даже понять то, что написано в медицинских книгах, не говоря уж о том, чтобы это применять. А это пока что все говорится об обычных приемах осмотра больного. Китайская медицина не причиняет больному дополнительных страданий, она может по внешнему виду, диагностировать болезнь, определить метод лечения, точно назначить необходимые лекарства. В западной медицине без применения приборов при осмотре больного трудно сделать самый маленький шагочок. Болезни внутренних органов, болезни всего того, что находится под кожей, она не может диагностировать, не разрезав человека, чтобы увидеть все ясно, а это причиняет больному слишком уж большие страдания. Западной медицине не хватает еще и цельности, она ведет лечение не диалектически, а так, что болит голова – лечат голову, болит нога – лечат ногу, совсем не заботясь о побочном действии лекарств. Очень часто одна болезнь проходит, а другая начинается. По виду эти методы передовые, а в действительности отсталые. В даосском врачевании, если говорить упрощенно, редуцируя многие промежуточные процессы, ищут только источники болезни, направляют усилия к ликвидации причины болезни, поэтому и получают необычайно сильный эффект. Людям обычно кажется это чудом, но в действительности тут нет чуда. Г-н Ван Липин говорит, что, мол, обычная медицина должна для постановки диагноза слушать пульс, а я все сразу определяю на взгляд, я могу „осматривать“ больного даже в его отсутствие, и всего только с помощью пары собственных глаз.

Почему даосы так упорно цепляются за собственное совершенствование в выплавлении? На это есть свои причины. Во-первых, без совершенствования в выплавлении нельзя достичь высокого уровня в мышлении, нельзя понять сущность древней культуры. Во-вторых, без более высокого уровня мастерства многие приемы использовать просто невозможно, нет способа мобилизовать «нечеловеческие силы». В-третьих, согласно теории единства неба и человека, при метаморфозах в космических небесных телах происходят соответствующие изменения в человеческом теле, возникает множество новых проблем, которые придется изучать и решать потомкам. Если говорить о медицине, то при изменении природы некоторых ингредиентов лекарств нужно менять и весь рецепт, иначе болезни не вылечишь. Это работа, которую придется делать врачам следующих поколений.

В общем, развитие китайской медицины, во-первых, неотделимо от китайской традиционной культуры, особенно от традиционного философского мышления. Во-вторых, она неотделима от совершенствования в выплавлении внутреннего мастерства врачевателя. В-третьих, ей необходимо извлекать все полезное из повседневного опыта западной медицины. Все три вещи очень важны, но надо различать главное и второстепенное, нельзя вершину лишать корня, нельзя сажать дерево вверх ногами.

Глава десятая

Превосхождение времени и пространства

Превосхождение времени и пространства, о котором здесь пойдет речь, означает мысленное превосхождение пространственно-временных рамок, способом которого является изучение бытующих в традиционной культуре гаданий «бу», «сян» и «мин».

Бу, сян и мин являются, фактически, способами прогнозирования и предвидения. Сейчас это называется прогностикой, а в древнем Китае называли бу, сян и мин. Слово «прогностика» для всех приемлемо, точно сделан прогноз или нет, впоследствии этим никто не интересуется. А вот когда говорят о гадании, это воспринимается гораздо хуже, потому что общественное мнение уже психологически настроено против «суеверий». Если путем гадания сделано хорошее или точное предсказание, опять же говорят: «Совпадение». А

почему совпадение могло произойти, уже никто не задумывается.

Это одно из препятствий, мешающих науке осваивать возможности, таящиеся в традиционной культуре. Если его устранить, если изменить метод мышления, то может произойти прозрение в отношении зарытых в землю сокровищ.

Эти сокровища представляют собой всего лишь «инструменты», инструменты предвидения, но раз они полезны, почему бы их и не использовать? Они во всяком случае не помешают, так зачем же выбрасывать их, словно рваную обувь?

Предвидение составляет неотъемлемую часть жизни каждого человека и общества. Всегда и везде люди хотят знать будущее. Предвидение, большое или малое, глубокое или мелкое, приблизительное или точное, снимает перегородки, которые в пространстве и времени отделяют нас от того, что составляет содержание будущего.. Только при условии предвидения можно определить, как лучше сделать свой следующий шаг, так что предвидение – одна из сторон человеческой мудрости.

Для прогнозирования необходимо разбираться в законах движения сущего. По малому счету, всем известно, что солнце через несколько часов после захода снова поднимется с востока, и это знание помогает распределить дела, которые нужно сделать, делать ли их днем или лучше ночью. А вот когда будет затмение солнца, этого уже обыкновенный человек определить не может, это уже дело работников науки, они должны предвидеть, должны дать прогноз.

Для прогнозирования необходимо собрать всю связанную с данной проблемой информацию, провести ее анализ, после этого можно уже вывести какое-то суждение. А если информация неточна, то верный прогноз сделать невозможно. Все это самые обычные вещи, которые делают все люди. А как только рамки обычного превосходятся, начинается неприятие.

Например, что такое связанная с проблемой информация? Бросив несколько монет и посмотрев, как они лягут, сможешь узнать, какое событие произойдет? А какую же непосредственную связь имеют эти события с монетами? Как можно увидеть всю жизнь человека по его лицу, линиям руки, спине? Как можно узнать всю его жизнь по какому-то одному ее моменту? Чаще всего обычные люди скажут, что эти вещи друг от друга слишком далеки, или же совсем не имеют ничего общего. Но традиционная культура имеет свою философскую базу, которая никогда ее не подводила. Это теория единства Неба и человека.

Многим таким вещам научили три старика Ван Липина на этапе «открытия мудрости», на это и времени и усилий ушло больше всего.

Но читатель должен помнить, что Ван Липин уже прошел смерть, и хотя принадлежал по-прежнему к Нижнему из Трех Миров, от людей этого мира отличался. И Учителя обучали его совершенствованию в Дао совсем не так, как до его смерти, и по содержанию, и по методам трансляции произошел переход на один уровень выше. И если мы хотим понять, как это происходило, наше мышление также должно перейти на более высокий уровень.

Один раз Учитель-Дед сказал Ван Липину: «Мы с тобой уже проходили 81 чжан „Дао дэ цзина“, написанного Тайшан Лао Цзюнем. Помнишь ли ты его 21-й чжан?»

Ван Липин без запинки прочел наизусть:

Отверстое Дэ скрыто, оно следует только Дао. Дао делает вещи туманными и неясными. О, неясное! О, туманное! В нем содержатся образы. О, туманное! О, неясное! В нем содержатся вещи. О, юное! О, темное! В нем содержится семя. Это семя истины, в нем содержится весть. С древности и донныне имя его не исчезает, из него мы узнаем множество. Откуда мы знаем о множестве, что оно таково? Из него.

Учитель-Дед спросил: «А знаешь, что это значит?» –«Не очень. Прошу Почтенного Учителя немного пояснить».

И старший Учитель заговорил о Дао: «У Дао нет материи и нет формы. таким образом оно проникает все, что обладает материей и формой. Небо, земля, человек, все сущее связано воедино в Дао. Раз во всех вещах содержится Дао, значит можно отслеживать их метаморфозы. Как это делается? У всех вещей есть Образ. Если вещь Янская, то образ

Иньский, и наоборот. В вещах есть семя, а в семени содержится весть. Способы наблюдения космических метаморфоз при сидячей медитации состоят, во-первых, в собирании вестей, а, во-вторых, в собирании семени. Прямое созерцание семени в вещах и вести в семени – это приемы Верхней Колесницы. Собираение образов для созерцания вещей, благодаря чему Инь соединяется с Ян, – это приемы Средней Колесницы. А опыт наблюдения за метаморфозами вещей у обычных людей – это приемы Нижней Колесницы».

Затем Дед подробно и последовательно рассказал Ван Липину о приемах Средней и Верхней Колесниц и обучил его всем этим приемам.

Все приемы Пяти Искусств неразрывно связаны с Десятью Числами, то есть с такими важными факторами, как «Небо-Земля-Человек-Инь-Ян-Вода-Дерево-Огонь-Почва-Металл». Ими порождаются далее циклические знаки Небесных Стволов и Земных Ветвей, Восемь Триграмм и Девять Дворцов. Среди них самыми основными факторами являются Инь и Ян. «Дао рождает Одно, Одно рождает Двоицу, Двоица рождает Троицу, Троица рождает Тьму Вещей». Эта Двоица и есть Инь-Ян, а Троица – «Небо-земля-человек». Небо земля и человек заключают в себе Пять Элементов, во всех Пяти Элементах есть Инь-Ян. При первоначальном разделении хаоса единое слитное ци разделилось, содержащееся в ци Инь-Ян, превратилось в мутное и чистое. Чистое ци закрутилось влево, поднялось и родило Дерево, которое, дойдя до предела, превратилось в Огонь. Мутное ци закрутилось вправо, опустилось и родило Металл, который, дойдя до предела, превратился в Воду. Между Инь и Ян проходит ось, срединное ци – это Почва. Инь и Ян – это устои всех вещей, родители метаморфоз, корень возникновения и уничтожения, обиталище духовного света.

Числа Небесных Стволов – Цзя (1), И (2), Бин (3), Дин (4), У (5), Цзи (6), Гэн(7), Синь (8), Жэнь (9), Гуй (10). Числа Земных Ветвей – Цзы (!), Чоу (II), Ань (III), Мао (!У), Чэнь (У), Сы (У!), У (УП), Вэй (УШ), Шэнь (!Х), По (Х), Сюй (Х!), Хао (ХП). Соединяясь попарно, Числа Небесных Стволов и Земных Ветвей составляют числа годов 60-летнего цикла.

Небесные Стволы и Земные Ветви подразделяются на иньские и янские. В пространстве и времени у каждого числа есть связь с противоположным ему, при гадании она не может игнорироваться.

Восемь Триграмм состоят из иньских черт – – и янских черт –, положение которых меняется в пространстве и времени. Три черты составляют одну Триграмму (цин гуа), шесть черт – одну Гексаграмму (бе гуа). Среди трех черт Триграммы различаются позиции «Небо-земля-человек» и позиции Инь-Ян. В шести чертах Гексаграммы то же самое подразделение. Восемь Триграмм, проходя метаморфозы, образуют 64 Гексаграммы, дающие Образы Тьме Вещей.

Что же касается Девяти Дворцов, то так как Восемь Триграмм обозначают четыре основных и четыре промежуточных стороны света, Центр остается без обозначения. Девять Дворцов восполняют этот недостаток, пространство обозначается ими со всей полнотой.

Все вышеперечисленное составляет основные факторы гадательных исчислений, взаимопорождением и эволюцией этих факторов исчерпываются законы метаморфоз вещей, это инструменты, которыми пользовались древние, чтобы из нынешнего дня рассмотреть прошлое и из данного момента вывести будущее.

Здесь есть две важных схемы – схема Пяти Элементов и схема Восьми Триграмм и 64-х Гексаграмм.

Схема Пяти Элементов очень проста, но и крайне важна, в ней содержатся Небо, Земля, Человек и Тьма Вещей, все они могут быть объяснены из этой схемы, так что это очень важная часть традиционной культуры.

Основные отношения между Пятью Элементами – это взаимопорождение и взаимопреодоление, с их помощью очень просто и ясно объясняются метаморфозы Неба, Земли, Человека и Тьмы Вещей. «Обучение постоянно умножает, а Дао постоянно уменьшает». Изобразить классы вещей с помощью простой схемы обобщить законы изменения неба, земли, человека и всего сущего, «приуменьшить» все это до ступени Пяти Элементов – это и достаточно просто и очень глубоко.

Огонь
Дерево Почва
Вода Металл

Рис.3. Схема Пяти Элементов

У Восьми Триграмм и 64-х Гексаграмм тоже простая схема, но их метаморфозы сложны.

Рис.4. Схема расположения Восьми Триграмм в порядке Фуси

Рис. 5. Схема расположения Восьми Триграмм в порядке Вэнь-вана

Существует много видов расположения триграмм и гексаграмм. «Чжоуские Перемены» («Чжоу и») – один из них. Его канонический текст сохранился полностью, и за две с лишним тысячи лет его комментировали и толковали многие школы. По мере того, как развивается изучение Искусств, могут быть переходы от простого к сложному, от сложного к простому, потом опять от простого к сложному, причем Перемен и Образов здесь может быть неисчислимо множество.

Схемы Пяти Элементов и Восьми Триграмм суть инструменты образного, наглядного усвоения Дао, секрет оперирования с ними таится в единстве сердца.

Китайскую медицину, одно из Пяти Искусств, невозможно объяснить в отрыве от Инь-Ян и Пяти Элементов. А эффективность китайской медицины в лечении болезней за несколько тысячелетий, которые прошли с тех пор, как она стала представлять собой нечто цельное, служат свидетельством того, что теория Инь-Ян и Пяти Элементов соответствует Дао.

От китайской медицины мы переходим к таким Искусствам, как «бу», «сян» и «мин», они основаны на тех же принципах, вышли из одного источника и все являются полезными для людей этого мира.

Приемы «сян», или физиогномики, состоят в том, что берутся за основу внешние образы разных вещей и событий, которые людям видны, производится их упорядочение и классификация, а отсюда делаются выводы о глубинных пластах вещи или события или же об изменениях, относящихся к другому пространству и времени. Небо, земля, человек, все вещи и события обладают материей и формой, а значит и образами и физиономиями. Обычно люди останавливаются на наблюдении внешних явлений, что же касается того, какую «физиономию» имеет данный образ, какую информацию он на себе несет, как она изменялась в прошлом и как будет изменяться в будущем, то такие вопросы не учитываются. Если бы этим занялись ученые, тут можно было бы извлечь много сведений и, возможно, найти ответ на вопросы.

Чтобы видеть «сян», надо, во-первых, иметь хорошие глаза, а во-вторых, работать головой. А чтобы работала голова, должна быть руководящая философская идея. Если философская идея правильна, она ведет твои мысли в правильном направлении. А если она неправильна, то либо уведет твои мысли в сторону, либо перережет им дорогу.

В древности в Китае было много тонких мастеров Искусства «сян». Одним из них может считаться Цзю Фанчао, славившийся умением выбирать лошадей. Глаза его просматривали лошадь до костей. Другим умельцем в физиогномике лошадей был Бо Ло, который притом написал канон о физиогномике лошадей, к сожалению, не сохранившийся. На сельхозрынках некоторые торговцы скотом тоже, бывает, понимают в лошадиной физиогномике. Как только скотину приводят, они прежде всего смотрят несколько ее ключевых мест, смотрят сколько ей лет, а под конец дают оценку. Высоко у этих людей Искусство «сян» или нет, но все они гадают по «сян».

В каком-то смысле каждый человек является физиогномистом, каждому в повседневной жизни приходится делать оценки и выбор в отношении многих людей, событий, вещей, с которыми он связан, как же тут обойтись без «сян»? Например, тыходишь в брачный возраст, подумываешь жениться, тебе надо выбрать невесту, тут «сян» совершенно необходимо: надо смотреть, кто для тебя хорош, кто больше всего тебе подходит. Или идешь ты на рынок за покупками, тут тоже приходится «заниматься

физиогномикой», понимаешь ты в этом или нет, ты покупаешь то, что тебя внутренне удовлетворяет. Но оставаясь на этом самом низком уровне, ты не станешь «физиогномистом», не станешь специалистом в какой-либо области.

Отсюда можно сделать вывод, что Искусство «сян» очень полезно и нет в нем ничего мистического. И то, что в головах у людей существует «жупел», что как только они услышат слова «гадание по сян», сразу называют это «суевериями» и отказываются от хорошей вещи, поистине прискорбно.

Искусство «сян» подразделяется на много видов, физиогномика человека один из них. Физиогномика человека не ограничивается его лицом, гадать можно по любой части его тела. Но в традиционной физиогномике человека существуют пять видов наиболее развитых, хорошо систематизированных техник, которые относятся к лицу, рукам, стопам, спине и голове.

При династии Сун жил некий даос Ма И, искусный в физиогномике человека, который оставил потомкам приемы гадания по Ма И. Чэньбо Сии поступил в ученики к Ма И, чтобы освоить Искусство «сян». Ма И обучал его в своей каменной келье в горах Хуашань, обучал не словами, а на лицах, и ученик написал потом «Оду чудесам», «Оду Золотому Ключику», «Песню о Серебряном Ключике». Традиция Ма И, которую продолжил Чэньбо Сии, это квинтэссенция приемов «сян».

Искусство физиогномики человека – важная составная часть китайской медицины. В трактате «Хуанди нэй цзин» люди подразделяются по пяти состояниям Инь-Ян: люди Великой Инь, люди Малой Инь, люди Великого Ян, люди Малого Ян, люди с равновесием Инь-Ян. Потом «нужно сначала установить пять форм Металла, Дерева, Воды, Огня, Почвы, затем различить пять их цветов, отличить людей по этим пяти формам и цветам, из чего получаются 25 разрядов людей». Вот, например, что говорится о людях с формой Дерева: «Это люди зеленого цвета, голова маленькая, длинное лицо, широкие плечи и спина, держатся прямо, маленькие руки и ноги, способные, любят умственную работу, сил мало, очень беспокоятся о делах. Хорошо чувствуют себя весной и летом и хуже осенью и зимой, когда они болеют, в ногах у них нарушается циркуляция крови, они словно подкашиваются». Люди с формой Дерева, в свою очередь, подразделяются на людей с большой остротой, меньшей остротой, с величайшей остротой и иных.

Люди с формой Огня «если сравнивать их с прежними завоевателями, походят на Красного императора, Владыку Юга, цвет их красный, широкие скулы, заостренное лицо, маленькая голова, красивые плечи, спина, бедра и живот, маленькие руки и ноги, походка твердая. Они ревнивы, в поведении неустойчивы, при мясистых плечах и спине склонны пренебрегать богатством. Недоверчивы, подозрительны, способны видеть ясно, совестливы, горячи. Недолголетни и часто умирают насильственной смертью. Хорошо чувствуют себя весной и летом, осенью и зимой они бессильны, чувствуют себя плохо и болеют. На руках Малая Инь как желвак». Люди с формой Огня подразделяются на очень экспансивных, мало экспансивных, высоко экспансивных и других.

Люди с формой Почвы, «если сравнивать их с прежними императорами, похожи на Желтого Императора, Хуанди. Их цвет желтый, округлое лицо, большая голова, красивые спина и плечи, большой живот, красивые бедра, руки и ноги мясистые, верх и низ симметричны. Походка твердая, достаточно плавная, спокойны, любят благоприятствовать другим, не радуются власти, умеют быть на вторых местах. Хорошо чувствуют себя осенью и зимой, а весной и летом болеют. На ногах Великая Инь в виде бугра». Люди с формой Почвы подразделяются на людей Большого Дворца, Дополнительного Дворца, Малого Дворца и Левого Дворца.

Люди с формой Металла, «если сравнивать их с древними советниками, похожи на Белого Императора Байди. Лица у них квадратные, цвет белый, маленькая голова, узкие спина и плечи, маленький живот, маленькие руки и ноги, кости выдаются, пятки выворочены. Телом легки, характером спокойны и смелы. Хорошие гадальщики. Хорошо чувствуют себя осенью и зимой, а не весной и летом, весной и летом болеют, на руке шишка

Великой Инь». Люди с формой Металла подразделяются на величайших советников, правых, великих и малых советников.

Люди с формой Воды, если сравнивать их с прежними коммуникаторами, похожи на Черного императора Хэйди. Их цвет черный, лицо негладкое, большая голова, крупные челюсти, узкие плечи, большой живот, подвижные руки и ноги, походка вразвалку, спина длинная. Они непочтительны, любят обманывать, умирают не своей смертью. Хорошо чувствуют себя осенью и зимой, весной и летом заболевают, на ногах Малая Инь потная». Люди с формой Воды подразделяются на больших и малых коммуникаторов, на людей заурядных и диковинных. ?

Это обобщения, сделанные по всем частям человеческого тела, где каждая черта отнесена к соответствующему разряду, а кроме того, есть различие по четырем сезонам, чтобы удобнее было прогнозировать возникновение болезней и лечение. Отсюда видно, что Искусство «сян» очень полезно для медицины.

Искусство физиогномики при гадании о судьбе имеет тот же источник, но здесь разделение облика на части и их изучение еще более детальны. Эта работа очень полезна для прогнозирования событий в жизни человека, как общей тенденции ее развития, так и течения ее год за годом.

Например, традиционная физиогномика подразделяет лицо человека по центральной линии на тринадцать частей. Мы перечислим их в порядке сверху вниз: Тянь Чжун – Небесная Середина, Тянь Тин – Небесный Двор, Сы Кун – Управляющий Пустотой, Чжун Чжэн – Средняя Правильность, Ин Тан – Зал Печати, Шань Гэнь – Корень Горы, Нянь Шан – Верх Возраста, Шоу Шан – Верх Долголетия, Чжунь Тоу – Уровень Головы, Жэнь Чжун – Центр Человека, Шуй Син – Звезда Воды, Чэн Цзян – Принятие Клея, Ди Гэ – Терем Земли. Кроме того, лицо подразделяется на Двенадцать Дворцов: 1. Мин Гун – Дворец Судьбы, 2. Цай Чжоу – Шелк Богатства, 3. Сюн Ди – Братья, 4. Тянь То – Полевая Усадьба, 5. Нань Нюй – Мужчина и Женщина, 6. Нупу – Рабы, 7. Ци Ши – Комната Жены, 8. Цзи Э – Болезненная Трудность, 9. Цяньи – Странствие, 10. Гуань Лу – Жалованье Чиновника, 11. Фу Дэ – Счастливое Дэ, 12. Сян Мяо – «Сян» Внешности. Далее человеческое лицо сравнивается с Пятью Звездами, Шестью Светилами, Пятью Пиками, Четырьмя Рвами, Уподобляется Шести Усадьбам и Трем Началам, Трем Позициям, разделяется по Девяти Областям и Восемью Триграммам, рассматривается по Небесным Стволам и Земным Ветвям. Особо тщательному изучению подвергались пять органов чувств, которые назывались Четырьмя и Восемью Учеными Залами. Любая часть лица – морщинки, родинки, брови, глаза, уши, рот, нос, губы, язык, зубы, впадинка на верхней губе, волосы, форма, цвет, кости, мышцы, голос, ци, шэнь – все изучалось скрупулезнейшим образом.

Даже если рассматривать китайскую традиционную физиогномику с естественно-научной точки зрения, придется признать ее необыкновенную утонченность. А уж с философской точки зрения назвать ее грубой и неупорядоченной совсем нельзя, она пронизана идеей единства Неба и человека, идеями Инь-Ян и Пяти Элементов. Что же касается предсказаний, которые делаются на ее основе, то тут действительно существуют различия, подобные отличию неба от земли. Среди промышленяющих физиогномикой в Китае есть немало таких, которые в Искусстве физиогномики ничего не понимают, но гадать берутся, то есть устраивают шарлатанские фарсы. Другие же делают это ради того, чтобы как-нибудь прокормиться. Но существуют, однако, и высокие люди, в совершенстве владеющие этим искусством, точность их предсказаний, сделанных по лицу человека, подтверждается опытом.

Ма И в «Оде чудесам в каменном павильоне» говорит, что из секретов физиогномики самый трудный – Шоу Яо, продолжительность жизни, отпущенная судьбой. Тут уже впадиной на верхней губе (Жэнь Чжун) не обойдешься, это постигается только духом. Когда авторы книги это написали, то вдруг вспомнили о читанных когда-то записях устных воспоминаний Ли Сюэнь, бывшей жены Ли Цзунжэня,? «Я и Ли Цзунжэнь». Там был один фрагмент о гадании «сян», который может послужить иллюстрацией. Приводим его ниже:

Глубже всего врезалось в память, как ходили в кумирню божества-покровителя города гадать по «сян». Помню, что после приезда в Кантон жены четвертого брата она как-то пригласила меня пойти в кумирню, сказала, что там есть один одухотворенный старик-гадатель, который всегда точно предсказывает судьбу. Она хотела погадать о своем счастье, а заодно и проверить, действительно ли этот старик всегда попадает в точку. Сама-то я не хотела идти, но не выдержала ее приставаний и пригласила проводить нас жену хозяина госпожу Ли, мы условились, что с нами пойдет еще жена Ван Сянмина г-жа Ван.

Только придя в то место, где была расположена кумирня, мы узнали, что там не только кумирня, а еще и самый оживленный кантонский рынок, где были представлены все виды ремесел и торговли и располагались, кроме того, лотки гадалей, врачей-гадалей, предсказателей судьбы и физиогномистов. Старик, которого мы искали, немного от них отличался. У него была крошечная лавочка с вывеской, что здесь производится гадание по Ма И, внутри стоял стол и несколько длинных скамеек. Желающих погадать было множество, и нам пришлось сесть на скамейки и ждать почти час, пока дошла до нас очередь. Первой он смотрел г-жу Ли, ей были сказаны хорошие слова: «У этой госпожи во всю ее жизнь не истощатся одежда и пища, не будет ни бед от стихии, ни трудностей, проживет жизнь мирно, хорошо начала, хорошо и кончит, это человек счастливый. Хотя будет только богатство, а не положение, но такая жизнь тоже хороша». Второй по очереди была г-жа Ван, ей сказал, что лицом она притягательна, сердцем мягка, умеет развлекаться, любит путешествовать. Еще сказал: «Ты сама барышня богатая, но сначала будешь малой звездой?, будут незаслуженные обиды, но все это предопределено судьбой. Хорошо, что у тебя широкие связи и ты умеешь делать дела. Благодаря этому ты вскоре разогнешься,++а потом будет и блестящий супруг и много детей, и богатство, и знатность, все будет во всей полноте». Увидев меня, старик оглядел меня слева и справа и надолго задумался. Попросил меня встать прямо и поднять руки вверх, после чего с веселым смехом указал на меня и проговорил: «Такой „сян“, как у этой госпожи, бывает один на миллионы. Я видел много женских „сян“, предвещающие такую счастливую судьбу, как у тебя, бывают редко. Не только муж будет знатный, но будет и счастье, и богатство, и долголетие, и удача, все в полноте. Выше твоего мужа будет один человек, ниже него –десятки тысяч. Я вижу, что у тебя длинные брови, длинные уши, длинная ямка под носом, длинные руки. Если бы ты была мужчиной, то была бы правителем какой-то страны, а для женщины это „ранг дамы первого класса“.? Да только есть все же один недостаток – супруги не смогут прожить вместе до седых волос». Тетушка Ли не могла удержаться от смеха. Не успела я ее остановить, как она сказала: «Вы, почтенный господин гадатель, утратили проницательность. Мужья обеих этих дам уже стали чиновниками, мой муж – подчиненный их мужей, так что „сян“ ты смотришь неверно». Гадатель, по-прежнему весело смеясь, сказал: «Все говорят, что физиогномисты кормятся своим языком, я же кормлюсь знаками „сян“, что знаки говорят, то и я говорю. Верно скажу – дают деньги, а неверно – и денег не надо. Вот Вы, госпожа, дали бы мне за гадание в десять раз больше, и то бы стоило. Но говорят еще, что гадание по „сян“ не может быть совсем точным, „сян“ определяет только половину судьбы, а половину определяет сердце. Когда „сян“ хороший, надо еще делать побольше добрых дел, доброе сердце само собой одухотворяет, и если есть какие-то недостатки, оно может спасти положение».

Здесь мы прервем цитату. О событиях, предсказанных гадалем по «сян» знает читатель, знакомый с новейшей историей Китая. Ли Сюэнь родилась в 1891 году и до сих пор жива и здорова, рассказывают, что она может еще трудиться физически, например, сажать овощи, откуда видно ее счастливое долголетие. То, что она почти в столетнем возрасте записала такие воспоминания, что она ясно помнит события прошлого, достаточно для того, чтобы задуматься.

Кроме физиогномики, три старика учили Ван Липин хиромантии, гаданию по ногам, животу, спине, голове, в общем, «сян» существует на любой части человеческого тела. В двух важных отношениях преподаваемое Ван Липину Искусство «сян» отличалось от искусства обычных гадалей. Во-первых, при подразделении всегда обсуждалась сущность

того, что делалось, а во-вторых, если встречалась в одном случае какая-то проблема, обязательно совершались проверки еще и еще раз по другим случаям, все это обобщалось и только потом делались выводы.

Что касается хиромантии, то обычные хироманты уделяют много внимания линиям ладони, а еще больше – форме руки. К этим приемам при обучении Ван Липина старики добавили очень многое. Поочередно рассматривались и обсуждались не только все места от запястья до кончиков пальцев, но и пять уровней в направлении от поверхности внутрь: линии руки, кожа, мышцы, кости, костный мозг. На поверхности тыльной стороны ладони рассматривались поры, продольные и поперечные морщины, из которых можно усмотреть связь человека с его предками. Это не было обыкновенное гадание, такого не может увидеть глазами обыкновенный человек. Так верно, с такой глубиной и проницательностью способен видеть только человек, обладающий высоким внутренним мастерством.

То, что по какой-то части человеческого тела можно узнать обо всем теле в целом, можно поставить диагноз и назначить лечение, сейчас уже общепризнанно. Об этом говорит выдвинутая ныне «теория полной космической информации».

А принцип китайской ауриколотерапии как раз и состоит в том, что ухо рассматривается как тело человека, каждая биологически активная точка на ухе соответствует какому-то органу человеческого тела. Если в органах человека происходят болезненные изменения, это отражается в соответствующих местах уха, и если воздействовать на определенную точку на ухе, болезнь можно вылечить. Ухо есть монада полной информации о человеческом теле. Это великое открытие китайцев. В 50-х годах XX века китайская ауриколотерапия привлекла к себе внимание мировой медицины и стала предметом горячих дискуссий.

В 1980 году китаец по имени Чжан Инцин опубликовал удивительную статью «Закон полной биологической информации», которая произвела фурор в Китае и за границей. Впоследствии он опубликовал еще несколько статей и монографию, где рассказал о «законе полной биологической информации» подробно.

Г-н Чжан Инцин писал:

Каждая часть монады полной информации биологического существа имеет собственную соответствующую ей часть как в теле в целом, так и в других монадах полной информации. Отношения частей монады к целому, как и отношения их к некоторым другим не соответствующим им частям полной информации, всегда в довольно большой степени подобны отношениям соответствующих им частных биологических существей. Закономерности расположения частей в монаде полной информации тождественны закономерностям расположения всех соответствующих частей в целом организме или в других монадах полной информации.

В каждой монаде полной биологической информации содержится информация о биологических характеристиках всех частей целого, а также информация, содержащаяся во всех точках других монад полной информации, совершенно так же, как в каждом кусочке голограммы содержится информация обо всем изображении.

В 1973 году г-н Чжан Инцин обнаружил на внешней стороне второй ладонной кости существование новой упорядоченной группы биологически активных точек, с помощью которых можно диагностировать и лечить болезни соответствующих частей человеческого тела. Хотя в этой группе нет такого богатства информации по всему телу, как на ухе, но в предварительной диагностике она более полезна, более доступна. Особенно важно то, что обе группы соответствуют единому теоретическому фундаменту – закону полноты биологической информации.

От «теории полной биологической информации» до «теории полной космической информации» всего один шаг, и спустя очень короткое время она была выдвинута китайцами, причем и философским и культурным фоном этого были древнекитайские традиционные философия и культура, в которых Инь-Ян и Пять Элементов являются «монадой полной информации» обо всех событиях и обо всем сущем.

Лао-цзы сказал: «Дао велико, Небо велико, земля велика, велик и человек». «Человек следует образцу земли, земля следует образцу Неба, Небо следует образцу Дао, Дао дает образец естественности». Образец – это пример для подражания, это подобие, это полнота информации.

Коль скоро внутри глаза скрыта информация о пяти полых и шести плотных органах, а ухо по форме похоже на уменьшенного человека и содержит информацию обо всем теле, то нельзя ли сказать, что лицо и руки человека и другие части его тела также содержат информации обо всей его жизни?

Медики по некоторым частям человеческого тела диагностируют болезни, гадатели по внешности диагностируют перемены в человеческих делах. В сущности, все это информация, но, как говорится, «Человеколюбивый везде видит человеколюбие, мудрый везде видит мудрость», то есть разные глаза извлекают из одной и той же информации разное и выводы делают разные.

Из «Пяти Искусств» люди легче всего понимают и принимают «врачевание», за ним идет «сян» и «шань», а труднее всего понять и принять «мин» и «бу».

«Шань» («гора») – это приемы совершенствования в выплавлении, о которых часто говорят. В узком смысле они означают «ушу». В ушу существуют установленные «техники» мягкого и жесткого мастерства, которые можно видеть глазами, поэтому люди этому верят.

Все, что относится к «Нижнему из Трех Миров», то есть к уровню «Человек-события-вещи», будь то «врачевание», «сян» или «шань», люди считают созвучным науке, они способны это понять и принять. Но стоит только этот уровень превзойти, стоит подняться на уровень «Среднего из Трех Миров», уровень «Небо-земля-человек», сразу начинается недоверие. Например, практика «Беспредельной Иглы», «дистанционный массаж» издали, лечение с помощью знаков, на взгляд обыкновенных людей, это «волшебство», которое трудно понять. Обычно могут еще сказать, что «Все это чепуха». В занятиях ушу они ценят только «силу» и «ловкость», что же касается подлинного внутреннего мастерства циркуляции, да плюс еще «магического искусства», это «силе» и «ловкости» обычных людей недоступно, им это понять трудно.

Что же до гаданий «мин» и «бу», то даже разговоры о них сейчас же вызывают подозрения. Люди часто говорят о «судьбе» («мин»), но для них это всего лишь синоним «случайности», никто не связывает «судьбу» с «необходимостью». Мышление обычных людей как раз на этом месте и останавливается.

И «мин» и «бу» – это искусство прогнозирования, , прогностическое учение, для человеческой жизни оно всегда нужно. Можно сказать, что где есть мышление, там есть и прогнозирование, только прогнозы бывают грубыми или точными, что зависит от базовой теории и методов прогнозирования, вот и все.

Китайское традиционное учение о «мин» применяется главным образом для прогнозирования тенденций развития и изменений в жизни человека, а учение о «бу» – для прогнозирования событий, которые возникнут или уже возникают в какой-то временной точке.

Теоретической основой учения о «мин», или «мин сюэ», является традиционная китайская философия единства неба, земли и человека и учение об Инь-Ян и Пяти элементах. Согласно им, изменения в жизни человека являются тенью изменений, происходящих в космосе, изменения в космосе определяют и все изменения в человеческой жизни. По этому пункту понимание у науки и минсюэ сходится. Но если бы все ограничивалось этим «великим схождением», минсюэ не могло бы возникнуть, да и спор между минсюэ и наукой тоже не мог бы возникнуть. А древнекитайские мудрецы, направляемые традиционной китайской философией, здесь-то и начали шевелить мозгами, исследуя, каким же образом вся жизнь человека связана с космическими метаморфозами, каким же образом можно всю эту жизнь предвидеть. Это большая тема, мы пока не будем предвосхищать результатов ее исследования, скажем только, что для выдвижения такого вопроса нужна была очень большая мудрость и смелость. Вариант ответа, полученный

древними китайцами, – это приемы вычисления по «Четырем Столпам». Вычисления по «Четырем Столпам» начинаются с момента рождения человека и ими создаются многие «модели» различных метаморфоз, чтобы предсказать дороги, по которым всю жизнь придется человеку идти. Вот тут-то и возникает спор между наукой и минсюэ. Минсюэ считает, что предсказать возможно, наука же утверждает, что такие предсказания беспочвенны.

Сейчас проблема состоит в том, что в западных экономически развитых странах, где средний культурный уровень относительно высок, научное мировоззрение глубоко проникло в сознание обыкновенных людей. Но многие вопросы сферы обычного наука не в состоянии объяснить, и некоторые умные люди уже поняли, что наука стоит перед лицом кризиса, и начали искать мудрость вне ортодоксальной науки, искать для этих вопросов иные объяснения. Минсюэ – это одна из областей, которую они изучают. В Китае научное мировоззрение тоже получило некоторое влияние, но из-за неразвитости образования влияние традиционной культуры по-прежнему очень велико. В народе много людей, верящих в минсюэ. Такова современная культурная ситуация, так что, с любой точки зрения, минсюэ нельзя игнорировать.

Обычно китайское минсюэ возводят к заклинателям знаков и предсказателям судьбы периода Чжаньго, но техника «Четырех Столпов» превратилась в стройную систему в эпоху Тан и Сун. Ключевыми фигурами здесь были танский Ли Сюйчжун и раннесунский Сюй Цзыпин. Ли начал вычисления по году, месяцу и дню рождения человека, а Сюй добавил к этому еще один фактор – час рождения. По традиционному китайскому летоисчислению год, месяц и день устанавливаются по Небесным Стволам и Земным Ветвям. В 60-ричной таблице, где сверху по горизонтали откладываются Небесные Стволы, а слева по вертикали Земные Ветви, четыре числа откладываются вверху и четыре внизу, на пересечении получаются так называемые Четыре Столпа. Если выразиться современным языком, эти Восемь Иероглифов определяют и качество и количество, поэтому с их помощью можно производить «вычисление эволюции», производить прогноз.

В минсюэ есть схема гадания по Восемью Иероглифам по способу Цзы Пина (Цзы Пин мин шу), кроме того, существует еще «Гадание по Ковшу Пурпурного Дворца» (Цзы Вэй Доу Шу), довольно сложная вещь, в которую введено положение планет, чтобы можно было более точно предсказать ход жизни человека. Обе эти схемы являются самостоятельными монадами, и предвидение жизни человека с их помощью вполне возможно, теоретически здесь не возникает проблем. А в чем же проблема? В том, как с помощью этой схемы точно предсказать события, которые непременно произойдут в будущем в какой-то точке пространства-времени. Как только заходит речь о «точности» и «конкретности», наука начинает протестовать, потому что считает «случайности» не поддающимися прогнозированию.

Возможно ли сделать такой прогноз – это один вопрос, а каждый ли, кто пользуется данными инструментами, способен сделать это – вопрос совсем другой. Два этих вопроса нельзя смешивать.

Обучая Ван Липина минсюэ, старики пользовались несколькими схемами прогнозирования. Они говорили ему, что минсюэ служило древним инструментом познания человечества. У всех людей есть «мин», «мин» – это рождение, старость, болезни, смерть, это взлеты и падения, подъемы и опускания человека в обществе. У общественных метаморфоз есть закономерности повторения, существуют они и в человеческой жизни. Некоторые из таких метаморфоз имеют форму, а некоторые бесформенны. И минсюэ должно изучать, как за имеющим форму увидеть бесформенное, как на основе того, что видно сейчас, прогнозировать будущее. Ван Липин должен был подробно изучить Гадание по Ковшу Пурпурного Дворца, Предсказание Судьбы по Цзы Пину, схемы «Звезды правят миром случайности» («Син пин хуэй хай»), «Астрогнозия семи исправлений» («Ци гай син сюэ»). При вычислении судьбы по «Четырем Столпам» можно узнать главные события жизни человека, узнать, как он будет продвигаться по ступеням нескольких метаморфоз. С

помощью «Гадания по Ковшу Пурпурного Дворца» вычисляется положение Солнца, Земли и Луны в час рождения, а также углы и направление скрещения пяти планет с Землей и какова будет связь с этими планетами в какой-то год в будущем, какие крупные события должны произойти в данном году, связь этих событий с жизнью человека. Вычисление положения планет и углов скрещивания называется «вычислением света». Существуют и еще более сложные приемы вычислений. Если от момента рождения двигаться в обратном направлении, переходя от Последующего Неба к Прежнему Небу, то можно вычислить не только пол человека, способности, супруга, родителей, братьев, сестер и т.д., но еще и его интуицию, а это уже превосходство обыкновенных способов вычисления.

Очень много времени и сил посвятили старики обучению Ван Липина предсказаниям «бу». Базой «учения бу», «бу сюэ», также являются Инь-Ян и Пять Элементов, из которых получается путем изменений много разных техник гадания. Основой здесь служит классификация по Восьми Триграммам.

И конфуцианцы и даосы почитают «И-цзин», «Книгу Перемен». Причем конфуцианцы сосредоточивают свое внимание на философских принципах, содержащихся в «И цзин», они несколько тысячелетий комментировали эту книгу и написали тысячи произведений о философских принципах. Даосы же, сосредоточенные на инструментах познания и методах, которые представлены в «И-цзине», подходят к «Переменам» более утилитарно.

Три старика обучали Ван Липина «Переменам» в соответствии с этой даосской традицией. Они подразделили «Перемены» на 72 вида, все это были схемы, в основе которых лежали 64 Гексаграммы «И-цзина». В их числе были Перемены растений, Перемены животных, метаморфозы человеческого тела и т.д. В общем все события и вещи можно соотнести по макропризнакам с 64-мя Гексаграммами, чтобы потом наблюдать их и предсказывать направление их развития. Фактически это тоже делает Восемь Триграмм и 64 гексаграммы монадой полной космической информации, по закономерностям которой изменяются все события и вещи.

То необычное, чему старики учили Ван Липина при использовании Восьми Триграмм, во-первых, состояло в том, что нельзя рассматривать их плоско, как это делают обычные люди, следует видеть в них объем, шар. Две триграммы Цянь и Кунь являются полюсами и могут составлять ось вращения. Остальные шесть триграмм соответствуют шести направлениям верх – низ, лево–право, перед–зад, чем и создается объем. Из тысяч событий и вещей все обладающее формой неразрывно связано с этой сферой. Во-вторых, при гадании по триграммам о судьбе, когда триграммы запрашиваются о событиях, появляется субъект-объектное отношение Хозяина и Гостя, в котором надо сделать правильную расстановку, иначе правильного ответа не получится. Когда Триграмма – Хозяин, а Я – Гость и спрашиваю у Хозяина о делах, надо поставить 64 гексаграммы снаружи, чтобы они составили большой круглый шар, охватывающий Меня извне, только тогда отношение будет правильным. Если же Хозяин Я, то должен расставить гексаграммы в своем сердце, вопрос и ответ будут у меня в сердце, и как тогда узнавать о делах?

При гадании «бу» по Восьми Триграммам трудность состоит в «раскрытии Перемен», в древности это называли «раскалыванием Перемен». Это значит, что когда уже найдены основная и производная гексаграммы, надо растолковать смысл того, о чем они говорят. А для толкования надо обладать знаниями, надо иметь опыт, уметь мыслить ассоциативно, только так возможно отбросить множество невероятных ответов и отобрать один возможный. В эпоху Сун Шао Юн в книге «Числа Перемен Дикой Сливы» («Мэй хуа и шу») предложил некоторые основные приемы построения и толкования гексаграмм, которые стали довольно употребительными. Но без внутреннего мастерства нельзя выйти на высокий уровень.

В «бу сюэ» кроме гадания по триграммам есть еще «Волшебное гадание по Шестерке-Воды» (Лю Жэнь шэнь кэ) и «Чудесные Дверцы и прячущий щит» («Ци мэнь дунь цзя»).

Шестерка-Вода – это название происходит из расположения девяти чисел в магическом кресте «Хэ ту», где Небесная Единица порождает Воду, а Земная Шестерка завершает ее.

Кроме того, по посленебесному расположению Восьми триграмм в магическом квадрате «Ло шу», Триграмма Кань (Вода) – единица, а Триграмма Цянь (Сухость) – шестерка, циклический знак Воды Жэнь проверяет Дворец Сухости Цянь и получается начало чисел и начало гексаграмм, поэтому и называется «Шестерка-Вода». Основная схема «Шестерки-Воды» – это Земная и Небесная спирали, выше расставляются Четыре Гадания, еще выше Три Передачи, поэтому называют еще «гаданием по Шестерке-Воды».

«Земная Спираль» есть расположение в последовательности циклических знаков Двенадцати Земных Ветвей: знаки Хай (ХП), Цзы (!), Чоу (П), Инь (Ш) располагаются на Севере, знаки Инь ((Ш), Мао (!У), Чэнь (У), Сы (У!) – на Востоке, знаки Сы (У!), У (УП), Вэй (УШ), Шэнь (!Х) – на Юге, а знаки Шэнь (!Х), Ю (Х), Сюй (Х!), Хай (ХП) – на Западе. Земная Спираль – это двенадцать времен гадания, покой без движения, темнота без просвета.

«Небесная Спираль» образуется из «Земной Спирали» путем добавления ко временам гадания «Лунного Генерала». «Лунный Генерал» – это начало месяца, определяется он тем, в каком Дворце находится солнце. Смена «генералов» происходит по окончании четных сезонов?, поэтому начало месяцев «Шестерки-Воды» не совпадает с исчислением по «Четырем Столпам». Последнее основывается на сезонах, а первое – на четных сезонах и запаздывает, по отношению к последнему, на полмесяца. «Четыре Столпа» строятся по Стволам и Ветвям месяцев сельскохозяйственного календаря, а порядок расположения Лунных Генералов в «Шестерке-Воды» как раз обратный.

Расстановка «Четырех Гаданий» и «Трех Передач» еще сложнее. «Тело Гаданий» подразделяется на 62 рубрики, а «Три Передачи» подразделяются на девять рубрик, и везде используются порядки порождения и преодоления Пяти Элементов, намеки, сравнения, заклинания. Процесс гадания по «Шестерке-Воды» делится примерно на такие этапы: выясняется, каково на время гадания положение Тайсуй (Юпитера), ++ где находится Лунный Генерал,+++ затем день и час по знакам Стволов и Ветвей. На Земной Спирали выписывается Небесная Спираль. Затем Стволы и Ветви дня соединяются с Небесной и Земной Спиралями и образуются Четыре Гадания. По порядкам порождения и преодоления Пяти Элементов Четырех Гаданий выстраиваются Три Передачи. В зависимости от того, производится ли гадание утром или вечером, на Земной Спирали по часовой стрелке или против нее располагаются двенадцать Небесных Генералов. Определяется последовательность Трех Передач по Стволам, выстраиваются отношения их порождения и преодоления. На Земной Спирали выставляется название года рождения по звериному циклу, название Элемента. Наконец производится толкование гадания. Толкование гадания еще сложнее, тут надо рассматривать связь времени гадания со Стволами и Ветвями дня, выяснять, вошел ли уже Лунный Генерал в Перемену, прошел ли насквозь, потом снова надо смотреть день и час, три Передачи, название года, Небесного Генерала, тело гадания, шэньское ци, шэнь Ветвей, Иньское шэнь, преодоление и соответствие, Дэ и счастье, грехи, пороки и многое другое. Только когда все это последовательно и тщательно рассмотрено, можно сделать заключение. Все эти исчисления крайне сложны, и пользоваться им может только чрезвычайно зрелый и подготовленный человек.

“Чудесные Дверцы и Скрывающий Щит” – одно из тайных искусств китайской традиционной культуры, это тоже прогностическое учение. Техника его настолько секретна, что самостоятельно изучить ее невозможно. Чтобы понять суть и научиться применять это искусство, необходим просветленный учитель, слова которого должны постигаться сердцем. Поэтому, хотя название это известно многим, знающих какие-либо подробности чрезвычайно мало, а крупные знатоки, умевшие им пользоваться, такие, как Чжан Лян, Чжугэ Лян, Лю Цзи, стали великими именно благодаря этому.

В гадании «Чудесные Дверцы и Скрывающий Щит», основываясь на Восьми Триграммах и Девяти Дворцах, в соответствии с Тремя Чудесами и Шестью Обрядами, а также Восемью Дверьми и Девятью Звездами выбирают в пространстве – времени наилучшую точку, предсказывают удачи и неудачи и так определяют направление действий. Из Десяти Небесных Стволов стволы И (2), Бин (3), Дин (4) считаются Тремя

Первоосновами, а стволы У (5), Цзи (6), Гэн (7), Синь (8), Жэнь (9), Гуй (10) –Шестью Обрядами. Они связываются воедино стволом Цзя (1), циклический знак Цзя означает броню, щит, поэтому называется все «Чудесные Дверцы и Скрывающий Щит». Его основная схема подразделяется на четыре спирали –Земную, Человеческую, Небесную и Духовную. В приемах Скрывающего Щита – три слоя символизируют Три Материи. Верхний слой символизирует Небо, где располагаются Девять Звезд, средний слой символизирует Человека, на котором Восемь Дверей, нижний слой символизирует землю, на ней размещаются Восемь Триграмм и Девять Дворцов. Небесный Шов и Врата Радости соответствуют Дворцу Кань, ими определяется место Трех Материй. Три Чуда, это И (2) – Солнечное Чудо, Бин (3) – Лунное Чудо, Дин (4) – Звездное Чудо. Небесная Спираль: Небесный Шов Звезды Воды (Меркурия), Небесная Коромысло Звезды Почвы (Сатурна), Небесная Перевязь, Небесный Зверь, Небесный Рывок Звезды Дерева (Юпитера), Небесный Помощник, Небесный Храбрец Звезды Огня (Марса), Небесный Столп Звезды Металла (Венеры), Небесное Сердце. Человеческая Спираль: Четверо Врат удач – Радость, Почтение, Жизнь, Начало, Четверо Врат Неудач – Ранение, Страх, Препятствие, Смерть. Земная Спираль – Пять Дворцов временно помещены внутрь двух дворцов. Духовная Спираль – Девять Небес, Девять Земель, Красный Воробей, Расположение Крюком, Шесть Соединений, Великая Инь, Форма Змеи, Знак Прямоты. После зимнего солнцестояния происходит сокрытие Ян, после летнего солнцестояния –сокрытие Инь. При Янском сокрытии по часовой стрелке располагаются Шесть Чудес, а против часовой стрелки – Три Чуда. При Иньском сокрытии против часовой стрелки располагаются Шесть Обрядов, а по часовой стрелке – Три Чуда.

Базовая схема «Чудесных Дверец и Скрывающего Щита» также является монадой полной космической информации, она вбирает в себя небо, землю, человека и Дух, рассматривает в них Инь-Ян, порождение и преодоление Пяти Элементов и другие отношения, выясняет благоприятствие и неблагоприятствие в данной точке пространства-времени и направляет действия человека. Здесь все пронизано философской идеей единства Неба, земли и человека, «говорится» в ней о проблеме необходимости. Она прогнозирует, какие события могут произойти, и человеческие поступки не должны идти с этим вразрез, это вопрос необходимости, а не приспособления к случайности.

В китайском «бу сюэ» имеется еще «Исчисление Духа по Железной Доске» («Тхе бань шэнь шу»). Книга «Тхе бань шэнь шу» широко распространена в народе, существуют различные ее списки, ксилографы, одни состоят из 1200 разделов, другие из пяти и двенадцати тысяч разделов. Эта книга передается с эпохи Сун, авторство ее приписывается Шао Юну. Так как Шао Юн сочинил гигантский труд «Хуан цзи цзин ши» («Каноны предначертания судьбы»), а методы исчисления судьбы, в которых использовалось «Исчисление Духа по Железной Доске», тоже с этого времени стали самостоятельной системой, эту книгу стали приписывать Шао Юну. Однако списки ее очень различаются, она пестра по содержанию и написана не одним человеком. В «Исчислении Духа по Железной Доске» основное – расстановка дней и месяцев по гексаграммам, а исчисление Духа – второстепенное. В гексаграммах используются переплетающиеся гексаграммы, отправными точками являются четные сезоны, начинается все с гексаграммы «Фу» («Возврат»), а кончается гексаграммой „Кунь“ („Исполнение“). Календарные таблицы этих гексаграмм и их черт отличаются от обычных календарных таблиц, их надо составлять по методу Шао Юна. Черты гексаграмм года, месяца и дня определяются легко, а вот черты гексаграмм двухчасья определить очень трудно. В области использования гексаграмм используются расположения Хэ ту, Ло шу, по Вэнь-вану, но это еще не все. Используются ступени хроматического 12-ступенного звукоряда Цзин Фана в сочетании с „Гексаграммами Вращающегося Неба“ („Юань Тянь Гуа“) и „Гексаграммами Сокрытия Первого Циклического Знака“ („На Цзя Гуа“).? При исчислении используются Пять Элементов, Небесные Стволы и Девять Дворцов Области Тайи. В используемых здесь кратких стихотворных описаниях метода смешиваются Стволы и Ветви, Восемь Триграмм

погружаются в Пять Элементов, параллельно используются приемы Цзы Пина, Стволы и Ветви 60-ступенного звукоряда, установление дня по соотносению Триграмм с Пятью Элементами, по Десяти высоким и Двенадцати низким Звукам. Сюда входят еще понятия о шэнь и ци в местоположении звезд из исчислений по Пурпурному Волшебному Ковшу (Цзы Вэй Доу Шу) и другие исчисления. Таким образом, „Исчисление Духа по Железной Доске“ является сложным целым, в котором собраны почти все знания из многих областей китайской традиционной прогностики, разные техники, мантры, приемы. Среди этих текстов есть тонкие и изысканные, а есть и простые и грубые. Найти описание приема очень трудно, а прочесть в нем какой-нибудь раздел еще труднее, без знания истории китайской классической литературы это безнадежное дело, потому что все выражения темные и понять их смысл трудно. Поэтому-то об „Исчислении Духа по Железной Доске“ многие знают, а умеющие пользоваться им встречаются очень редко.

Три старика одно за другим передавали Ван Липину эти Искусства, открывающие мудрость, и одновременно наставляли его, чтобы применял их в соответствии с Дао, чтобы с их помощью спасал людей, поддерживал и передавал Дао, это корень всего. Гадание – это техника, а Дао – это сущность. Когда прочно Дао, открывается мудрость и научиться технике нетрудно. При высоком Дао и техника высока. Чем ближе человек к мастерству Верхней Колесницы, тем этот принцип для него яснее.

Ван Липин хорошо понял своих наставников, и хотя изучением техники очень интересовался и тратил на это много времени, никогда не упускал из виду сущности Дао. И последующая практика его подтвердила правоту Учителей. Когда он сталкивался с крайне опасными болезнями или когда прецедентов лечения вообще не было, его высшие Учителя наставляли его во сне, передавали ему высокие приемы, он применял их, и больные излечивались. В это время Ван Липин конечно обладал способностью общения с духами.

После открытия мудрости старики начали обучать Ван Липина «выплавлению духа-шэнь».

Глава одиннадцатая **Движение снов, выплавление духа-шэнь**

“Выплавление шэнь” было восьмым этапом в жизни Ван Липина, посвященной изучению Дао. На этом этапе цзин, Ци и шэнь уже поднялись на более высокий уровень.

Пусть читатель обратит особое внимание на написание слова Ци с прописной буквы. Это означает, что в китайском варианте иероглиф, обозначающий энергию ци, пишется по-иному, чем прежде. К пиктограмме, обозначающей “ци” в Нижнем из Трех Миров, мире «человека-событий-вещей», на уровне Среднего из Трех Миров, мира «Небо-земля-человек», добавляется определитель “вода”, а на уровне Высшего из Трех Миров, мира «Время-Пространство-Космос», эта пиктограмма пишется с определителем «огонь». Эти различные написания связаны с пониманием сущности «ци» на высоких уровнях.

Например, при освещении светом в мире «человека-событий-вещей» все имеет тень. Иллюзия эта тень или реальность? На уровне мира «человека-событий-вещей» люди говорят, что она иллюзорна, что если ей нанести какой-нибудь вред, это не окажет никакого воздействия на реальное тело, отбрасывающее тень. А на самом деле? Воздействие есть, но оно не различается ощущениями в этом мире, потому что ощущение здесь слишком медлительно. Иначе обстоит дело в слое «Небо-земля-человек», здесь тень признается реальной. Например, тень имеет соответствие с разными частями человеческого тела, и если воздействовать на тень человека с помощью Ци или вещей, это будет равносильно воздействию на тело человека. Ван Липин в выплавлении «совершенствования в трех мирах» дошел до этой степени. Когда Учитель-Отец затронул его отражение в воде, в теле у него появилось ощущение, а такое воздействие может быть различено лишь при довольно высоком уровне внутреннего мастерства. А на еще более высоком уровне, если, например, укалывается иглой какая-то часть тени, это равносильно втыканию иглы в тело человека.

Обычный человек не ощутит такого укола, тем не менее, игла оказывает на него свое воздействие, в этом и состоит сущность иглоукалывания по тени.

В общем, на нынешнем этапе изложения мышление читателя должно измениться, привычные понятия будут иметь теперь иной смысл.

Старики обучали Ван Липина движению снов.

В представлении обычных людей сон является вещью, у которой «есть форма, но нет материи». Заснешь, что-то такое удивительное тебе случайно приснится, но в большинстве случаев не запоминается. От некоторых снов остается, впрочем, глубокое впечатление, но смысл их непонятен.

У стариков и Ван Липина был другой взгляд на сны. Он состоял в том, что хотя в слое «человека-событий-вещей» у снов «есть форма, но нет материи», в слое «Небо-земля-человек» они «имеют и форму и материю». В слое «Небо-земля-человек» люди не пассивно видят сны, а сами их вызывают. Во «сне» они делают то, что им требуется сделать. Чтобы достичь мастерства такого уровня, надо пройти специальное обучение, надо иметь внутреннее мастерство соответствующей высоты. Это внутреннее мастерство состоит в специальной тренировке цзин, Ци и шэнь.

Сначала старики учили Ван Липина выплавлению цзин, Ци и шэнь своего тела до более высокого уровня, а потом обучали тому, как смотреть сны отдельно с помощью цзин, Ци и шэнь.

Старики рассказали, что шэнь подразделяется на два вида. У человека есть «иньское шэнь» и «янское шэнь», иньское шэнь – это душа-хунь, а янское шэнь – это душа-по. Хотя старики говорили об этом каждый день, Ван Липин долго не понимал их и не чувствовал к этому никакого интереса. Но потом «увлекся» и стал целыми днями приставать к Деду и Отцам-Учителям, чтобы объяснили поподробнее. А старики, которые прежде в него эту информацию «внедряли», увидев, что он наконец «врубился», стали вдруг от разговоров «отлынивать». Но Ван Липин всегда находил способ их «заловить», не одного, так другого. Старики, в общем, говорили одно и то же, но у каждого были свои особенности.

Так как же видят сны в слое «Небо-земля-человек»? Сны здесь бывают двух видов, одни движутся в теле, по форме это похоже на сон обычного человека, отличие состоит в том, что можно контролировать содержание сна. Например, если нужно что-то обдумать или найти ответ на какой-то вопрос, формулируется тема и стоит прилечь ненадолго и поспать, как во сне получается ответ.

Г-н Ван Липин говорит, что при чтении лекций или проведении занятий в группах он никогда не пишет лекционных текстов или чего-нибудь вроде тезисов. Но ежедневно он проводит несколько часов в сидячей медитации, спать ложится в третьем часу утра, перед сном формулирует «запрос», то есть то, о чем утром ему нужно будет говорить. После этого он засыпает, а во сне появляется содержание «ответа». Спит он обычно два-три часа, а когда просыпается, в голове уже все ясно, идет и читает лекцию, а того содержания, которое приснилось во сне, может хватить и на несколько часов и на десятки часов.

Другой вид сна в прежнем смысле сном уже не является, он превосходит то, что обычные люди называют сном, это «выход наружу» иньского духа и янского духа шэнь.

Выход иньского и янского шэнь изнутри наружу – это уже очень высокое мастерство. Многие люди не верят, что у человека есть иньские и янские духи шэнь, тем более не верят, что эти шэнь могут «выходить наружу». Это очень важная научная проблема, которая имеет большое значение для человечества и для космоса и заслуживает серьезного изучения.

Как же видеть «сны» этого второго вида? Г-н Ван Липин говорит, что старики учили его, что нужно поочередно делать «государем» энергии цзин, Ци и шэнь. Можно шэнь поставить впереди, цзин сделать «государем» а Ци продвигать последним; а можно цзин поставить впереди, шэнь сделать «государем», а Ци продвигать последним; а еще можно шэнь поставить впереди, Ци сделать «государем», а цзин продвигать последним.

Например, когда иньское шэнь выходит, шэнь делается государем, цзин обнимает шэнь, Ци обнимает цзин, тогда проявляется форма. Когда шэнь делается государем, Ци

обнимает шэнь, а цзин находится снаружи, форма не проявляется. Проявление формы называется также «Искусством разделения тела», это можно делать и не во сне. Непроявленность формы тоже может осуществляться не во время сна. Но во время сна большей частью позволяют иньскому шэнь выходить, в то время как янское шэнь не уходит.

При «снах» второго вида, когда шэнь позволено выходить и передвигаться, совершать циркуляцию поверх пространства и времени, у «сна» «есть и форма и материя», в нем нет ничего иллюзорного.

Дописав до этого места, авторы книги почувствовали желание сказать несколько слов о снах.

На основании практики г-на Ван Липина мы сейчас уже знаем, что человеческие сны можно подразделить по крайней мере на две большие категории. Первая категория – самопроизвольные сны, которыми человек не может управлять. Вторая категория – сны управляемые, которые контролируются человеком, они становятся инструментом, служащим «Я». Первую категорию снов видят обычные люди, а вторую – люди, поднявшиеся на уровень «Небо-земля-человек».

Человечество с древности обсуждает сны обычных людей. В XX веке такие обсуждения стали еще более горячими, на Западе появилось несколько крупных ученых, имеющих мировое влияние, таких как Фрейд и Юнг. В Китае недавно тоже появился один ученый по имени Лю Вэньин, который потратил несколько лет на углубленное изучение китайских письменных источников, упоминающих о снах, и выдвинул «новое учение одного китайца о снах». Это новое учение представлено в недавно изданной им монографии «Культ сна и исследование снов – аспект древнекитайской религии, философии и науки» (Издательство АОН КНР, 1989). Приведенные ниже цитаты, касающиеся древнекитайского учения о снах, кроме особо оговоренных случаев, взяты из монографии г-на Лю.

Одни сны называются правильными снами, вторые – зловещими, третьи – мысленными, четвертые – пробуждающими, пятые – радостными, шестые – предостерегающими снами.

Это классификация снов, сделанная чиновниками-толкователями снов при династии Чжоу. Толкователи «гадают по шести видам счастливых и несчастных снов с помощью солнца, луны и планет». В этой классификации основанием служит содержание снов, а также психологическое состояние сновидцев.

В период Восточной Хань Ван Фу в сочинении «Цянь фу лунь» («О подспудном») разделил сны на десять категорий:

обычно сны бывают по случаю, с образами, с цзин, с желаниями, с людьми, с ощущениями, со временем, с угрызениями, с болезнями, с сексом.

Ван Фу говорит: «Обычно эти десять составляют основное содержание снов». Но сны делятся еще на испытываемые и не испытываемые. Но «чудесные сны в большинстве своем имеют причину и редко бессмысленны», Отсюда видно, что в древности очень серьезно относились к изучению снов, не равняли их все под одну гребенку, а особое внимание уделяли «чудесным снам», желая извлечь из них какую-то полезную для жизни людей и общества информацию.

В буддийских канонах подразделение снов идет еще дальше. Например, в «Фа юань чжу линь. Минь мэн пянь. Сан син бу» («Цветник закона, лес жемчужин», глава о снах, раздел о Трех природах) цитируется классификация снов из «Шань дянь люй» («Законов правильного видения»).

Существует четыре вида снов: 1. сны от негармоничности Четырех Великих; 2. сны-предвидения; 3. сны о небе и человеке; 4. сны с думами.

Здесь из употребленных иероглифов очень трудно понять, какой смысл вкладывается во все эти четыре вида. Но из выражения «сны о небе и человеке» можно заключить, что тут подразумеваются сны, индуцируемые Небом, в которых есть предсказания.

А еще в каноне «Да чжи ду лунь» («О мере великой мудрости») сны подразделяются на пять видов:

Если в теле не все отрегулировано: когда много горячего ци, то больше видится огонь, желтое, красное; когда много холодного ци, во сне видится воды, видится белое; когда много ци ветра, то видятся полеты, видится черное.

Если возвращаются мыслями к слышанному и виденному, то многодумье становится причиной того, что видятся сны.

Если во сне ставятся вопросы Небу, значит, хотят узнать о событиях будущего.

Первые три вида суть «сны от негармоничности Четырех Великих». Четвертый вид – это «сон с думами». Эти четыре вида – сны об обычном. Пятый вид, «сон с Небом», то же самое, что упомянутые выше «сны о небе и человеке», это сны, соединяющие с «душой шэнь» (шэнь лин), из них можно «узнавать будущее», такие сны необычны.

Исторических упоминаний о необычных снах довольно мало, их недостаточно для исследования, это важная причина того, что никогда не было большого прорыва в познании снов людьми. Приведем две выдержки из монографии Лю Вэньина.

Одна из них – запись из «Исторических записок» Сыма Цяня», из «Жизнеописания Гуй Цэ»:

На втором году Сунского Юань-вана река Янцзы отправила священную черепаху посланцем к реке Хуанхэ. Добралась она до Цюаньяна, а рыбак Юйце, поставивший сеть, поймал ее и посадил в корзину. В полночь черепаха явилась во сне Сунскому Юань-вану и сказала: «Я посланец от Янцзы к Хуанхэ, но путь мой преградили сети. Меня поймал цюаньянский Юйце, я не могу идти. Я в несчастье и некому пожаловаться. Ван обладает притягательной способностью Дэ и справедлив, поэтому являюсь к нему для принесения жалобы». Юань-ван тотчас проснулся. Призвал ученого боши Вэй Пина и спросил его: Ныне я видел во сне мужа с продолговатым лбом и удлинённой головой, одетого в платье с темной вышивкой и сидящего в повозке. Явился во сне и сказал мне: «Я посланец от Янцзы к Хуанхэ, но сеть преградила мой путь. Цюаньянский Юйце поймал меня, я не могу пройти, я в несчастье, а пожаловаться некому. Ван обладает притягательной способностью Дэ и справедлив, поэтому я пришел принести жалобу». Что это значит?» Тогда Вэй Пин, согласно церемониалу, встал, поднял глаза к небу и посмотрел на сияние луны, понаблюдал, куда указывают знаки Ковша, определил время и место. Использовал циркуль и угольник, а в дополнение еще и другие образцы и мерил. Когда Четыре Устоя были определены, взглянул на изображения Восьми триграмм. Рассматривая их счастливые и несчастливые предсказания, впервые увидел пресмыкающееся в панцире. И тогда сказал Юань-вану: «Сегодня канун дня Жэнь-Цзы, по зодиаку это Бык. Наводнение Хуанхэ очень вероятно, духи гуй и шэнь замышляют друг против друга. Когда Млечный Путь точно расположен между Югом и Севером, наступает время укрепления рек и речушек, южный ветер снова наступает, посланник Янцзы пришел первым. Когда белые облака заваливают проход по Млечному Пути, Тьма вещей останавливается. Ручка Ковша указывает на солнце, посланник в тюрьме. Темная одежда и едет в повозке, его имя Гуй (Черепаха). Пусть Ван поскорее пошлет людей разузнать и найти его». Ван сказал: «Хорошо».

И тогда Ван послал человека в Цюаньян, он прискакал туда и спросил у цюаньянского начальника: «Сколько семей рыбаков? Кого зовут Юйце? Ван увидел во сне, что Юйце поймал черепаху, и потому послал меня найти его». Цюаньянский начальник послал туда архивных чиновников обследовать записи и карты. Живущих на воде рыбаков оказалось пятьдесят пять семей, в верхнем течении в хижине жил рыбак по имени Юйце. Цюаньянский начальник сказал: «Хорошо». И тогда вместе с посланцем поехал к Юйце и спросил: «Что ты добыл сегодня ночью?» Юйце сказал: «В полночь вытянул сети и добыл черепаху». Посланец спросил: «А где эта черепаха?» Сказал: «В корзине». Посланец сказал: «Ван знал, что ты добыл черепаху, поэтому послал меня за ней». Юйце сказал: «Хорошо». И затем, вынув черепаху из корзины, отдал ее посланцу.

Эта запись чрезвычайно живая и интересная. Из нее мы узнаем, что такие необыкновенные сны действительно существуют. Кроме того, она показывает нам, как толкуется содержание таких снов. Наконец, она сообщает нам, как предсказанное во сне

проверяется на опыте.

Другой пример – сон об «Источнике снов» северосунского ученого Шэнь Ко. Цитируем текст из монографии Лю Вэньина:

Шэнь Ко некогда рассказывал о себе, что когда ему было лет тридцать, он увидел во сне, что попал в одно место, поднялся на «маленькую горку в цветах и деревьях, под горой вода, ключ, ясный, как око, высокие деревья наклонились над ним. Во сне очень обрадовался. Захотелось поселиться в этом месте. С тех пор этот сон часто ему снился, до трех-четырёх раз в год, он уже так знал это место, как будто много раз там побывал. Через десять лет он был сослан в Сюаньчэн, там был один даос, который сказал, что у столичной стены продается одно очень хорошее местечко. Он вынул деньги и купил его за тридцать связок монет, однако же вовсе не знал, где этот сад-огород расположен. В старости, когда опала была отменена, он явился в сад, купленный для него даосом. Глянул – и тотчас же признал место, столько раз виденное во сне в молодости! Поэтому привел это место в порядок и назвал его „Источником снов“.

Сам Шэнь Ко не очень-то верил в вещие сны, но этот многократно повторявшийся сон об «Источнике снов» также был подтвержден фактами через много лет. Большое и знаменитое сочинение Шэнь Ко, удостоившееся внимания историка, получило название «Заметки у источника снов», сам по себе этот факт очень интересен.

Г-н Ван Липин считает, что учение даосов о сновидениях и их соответствующая практика на более высоком уровне раскрывают сущность космического бытия.

Во-первых, сны делятся на пассивные и самостоятельно вызываемые. Пассивные сны могут быть самообнаружением человеческого подсознания, а могут и быть навеяны внешними силами, но всегда это не тот результат, которого хочет добиться субъект сновидения. «Внешние силы», о которых здесь говорится, как показывают цитированные выше материалы, это до сих пор не выясненные (не выясненные наукой) силы, на обывательском языке говорят, что такой сон «привиделся». Кроме того, это те сны, которые г-н Ван Липин уже исследовал, то есть «цзин, Ци, шэнь» человека. В результате совершенствовании человека в выплавлении цзин, Ци и шэнь он обретает способность управлять ими, передвигать их и притом с их помощью контролировать сновидения, навеянные цзин, Ци и шэнь обычных людей, не прошедших выплавления. В этих пассивных снах есть уже активное видение, они пассивны в обычных людях, те же, кто усовершенствовался в выплавлении, видят их активно. Активные сны тоже делятся на два вида. Один, подобно описанному выше, состоит в том, чтобы силой своего мастерства навеять сновидения обычным людям, а другой – в том, чтобы видеть сны на заранее определенную тему, чтобы во сне находить решение проблем.

Во-вторых, в сновидениях происходят очень большие изменения в отношениях пространства и времени. Если говорить о снах обычных людей, то пространство в них как бы скручивается, искривляется, все подобно облакам, воде, воздуху, колышется, принимает то одну форму то другую, непрерывно изменяется и вообще трудно уловимо. Ощущение времени есть, но такое же четкое ощущение пространства отсутствует. В активных же снах, которые видит г-н Ван Липин, совсем другое дело. «Картины сна» от действительных картин вряд ли чем отличаются, или, вернее, ничем не отличаются, можно сказать, что «тело приходит к своим границам». Здесь мы подходим к важному и спорному в науке вопросу: в чем сущность сновидений? Фрейд, великий мастер западной науки о сновидениях новейшего времени, считает сон выражением психической деятельности человеческого подсознания, это важный итог теории сновидений в слое «человека-событий-вещей». Но даосы считают, что нельзя останавливаться в этом слое, надо вести исследование глубже, а это опять возвращение к «цзин, ци, шэнь». Сон по своей сущности связан не только с «шэнь», но и с «ци», и с «цзин», и это не только в сновидениях обычных людей, но и в сновидениях усовершенствовавшихся в выплавлении. Именно потому, что сны являются формой существования комплексного движения «цзин-Ци-шэнь», они столь подвижны по форме в пространстве и времени. На основе этого даосские усовершенствовавшиеся в выплавлении в

форме сна развивают умственные способности, связываются с людьми, преодолевают пространственно-временные преграды.

В-третьих, по вопросу о значении снов, который издавна больше всего обсуждается, даосы, придерживающиеся идеи единства Неба и человека и теоретически объясняющие сущность снов равновесием, либо утратой равновесия «цзин, ци и шэнь», считают, что как пассивные, так и активные сны имеют глубокий смысл. Это то же самое, что Образ гексаграммы, есть вещь, значит есть и образ, есть образ, значит есть и число «шу», есть число, значит есть и принцип «ли», если этот принцип не «явный», то «темный». Сон передает это в виде живой картины, а не с помощью абстрактных знаков языка, это более непосредственное выражение связи человека с космосом. Выражение в абстрактных знаках языка часто ограничено, эта ограниченность становится еще более явной, когда языковые знаки свертываются в понятия какой-то определенной культуры. Сны же не связаны ограничениями пространства и времени, обладают очень большой подвижностью и в области «изложения» имеют большую свободу.

Дух и тело людей бывают подавлены гнетом реальности, особенно культурной, а сон – один из способов их освобождения. Юнг говорит о Фрейде:

Установив ценность сна как самого важного источника информации о разных процессах, происходящих в бессознательном, он вернул в руки человечества инструмент, который, казалось бы, был им безвозвратно утрачен», (Юнг. Биография)

Но Юнг пошел дальше Фрейда, он не согласился с его мнением, что сон всего лишь «поверхность». Наоборот,

По моему мнению, сон есть часть природы, он не содержит в себе замыслов обмануть человека, а насколько возможно исчерпывающе выражает какие-то вещи. Эти формы жизни также не имеют намерения обмануть наши наблюдения, мы же потому можем обманывать самих себя, что наши глаза поражены близорукостью. (Там же).

По вопросу о значении снов точка зрения Юнга еще ближе к взглядам даосов.

И, наконец, о толковании содержания снов. Даосы считают, что значение активных снов самоочевидно и не требует толкования, что же касается снов пассивных, то «явные» также не требуют толкований, а смысл «темных» выясняется на основе «образов». Инструмент толкования снов также неотделим от «цзин, ци и шэнь» как источника снов, неотделим от теории Инь-Ян и Пяти Элементов. Здесь по-прежнему важно, чтобы мышление поднималось с уровня «человека-событий-вещей» до уровня «Небо-земля-человек», сущность надо прозревать на высоком уровне.

Выше уже говорилось, что активные сны, наведение снов другим людям, путешествия сквозь время – это фактически уже не «сны», а «выходы шэнь».

Базовое условие «выхода шэнь» состоит в том, чтобы было достаточное количество всех трех энергий «цзин, ци и шэнь» и чтобы в результате тренировки заставить их двигаться спонтанно.

Три старика как раз и обучали Ван Липина приемам тренинга «Цзин, Ци и шэнь».

Иньское шэнь, подобно «новорожденному младенцу», сначала постепенно и медленно зарождается в животе, затем передвигается во Дворец Глиняного Шарика. Когда иньское шэнь выращено, надо его тщательно оберегать. Особое внимание следует обращать на изменение метеорологических условий, нельзя тренировать мастерство «выхода шэнь» при плохой погоде. Это как младенец, который, созрев, готов отделиться от тела матери, но, родившись, все еще слаб, и чтобы он вырос здоровым, надо его кормить грудью, старательно за ним ухаживать. После того, как «тело укрепитя, силы расцветут», можно начинать учить ходить и постепенно отпустить в самостоятельное хождение.

В начале «выходов шэнь» ему позволяют двигаться лишь поблизости, поскольку требуется быстрое возвращение его обратно. Потом ему позволяют выйти за ворота, но возвращаться он должен по прежней дорожке. После длительного тренинга, когда иньское шэнь становится крепким и сильным и его входы выходы становятся очень свободными, можно постепенно отпустить его подальше и ежедневно можно выходить несколько раз. Так

как это выходы «цзин, Ци и шэнь», то после тренинга их скорость равна скорости человеческой мысли. А из-за того, что «цзин, Ци и шэнь» по-разному используются при циркуляции, они могут принимать явную форму и неявную форму, здесь-то и кроется тайна «Искусства разделения тела».

После того как Ван Липин научился «выходу шэнь, он еще несколько раз испытал обстановку, испытанную им прежде после голодания и смерти. Но теперь было два отличия от того времени, когда он умер. Во-первых, не было такого острого страдания, как в момент смерти. Во-вторых, он не только мог слышать и понимать речи тех, кого он там встречал, в отличие от прошлого раза, он был уже способен говорить с ними, вести диалог.

Обстоятельства этих нескольких встреч, о которых г-н Ван Липин рассказывал авторам книги, были совершенно сказочными, заполненными романтическим духом, обычному человеку этого не понять.

Глава двенадцатая **Сокровища горной глуши**

Сменялись на пути горы и реки, сменялись жара и холод – и с тех пор как Учителя с учеником покинули горы Сишань в Фушуне, незаметно промелькнуло почти два года.

Чжан Хэдао, Человеку Беспредельного Дао, исполнилось восемьдесят восемь лет, и Ван Цзяомину, Человеку Дао Чистого Покоя, было уже семьдесят восемь, а Цзя Цзяои, Человеку Дао Чистой Пустоты, – семьдесят шесть. У большинства обычных людей в этом возрасте жизненные силы иссякают, у меньшинства же может сохраниться неплохое здоровье, но они уже неспособны переносить трудности. Им уже не по плечу суровые тяготы странствий – голод и ночевки под открытым небом, жара, дожди и всякие случайности. Но три старика-Учителя были телом и душой едины с Дао, и несмотря на все невзгоды, в них не угасало детское сердце, в природе они были как рыбы в воде. Не было признаков того, что им трудно, наоборот, они лучились радостью. А кроме того, с ними был Ван Липин, и рядом с этим пареньком жизнь приобретала безграничный интерес.

И хотя одеты они были в лохмотья, лица их сияли такой необычайной одухотворенностью, что даже в толпе самый невнимательный человек отличил бы этих четверых, людей, достигших Дао.

Целые дни проводили они вместе, у стариков была совершенно определенная задача – воспитать ученика, шаг за шагом передать ему все приемы мастерства. Из-за сложившейся обстановки Ван Липин не мог обучаться иначе, чем в странствии с облаками, но это было благоприятно для совершенствования в выплавлении.

Они шли по глухим горным тропам, случалось найти пищу – ели, не было пищи – никто не произносил слова «голоден». Каждому было ясно, что того, кто первый это слово произнесет, другие тут же «подловят»: «Ну, ладно, ступай, поищи чего-нибудь поесть».

Ван Липин сначала не понимал, что у Учителей это был прием «состязания в хитрости». Молодой и бесхитростный, он всегда первым заговаривал о еде и раз за разом бегал по округе, пытаясь раздобыть пищу на всех.

А во время еды зачастую получалось, что «монахов много, а каши мало», делить поровну нечего. Тогда все добытое ставилось посередине, все четверо усаживались вокруг и каждый высказывал свое предложение о способе дележа. Если на первом круге «обсуждения» обнаруживался аргумент, который все признавали, то так и поступали, а если мнения разделялись, то «дискуссия» продолжалась.

Позже Ван Липин понял, что бегать за едой, даже очень далеко, – дело нетрудное. Но если тебя «подловили», чтобы попросить сделать какое-то дело, ты, значит, проиграл в сообразительности. И он тоже начал щевелить мозгами, придумывая, как бы «подловить» Учителей.

Однажды проявил неосторожность и попался в «ловушку» Цзя Цзяои, ему много пришлось побегать, пока принес лепешку, испеченную наполовину из муки, наполовину из

травы. Затем все сели вокруг и обсуждение началось.

Первым, разгладив бороду, высказался Чжан Хэдао: «Я здесь самый старший, – сказал он, – по крепости здоровья мне с вами не сравниться, я смогу продержаться, только если буду есть больше.»

«Я сейчас расту, – парировал Ван Липин, – мне надо есть больше. Старшее поколение должно заботиться о младших, чтобы была справедливость».

Цзя Цзяои выступил «прямо и смело»: «Мне столько пришлось пробегать, достать эту лепешку было нелегко, по заслугам должна быть и награда, мне должна достаться половина, а остальное вы уж сами делите».

«О чем речь, – возмутился Ван Цзяомин, – я тут за тебя охранял твою торбу, и если уж говорить о заслугах, то у нас обоих есть в них своя доля, не надо их приписывать одному себе. По-моему, надо разделить на три части, мы с Цзяои получим по одной, а оставшуюся пусть поделят между собой Учитель и Юншэн».

Чжан Хэдао, видя, что никто из троих не упомянул слова «старый», и что борьба, по-видимому, бесполезна, отступился, сказав: «А что если поделить поровну на четверых?»

«Нет уж, нет, уж! – не согласились остальные. – Делить поровну бессмысленно, да и не справедливо».

Видя, что аргументы исчерпаны, Чжан Хэдао выдвинул «хитроумный план».

«Ну, ладно, не будем спорить, у меня есть способ, самый что ни на есть справедливый, если вы согласитесь, то так и поступим».

«Какой же это справедливый способ, просим Учителя побыстрее рассказать».

«Положим лепешку здесь и все четверо будем кусать от нее одновременно, возможности будут равные, разве это не справедливо?»

«Чудесно, чудесно!» – согласились все.

Чжан Хэдао нашел камень и возложил на него лепешку.

Четыре шеи вытянулись в направлении лепешки с четырех сторон, а так как лепешка была небольшая, то конечно они стукнулись лбами, а в рот ничего не попало.

Первым, махнув рукой, ретировался Цзя Цзяои: «Ну, все, моя старая личность туда не совывается. Кусайте сами».

Чжан Хэдао рассмеялся: «Я как раз тоже так думаю. Ты заботишься, как бы не потерять лицо, а мы заботимся о лепешке». Все трое, заливаясь смехом, уже откусили по куску и теперь смачно жевали. А у обкусанной лепешки троим опять стало тесно, и Ван Цзяомин тоже по собственному почину отступился, осталось только двое. Чжан Хэдао взял лепешку в руки, и они с Ван Липином стали кусать по очереди. В скором времени лепешка исчезла.

, Когда Цзя Цзяои повернулся и ушел, Ван Цзяомин сразу понял, что «тут что-то не то», и, прокравшись следом, увидел, что он откусывает кусок от клубня батата. Без всяких слов отобрав бататину, Ван Цзяомин разделил ее на две половины, так что «пайка» досталась каждому.

Одной лепешки и одного клубня батата недостаточно, чтобы наестся даже одному человеку, но обстановка раздела пополнила их интерес к жизни. В этой горной глуши часто раздавался их смех. Странствие протекало в свободной и непринужденной атмосфере. Учителя и ученик, исполненные друг к другу глубокого уважения и горячей любви, все время друг друга «подначивали», «подлавливали» и тем самым будоражили интеллект и будили интуицию. Когда кто-нибудь из них «оскандаливался», остальные хохотали до упаду. Три старика были «сорванцами», которые никогда не взрослеют. Кругом царил смута, но в космосе нашей четверки всегда была свобода, тут не знали ни прошлого, ни будущего, ни настоящего, тут не было разделения на юг-север-восток-запад, сердца были, как ясное солнце и сияющая луна, мысли, как плывущие облака или текущая вода, ни одна пылинка их не загрязняла, все было ясно, просто, естественно, живо и весело. Дао Неба, Дао земли и Дао человека сливались воедино.

Странствия с облаками и совершенствование в Дао – незабываемое для Ван Липина время, это был второй пик его жизни.

В это время старики передавали ему знания о законах движения небесных тел, о сущности социальных метаморфоз, учили врачеванию и гаданию, технике выхода духа и движения снов. По мере совершенствования Ван Липина в выплывании мастерства Трех Бессмертных из приемов завершения Драгоценностей Духа каждый из стариков вдобавок передавал ему свое собственное всю жизнь лелеемое искусство.

Теперь Ван Липин окончательно понял, в чем состоит задача этой его жизни, и не хотел уронить своей миссии и обмануть доверия воспитателей.

Он уже глубоко усвоил принцип единства Неба, земли и человека и овладел приемами соединения друг с другом сердца человека, сердца земли и сердца Неба. И на взгляд стариков, Ван Липин, этот «рожденный» ими младенец, постепенно выростал.

Смех и беззаботность рассеивали дорожную усталость, Учителя и ученик, упивались слиянием сердца и природы.

Однажды они вышли на широкую дорогу, проходившую между горами. Время от времени их обгоняли машины. Чжан Хэдао приподнял ногу и выразительно посмотрел на свою совсем уже износившуюся обувь. Цзя Цзяои сейчас же ощупал у себя за спиной котомку, как бы к чему-то готовясь. И Ван Цзяоин, подтянув пояс, кивнул: «Все в порядке». А Ван Липин в это время, проводив глазами удалявшуюся машину, обернулся посмотреть на приближавшуюся другую.

Когда задняя машина поравнялась со стариками, они вдруг оторвались от земли и с грохотом прицепились к борту грузовика. Только тогда Ван Липин опомнился и со всех ног бросился вдогонку. Машина была уже далеко, а старики залезли в кузов и оттуда улыбались Ван Липину. Сообразив, что опять попался в ловушку «трех стариканов», он собрался все свое искусство, в один миг пролетел более ста метров и тоже прицепился к борту. Затем легонько подпрыгнул и оказался в кузове. Старики встретили его хохотом, а он невольно покраснел.

Машина мчалась вперед, и шофер, смотревший прямо перед собой, не догадывался о том, что происходило у него за спиной в кузове. Послышавшийся смех очень его удивил. На этой горной дороге машин немного, а пешеходов совсем не видно, откуда же смех? Он опять послушался, совсем близко, не иначе, в машине кто-то есть. Но ведь никто же не сел? Шофер глянул в зеркало заднего вида – и точно, в кузове люди, да еще старики, это уже совсем странно. И он нажал на тормоза.

Открыв дверцу, с подножки кабины заглянул в кузов – никого. Не с ума ли он сходит? Но на этом пределе сомнений послышался голос: «Спасибо, хозяин, что подвез!» Шофер обернулся и увидел перед машиной четверых – троих стариков и мальчика, они приветственно ему махали. Шофер хотел расспросить, кто такие, но они уже сошли с дороги и скрылись в сторону гор. А секрет был в том, что Учителя и ученик, видя, что машина останавливается, использовали прием сокрытия тела и сошли с нее. Шофер, конечно, увидеть их не мог.

Они двинулись дальше и в один прекрасный день подошли к подножью западного пика гор Хуашань.

Подняв глаза, смотрели они ввысь. Гора эта обладает удивительной мощью, будто великан стоит, подпирая небо макушкой, прекрасная и величественная.

«Описание Западного пика гор Хуашань» входит в «Дао цзан». В нем упоминаются все достопримечательности Хуашаня, а предваряет его предисловие, написанное в правление танского императора Сюань-цзуна. Там говорится:

В небе есть Четыре Начала, по звездам их находят. На земле есть Пять Сторон, горными пиками они отмечены. Когда Инь и Ян соединяются свободно, все сущее в них обретает форму. Когда цзин и ци излучают друг друга, шэнь проясняется в них. Западный пик великого Хуашаня действует как Великая Инь, Тьма вещей расцветает здесь, поэтому зовутся горы Хуашань (Цветущие). Пик, расположенный к западу от центрального, зовется Западным пиком, он находится на месте Семи Дворцов. По абрису очень крут и со всех четырех сторон виден. Высота его пять тысяч жэней, отвесные стены внушают трепет.

Другие горы не могут соперничать с ним. Его ци чисто, его мощь велика, его Элемент – Металл, его зодиак – Телец. Впереди него ущелье Цветущий Ян (Хуаян), позади область Цветущая Инь (Хуайинь), слева окружают его персиковые леса, справа добывается лантяньская яшма. Внизу есть металлические треножки и каменные пещеры магов и отшельников, наверху – волшебные травы и красная яшма.

Хуашань знаменит своей неприступностью. Он состоит из пяти пиков: восточный зовется Чаоян (Обращенный к солнцу), Западный – Ляньхуа (Цветок Лотоса), южный – Лоянь (Падающий Гусь), северный – Уюнь (Пять Облаков), а центральный – Юйной (Яшмовая Дева). Пять пиков как будто смотрят издали друг на друга. Пики крутые и с голыми плоскими вершинами, как будто срезанными ножом или срубленными топором, вскарабкаться на них чрезвычайно трудно. «С древности на Хуашань ведет одна дорога», и эта дорога, к тому же, так узка, что, поистине, «один муж преградит дорогу, так десять тысяч не пройдут».

У сунского поэта Коу Чжуня есть такие стихи:

Лишь Небо выше него,
А гор с ним сравнимых нет,
Взглянешь вверх – рядом красное солнце,
Взглянешь в пропасть – на дне облака.

Но у Хуашаня есть и другие удивительные свойства. Он находится к югу от реки Вэй, просторная долина которой тянется на север. Хуанхэ в своем беге на десять тысяч ли делает на лессовом плато гигантскую излучину и после нее, недалеко от подножья Хуашаня вдруг поворачивает на восток и течет прямо к морю. Южнее проходит хребет Циньлин, пересекаемый рекой Ханьшуй, еще южнее – горы Дабашань. Далее на восток – горы Юйсишань, а там уже необозримая глазом Северо-Китайская равнина, тянущаяся до самого моря. Если провести прямую, скашивающуюся на юго-запад вдоль Большого Хингана, она как раз разделит Китай на Западную и Восточную части. Восток и Запад представляют собой два естественных экономических района. А Хуашань расположен почти в самой середине этой кривой линии. Значение Хуашаня, как видел его танский Сюань-цзун, с точки зрения традиционной культуры, и значение его с точки зрения культуры современной, по содержанию, конечно не совпадают, но они сосуществуют. Даосы соединили обе точки зрения. Они видят здесь не только особое расположение гор, но и наполняющие их «текучие» вещи, а именно, «ци» и «ветры».

Хуашань с давних пор был местом, где выплавляли «ци» и «ветры». И именно в этом состояла главная цель прихода сюда Учителей с учеником.

По узкой горной тропке шаг за шагом продвигались они вверх. Первый шквал «культурной революции» улегся, но следы, оставленные хунвэйбинским «выметанием вон», кололи глаза. «Туристы» стали редкостью, немало достопримечательностей этих мест было порушено. Обломки кирпича и черепицы зарастали травой. Учителя приходили в эти горы не раз, и нынешнее положение их поразило.

Теперь они карабкались звериной тропой вдоль крутых обрывов. Это был самый опасный путь на Хуашань. Каменные ступени шли почти отвесно. Страхуя друг друга, путники продвигались гуськом, один человек сверху, другой внизу, и нижний мог видеть только подошвы верхнего. Если тут обернуться и посмотреть вниз, покажется, что стоишь на лестнице, висящей в воздухе, страх охватит невольно.

На половине пути Учителя приказали Ван Липину остановиться, обернуться и посмотреть на еле виднеющиеся отверстия входов в пещеры на дальнем пике. Они сказали, что это и есть то место, где один из «Семи Истинных Людей Севера», Муж Великой Истинности Хэ Датун совершенствовался в истинном достижении Дао. Муж Великой Истинности, странствуя с облаками, пришел на Хуашань и выдолбил себе в стене утеса пещеру, чтобы совершенствоваться в выплавлении. Но едва он закончил работу, как явился

один его собрат. За спиной он нес охапку тростника и сказал, что ему негде медитировать. Он попросил Мужа Великой истинности уступить ему свою келью. Истинный Человек Хэ сразу же согласился и начал выдалбливать себе пещеру в другом месте. Когда вторая пещера была закончена, пришел с просьбой еще один собрат по Дао. Истинный Человек Хэ уступил и ему. И так день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Сколько железных заступов было здесь истерто, сколько пота пролито, неизвестно, а готовые пещеры все уходили его собратьям. И когда была выдолблена семьдесят вторая пещера Истинный Человек Хэ достиг, наконец, Дао и сделался Истинным.

Путники остановились у разрушенной беседки. Учитель-Дед сказал, что она называется «Беседкой спущенного флага», это место, где некогда патриарх Чэнь Чжуань играл в шашки с сунским императором Тайцзу. Тайцзу сделал ставкой в игре уезды Хуаинь и Хуасянь у подножья Хуашаня, хотелось ему Чэнь Чжуаня победить, но в конце концов он все-таки проиграл. Чэнь Чжуань, который должен был в результате выигрыша стать начальником уездов, давно уже не желал служить и попросил только, чтобы Тайцзу освободил жителей обоих уездов от налога зерном, который они должны были платить императору. Тайцзу согласился. Патриарх Чэнь Чжуань, совершенствовавшийся в выплавлении в Хуашане, положил начало мастерству сна.

Настил горной дороги на Хуашань – самое страшное для путников место. Некогда кто-то вырубил над бездонной пропастью ряд маленьких отверстий в отвесной стене, в них вставили деревянные брусья, а сверху постлали узкие доски. Это и есть Хуашаньский настил. Если смотреть на него издали, он извивается по самой середине утеса, словно узкий пояс. А ступив на настил, глянув вверх и увидев нависающие зеленые отвесные скалы, заслонившие небо и солнце, человек задохнется от страха. Посмотрев же вниз, он испугается еще больше. Внизу, в бездонной пропасти клубятся под его ногами облака. Как будто стоит он над волнами. Здесь оступишься – костей не соберешь. Кто бы до этого места ни дошел, всяк трепещет от страха.

Стояло весеннее равноденствие, и ветры всех сторон собрались в Хуашане и продували его насквозь. Для выплавления «ци» и «ветров» сезон был очень подходящий

. Учителя и ученик не успели добраться до настила, а уже начало темнеть, в ушах завывал горный ветер, волны холодного воздуха били в лицо. Вскарabкавшись на большую скалу, они попали прямо в ветровую воронку, усилившийся ветер нес песок и камни. Похоже было, что в ущелье пляшут, извиваясь, бесчисленные драконы. Ветер с визгом швырял песок и камни о стены утесов. Завывание ветра, удары песка и камней вызывали эхо, и в ущелье стояла ужасающая какофония.

Весеннее равноденствие – пора, когда в Цзяннани появляется трава. Южный склон Циньлина уже пестрел горными цветами и молодой зеленью деревьев. К северу же от Циньлина все только начинало зеленеть, раскрывались лишь первые робкие листочки. Циньлин как естественный барьер загораживает путь теплым воздушным потокам с юга. Весеннее ци в этой зоне задерживается, ему трудно проникнуть через Циньлин и Дабашань. А Хуашань расположен как раз в хвосте отрогов двух этих больших хребтов, здесь создается естественный проход, через который гигантский поток теплого воздуха изливается к северу и радуется все живое.

В природе существует Пять Движений Шести ци и Восьми Ветров. Весеннее ци управляет травой и деревьями, его ветер – преобразование деревьев. Юг – это Огонь, пришедшее с юга ци всосало Огонь, в результате чего ци чрезмерно сухо. Нужно понизить его Огонь, чтобы оно было теплое, но не сухое, чтобы в Ян содержалось Инь. Вспомним, Хуашань «расположен к западу от центра», «его ци чисто, его энергия мощна, его Элемент – Металл, его зодиак – Телец». Пока поток теплого воздуха петляет между пятью пиками Хуашаня, сухая жара его ци в значительной степени рассеивается, и на выходе из Хуашаня оно уже свежо и прохладно, во влажности содержится тепло, это полезно для роста Тьмы вещей.

Борясь с ветром, путники вскарabкались на настил и двинулись вперед, плотно

прижимаясь к отвесной стене. Совсем стемнело, в небе висел рог луны. Со всех сторон их окружали черные пики, а под ногами разверзлась черная бездонная пропасть. Ветер ударялся о скалы и прямо-таки отталкивал людей от них. И порывы ветра из-под ног тоже толкали их к пустоте пропасти.

Учитель-Дед, шедший впереди, словно плыл по воздуху. Движения его были легкими, словно горная кошка он перескакивал с одного места на другое. Ван Липин же столкнулся с «музыкой» хуашаньских ветров впервые, ему надо было расплавить эту мощь ветров, налетавших неожиданно со всех сторон, и удержать равновесие.

Отцы-Учителя шли по настилу, как по ровной дорожке

Оставив позади настил, путники вышли на ровное место. Здесь мощь ветра мгновенно ослабла, теперь лицо обвевал ласковый ветерок, радующий сердце. Учитель-Дед приказал провести в этом месте медитацию. Ван Липин сделал все, как ему сказали, и сразу же понял, что происходит что-то совершенно иное, чем при прежних медитациях. Это другой мир.

Учителя-Отцы научили его, как надо выплавлять ветры в Хуашане, как «выдыхать ветер», передали ему тайные приемы и заклинания. А под конец Дед научил тайному приему изменения облика, который выплавлялся в процессе медитации на главной вершине Хуашаня в созерцании ветров и облаков Поднебесной.

Южный пик Падающего Гуся – главный пик Хуашаня. На него взобрались уже глубокой ночью. Сияли звезды, над вершинами блестел месяц, в воздухе не было ни облачка, он был кристально чист. Лежащий под ногами пик по склонам затягивал легкий флер, в темно-серых ореолах группами стояли деревья, а дальше все покрывала мгла. На вершине есть озеро ключевой воды, называемое «Высочайшим Ключом». Вода в нем, как зеркало, звезды и месяц лежат на дне.

Учителя и ученик медитировали на берегу озера, сливаясь воедино с луной и звездами, горами и реками, травами и деревьями и чистым источником. «Поле» своего микрокосма они быстро распластали по четырем сторонам, и оно покрыло весь Хуашань.

Ван Липин смутно ощутил, что горы исчезают. Перед ним появилась белая вода, а потом вырисовался берег. Он будто бы реет высоко в воздухе, смотрит вниз. Внизу множество озер, разных по форме и размерам. Они как бы связаны между собой кусками широкой очень черной ленты и то светлеют, то темнеют, излучая свет разных оттенков – золотых, серебряных, кроваво-красных, пестрых. В некоторых местах как будто бы видны глубокие черные пещеры.

Возникла другая картина, вроде, равнина у подножья, не очень ясно, но кое-что различить можно. Это древнее поле битвы. С одной стороны медленно продвигается серое войско в правильном строю, оно мощное и хорошо вооружено. В центре как будто реет штандарт, ржут боевые кони, скрипят колесницы, сверкают мечи. С другой стороны – другое войско, наступает, словно приливная волна. Одежда и шапки разные, в руках деревянные дубины и мотыги, от них веет отчаянием и решимостью. Силы сошлись, бой начался. Передние конники падали, на их место появлялись другие. В войске с правильным строем начинается паника, строй рассыпался. «Приливная» сторона давит противника. Поднятая пыль уже не давала ничего разглядеть. Крики людей, конское ржание и свист мечей слились в одно. Прошло немного времени, и вот уже правильное войско разбито, войско же «приливной стороны» выглядит сверху как свернутая циновка. Чуть погода, эти тысячи людей и коней вновь начали сражение – в воздухе, некоторые плыли, реяли, кувыркались, существуют они или нет, непонятно, картины скачут, меняются. Подул свежий ветерок и все картины быстро исчезли, рассеялись, как дым или облачко.

Картина сменилась. Зеленые горы, прозрачная речка. щебет птиц и аромат цветов. Бамбуковая роща, журчит ручей, виден угол расписного карниза. стелется ароматный голубоватый дымок. На склоне горы несколько гигантских драконовых лиан, а под ними лежит благородный муж. Одежда на нем грубая, грудь обнажена, длинные волосы спутаны, а в руках веер. Он крепко спит.

Занималась заря. Все четверо прекратили медитацию, вокруг было только чистое небо с

мерцающими звездами, а рядом, как и прежде, гладкое и ясное, как зеркало, горное озеро.

Ван Липин все еще погружен в только что виденные сцены, в нем вдруг вспыхивает необъяснимая грусть, которую трудно описать словами.

«Ты, наверное, видел патриарха Чэнь Чжуана?» – спрашивает Дед.

«Это тот небожитель, что спал под лианами?»

Дед засмеялся и не ответил. Ван Липин понял, что он имел в виду, в сердце его что-то дрогнуло.

Возможно, кто-нибудь может сделать предположение, что вышеописанное – это информация о каких-то действительных происшествиях прошлого, сохраненная или зафиксированная под действием особого состояния магнитного поля земли или отдаленных слоев атмосферного электричества, такого рода информацию можно назвать «остаточной». Если «частота» работы высокого мастера совпадает с частотой «остаточной информации», то ее можно активизировать и проявить сцены былого.

Такая гипотеза, конечно, связывает древнее искусство внутренней работы и современную науку, делает технику внутренней работы переходом к современной антропологии. Но истину или ложность такой гипотезы нужно доказывать на опыте.

Здесь, прежде всего, сомнительно следующее: если магнитное поле земли и отдаленные слои атмосферного электричества только в особом состоянии фиксируют события, происходящие в обществе, то, во-первых, когда они в обычном состоянии, общественные события, значит, не фиксируются, и тут может быть множество «утечек». Во-вторых, особое состояние должно совпасть с общественными событиями в пространстве, иначе фиксации не произойдет. С помощью этой гипотезы некоторые экстраординарные явления объяснить можно, но она никогда не в состоянии объяснить различные явления, происходящие в процессе того, как высокие даосские мастера совершенствуются в выплавлении. Она не может объяснить, как при самом обыкновенном состоянии магнитного поля и удаленных слоев атмосферного электричества можно все-таки видеть общественные события того места и того времени.

Гипотезу, по-видимому, следует развивать дальше, нужно новое представление о пространстве и времени, нужно исследовать более глубокие слои форм существования материи.

Дойдя до этого места, авторы увидели, что в газете «Жэньминь жибао» от 15 июля 1995 года на восьмой странице, в рубрике «Культурные события в мире» напечатана маленькая заметка. Ее текст приволится ниже:

Советский ученый Вейник выдвинул новую доктрину содержания понятия времени

Время – вечный поток, не имеющий ни начала, ни конца. Какова его природа? Каковы его внешняя протяженность и внутреннее содержание?

Недавно советский ученый Вейник выдвинул в области исследования тайн природы времени совершенно новую гипотезу о «временной материи» и «временном поле». В соответствии с данной гипотезой, все существующее во вселенной относится к временной материи, все обладает связностью во времени. Временная материя, как и электричество и магнитные волны, непрерывно излучает род частиц времени, называемых «клононами», которые способны играть роль носителей информации. Поэтому все материальные тела, когда-либо в мире существовавшие, оставляют свои следы в форме временного излучения. Вейник предполагает, что домашние животные, такие как голуби, кошки, собаки, способные отыскать свой дом издалека, возможно, обладают органами чувств, воспринимающими временное излучение.

Если то, что говорит Вейник о «материи времени», подтвердится, люди смогут в будущем по следам, оставленным временной информацией, овладеть всеми тайнами человека, вещей и событий с глубокой древности и во всем мире.

Это еще одна оригинальная гипотеза.

Мы можем проанализировать механизм человеческой памяти, содержащийся в головном мозге. Мы знаем по собственному опыту, что события, в которых мы участвуем

своими органами чувств, и вообще все прошедшие события могут оставить в головном мозге память. Она может быть глубокой или мелкой, долговременной или кратковременной. Многие события, происходившие с нами, по прошествии времени забываются. В мозгу есть и память и забвение, это противоречие указывает на то, что умственные способности человека ограничены, память может вместить лишь какое-то определенное число событий. Но современные исследования показывают, что в человеческом мозгу содержится более десяти миллиардов нервных клеток. Если бы все они были задействованы, можно было бы запомнить очень многое. Но ученые говорят, что 90 % клеток головного мозга не используется, а потому развитие интеллектуальных способностей человека имеет блестящее будущее.

После Фрейда проблемы «подсознания» головного мозга стали привлекать к себе серьезное внимание. Юнг, выдвинув учение об индивидуальном и коллективном «бессознательном», расширил изучение информации, сохраняющейся в головном мозге, и психических проблем человека в другом направлении. По Юнгу, сознание современного человека накапливается сознанием всего предшествующего человечества. Это подсознательное, или бессознательное, подобно подводной части айсберга, которая гораздо больше его видимой надводной части. Подсознательное, или бессознательное, часто обнаруживается во сне, только человек не способен этого понять.

Это значит, что информация, которую мы считаем утраченной, или забытой, в действительности совсем не утрачена. Она содержится в головном мозге в скрытом состоянии и без напоминания или при невозможности напоминания превратится в факт сознания неспособна.

Мастерство использования цзин, Ци, шэнь, достигнутое даосским совершенствованием в выплавлении, достаточно для того, чтобы активизировать эту скрытую информацию. Читатель помнит, что когда Ван Липин тренировался во «вспоминании младенчества», он мог вспомнить все события своего раннего детства. А когда тренировался в «отказе от пищи», особенно при «сухом голодании» и смерти, за короткое мгновение перед ним пронеслись события всей его жизни. В этот момент забвения уже не существовало, память достигла небывалой живости.

Это всего только взгляд на сохранение информации, память и забвение с точки зрения микрокосма человеческого мозга. А что же получится, если, наоборот, с точки зрения единства Неба и человека взглянуть на макрокосм? Можно ожидать, что картина будет та же самая. Когда происходит метаморфоза одних существующих в космосе форм в другие, вне зависимости от того, как это происходит, всегда остается информация, сохраняющаяся в особых «хранилищах информации», подобных человеческим «информационным буферам», а переход от «наличия формы и наличия материи» к состоянию остаточной информации сам по себе является метаморфозой. «Хранилища информации» существуют несомненно, а вот будут это горы, реки, человек или что-нибудь другое, точно сказать трудно, возможно, это вообще все существующие в природе вещи. Обычный человек со своими пятью органами чувств эту информацию оттуда, где она существует, получить не может, человек же усовершенствовавшийся в выплавлении способен ее вызвать.

Это тоже гипотеза, но такая гипотеза, поддержанная практикой даосского совершенствования в выплавлении, очень перспективна с точки зрения того, чтобы из нее выросла новая цельная теоретическая система.

Пройдя цельную, строгую и методичную систему совершенствования в выплавлении, Ван Липин уже поднялся до уровня чувствования и мышления, обычным людям не доступного. Придя в какое-нибудь новое место, обычный человек может сделать некоторые поверхностные наблюдения, максимум, этот могут быть обычные научные данные об экологии окружающей среды, о климате, об источниках воды, о полезных ископаемых, с помощью которых определяют, пригодно ли данное место для проживания человека, для его работы, учебы, увеселения, строительства домов, устройства заводов, бурения колодцев, добычи руд и т.д. и т.п.. А Ван Липин шел слоем глубже. Чтобы определить влияние места

на человека и его деятельность, он использовал тончайшие факторы, ощущение того, что «над ним на небе и под ним под землей», только после этого принималось решение, благоприятно место или нет. В этом и состоит разница между поднявшимся на уровень «Небо-земля-человек» и тем, кто остается в слое «человека-событий-вещей».

Вскоре после того как Учителя и ученик завершили посыл, небо начало светлеть, бледная заря постепенно окрашивала вершины дальних гор и верхушки близлежащих деревьев. Прекрасны и спокойны были горы, на вершине не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Глядя на них, Человек Беспредельного Дао вспомнил стихи сунского поэта Цинь Гуаня.

Злой ветер всю ночь
Перемешивал черную тьму.
Он улегся к утру,
И стеною посыпался снег.
Вспоминаю, как встретил
На Ясности Полной пределе
Человека в лучах пустоты,
Что читал «Желтый Двор».

Солнце еще не встало, когда путники взошли на центральный пик Яшмовой Девы и снова принялись медитировать, ощущая на себе малейшие метаморфозы окружающих их четырех пиков.

Сосредоточившись, Ван Липин снова услышал дыхание гор, ощутил их незаметную дрожь. Вокруг царил покой, но в то же время все безмолвно и безостановочно обращалось. Небо и земля связаны так тесно, человек и горы так проникают друг друга, в полной тишине все в космосе ведет свой таинственный обмен, безмолвный диалог, здесь рождаются одновременно прекрасное и безобразное, вместе вырастают доброе и злое. Ван Липин ощущает это, схватывает это, осваивает это, в этой тишине он должен увидеть переворачивающие Небо и сокрушающие землю перемены.

Он увидел на окружающих пиках тонкую дымку, медленно плывущую и поднимающуюся, а может быть, то были облака или светлое горное ци. Когда это горное ци появилось, оно было чистым и прозрачным и усиливало ощущение чистоты и прохлады воздуха. Поднимаясь, оно затуманивалось, темнело и уплотнялось, а когда оторвалось от вершин, в нем вдруг появились темно-красные и светло-лиловые оттенки. Воздух был недвижим, а дымка над вершинами дрожала, сжималась, свертывалась, вытягивалась, закручивалась и принимала тысячи разных очертаний.

Ван Липин почувствовал, что и в сердце у него появилась легкая щемящая дрожь.

Человек Беспредельного Дао тоже это наблюдал. Меж бровей его легло облако печали.

«Четыре Образа не совмещаются, горное ци не дает счастливого предзнаменования, Поднебесная в раздоре и смуте, в такое время трудно найти ясность и покой». Такое объяснение дал Человек Дао Чистой Пустоты.

«Понял?» спросил Ван Липина Человек Дао Чистого Покоя. Тот кивнул головой, слова Учителя были ему понятны.

Звук свистка разорвал ясную тишину – отдуваясь белым паром, у подножия горы проходил поезд. Хуашаньская ночь завершилась.

На восточном краю неба появились красные лучи. было уже совсем светло. Без конца и края клубилось море облаков, из-за их края выкатился диск солнца, поражая своей торжественной красотой. Внизу перед ними лежал старинный горный проход Тунгуань. Бесконечная Хуанхэ поворачивала здесь на восток. Даже Хуанхэ не могла унести с собой страдания этого мира. И по-прежнему стояла рядом с ней повидавшая на своем веку столько горестей застава Тунгуань.

Перед лицом этих гор и рек у Человека Беспредельного Дао, созерцавшего ветер

вчерашней ночи и ци сегодняшнего утра и опечаленного слепотой человеческого мира, вырвались из груди древние стихи:

Горные пики в строю,
Гневом потоки бурлят,
Вьется меж них дорога,
Дорога на Тунгуань.
Взор обратишь на запад,
К столице – и мысли мятутся,
Были дворцы Цинь и Хань,
Ныне остался лишь прах,
Народ же как был в беде,
В такой же беде и ныне.

Стихи отзвучали и путники двинулись вниз.

Они двигались на запад вдоль северных склонов хребта Циньлин, шли горными тропами, обходя стороной шумные города, но в горные деревушки временами заглядывали. Деревенские жители были просты и радушны, здесь сохранялись обычаи древности.

Человек Беспредельного Дао, снова оказавшийся в этих местах, невольно уносился мыслями к тому, как некогда здесь совершенствовались в Дао патриархи, и читал стихи из «Сборника реки Паньси» патриарха Цю.

Через несколько дней они подошли к горе Чжуннаньшань.

Эту гору, один из главных пиков хребта Циньлин, называют еще Наньшань и Дифэйшань, древнее же ее название Тайи (Дух Неба), здесь находится одно из даосских обетованных мест. В романе «Путешествие на Запад» говорится, что эта гора – остаток, выброшенный за ворота, она оканчивается горным проходом, поэтому называется Конец Юга (Чжуннань). Здесь находятся такие достопримечательности как Южный пик, Пещера Метаморфозы Металла (Цзинь Хуа), пещера Яшмового источника (Юй Цюань), утесы Солнца и Луны. Здесь совершенствовались в Дао Чжун Лицзы, Люй Дунбинь, Лю Хайчань и Ван Чуньян. У великого танского поэта Ван Вэя есть стихотворение «Горы Чжуннаньшань»:

Гребень Тайи –
Небесной столицы сосед,
К самому морю
Тянется горный хребет.
Белые тучи –
Взгляни – затмевают свет.
Сизый туман –
Вглядись – и вот его нет.
Главный отрог
Разделил уезды, края,
В каждом ущелье
Всегда погода своя.
Ежели вам
В горах потребен ночлег,-
Через поток
Голос подаст дровосек.?

Если от Наньшаня двигаться дальше на запад, придешь в Лоугуань (Терем Созерцания) уезда Чжоучжи, знаменитое и достопамятное для даосизма место. В «Легенде о Тереме Созерцания» («Лоу гуань бэнь ци чуань») говорится: «Лоугуань – древнее жилище, где некогда при чжоуском Ли-ване обитал дафу Гуаньлин Ин. Он сделал травяной шалаш,

откуда созерцал звезды и наблюдал ци, поэтому место называется Теремом Созерцания». Это самый ранний даосский монастырь, который на протяжении истории много раз перестраивался.

В «Исторических записках» говорится:

Лао-цзы совершенствовался в Дао и Дэ. Его учение ставило целью безмянность, проистекающую из сокрытия самого себя. Видя упадок династии Чжоу, он оставил ее пределы. Когда пришел на заставу, начальник заставы Ин обрадовался и сказал: «Прежде чем скроетесь от мира, прошу записать для меня свое учение». Поэтому Лао-цзы сделал записи в двух частях, пять с лишним тысяч слов о Дао и Дэ, а потом ушел и никто не знает, где он нашел свой конец.»

Легенды утверждают, что именно здесь, в Лоугуане, патриарх даосизма Лао-цзы написал «Даодэ цзин», прославленный как «Царь десяти тысяч канонов».

«Даодэ цзин», называемый также «Лао-цзы», состоит из двух частей, первая называется «Дао цзин» («Канон о Дао»), а последняя – «Дэ цзин» («Канон о Дэ»), вся книга разделена на 81 параграф (чжан).

Текст книги «Лао-цзы» изысканный и простой, но смысл его богат и глубоко таинственен. Согласно историческим источникам, эта книга была широко распространена в доцинский период и многие знаменитые мыслители хорошо ее знали и были последователями ее идей. Впоследствии ее влияние стало еще более глубоким. Политики, военачальники, философы, ученые, литераторы, врачи, то есть все от верховного правителя до простолюдина знали о Лао-цзы и книге «Лао-цзы». Все, кто умел читать, читали ее, вникали в глубокие истины, содержащиеся в каждой ее строчке, в каждом слове. Неграмотные же усваивали принципы рождения и метаморфоз неба и земли и принципы жизни человека из тех фраз «Лао-цзы», которые вошли в состав обыденного языка. «Лао-цзы» впитался в кровь китайской культуры, пустил корень в китайской ментальности.

Мыслитель нашего века Лу Синь говорил: «Корень Китая – в даосизме». Такие слова мог сказать только человек, глубоко понимающий китайскую культуру.

Был еще один человек, которого звали Чжан Мошэн. Он составил книгу «Новое толкование параграфов и фраз Лао-цзы» («Лао-цзы чжан цзюй синь ши»), выпущенную в 1946 году издательством «Дунфан», а в 1988 году переизданную в Чэнду в издательстве древней литературы. В предисловии к книге он пишет:

В Китае есть две книги, на которые следует обращать самое большое внимание, это конфуцианский «Лунь юй» и даосский «Даодэ цзин». Их должен прочитать каждый грамотный человек. Отнюдь не одни только ученые специалисты способны их изучать, потому что в «Лунь юй» говорится о простых принципах того, как быть человеком и держать в порядке свои дела, а в «Лао-цзы» говорится о высших принципах того, как быть человеком и управлять событиями. В одной книге говорится о принципах как они есть, а в другой – о том, почему они таковы. Чтобы мы жили в мире как люди, во всех делах, начиная от самосовершенствования и устройства семьи, вплоть до управления государством и гармонизации Поднебесной, нужно знать не только что представляют собой принципы, но и, что гораздо важнее, почему они таковы. Только в этом случае человек может считаться разумным и продвинутым. «Лунь юй» и «Даодэ цзин» как раз и дают такой результат, поэтому их нельзя не читать.

Даосы почитают «Лао-цзы» именно потому, что там говорится о высших принципах движения космоса, человеческого поведения и управления миром.

В период Чжаньго жил человек по прозвищу «Старец с реки», который дал самые ранние комментарии «Лао-цзы» – «Лао-цзы Хэ шан гун чжан цзюй». Содержащееся в них учение о самосовершенствовании и пестовании жизни является для даосов классическим произведением в вопросе искусства пестования жизни.

Прочитаем из «Лао-цзы» несколько отрывков:

Дао, о котором можно говорить, не есть постоянное Дао.

Имя, которым можно называть, не есть имя постоянного.
Отсутствие – начало именованья неба и земли,
Наличие – мать именованья Тьмы вещей.

Потому что когда постоянно Отсутствие, из-за этого хотят рассмотреть его тайну, а когда постоянно Наличие, хотят рассмотреть его подробности. Оба эти появляются вместе, но различаются именами. Вместе же их называют глубочайшими. Переход от глубочайшего к еще более глубокому – дверь ко всем тайнам.

Дао ведет к сокровению Тьмы вещей.

Дао рождает одно, одно рождает двоицу, двоица рождает троицу, троица рождает Тьму вещей. Тьма вещей на спине носит Инь, а за пазухой держит Ян, растворение ци создает гармонию.

Небо достигает единства и оттого ясно, земля достигает единства и оттого прочна. Дух-шэнь достигает единства и оттого одухотворен. Ручьи достигают единства и оттого наполняются. Тьма вещей достигает единства и оттого живет. Хоу и ваны достигают единства и оттого правят Поднебесной верно.

Человек следует образцу земли, земля следует образцу Неба, Небо следует образцу Дао, а Дао дает образец самоестественности.

Дух долины не умирает. это называется Сокровенной Самкой. Врата Сокровенной Самки – корень Неба и земли – всегда мягки и неутомимы.

Небесное Дао не борется, а умеет побеждать, не говорит, а получает отклик, не зовет, а к нему приходят сами.

Соппротивление ведет к волнению Дао. Слабость ведет к действию Дао. Тьма вещей в Поднебесной рождается из Наличия, а Наличие рождается из Отсутствия.

Знание других приводит к осведомленности, знание себя приводит к пониманию. Победа над другими приводит к появлению силы, победа над собой приводит к крепости.

Великая полнота схожа с недостатком, надо заботиться, чтобы не испортилась. Великая прибыль схожа с убытком, нужно заботиться, чтобы не оскудела. Великая прямота схожа с кривизной, великая ловкость – с неумением, великое красноречие схоже с косноязычием. Движение побеждает холод, покой побеждает жару. Чистота и покой приводят Поднебесную в порядок.

Знание незнания – превыше всего. Незнание знания – вред. Ведь только нанося вред вреду, получаем невредение.

Доверяй речам, которые не приукрашивают, приукрашивание ведет к недоверию. Разумность ведет к тому, что не спорят, споры ведут к неразумности. Знание ведет к тому, что не проявляют эрудиции, эрудиция ведет к незнанию.

Реки и моря потому могут царить над всеми ручьями, что устроились ниже них, поэтому и могут царить. По этой причине кто хочет стоять над народом, непременно того упреками опустят, а кто хочет стоять впереди народа, тот ставит себя позади него.

Самое мягкое в Поднебесной побеждает самое твердое в Поднебесной.

Управление большим государством похоже на приготовление блюда из мелкой рыбы.

У совершенномудрого нет постоянного сердца, сердца народа он делает своим сердцем.

Народом трудно управлять, потому что его верхи проявляют деяния. Поэтому и трудно управлять.

Когда хотят сжать что-то, непременно нарочно растянут это. Захотят что-то ослабить – нарочно укрепят, захотят отбросить – нарочно выдвинут, захотят отнять – нарочно одарят. Это называется уменьшением понимания. Мягкое побеждает твердое, слабое побеждает сильное. Рыбе нельзя покидать глубину, острое оружие стране нельзя показывать другим.

К тому, кто придерживается Великого Образа, придет Поднебесная. Если пришедшим не будет наноситься вред, мир и покой станут великими.

Путники поклонились табличке души Лао-цзы в храме Созерцания Дао и на террасе, где он толковал каноны, про себя прочитали «Даодэ цзин». Если от террасы идти дальше

вглубь, то под утесом, стоящим у горла ручья Вопросания Небожителя (Вэньсянь), обнаружится глубокая и широкая каменная пещера. Дед сообщил Ван Липину, что это пещера патриарха Люй Дунбиня.

Люй Дунбинь, имя которого Янь (Утес), а прозвище Чуньян Цзы (Муж Чистого Солнца), – один из почитаемых в народе Восьми Бессмертных. В юности он изучал конфуцианство и моизм, пытался сдать экзамен на степень цзиньши, но не преуспел и затем скитался по белу свету. В Чаньане встретил Чжун Лицзы и, пройдя десять опытов, научился искусству продления жизни. А потом встретился с Ку Чжу Чжэнь Цзюнем (Истинным Господином Горького Бамбука), который передал ему «метод взаимных приветствий солнца и луны». Много времени спустя он пришел на Чжуннаньшань и здесь опять встретился с Чжун Лицзы, приобрел мастерство Золотой Жидкости и Великой Киновари. В пятьдесят лет его Дао стало совершенным. В сто с лишним он выглядел, словно юноша, походка его была легкой и стремительной, как говорится, «несколько сот ли за один миг».

Патриарх Люй в горной пещере Лоугуаня самозабвенно совершенствовался в Дао, работал над полнотой шэнь и выплавлением ци, проник в сокровенные принципы и в конце концов получил сущность Чистого Солнца. В ходе совершенствования в выплавлении он создал много новых приемов. Часть этих приемов тайно передавалась в школе Драконовых Ворот, но существовала еще одна их часть, которая не была передана. Люй Дунбинь описал их в книгах, спрятанных в четырех обетованных местах.

Некогда патриарх Люй встретил Хо Лун Чжэнь Жэня, Истинного Человека Огненного Дракона, который передавал прием Небесного Скрывающего Меча. Патриарх Люй трансформировал искусство меча в технику «Прерывания суетных мыслей, прерывания вожеления, прерывания жадности». А также трансформировал алхимическую технику киновари, свинца и золота во внутреннее мастерство и сделал милосердие по отношению к миру дорогой совершенствования в Дао. Он всегда говорил: «Если человек способен верно служить своей стране, быть почтительным сыном и братом в семье, если ему верят друзья, если он справедлив к младшим, не распушен, требователен к себе и этим благоприятствует упорядочению вещей, если тайными добрыми делами способствует Небу, любит людей и почитает духов, то стоит ему только подумать об этом, как он будет вместе с Нами, хотя бы мы ему не были видны».

«Приемы естественного обмена ци», являющиеся важной составной частью «Техники внутреннего мастерства Энциклопедии Драгоценностей Духа» как тайных приемов, передающихся в секте Полноты Истинности, были разработаны патриархом Люем, когда в своем долге странствия с облаками он пришел в Чжуннаньшань.

Совершенствование в выплавлении «приемов естественного обмена ци» требует, чтобы адепт в равномерном движении и тесном взаимодействии сердца, шэнь, цзин и ци. выплавлял собственный микрокосм. Осуществляется эта работа в состоянии спокойной, непринужденной естественной ходьбы, в мыслях же сердце и дух сливаются воедино, Я – это космос, а когда в космосе происходят бесчисленные перемены, все сущее непременно приходит в движение, в движении рождается одухотворенность, тело шагает, а мысли отпущены на свободу, в движении достигается покой, в покое рождается шэнь, сердце и шэнь соединяются друг с другом, ци и мысль опираются друг на друга, и свет одухотворенности претерпевает бесчисленные изменения.

«Приемы естественного обмена ци» качественно отличаются от естественной ходьбы и прогулок обыкновенного человека. У обыкновенных людей мышление при ходьбе не задействуется, сердце и шэнь обращены к внешним предметам, сердце, шэнь, мысль и ци, не взаимодействуют, не «работают», ум рассеян, шэнь разлетелось, они растрачиваются впустую.

Часто говорят: «Проходи сто шагов после еды и доживешь до девяноста девяти». Такого результата можно достичь только при условии поддержания непринужденности и спонтанности сознания, это состояние, близкое к состоянию «работы».

В «приемах естественного обмена ци» делается упор на том, чтобы физическая ходьба

полно сочеталась с работой сердца, шэнь, мысли, ци и цзин, делается упор на слиянии воедино микрокосма и макрокосма. В результате планомерной, регулярной, постепенной работы выплавления тут можно достичь еще более высоких результатов.

Тот, кто овладел «приемами естественного обмена ци», может в любое время расширять и сжимать «поле» собственного микрокосма и «душу-вестника», чтобы они взаимодействовали с полем макрокосма природы и душами природных вещей, когда сердце, шэнь, мысль ци и цзин действуют все вместе, человеческий микрокосм сливается с Небесным макрокосмом. В результате овладения этими приемами совершенствующиеся могут собирать духовное вещество, испускаемое все сущим, и лечить им других людей, могут с его помощью указывать дорогу, распределять ци и делать посылы Ци, оказывающие желаемое воздействие.

Работники умственного труда часто непомерно растрачивают свою духовную энергию, и если это длится долго, у них «цзин и ци приходят в упадок, а шэнь иссякает». При совершенствовании «приемов естественной смены ци» можно сделать так, чтобы «сердце и шэнь соединялись друг с другом, чтобы шэнь возвращалось в сердце, чтобы чем больше сердце излучало, тем больше шэнь в него возвращалось», и чтобы достигались цели регулирования дыхания и пестования шэнь, оздоровления мозга и возрастания умственных способностей, устранение болезней и сохранение здоровья, продления жизни и долголетия.

«Приемы естественной смены ци» делятся на Три Колесницы и Девять Приемов, или это еще называется Три Части, Девять Приемов.

Первая часть: Приемы устранения болезней, продления жизни, здоровья и радости, которые подразделяются на три: прием вдоха и выдоха при ходьбе; прием закрывания ци при ходьбе; прием вдыхания вещества при ходьбе.

Вторая часть: Приемы возвращения всего сущего к своему корню и вечности космоса. Подразделяются на три: прием выдыхания вещества при ходьбе; прием распределения ци при ходьбе; прием разделения шагов.

Третья часть: приемы изменения проходимости меридианов и параллелей и слияния Неба и человека. Подразделяются на три: прием устранения пробок и установления проходимости меридианов при ходьбе: прием передачи души при ходьбе: прием сокрытия тела при ходьбе..

Здесь тоже три уровня «Небо-земля-человек», процесс развития от низшего к высшему.

Жизнь и смерть, смерть и рождение, конечное и вечное всегда были главными темами даосского поиска.

Человеческий индивид не может выбрать себе рождение и не может управлять им. Он ничего не может поделать и с неизбежной, неотвратимо наступающей смертью. В «жизни» между рождением и смертью ум его как будто бы бодрствует, и он обладает некоторой свободой. Но в действительности все зависит от множества сил, чуждых ему самому. Перед лицом этих сил он все так же ничтожен и не может править собственной судьбой.

«Небо-земля-человек», человек между Небом и землей. «Рождение-жизнь-смерть», жизнь между рождением и смертью. Рождение и смерть образуют два полюса человеческой жизни. Человек больше всего ощущает «жизнь» и больше всего знает ее. Время же ощущения рождения и смерти очень кратко, и он знает о них очень мало.

Даосы с одинаковым старанием изучают всю троицу человеческой жизни – «рождение-жизнь-смерть», но глубину и широту этих исследований обычный человек не может себе представить.

Почему человек рождается? Почему именно в этой пространственно-временной точке появляется «Я»? Какие метаморфозы происходят в самый момент рождения и как они влияют на последующую «жизнь»?

Почему человек умирает? Каковы ощущения человека в момент смерти? Какие происходят метаморфозы? Существует ли человек после смерти еще в какой-то форме? Является ли смерть для человека конечной остановкой?

Это рождение и смерть.

Может ли человек еще возродиться после смерти? Скажем, человек умер на короткое время, а в результате усилий по его спасению снова ожил, это ведь возможно. Ну, а если время смерти будет подлиннее, скажем, один-два года, десять-двадцать лет, может ли он еще воскреснуть? Еще шаг вперед – человек умер, прежней его формы уже нет, но может ли он воскреснуть в другой форме? Возможно ли это?

Это смерть и жизнь.

Может ли человек не умирать? Или, пусть и умрет, но может ли жить подольше? Обычно люди считают, что такая возможность существует. Но превзойти какую-то временную границу, скажем, жить двести-триста лет и даже дольше – возможно ли это? Кроме того, возможно ли жить, превосходя пространство и время?

Это рождение, смерть и жизнь.

Все это сомнения и трудности Нижнего из Трех Миров, а если подняться в Средний из Трех Миров и взглянуть оттуда, то откуда появилось человечество? Может ли оно исчезнуть? Каково его будущее прибежище? А если брать еще выше, то как обстоит дело с рождением и смертью Земли, Солнечной системы? А как с рождением и смертью Космоса?

А если все вышеназванные проблемы еще углубить, то в сфере знания обычных людей их невозможно принять, они считаются неправомерными.

Но даосы не связывают себя подобными путями. Они не только выдвигают более глубокие вопросы, но и охотно сами становятся объектами экспериментов, чтобы исследовать, существуют ли такие возможности.

Они крепко верят, что основа философской мысли даосов – учение о единстве неба, земли и человека, верна, они глубоко верят в безошибочность космических принципов, раскрытых в «Лао-цзы» и «И-цзине», и методов и приемов их познания.

Это придает им великую мудрость и великую смелость.

Как бы ни развивалось общество, небо и земля, с точки зрения людей, все те же самые небо и земля, солнце и луна все те же, в переменах существует вечность. Рождение как вечная загадка волнует нас, но волновала она и людей древности. Смерть как неуловимый призрак бродит в наших умах, но она бродила и в умах людей древности.

Мы сейчас изучаем рождение и смерть с помощью разных приборов, а даосы изучают их с помощью человеческого тела, изучают природу с помощью природных средств. Какой же из этих двух ходов мысли и методов изучения проблем ближе к сущности человека и космоса?

Снова вернуться в материнскую утробу и еще раз испытать рождение мы сейчас не можем. Но при рождении ощущения перехода от состояния плода к состоянию младенца испытывал каждый человек, это непременно осталось в памяти, но только каким-то непонятным образом забылось. Если бы можно было найти способ восстановить эту память. Возможно ли такое? Даосы на этот вопрос имеют свой собственный и ими самими найденный ответ.

Что касается смерти, то предзнание о ее неизбежности и сам практический процесс – это две совершенно разные вещи. Получить практический опыт смерти возможно, только если разок умереть.

Люй Дунбинь сделал это, он осуществил великий и бесстрашный опыт смерти.

Смерть раскрыла для него великую истину космоса.

Смерть одарила его великой мудростью.

Чтобы превратить проникновение в суть космоса в результате прохождения через смерть в процесс самосовершенствования, который можно было бы воспроизводить, Люй Дунбинь со своими учениками осуществил эксперимент, полный трагизма и мужества. Из трех тысяч учеников умерло восемьсот, цена была заплачена высокая. И полученные результаты были чрезвычайно драгоценны. После их обобщения приемы мастерства передавались в Школе Драконовых Ворот от учителя к ученику, тайна сохранялась неукоснительно, за тысячу лет традиция ни разу не прервалась.

Кто были те восемьсот первопроходцев? Их имена и фамилии уже невозможно

установить, потомки не запомнили их подвига.

Но и сегодня в Школе Драконовых Ворот проблема воскресения после смерти не решена полностью. Когда Ван Липин дошел в процессе совершенствования в выплавлении до смерти в результате воздержания от пищи, Учителя не были совершенно уверены, что он может ожить.

У Ван Липин в этом отношении не было ни малейших колебаний, он принял испытание спокойно. И до сих пор исповедует символ веры: «Ради возможности понять стоит умереть!»

В промежутке после смерти от голодания до воскресения начался взлет из Нижнего из Трех Миров, мира «человека-событий-вещей», к Среднему из Трех Миров, миру «Неба – земли-человека», это было начало подъема в совершенно новый мир.

Дорогой к такому успеху служила созданная патриархом Люем техника внутреннего мастерства. Ее важной составной частью является совершенствование в выплавлении Шести Линий внутреннего мастерства внутри человеческого тела.

Исследования тела человека, проводившиеся древними, начинались с вещей, обладающих формой и материей, после этого шли глубже, к вещам, обладающим формой, но не имеющим материи, и лишь в самом конце мысленно исследовались вещи без формы и материи. Источник медицины – в шаманстве, от открытий, сделанных древними во сне, протянулась мысль, что внутри и вне человеческого тела существует какой-то чудесный «мир», бесформенный и бестелесный, неизмеримо глубокий. Раскрытие тайны человека стало священной тайной для людей на всем протяжении истории.

Самое удивительное в китайской медицине это то, что на базе учения об Инь-Ян и Пяти Элементах было открыто существование каналов и меридианов человеческого тела. Но как проходил поиск и как было это открыто, сейчас уже неизвестно.

Современный человек с помощью научных методов все еще не может во-очию убедиться в существовании каналов и меридианов в человеческом теле. Даосы же могут видеть каналы и меридианы двумя способами. Во-первых, по достижении определенной степени совершенства в выплавлении внутреннего мастерства возможно созерцание того, что внутри. Во-вторых, если обладающий базой внутреннего мастерства принимает Внешнюю Пилюлю, он может ясно видеть меридианы, параллели и сеть каналов на поверхности тела.

Ван Липин в процессе совершенствования в выплавлении принимал Внешнюю Пилюлю трижды. О первом приеме выше уже рассказывалось. Второй прием был предпринят как раз ради опыта созерцания линий параллелей и меридианов в человеческом теле. После завершения опыта он сидел в большой глиняной корчаге с водой. В корчагу была налита горячая вода, уровень ее доходил ему до губ. В воде он проводил медитацию, в процессе которой вещество Пилюли с помощью посылов внутренней работы очень медленно выводилось из тела. Когда на поверхность воды всплыло достаточное количество вещества Пилюли, он убрал посыл и вылез из корчаги.

А линии внутреннего мастерства еще более таинственная вещь, чем линии параллелей и меридианов, для совершенствования в выплавлении они имеют очень важное значение.

Ниже на рис.6 показано, что у человека есть шесть главных линий совершенствования в выплавлении внутреннего мастерства.

Прямую линию от Небесных Ворот (Тянь Мэнь) на макушке до передней Инь патриарх Чуньян называл «Линией Сечения» («Дуань Сянь»). Обычно у людей, занимающихся тренировкой внутреннего мастерства без просветленного учителя, на этой линии легко возникают отклонения, вспышки одержимости тоже происходят по этой линии.

Линия от Байхуй до Хуйинь называется «Линией Отражения» («Фаньшэ Сянь»). В начале выплавления она проходит по внутренней стороне позвоночного столба, а потом постепенно передвигается внутрь позвоночника. Линию Отражения в древности называли еще «Чжун май» (Средним каналом управления). Совершенствующиеся в выплавлении посредством ее созерцают внутреннее. Она то скрывается, то появляется вновь, у рафинированных мастеров она появляется, когда в ней возникает нужда, и скрывается, когда

становится ненужной. По двум сторонам позвоночника есть еще две линии каналов управления, называемые левым и правым каналами.

Линия, пронизывающая в поперечном направлении три точки в голове – Небо (Тянь), Глаз (Му) и Пещеру (Сюэ), называется «Линией Сердечной Природы» («Син Сянь»). Небо, Глаз и Пещера прежде звались Небесным Сердцем, а также Небесным Стволом. Сразу после рождения меж бровей у человека есть щель, позже она постепенно срастается, но остается одна щелка. Щелки у разных людей бывают разные, у одних длинные, у других короткие. «Небо-Глаз-Пещера» в действительности должны идти в последовательности «Пещера-Глаз-Небо», «Пещера» расположена впереди, «Глаз» – в середине, а «Небо» – сзади. В «Пещеру» можно вкалывать иголки, «Небо» может отражать, а «Глаз» – это и есть Дворец Глиняного Шарика. На задней стороне Линии Сердечной Природы расположена Застава Яшмовой Подушки (Юйшэнь гуань).

От середины груди до Щипцов (Цзяцзи) проходит линия, называемая «Линией Расцвета Силы» («Чжуанли Сянь»).

Рис.6.. Схема линий внутреннего мастерства из Энциклопедии Драгоценностей Духа.

(Все надписи на схеме см. в рукописи – пер.)

Линия, проходящая от пупка назад, называется «Линией Сохранения Жизни» («Баомин Сянь»), слева и справа от нее располагаются почки, это район Ворот Жизни (Мин мэнь).

При совершенствовании в выплавлении можно вывести линию, начинающуюся на 1,2 – 1,5 дюймов ниже пупка и идущую внутрь, к копчику (Вэйлюй), которая называется «Линией Совершенствования Жизни» («Сю Мин Сянь»).

Линии Сердечной Природы, Расцвета Силы и Совершенствования Жизни проходят через Киноварные Поля, то есть через Верхний, Средний и Нижний Даньтяни. Три Линии пронизывают Три Поля, а напротив них находятся Три Заставы. Когда при выплавлении протянуты Три Линии, ци при движении легко прорывается через Три Заставы.

Из всех этих линий две продольные можно видеть внутренним зрением как светлые линии. Четыре поперечных не видны, но это проходы, существующие в реальности. Кроме того, вне тела, на границе человеческого микрокосма есть еще две воздушные линии.

В слое «человека-событий-вещей» у человека есть Верхняя Сокровенная Застава (Шан Сюань гуань), Средняя Сокровенная Застава (Чжун Сюань гуань) и Нижняя Сокровенная Застава (Ся Сюань гуань). Верхняя Сокровенная Застава – это Небо-Глаз-Пещера, называется также Пещерой Патриарха (Цзу сюэ, или Цзу цяо), это биологически активная точка, через которую прямо проходят в обе стороны шэнь и ци. Пять Северных Патриархов называли ее «Дырой в Небесную Высь». Так как эта точка находится меж двумя глазами и двумя бровями, в древности она обозначалась тремя точками ?, означавшими солнце, луну и небесную высь. Восемьсот из трех тысяч учеников патриарха Люя погибли, выплавляя именно эту точку, Пещеру Небесного Глаза.

Патриарх Люй говорил: «Пещера Небесного Глаза, сокровенное из сокровенных, дыра в дыре, путь соединения внутреннего и внешнего, мудрый ее открывает, глупый закрывает. Открывающий долголетен, закрывающий живет недолго». И еще говорил: «Будешь сохранять разумно, при пользовании будут чудеса, дорожи ею как чудом из чудес, десять тысяч раз подумай, прежде чем выпустить из рук».

Когда выплавление доходит до слоя «Небо-земля-человек», сокровенные заставы появляются повсюду. А еще выше, в слое «Космос-Время-Пространство», Пещера Небесного Глаза уже не внутри тела и не вне его, она естественно открывается, когда в ней возникает необходимость. Патриарх Люй говорил: «Смотри, так или не так, если не так, стремись, чтобы было так, только тогда откроется и будет открыта вечно, и прием работы состоит в двух словах „сохранять разумность“».

Пещера Небесного Глаза – это проход, по которому идет в обе стороны свет духа (шэнь гуань). Когда в голове у людей бессознательно возникают видения, образы, интуиции или когда какие-то образы создаются сознательно, они иногда задаются вопросом, возможно ли как-то закрепить эти беспорядочные, неконтролируемые образы, превратить их в

управляемые. Даосы ведут поиски и практикуют именно в этом направлении. Посредством совершенствования в выплавлении они «закрепляют и классифицируют» эти образы в мозгу, затем выводят их наружу, а после того, как хорошенько рассмотрят, снова убирают. Каналом таких посылов и возвращений служит Пещера Небесного Глаза.

Прием тренировки Пещеры Небесного Глаза называется еще «Протягиванием Линии Сердечной Природы». Прием состоит в том, чтобы после успокоения ума, сидячей медитации, регулирования тела, регулирования дыхания, подняв голову и глядя прямо вперед, очень медленно с помощью света духа (шэнь гуан) убирать внутрь дальние виды и вещи, сначала доводить их до «Пещеры» Пещеры Небесного Глаза, потом убирать дальше внутрь, до «Глаза», потом еще дальше, до «Неба», а доведя до «Неба», переворачивать и быстро посылать лучи шэнь обратно, провожать их как можно дальше, на край неба, и так надо повторить дважды, а в конце убрать до «Неба». «Небо» называется также «Задним Небесным Зеркалом» («Хоу Тянь цзин»), это плоскость отражения, отсюда отражаются лучи шэнь.

Потом можно будет осуществлять построения в мозгу, мысленно строить какую-то картину, какую-то вещь, что-то красивое. Построенное в мыслях имеет форму, но не имеет материи. Затем закрыть глаза и смотреть прямо вперед. Фактически это означает, что под действием Ци этот образ через Небо-Глаз-Пещеру посылается наружу. В начале тренировок все пусто, нет ни формы, ни материи, не видно ничего. Затем постепенно появляются образы и по мере повышения силы мастерства, эти образы обретают целостность, ясность, их можно передвигать дальше или ближе, можно увеличивать и уменьшать. Образы есть, но если протянуть руку, чтобы их пощупать, окажется, что ничего нет.

Когда Линия Сердечной Природы протянута и Пещера Небесного Глаза выплавлена, этим путем можно посылать и убирать форму, посылать и убирать свет, мысли, цзин, шэнь могут выходить из головного мозга вовне, погружаться во внешний телу космос, отсюда безгранично расширяется пространство действия мысленной и психической энергии. В это время способность восприятия внешнего мира у человека уже не прежняя, он может чувствовать вещи, недоступные восприятию пяти органов чувств обычного человека. Способности видения насквозь и внутреннего созерцания тренируются именно так. На этой ступени чувственно воспринимаемый мир адепта совершенствования уже намного отличается от мира, воспринимаемого обыкновенным человеком, возникает существенная разница в мышлении и языке обоих. Наблюдения над внешним миром становятся богаче, целостнее, глубже, а его познание больше приближено к сущности вещей и событий.

По достижении этого уровня четыре формы существования космоса – с наличием формы и материи, с наличием формы без материи, с наличием материи без формы и без формы и материи – для адепта уже не только реально существуют, но и взаимопревращаются. С точки зрения совершенствующихся в выплавлении, сфера чувственного познания мира, осуществляемого обычными людьми с помощью пяти органов чувств, является слишком узкой, и даже если они будут познавать мир с помощью научных приборов, ограничение узкими рамками все равно останется.

Мышление может из состояния отсутствия формы и материи перейти к наличию формы без материи, а может приобрести и форму и материю.

Мысль может обходиться без помощи языка и литературы и других ее обычных носителей и передаваться посредством «света шэнь» (шэнь гуан). Благодаря этому человек способен на дистанционное восприятие поверх пространства и времени.

Возможно ли все это?

Не говоря уже о стихийно возникающих у людей экстраординарных способностях, до этого уровня можно подняться сознательно, в опоре на методы совершенствования в выплавлении. История школы Драконовых Ворот показывает, что по меньшей мере тысячу лет назад для этого была создана совершенная система, комплекс принципов и методов практической работы над собой.

Человеческая цивилизация развивается, но только в некоторых областях она

прогрессирует, а в некоторых пятится назад. Потомки не во всем превосходят предков. Чжан Голао, один из «Восьми Бессмертных», глубоко понимавший эту истину, всегда ездил на осле задом наперед, чтобы смотреть не вперед, а назад. Он восхищался теми людьми древности, которые принадлежали более высоким мирам, и учился у них.

Учителя и ученик провели медитации в пещере патриарха Люя и вывели расположение Нижнего Даньтяня в теле человека для этого места. В результате нескольких дней самонаблюдения все четверо явственно ощутили, что Линия Совершенствования Жизни в них плавно поднялась и стабилизировалась на 1,3 дюйма ниже пупка. В Фушуне же Нижний Даньтянь располагался немного ниже. Ван Липин уже усвоил на собственном опыте соответствие человеческого тела земному шару. И еще яснее увидел он великую глубину философского принципа «единства Неба, земли и человека», а также то, что совершенствование в выплавлении есть вернейший путь к раскрытию тайн человека и космоса.

Дни пребывания в Лоугуане стали для Ван Липина великим уроком. Учителями были Лао-цзы и патриарх Люй. Ван Липин стал глубже понимать Великое Дао.

Дао есть величайшая драгоценность Космоса и человеческой жизни.

Глава тринадцатая **За небесами еще небеса**

После Лоугуаня Учителя и ученик перевалили хребет Циньлин, переправились через реку Ханьшуй, прошли через горы Мицаншань и вступили в Сычуаньскую котловину. Трудности и опасности дороги путников не печалили. Природа, как ни в чем не бывало, жила своей жизнью, и они радовались этому.

Двигаясь по окаймляющим котловину горам в юго-западном направлении, через несколько дней пришли в Циншань

Горы Цинчэн расположены на юго-западе уезда Гуаньсянь. Название их – Зеленая стена – происходит от того, что зеленые горы смыкаются с четырех сторон на манер крепостной стены. По преданию, Хуанда отдал эти горы в удел Воину Пяти Пиков (Уюэ Чжан Жэню), поэтому они называются еще Чжанжэньшань. Это одно из десяти священных мест даосизма, «Девять келий Бессмертных, проникших в Небо». Здесь жили отшельниками и совершенствовались в выплавлении Бессмертные Небожители Чжан Даолин, Фань Чаншэн, Сунь Сыма, Ду Гуантин и другие. Путники прошли Чжанжэнь гуань (Место Созерцания Воина), Чаншэнгуань (Место Созерцания Долгожителя), Тяньши дун (Пещеру Небесного Наставника), Байюньси (Ключ Белых Облаков), но нигде не встретили даосов. Тогда они покинули Цинчэн и двинулись в сторону Эмэя.

Эмэй, видный издали, окутан не только туманом, но и атмосферой таинственности и святости.

Горы Эмэй тянутся от гор Миншань и внезапно вздымаются тремя красивейшими и очень крутыми пиками – Большим, Средним и Малым. Дугообразное расположение гор стало причиной их названия – Брови Красавицы. Эмэй входит в число «36 священных мест даосизма», он считается «Местом, где Пустая Душа соединяется с Небом», или где «Душа переходит на Небо Высших Чудес». Он входит также в число Четырех Великих гор буддистов и называется Гуанминшань – Горы Просветления.

Путники поднимались по дороге в гору. Встречавшиеся им монастыри были в бедственном состоянии. Не курились свечи, монахи разбежались, все разбито. При виде этого сердца стариков наполнились печалью.

Буддизм родился в Индии 2500 лет назад. Основатель его Шакья Муни, то есть «Святой из рода Шакьев».

Шакья Муни был сыном царя и наследником престола. У него было все – жена, слава, богатство, аристократическое происхождение, карьера, мир и согласие в семье. Но он узнал, что все это временно, что все это уйдет, не пребудет вечно. Он хотел понять причину и

смысл этого, найти дорогу к тому, чтобы отмести треволнения и страдания, превзойти рождение и смерть. И ради этого оставил все, что связывает обычного человека, отказался от титула и богатства, от славы, власти, любви. В двадцать девять лет он стал отшельником, занялся самосовершенствованием, перенес много трудностей. Через шесть лет, сидя в медитации под деревом Бодхи, получил просветление.

У Будды есть учение о «Четырех Благородных Истинах». Эти Истины – Стрдание, Стяжание, Угасание, Путь. Высший идеальный мир, который достигается самосовершенствованием – Нирвана.

После смерти Будды буддизм начал распространяться по всем сторонам, а внутри себя разделился на множество группировок, прежде всего на высший клерикальный и массовый. Последний разделился потом на буддизм Большой и Малой Колесниц Спасения – Махаяну и Хинаяну. Буддизм Хинаяны ставит целью достижение мира арханов и превосхождение рождения и смерти через личное самосовершенствование. Буддизм Махаяны говорит о спасении всего живого и о совместной переправе на другой берег. В Махаяне считается, что буддийская дхарма не имеет границ и все верующие в нее могут стать буддами, число их может быть равно числу песчинок в Ганге. Махаяна делится еще на секты Пустоты и Реальности – Шуньяваду и Йогачару. Часть сект буддизма Махаяны, объединившись с брахманизмом, породила тантризм. Тантризм отличается от экзотерических религий своей мистичностью и закрытостью.

В первом веке нашей эры буддизм двумя путями пришел в Китай. Один путь – из Западной Индии в Пакистан и Афганистан, затем через Синьцзян на Центральную Китайскую равнину. Потом из Китая он был передан в Корею и Японию. Это система классических канонов на китайском языке. Другой путь – из Индии в Непал и затем в Тибет, а далее во внутренние земли. Буддизм, переданный из Тибета, называется ламаизмом, впоследствии он распространился в Монголию и в Сибирь. Это система классических канонов на тибетском языке.

На юге буддизм распространялся с Цейлона в Тайланд, Бирму, Лаос, Вьетнам и другие страны, а также в китайскую провинцию Юньнань и некоторые другие места. Это система классических канонов на палийском языке.

Через девятнадцать веков буддизм распространился в Западных государствах.

Слушая рассказы Учителя-Деда об истории буддизма, Ван Липин поражался тому, как он хорошо знает буддизм. А до сих пор речь всегда шла об учении даосизма. В странствии с облаками старики систематически рассказывали ему о возникновении и развитии китайской традиционной культуры, причем осью всего обучения был «Дао цзан». В «Дао цзвне» пять с лишним тысяч цзюаней (свитков), 72 дисциплины, астрономия и география, произведения мудрецов Ста Школ, философия и история,

политика и военное дело, земледелие, ремесло, служба и торговля, Пять Элементов и предсказания судьбы, шаманство и медицина, гадания по триграммам и физиогномика и многое другое. И о какой бы дисциплине или ее разделе ни заходила речь, о какой бы династии или эпохе ни говорилось, Дед и Отцы, излагали все очень логично, без запинок цитируя классические каноны. Важнейшие каноны они знали наизусть, что Ван Липина всегда поражало. Он думал о том, сколько же богатств вмещают головы стариков, это океан безбрежный, бездна небесного пространства, безначальная и бесконечная, неизбывная и неисчерпаемая, просто невероятно.

А Дед продолжал рассказ.

После прихода в Китай буддизм смешался с учением Лао-цзы – Чжуан-цзы и с вэйско-цинским учением сюаньсюэ, постепенно в нем образовалось восемь больших школ: Фасин (Сущности Дхарм), Фасян (Свойств Дхарм), Тяньтай, Хуаянь, Цзиньту (Чистой Земли), тантризма и Чань. Но куда бы буддизм ни приходил, как бы ни были велики происходившие в нем метаморфозы, основной дух его сохранялся.

Стрдание, Стяжание, Угасание и Путь – Четыре Благородные Истины буддизма. Стрдание – это общая оценка жизни человека. Человеческая жизнь – сплошное стрдание.

Человек выше других живых существ. но место его в космосе невысоко, он не может освободиться от страданий круговорота рождений и смертей. Будды и все живое делятся на «Четыре Святых» и «Шесть Обычных». Будды, бодисатвы, пратьекабудды и шраваки (достигшие прозрения через чтение сутр) – это Четыре Святых. Небо, люди, архаты, животные, демоны и ад – это Шесть Обычных. Над человеческими существами есть более высокие существования. Человек рождается в этот мир с плачем и покидает его под горестный плач других. Рождение – страдание, старость – страдание, болезнь – страдание, смерть – страдание, разлука с любимым – страдание, соединение с нелюбимым – страдание, недостижение желаемого – страдание, а еще душевные и физические страдания от Пяти Сканд. Некоторые из перечисленных Восьми Страданий сопровождают человека всю его жизнь. Пять Сканд – это Рупа (Ощущения), Ведана (Восприятия), Санжня (Различение), Самскара (Действия), Виджняна (Сознание), они составляют пять элементов человека. Но человек по своей сущности пуст, и все во вселенной – пустота, все создается благодаря карме. Что соответствует ей, – то наличествует, что не соответствует, – то отсутствует, наличие – это карма. Соответствие не имеет собственной природы, не имеет сущности, совершенно пусто. Смысл «страдания» в том, что человек не может удержать внешние для себя вещи..

Стяжание – это корень всех страданий человеческой жизни. Пока человек не пробудился, он не понимает принципа вещей-событий, не знает, что Тьма вещей вселенной пуста. Бездну его желаний трудно заполнить, жадность его ненасытна, отсюда его беспокойство, страдания, продолжающиеся всю жизнь. Не понимая причины страданий, нельзя познать мира пустоты.

Угасание указывает на пути и методы устранения беспокойства, освобождения от страданий. превосхождения колеса перерождений и достижения пустоты. Если идти в направлении, противоположном направлению человеческой жизни, можно «угаснуть» и достичь состояния будды. Для этого важно научиться «воздержанию, неприменности и мудрости». Забыть все вожделения и переживания, чтобы ни одна мысль не тревожила сердца, – вот что называется «воздержанием». Полное пробуждение, чтобы и внутри и снаружи все было ясно, – это «неприменность». Когда к вещам относятся соответственно карме, – это «мудрость». Три эти вещи восполняют друг друга, служат друг для друга и субстанцией и функцией. Когда человек в результате самосовершенствования приходит к воздержанию и устанавливается в пустоте, где нечего опустошать, у него непременно рождается мудрость и он может достичь другого берега. Пробуждение бывает постепенное и мгновенное. Когда после долгого совершенствования в Дао постепенного пробуждения составишь неразрывное целое с космосом, наступает ключевой момент, когда вдруг все становится понятным. Это и есть мгновенное пробуждение.

Путь – это мир, который достигается после «угасания». Когда человек благодаря нирване превзойдет рождение и смерть, освободится от всех треволений и страданий Колеса Перерождений, он вступает в Западный Мир Предельной Радости, в рай.

Этот процесс так описывается бодисатвой Гуаньинь:

Все, что было в ощущениях,
Погружается в поток забвенья,
Как только погружаемое умолкает,
Двух лиц покоя и движения
Различение не рождается,
И так все больше.
С ощущением прекращения ощущаемого,
Прекращения ощущения не удержать.
Когда сознание сознаваемого пусто,
Пустота сознания предельно полна,
Опустошение опустошаемого исчезает,

Порождение исчезновения утихает,
Как исчезнет настоящее и будущее,
Вдруг наступает превосхождение,
Что в мире, что вне его, –
Все в полноте ясности.

Тут Человек Беспредельного Дао остановился и взглянул на Ван Липина: “То, о чем говорится в последних строчках, ты сам уже испытал. В том мире Предельной Радости, о котором говорит буддийский патриарх, ты уже побывал. Тот пресветлый путь, что ты видел после смерти, и есть тот Великий Путь Запада. По буддийскому учению, ты Просветленный, а у нас, даосов, ты называешься «живым мертвецом». Сейчас ты знаешь только, что во вселенной есть места убежищ, но чтобы вернуться в эти места насовсем, надо продолжать совершенствование в выплавлении. И Человек Беспредельного Дао опять продекламировал несколько строк:

Карму предков хочешь узнать –
Она в том, как живется тебе сейчас.
Хочешь карму потомков узнать –
Она в том, что творишь ты сейчас.

Ван Липин слушал внимательно, и каждое слово Деда-Учителя было ему понятно. Он ничего не сказал и ничего не спросил. У него был уже собственный практический опыт единства истин даосизма и буддизма, доказательство этого ему было дано простое, ясное и исчерпывающее. Кроме даосского учения, есть еще буддизм, это он теперь знал. А когда все понятно, и слова излишни, надо учиться совершенствованию в выплавлении.

Взять даосизм или буддизм – ищут они ответа на один и тот же вопрос – как человеческую эфемерность трансформировать в космическую вечность, как человеческую ограниченность трансформировать в космическую безграничность. В чем сущность космоса? Будда называл ее «Пустотой», Лао-цзы – Дао. В чем высший идеал человека? Буддисты говорят – вступление через нирвану в «Мир Предельной Радости». Даосы говорят – достижение через совершенствование в выплавлении «Высшего из Трех Миров», «превращение в небожителя». Разная музыка – одна и та же работа, это равно драгоценно.

Беседа с Учителем-Дедом раскрыла перед Ван Липином новые горизонты.

За Небесами есть еще Небеса!

На Эмэ рассказы почтенного наставника о буддизме заставили Ван Липина еще острее почувствовать безграничность космоса и безбрежность мудрости. Сколько скрыто еще во Вселенной неизвестного, сколько сокровищ, сколько тайн ждет, чтобы их раскрыли!

Большая часть поверхности земного шара покрыта морями и океанами, а на дне океана – существует давным-давно затонувший материк? И на том материке была некогда блестящая цивилизация?

А какие же все-таки тайны хранят египетские пирамиды?

А почему все христианские храмы имеют купольную крышу?

А что же, предки человека произошли от обезьяны или вскарабкались на сушу из воды?

А все религии говорят, что человек создан богом. Миф это или правда?

Мир полон чудес и тайн. И все эти вопросы, похожие на загадки влекут к себе Ван Липина. Ему хочется раскрыть загадки космоса и человека.

Долго беседовали Учителя с учеником у кумирни, а потом поднялись и двинулись дальше в гору.

Они пошли не по старой дороге, а выбрали такое место, где скалы стояли стеной и где нога человека не ступала.

Ван Липин подумал, что Учителям тяжело видеть опустевшие и разрушенные храмы вдоль дороги, в этих же безлюдных местах сохраняется прежняя естественность, которая

дает прирост сердечному шэнь. У него было предчувствие, что впереди их ждет какое-то важное дело. А старики тем временем уже карабкались вверх, так что раздумывать было некогда, он полез за ними следом.

Пробираясь сквозь заросли и карабаясь по утесам, путники добрались вскоре до одного места на склоне. Здесь была тенистая зелень, журчал ручей, цвели удивительные цветы и благоухали травы. На деревьях резвилась стая макак. Они то с криком гонялись друг за другом, прыгая и раскачиваясь на ветках, то рвали плоды, то усаживались ловить блох. Тут был их мир. Когда ветки вдруг зашевелились, макаки мгновенно насторожились. Малыши бросились к матерям, спрятались у них на груди и затихли, с любопытством выглядывая наружу.

При виде людей вожак стаи раскрыл пасть и обнажил острые зубы, а потом с громким криком ринулся в их сторону. За ним толпой бросились все обезьяны.

Увидев это наступление, Человек Беспредельного Дао не мог удержаться от смеха. Обернувшись он сказал: «В странствиях по Эмэю обезьяны всегда развлекают, только пугать их не надо». Остальные сосредоточились и ухватились покрепче за свои котомки. Между тем обезьяны, поняв, что людей мало, стали их окружать. Пришлось путникам пускать в ход мастерство левитации. Они рванули вперед и через мгновение оказались на высокой скале в нескольких десятках метров от этого места. Одураченные обезьяны кинулись было вслед за ними, только где же им было их догнать?

Ван Липину обезьянки показались забавными, он толкнул вниз камень, лежавший возле него. Обезьяны решили, что на них нападают и снова с криками бросились на них, да так быстро, что путникам пришлось вспрыгнуть на дерево. Обезьяны последовали за ними и стали прыгать с ветки на ветку, да только противников там уже не было, они незаметно спустились и стояли уже в сторонке. Обезьяны в конце концов утомились и угомонились, признав поражение, а путники, посмеявшись, двинулись дальше.

Они остановились у подножия утеса. Внизу под их ногами плыли разорванные облака. Утес был высотой в добрую сотню метров, кое-где росли на нем удивительные деревья и лианы. Цепляясь за стволы лиан, кусты и траву, они полезли в лоб на вертикальную скалу. Там, где растений не было, приходилось искать расщелины и вмятины в камнях, вжиматься в скалу всем телом.

На середине подъема они вдруг услышали наверху чей-то голос, прозвучавший гулко, словно большой колокол: «Пришли дорогие гости, упустил возможность встретить их далеко от дома!»

Ван Липин поднял голову и посмотрел вверх. Там, среди облаков, цеплявшихся за макушку утеса, стоял на ветру даос с длинной бородой в развевающихся одеждах, похожий на небожителя. Горный ветер спирально поднимался снизу вверх, а этот даос посылал звуки своего голоса против ветра! Без сомнения, это был человек необычный.

Вскоре путники выбрались на вершину. Здесь даос встретил их и пригласил в свою пещеру. Обе стороны обменялись церемонными приветствиями и расселись в порядке старшинства.

И действительно, даос оказался человеком совсем не обычным. Это был 118-летний отшельник, давно живший на Эмэе в уединении. Его монашеское имя было «Человек Дао Странствия с Облаками». Хотя годами он был старше всех остальных, но даосом стал позже, чем Учителя-Отцы, а потому велел Ван Липину называть себя Учителем-Дядей. Этот даосский святой жив и до сих пор, сейчас ему 139 лет. Раз в три года г-н Ван Липин непременно выбирает время, чтобы навестить Дядю.

Человек Дао Странствий с Облаками уже пять или шесть десятков лет не спускается с гор. В последний раз он сказал Ван Липину, что раньше люди подымались в гору верхом или на носилках, а сейчас подымаются, сидя на круглых ногах. При этих словах он нарисовал рукой окружность, и Ван Липин догадался, что речь идет об автомобильных колесах. Ван Липин пригласил его спуститься вниз, походить, посмотреть на жизнь. Но старик решительно отказался: «Нет, с этой горы спускаться нельзя».

Порвав с миром и живя в глуши гор, почтенный даосский небожитель не обращал никакого внимания на хаос в Поднебесной, на все тревобления суетного мира. Он был с головой погружен в единственное дело – совершенствование в Дао.

Лао-цзы говорит: «В действии учеба каждый день что-то прибавляет, а Дао в действии каждый день что-то убавляет, убавленное еще больше убавляется. и так доходит до недеяния, отсутствуют деяния, а нет ничего несделанного». Учеба состоит в накоплении, надо накапливать ежедневно, ежемесячно, тогда только можно стать всезнающим эрудитом. При совершенствовании же в Дао целью является покой, здесь главное – сохранить единое, «закрывать свой вход (рот), затворить свои врата (глаза)», прекратить суетные мысли. В безмыслии и бездумье сущность в полноте ясности, когда все утихает, появляется мастерство. Достигнешь таких высот, ум станет как светлое зеркало или ясная луна, все сокровенные, чудесные, таинственные принципы Тьмы вещей космоса будут ясно видны сидящему в пещере. Отсюда и слова: «Не выходя из дверей, знает Поднебесную, не выглядывая в окно, видит Небесное Дао».

За горами есть еще горы!

Велика Поднебесная, и в ней всегда есть высокие люди.

Великая прямота подобна кривизне, великая ловкость подобна неискренности, великое красноречие подобно косноязычию, великая мудрость подобна глупости..

И есть еще такие люди, с глазом мудрости, распознающим истину, не болтающие о мучениях и страданиях, а проходящие тысячеверстные пути, поднимающиеся на отвесные горы, чтобы посетить Истинное на Абсолютной Вершине, спросить о Дао у хранителя пещеры. Это значит, что подобное притягивается к подобному и люди ищут себе подобных.

Человек Дао Странствий с Облаками, всей душой радовавшийся появлению Ван Липина, представителя молодого поколения, рассказал ему потом одну историю, случившуюся с ним давно.

Это было несколько десятилетий тому назад, Поднебесная тогда тонула в смуте, ни конца ни краю ей видно не было. В такие времена всегда выныривают новые люди, вынашивающие грандиозные планы..

Хотя дела в Поднебесной, где сталкивались разные силы, шли все хуже, здесь, на Эмэе, вдали от суетного мира, по-прежнему царил покой. Каждый день, как и раньше, слышались звуки древних колоколов и деревянных рыб, по которым монахи отбивали такт во время молитв, виднелись дымки, курящихся в кумирнях свечей, по всем тропинкам непрерывной нитью тянулись паломники.

Человек Дао Странствий с Облаками, сидя в своей пещере и зная, что беспорядок в суетном мире будет тянуться еще долгие годы и месяцы, каждый день предавался совершенствованию в покое, а в оставшееся время ходил далеко в горы, в безлюдные места, где собирал целебные цветы и травы, знаменитые горные снадобья, а также и дикие плоды, которыми питался. Во время редких и неожиданных дождей с ветром ему случалось иногда найти место, откуда можно было созерцать фиолетовое сияние Будды, которое бывает только на Эмэе. Он бродил, куда глаза глядят, пути его были неисповедимы, редко кто и тень его видел, и никто не знал, что на этой знаменитой горе живет в отшельниках человек, сопричастный миру небожителей.

Однажды во время ночной медитации у Человека Дао Странствий с Облаками появилось странное предчувствие. Он знал, что днем его посетят два важных лица и что не принять их нельзя, так назначено судьбой.

Он стоял в лесу, занимаясь дыхательными упражнениями, когда на склоне горы показался человек. Старый даос понял, что пришел первый, и не стал «закрывать щитом», превращаясь в невидимку, но в сторону пришельца не смотрел и по-прежнему с закрытыми глазами вбирал в себя шэнь.

Пришелец был лет сорока с лишним, очень рослый, с широкими бровями и величественными манерами, одет в серую куртку из грубой материи, очень просто, но от него веяло смелостью и энергией.

Увидев на вершине горы среди леса старика с румяным лицом и седыми волосами, который занимался циркуляцией ци, пришедший тотчас понял, что это человек необычный. Он направился прямо к нему, очень вежливо поклонился и сказал: «Дао вечно, небожитель спокоен».

Человек Дао Странствий с Облаками чуть приоткрыл глаза, остро взглянул на него и с усмешкой сказал: «Великий поход, устали в дороге»¹.

При этих словах сердце пришельца встрепенулось, но виду он не подал.

«Позвольте спросить, может быть, почтенный наставник – Человек Дао Странствий с Облаками?»

«Бедный даос действительно зовется так».

«Смею утрудить преждежденного просьбой сказать о делах государства».

«За расцвет и упадок Поднебесной отвечают государственные мужи. Бедный даос не обладает талантами, живет уединенно в глуши гор, о мирских делах не слышит, что может сказать о государственных делах».

«Над страной беда, весь народ будет страдать от нее. Преждежденный пережил много расцветов и упадков, много видел и много знает, прошел поперек все небо и землю, сердцем проник в сокровенные их пружины, и далеко и близко известно его имя, все в мире почитают его. Надеюсь, что не станет отговариваться, прошу сказать что-нибудь».

«Если восток не светел, светло на западе, затемнился юг – есть еще север. На северо-западе может родиться, на северо-востоке может двинуться вперед.² Благодаря огромному таланту и великой стратегии правителя гигантские планы могут развернуться, великое дело может совершиться, не мешало бы бедному даосу погадать подробнее».

Даосский небожитель из горной глуши и великий блестящий талант – они говорили утром на Эмэе, говорили о небе и земле, о реках и горах, о будущем государства, о расцвете и упадке нации, говорили кратко, только о самом важном, но сказанное полностью совпало. Гость был рад и иногда весело смеялся.

В конце он сказал: «Глубокий невежда получил просвещение, много узнал полезного. Но дел очень много, приходится прощаться». Сложив руки перед грудью, он совершил поклон и удалился. Человек Дао Странствий с Облаками проводил его взглядом.

Затем он отправился в лес на другую гору, чтобы там в спокойном месте заняться пестованием шэнь. И тут вдруг появился еще один человек. Лет около пятидесяти, высокий, стройный, прямой, как палка, одет в военную форму, видом важный, со строгим лицом и пронзительными глазами.¹ Этот человек долго жил внизу и часто ходил в гору на прогулку. А нынче решил посетить даосского небожителя, вот только не думал, что встретит его в этом месте.

Встретившись, они церемонно поклонились друг другу. Пришелец тоже попросил Человека Дао Странствий с Облаками коротко сказать о великих делах Поднебесной.

«А как по Вашему, сударь, можно умиротворить Поднебесную?» – в ответ спросил его Человек Дао Странствий с Облаками.

«По моему непросвещенному мнению, главное состоит в „Великом Учении“ („Да сюэ“). Дао Великого Учения в просветлении светлого Дэ, в любви к народу, в том, чтобы следовать высшей разумности. У вещей есть корень и верхушка, у событий есть начало и конец. Будешь знать первое и второе – приблизишься к Дао. Расставить все вещи по своим местам, сделать мысли разумными и сердце правильным, усовершенствовать себя и устроить семью – и Поднебесная упорядочится. Важнейшее из важных – исчерпывающе применять эти принципы в том месте, где события и вещи только начинаются, обнаруживать их в тот самый момент, когда происходит первое движение мысли».

«Хорошо. В Китае есть старинное учение о единстве Неба, земли и человека. Оно составляет корень конфуцианства, даосизма и буддизма, которые взаимно дополняют друг друга. Отсюда же исходит и учение г-на Сунь Ятсена о Трех Народных Принципах, эта новая волна нашего времени. Небо движется по закону Дао, кто следует ему, тот процветает, кто идет против – погибает, это неизменный принцип. Что же касается великих дел

Поднебесной, – что долго было в соединении, непременно разделится, что долго было разделено, непременно соединится, это формула циркуляции».

«Мэн-цзы сказал: „В Небе не бывает двух солнц, у народа не бывает двух царей“. В таком смысле?»

«Разделение раздваивает, соединение приводит к единству. Перемены не останавливаются, все непрерывно меняется, как черты гексаграмм в движении по кругу. Самое мягкое в Поднебесной одолевает самое крепкое в Поднебесной. Знающий свою мужественность сохраняет свою женственность. Знающий свою славу сохраняет свой позор и может служить для Поднебесной долиной горного ручья».

Пришелец, поняв, что Человек Дао Странствий с Облаками перечисляет его недостатки, не хотел больше слушать и нетерпеливо спросил:

«Прошу сказать о делах будущего».

«Когда на Юге разгорается Огонь, порождается расцвет Воды».

Видя, что общего языка не найти, пришелец распрощался и спустился с горы.

Досказав историю, Человек Дао Странствий с Облаками сказал:

«То, что два человека в один и тот же день поднялись на гору, чтобы посетить меня, само по себе это необычно. Я все рассказал о Небесной Пружине, а далее все должно было проверяться на опыте. С тех пор я скрываюсь, никому больше не показываюсь и не спускаюсь с горы. Больше говорить нельзя, скажешь больше – непременно будет вред. И нынешние бедствия, дойдя до критической точки, начнут исчерпываться».

Ван Липин, затаив дыхание, слушал рассказ столетнего Учителя о делах прошлого, и в душе его росло уважение к нему..

Человек Беспредельного Дао сказал: «Каждый из этих двух лиц возглавил одну сторону, и Поднебесная на время умиротворилась. Такие великие смуты, как сейчас, в китайской истории бывали редко. С тех пор как Цинь Шихуан объединил Поднебесную, порядок и смуты чередовались, шли попеременно. Как я смотрю, на протяжении всей истории расцвет был лишь тогда, когда были совершенномудрые правители, да светлые государи. А еще нужны для этого новые законы и строгая дисциплина, нужно, чтобы чиновники защищали народ, чтобы расцветали все ремесла, защищался бы великий покой, распространялось бы везде правильное ци. Если управление идет по правильной колее, смута сама по себе расцвести не может».

Здесь Ван Липин спросил: «Хотелось бы услышать, что уважаемые наставники скажут о Дао управления страной».

Человек Беспредельного Дао сказал: «Пути управления государством подразделяются на несколько видов – управление, основанное на человеке, на законах, на принципах, на Дао. Управление, основанное на человеке, существовало, когда Небо и земля только разошлись, когда жизнь народа только начиналась, по природе она была простой и чистой, желания тоже были простейшими. В то время были совершенномудрые ваны, которые личным примером вели народ к соответствию с Небом и землей, и государство само умиротворялось. Управление на основе законов – это когда общество уже развилось, появились ремесла, народ разделился на служилых, земледельцев, ремесленников и торговцев, на Три Религии и Девять Течений, жить стали смешанно, началось разделение труда, желания возросли и стали нечистыми, Путь управления государством перешел в колею законов и дисциплины, без этого управлять нельзя. При управлении на основе законов законы должны быть рациональными, должны быть авторитетными, и им должны доверять, а управление должно быть строгим. И чиновники и народ должны подчиняться одним и тем же законам, двойственности законов не должно быть. Лао-цзы сказал: „То, что спокойно, легко держать; то, признаков чего еще нет, легко рассчитать; то, что хрупко, легко сломать; то, что мелко, легко рассеять. Делай это, пока еще не появилось, упорядочивай, пока еще нет смуты“. Когда общество доходит до такого этапа, оно уже очень сложно. Если по-прежнему управлять, основываясь на человеке, трудно избежать смут, если управлять на основе законов, полный успех тоже не обеспечен. Тут необходимо появление управления на основе принципов, тогда

только может получиться успех. Управление на основе принципов требует, чтобы и правители и управляемые ясно понимали принцип „Сохраняются люди – расцветает государство“, а когда законом становится принцип, а не образец, государством легко управлять. Управление на основе Дао – еще более высокий горизонт, это воспитание народа с помощью Дао, возвращение к простоте и истинности. Человек тут един с Небом и землей, действует по законам без всяких законов, управляет, не управляя. Лао-цзы сказал: „Как говорит небожитель, если у меня нет деяний, народ сам изменяется, если я люблю покой, народ сам становится правильным. Если у меня нет служения, народ сам богатеет, если у меня нет желаний, народ сам опрощается“. Управление с помощью недеяния – это и есть управление на основе Дао. Это самый высокий этап развития общества, когда управление государством достигает высших границ.

Человек Дао Странствий с Облаками слушал, поглаживая бороду рукой, и под конец сказал: «Управление на основе Дао бывает только в мире небожителей. Неизвестно, сколько лет еще пройдет и сколько еще бедствий придется перенести нашему государству и народу, пока управление на основе Дао станет известно в этом мире».

Слушая рассуждения двух стариков о Дао управления государством, Ван Липин думал о своем когда-то полученном опыте и понимал глубину этих суждений. Это еще больше укрепило его решимость совершенствоваться в выплавлении.

Глава четырнадцатая Сны космоса

Учителя с учеником прожили на Эмэе несколько дней. Они беседовали с Учителем-Дядей о Дао и приемах мастерства, и между ними установилась глубокая симпатия. Учитель-Дядя и Ван Липин встретились впервые и разница в их возрасте составляла сто лет, но даосы всегда остаются истинными детьми. Учитель-Дядя полюбил юношу, он брал его с собой в разные неприступные и удивительные места Эмэя и учил приемам самосовершенствования. И Ван Липин в общении с ним не чувствовал никаких «возрастных барьеров» и всегда просил старика поучить его.

А потом путники распрошались с Человеком Дао Странствий с Облаками и снова отправились в дорогу. Путь их лежал на восток, они посещали священные места, занимались самосовершенствованием, совершали добрые дела, посещали небожителей, и подобных событий было такое множество, что нет возможности все их описать.

И вот, после долгих странствий наступил наконец день, когда они пришли в то место, где три старика жили раньше, на стоящую у моря гору Лаошань.

Они не были здесь семь лет.

Гора была все та же, все то же было море. Морские волны, накатываясь одна за другой, ударялись о подножье горы, горный ветер шумел в соснах на ее склонах. Все было здесь для стариков знакомым и родным. Но в душе не было прежней радости, наоборот, они ощущали сильную тревогу..

Монастырь Тайцингун (Дворец Великой Чистоты) был не тот, что раньше. Монахи разбрелись неизвестно куда. Во всех других монастырях и храмах видны были следы погромов. Не осталось монахов-отшельников даже в пещерных кельях на крутом склоне, где редко ступала нога человека. Уже по одному этому можно было судить о масштабах и глубине бедствий, охвативших страну.

Путники подошли в пещере Вечной Молодости. У входа в нее разрослись молодые лианы, а внутри было темно. Они вошли. Человек Дао Чистой Пустоты зажег масляный светильник и смахнул пыль с хранившихся здесь ритуальных принадлежностей. Он сказал Ван Липину, что это то самое место, где когда-то совершенствовался в выплавлении патриарх Цю, а потом и они все трое. Ван Липин помог Учителю навести в пещере порядок.

Дед-Учитель расставил в ряд таблички душ патриархов и воскурил перед ними свечи. Все вместе совершили церемонию поклонения. А когда она закончилась, Ван Липин

предложил старикам отдохнуть.

Старики оглядывали пещеру, все было до боли знакомо, со всех сторон нахлынули чувства. Невольно вспомнилось, как семь лет назад начался отсюда их путь в тысячу верст и много месяцев, путь на поиски преемника. Сколько за эти годы было трудностей в воспитании ученика, сколько перемен в суетном мире, сколько народных страданий, погром буддизма и даосизма, да всего и не перечислить. Но душам предков они с чистой совестью могли сказать, что в эти страшные годы, скрываясь и таясь, они все-таки вырастили и воспитали Восемнадцатого Транслятора, тысячелетняя мудрость Школы Драконовых Ворот Полной Истинности, Драгоценность Духа этого мира будет жить, будет передана, развита и наполнена светом. Среди всех несчастий это было великое счастье, и, глядя на юного ученика, старики не могли удержать горячих слез.

Ван Липин хорошо понимал, что творилось в их душах. Он поклонился каждому из них, и глаза его тоже покраснели. Потом, чтобы разрядить настроение, взял Деда под руку и вывел его наружу. Вслед им вышли и Отцы-Учителя.

Ван Липин обмахнул рукавом большой плоский камень и шутливо поклонился Деду: «Великий муж покорнейше просит почтенного Учителя присесть». Человек Дао Чистого Покоя сразу подхватил: «Этот хитрый обезьяненок всегда такой скользкий, словно угорь, намазанный маслом. А сегодня он что-то смахивает на важного сановника на государственной церемонии. Надо нам всем держать ухо востро».

Сказал–и облачко грусти словно ветром сдуло, все развеселились. Ван Липин подвинулся к Человеку Дао Чистого Покоя и, обметая сиденье для него, заметил: «Учитель, если я заслужил такую славу, то ведь иначе и быть не могло. В древности говорили, что если сын невоспитан, это вина отца».

Человек Дао Чистого Покоя уселся на камень. «Учитель, – обратился он к Человеку Беспредельного Дао, – Ты только послушай, это что же значит? Ведь всех нас воспитывал ты».

Подмигнув, Человек Беспредельного Дао ответил «А что тут такого? Я только слышал, он сказал, что ты его хорошо учил, а ты говоришь, что я хорошо учил, так что все правильно.» Ван Липин от восторга всплеснул руками.

Они купались в море солнца и ветра, одна только шутка – и все здесь снова стало их миром.

Человек Дао Чистого Покоя повернул разговор: «А теперь, Юншэн, пора показать тебе нашу, Трансляторов Школы Драконовых Ворот, реликвию». Он протянул руку ко входу в пещеру, и оттуда тотчас выползла белоснежная черепашка.

Глаза Ван Липина сверкнули, он тотчас хотел схватить ее, но Человек Дао Чистого Покоя удержал его: «Не трогай!»

Черепашка была маленькая, размером всего в ладонь, но ползала быстро. И поползла она прямо к Человеку Беспредельного Дао, вскарабкалась по его одежде наверх. Он вытянул вперед руку, черепашка забралась в ладонь и в ней остановилась, только вытягивала шею, да терлась о кожу, словно ласкалась.

Человек Беспредельного Дао отпустил ее и она поползла к Человеку Дао Чистого Покоя. Тот не стал ждать, пока она на него взберется, взял ее в руки, она снова залезла в ладонь и приласкалась. Человек Дао Чистого Покоя поднес руку к щеке, черепаха стала тереться головой о щеку, как будто шептала что-то тихонько ему на ухо. Он отпустил ее с радостным смехом. Теперь настала очередь Человека Дао Чистой Пустоты. Черепаха вскарабкалась на него и приласкалась, а он тоже будто что-то ей шепнул и опустил на землю.

Белая черепаха подняла голову и посмотрела в сторону Ван Липина, а потом быстро-быстро поползла к нему, взобралась на колени и заворочалась, словно чего-то ища. Ван Липин тоже протянул ей ладонь, и вползши в нее черепаха затихла, будто давно-давно его знала.

Видя все это, старики одобрительно кивали головами.

Человек Беспредельного Дао сказал: «Священная черепаха одухотворена. Она знает,

что хотя ты пришел сюда впервые, ты из нашей семьи, она ждала тебя тоже как старого друга».

Учитель-Дед велел Ван Липину положить черепаху на камень и хорошенько рассмотреть, как она движется. На камне черепаха застыла без движения, как в медитации. «Посмотри, в каком направлении солнце? А куда повернута голова черепахи?»

Посмотрел Ван Липин – солнце на юго-востоке, и черепаха сидит головой на юго-восток..

Учитель-Дед велел повернуть ее головой к северо-западу. Но она тихонько повернулась обратно. И так несколько раз, голова всегда была направлена к солнцу. И Ван Липин подумал, что у черепахи действительно есть душа.

«Лет этой черепахе больше, чем нам всем четверым вместе взятым, – сказал Дед. – Она старая, ей около семисот лет». Ван Липин невольно ахнул.

А Дед продолжал: «Это реликвия Школы Драконовых Ворот, передающаяся Трансляторами из поколения в поколение. До меня она передавалась двенадцать поколений, 680 лет. Эта черепаха впитала квинтэссенцию солнца и луны и сладкую росу Неба и земли, она слилась с природой в одно и умеет гармонировать с Дао. Секрет долголетия в том, чтобы всегда чувствовать Дао, каждодневно откликаться на космические метаморфозы. У этой чудесной реликвии люди многому могли бы поучиться».

Пока шел разговор, белая черепаха, как заметил Ван Липин, чуть шевельнулась и снова застыла головой к солнцу.

«Черепашки только после 360 лет обретают способность вращаться вместе с солнцем, – продолжал Дед, – но могут поворачиваться лишь на половину круга. А целый круг они могут делать после 720 лет. Прежние Трансляторы очень подробно описали все обстоятельства совершенствования этой черепахи, а позже, когда она перейдет к тебе, исследование будешь продолжать ты. Это одна из твоих важных задач».

Ван Липин степенно кивнул.

Учитель Чистой Пустоты указал рукой на спину черепашки и велел хорошенько рассмотреть, что там есть особенного.

Ван Липин внимательно взгляделся, и действительно, что-то показалось ему в узорах ее панциря необычным. Присмотрелся еще – узор представлял собой круг из восьми триграмм. «Да тут Восемь Триграмм! – невольно закричал он. – Это так и было или это сделали люди?»

Учитель Чистой Пустоты сказал: «Да если бы это сделали люди, что было бы в том удивительного? А вот то, что само собой получилось соответствие Восьми Триграммам, это чудо. И людям следует задуматься. Ведь Восемь Триграмм – откровение, полученное от природы. Еще вопрос – как рисунок Восьми Триграмм оказался на панцире черепахи? Тут надо вспомнить о более широких метаморфозах пространства, это влияние пространственных сил. В пространстве существует Шесть Направлений – верх-низ, перед-зад, лево-право, существуют силы каждого направления, существуют их метаморфозы, их группирование, их прямое и обратное действие, прирастание и подавление. Да плюс еще влияние солнца и луны на все живое, вот и получается Восемь Сил. Отпечатываясь на какой-то поверхности, они образуют форму двух крестов, наложенных друг на друга со сдвигом в 45 градусов и делящих плоскость на восемь секторов. Так Восемь Триграмм и получаются. Поэтому Восемь Триграмм надо понимать объемно, а не плоскостно. Изучение „Книги Перемен“ – это путь к началу понимания.

Учитель Чистой Пустоты легонько поднял белую черепашку и повернул брюшком вверх: «Посмотри, брюшко разделено на двенадцать частей, они тоже составляют единство, которое можно толковать через числа. Двенадцать – это Двенадцать „Земных Ветвей“, двенадцать месяцев, двенадцать двухчасий в сутках, двенадцать каналов и меридианов. Здесь тоже глубокая космическая подоплека. В этом отношении мы все ученики твоего Деда-Наставника, попроси его, чтобы он тебе пояснил».

«Мы все ученики этой белой черепашки, – сказал, услышав это Дед-Учитель, – так зачем спрашивать у меня, почему бы ее не спросить? Не слышали ли Вы, сударь, что сказано

в „Побуждении к учебе“ у Хань Юя: „Тот, кто родился раньше меня, должен был и о Дао раньше меня услышать“. Пока с нами эта чудесная черепашка, давайте будем хорошенько учиться у нее».

Дед-Учитель посадил черепашку на руку и, пристально в нее вглядываясь, сказал: «Прав был Человек Дао Странствий с Облаками, смута в Поднебесной, по-видимому, будет продолжаться еще несколько лет. И нам нельзя надолго оставаться здесь, придется опять странствовать».

«А как же быть с черепашкой?» – спросил Ван Липин.

«Она сумеет позаботиться о себе лучше, чем мы».

«Давайте возьмем ее с собой, ладно? У меня на одного Учителя будет больше».

«Ладно», – согласился Дед-Учитель и передал черепашку Ван Липину. Тот страшно обрадовался и потерся щекой о ее панцирь.

С тех пор в странствии с облаками появился еще один старейшина 680-летняя чудесная черепашка.

Они спустились с горы и взяли путь на север. От того, что с ними была черепашка, Ван Липину стало веселей.

Во время странствия, чтобы снаружи ни происходило, черепашка смирно лежала в дорожном мешке, так сказать, занималась самосовершенствованием в уединении. Но когда люди усаживались отдохнуть и выпускали ее, она наслаждалась вместе с ними. Она не ела, не пила, у нее не было испражнений, по-видимому, это уже было долгожительство с отказом от пищи.

Спустя несколько месяцев путники пришли на гору Даньай в уезде Пэнлай на северной оконечности полуострова Шаньдун.

Гора Даньай стоит у самого моря, она невысока, но красива какой-то изысканной красотой и окутана облаками и туманами. Напротив нее через залив виден остров Чаншаньдао, а к востоку – только безбрежный простор моря. Когда на востоке встает солнце, вода в море и небосвод одного цвета, а красное светило висит в середине, получается невероятная картина. В безветренные дни мелкие волны легонько лижут песок и гальку у подножия горы, словно мать ласкает своего младенца. Отвесные утесы словно вырезаны ножом, а когда задувает северный ветер, наталкиваясь на утесы, он поднимается вертикально вверх, и стоящие на утесе люди его почти не чувствуют.

На вершине горы построена беседка, это повсеместно знаменитая беседка Пэнлай, названная так по имени легендарного Острова Бессмертных. Она пользуется очень большой популярностью. Так как море и небо здесь «смыкаются», когда временами ее окутывают облака с моря, она действительно становится похожа на остров небожителей из другого мира. Видно отсюда очень далеко, влажный морской ветерок ласкает лицо и вдохновляет сердце, появляется такое ощущение, что ты и сам Бес смертный, оставивший бренный мир, позабывший всю его грязь.

С юго-восточной стороны у подножья утесов находится знаменитый Водный городок, построенный полководцем минской эпохи Ци Цигуаном для обучения моряков. Несмотря на то, что прошло с тех пор несколько веков, городок еще сохраняет свой первоначальный облик.

Пэнлай – это остров, образовавшийся в древности. В эпоху Тан он пользовался необыкновенной славой, в эпоху Мин играл роль важного стратегического пункта мореходства, в новое же время потерял былое значение. А вот слава беседки Пэнлай не уменьшается, это место, куда стремятся все туристы.

И вот Учителя с учеником тоже пришли сюда, но в отличие от обычных туристов, пришли не ради этих достопримечательностей, а совсем ради другого.

Во время хунвэйбинского «выметания вон» даосский монастырь на горе был разгромлен. Путники не пошли туда, не пошли они и к беседке, а выбрали на вершине место для медитации и, усевшись лицом к голубому простору, погрузились в созерцание.

Море для людей всегда остается неизмеримо глубокой тайной.

А то, что путники хотели увидеть над морем, было еще более неизмеримой тайной.

Они сели в ряд на землю, закрыли глаза и, сконцентрировав шэнь, начали делать посылы. Постепенно глаза широко раскрылись, руки вытянулись в сторону моря и начали подниматься вверх, тело задрожало мелкой дрожью, почти незаметной, в процессе этого некая могучая сила была послана вдаль к поверхности воды.

Человек Беспредельного Дао начал читать заклинания, вызывая к действию силы сверхъестественные.

Белая черепашка неподвижно лежала рядом с Ван Липин, она тоже ждала метаморфоз поверхности моря.

Поначалу там не было видно чего-нибудь необычного. Небольшие волны, морские испарения, создающие туманную дымку.

Вскоре туман начал густеть и мало помалу превратился в плотную завесу. А на туманном экране началось движение, возникли какие-то силуэты, картина то несколько прояснялась, то затуманивалась вновь. Вот горы, вот дворцы, вот лошади с повозками, а вот и люди, все дрожит, мерцает, меняется, словно во сне.

Все четверо сосредоточенно вглядывались, чтобы разглядеть детали этой призрачной картины, не упустить ее метаморфоз, старались прочувствовать и понять ее.

Поначалу картина напоминала утонченный пейзажный свиток китайской живописи, но потом изображение изменилось, словно порыв ветра унес облака. На экране проступила крутая горная вершина. И вдруг она перевернулась. И люди, сталкиваясь, словно в бурном потоке, тоже перевернулись и зависли над телегами и лошадьми. А гора превратилась в несколько изящных и высоких дворцов, которые стали быстро таять и исчезли, как дым. Вдруг опять появились облака, из них выступил парусник, вокруг него были не волны, а что-то вроде стада баранов, потом показался человек, погонявший их кнутом. У парусника выросли два крыла, одно очень длинное, другое удивительно короткое, будто обломанное.

Все уплыло. Возник южный пейзаж, залитые водой поля, разделенные на аккуратные квадратики, домики под черепицей, буйволы на полях, дети, играющие у деревни, картина спокойной счастливой жизни. Домики во мгновение ока превратились в автомобили и умчались в туман, исчезли в никуда.

Учителя и ученик убрали посыл, призрачные картины над морем исчезли без следа. Море по-прежнему было спокойно и тихо, небо сияло голубизной, как и раньше, под лучами солнца сверкала морская зыбь.

Старики выглядели озабоченно, и Ван Липин, не понявший истинного смысла содержащейся в призрачных картинах информации, смотрел на них тревожно и вопросительно.

Человек Беспредельного Дао положил на ладонь чудесную черепашку, долго смотрел на нее, потом на море, будто что-то вспоминал. Ища ниточку, ведущую к пониманию, он погрузился в глубокое раздумье.

«Не посмотреть ли еще раз?»—предложил Наставник Чистая Пустота. Человек Беспредельного Дао кивнул.

Все четверо снова начали посыл, с моря поднялся туман и опять появились картины. Призрачные, мерцающие, эфемерные. Горы, вода, рисовые поля, деревенские жилища, беседки, люди, птицы, животные. Снова и снова сцены и сплетающиеся из них события. И вот опять перевернутая вверх ногами толпа, рассыпающиеся дворцы, реки, похожие на облака. Старики обсуждали увиденное, смысл призрачных видений понемногу прояснялся. И Ван Липин, слушая их, тоже начинал кое-что понимать.

Оказалось, что картины передавали информацию о «Небесной Пружине», о будущих общественных метаморфозах.

Читатель может вспомнить здесь о загадочных явлениях, называемых часто «миражами». Наука понимает «миражи» чисто физически, то есть целиком остается в Нижнем из Трех Миров. Она анализирует их появление с точки зрения оптики, например, говорит, что водяные пары в воздухе должны распределяться равномерно. водяные капли

должны быть овальными и т.п. Но чтобы пейзажи далеких мест, пронизав этот слой тумана, отразились обратно, нужны еще и другие серьезные метеорологические условия. Поэтому, с точки зрения физики, миражи не то чтобы не могут возникнуть, но возникнуть им очень трудно. Если в одном месте возникло «отражение», в другом обязательно должна быть «реальность», иначе объяснить нельзя.

Даосы не «объясняют» эти «миражи», а «вызывают» их. Объяснения же требуют смысл проявляющихся призрачных картин.

Г-н Ван Липин сказал, что старики-даосы почти каждый год приходят на берег моря «ставить» и смотреть картины, и смотреть их можно столько времени, сколько нужно. Это вовсе не «редкость, которую не встретишь за тысячу лет», их можно вызывать в любое время. Люди этому не верят, но это можно подтвердить экспериментально. А вот смысл показанных «картин» может быть прочитан только благодаря богатым знаниям и опыту.

Еще в Фушуне старики научили Ван Липина приему «поднимания картин с воды». Было это на большом водохранилище к востоку от города, на берегу которого на солнышке он часто занимался тренировкой. Из-за небольшой поверхности воды прием было отрабатывать трудно, картины получались нечеткие, сам он видеть их мог, но не был уверен в том, что они видны другим. А теперь, перед безбрежным морским простором можно было развивать свое мастерство, и тут уже наступила большая ясность, тем более, что посыл совершали все четверо одновременно. В общем, с вызыванием картин проблем не было.

Обсуждать эти чудесные явления можно долго, но, если держаться за нынешний уровень знаний и методов, они навсегда останутся «загадкой».

Пусть ощущения говорят, что все пусто, пустота эта не пуста. Космос – это многомерный мир.

Авторы книги спросили, почему же такое, на взгляд обычных людей, исключительное явление, как мираж, может скрывать в себе, да еще и демонстрировать тайны социальных метаморфоз?

«Это сны космоса», – с улыбкой ответил г-н Ван Липин.

Эти слова, как по волшебству, прояснили сущность проблемы.

Транс, вокруг все туманно-неясно, но в голове ясность необычайная. Все, что мы видим, преобразилось. Небо и земля, верх и низ, солнце, луна, звезды, острые пики гор и долины, реки, озера, моря, цветы и травы, звери и птицы, ветер, гром, молния, снег, дождь, лед, иней, весна, лето, осень, зима, утро и вечер, холод и тепло, власть, аристократия, чернь, народ, мужчины и женщины, старые и малые – все это течет, смешивается, разделяется, превращается в призраки, нет ни верха, ни низа, ни переда, ни зада, ни левого, ни правого, ни прогресса, ни регресса – один гигантский водоворот засасывает, а потом выплевывает все это. Это кажется хаосом, но в этом есть какой-то порядок.

У космоса есть свое собственное мышление, своя духовность и бесчисленное количество особых языков.

Земля мала, как песчинка, этот космос тоже мал, как капля воды. У всех есть свой организм, у всех есть свой головной мозг. И этот мозг видит «сны».

Все человеческое тождественно космическому. Истоки человека – в космосе.

У человека сны человеческие, а космос видит космические сны. Люди, владеющие мастерством, могут видеть сны других людей, могут видеть и «сны» космоса. И они понимают и те и другие сны.

В «Си цы чжуань», комментариях к «Книге Перемен», говорится:

Небо поднялось ввысь, Земля опустилась вниз, были установлены триграммы Цянь и Кунь, низкое и высокое тем самым расставлены по местам, благородство и подлость установлен, движение и покой обрели постоянство, твердое и мягкое разделены. Когда сходное собирается по подобию, вещи распределяются по группам, рождаются счастье и несчастье. Небо создает образы, земля создает формы, метаморфозы становятся видны.

И еще говорится:

Совершенномудрый человек создал гексаграммы для наблюдения образов, добавил к

ним слова, чтобы прояснить счастье и несчастье. Твердое и мягкое друг от друга отталкиваются и рождаются метаморфозы. По этой причине счастье и несчастье – образы потери и получения, раскаяние и жадность – образы беспокойства и тревоги, метаморфозы – образы наступления и отступления, твердое и мягкое – образы дня и ночи. Движение шести черт – Дао трех пределов. По этой причине когда благородный муж спокойно сидит на мест, – это пролог перемен. Что радует и забавляет – это афоризмы к чертам. По этой причине благородный муж сидя в покое, созерцает эти образы и забавляется этими афоризмами. В движении же созерцает их метаморфозы и забавляется гаданием по ним. Потому с Неба ему идет помощь, удача всегда ему сопутствует.

«Книга Перемен» говорит о «созерцании», как о пояснении загадки космоса и человеческой жизни, это можно назвать высшей степенью созерцания.

Корнем космоса является беспредельный хаос, смешанность кома. Затем хаос разделяется в первый раз, полагается начало Инь и Ян. разъединяется чистое и мутное, определяются места Цянь и Кунь. На небе появляются солнце и луна, звезды и планеты, ветер и облака, гром и молния. На земле появляются Восток, Запад, Юг и Север, горы и реки, озера и моря. Между небом и землей появляются летающие и плавающие, животные и растения, человеческое общество. Так расцветает Тьма вещей, все живое. В это время горы становятся горами, воды – водами, а человек – человеком. Среди всех них человек – чем дальше уходит от прошлого, тем хуже видит. Мудрец Чжан Голао, чтобы видеть прошлое ясно и общаться с необыкновенными людьми, скрытыми временем, всегда ездил на своем осле задом наперед. Такой у него был метод созерцания. Многие ученые тоже пользуются этим методом для выяснения происхождения нынешних событий.

Применив такой метод созерцания, даосы, во-первых, увидели самые истоки разных вещей, происходивших в то время, так как пышная крона большого дерева «начинается с корней». Во-вторых, увидели, что все происходящее не противостоит друг другу абсолютно, не изолированно друг от друга, что все взаимосвязано, что небо и человек находятся во взаимном соответствии, что они едины. В горе можно созерцать воду, а воде находить гору, в пейзаже можно видеть человеческое.

Есть одно лирическое стихотворение о любви, в нем говорится:

Сначала вылеплю Тебя,
Себя слеплю потом.
Тебя с Собой в комок сомну
И вылеплю опять.
Тебя опять, Себя опять.
. И будешь Ты тогда во Мне,
В Тебе же буду Я..

На вид это маленькое стихотворение примитивно, но в нем заключена великая философская истина, которая восхищает не только тех, кто любит людей, но и тех, кто любит природу.

Даосы же в этом месте опять копают глубже, развивают шире, на месте обычного они видят чудесное, в морских испарениях прозревают социальные метаморфозы.

Вы говорите, что это невероятно?

Если вы поймете теорию единства Неба, земли и человека, теорию взаимосоответствия Неба и человека, то сможете прозреть заложенную в этом истину.

Глава пятнадцатая **Дао дает образец спонтанности**

После наблюдения миражей на Пэнлае Учителя и ученик сели на кораблю и по морю приплыли в Льюшунь (Порт-Артур), а потом по восточной стороне полуострова Ляодун

направились к северо-востоку.

Когда, сбивая с деревьев пожелтевшие листья и кружа их в воздухе, задули поздние осенние ветры, путники вступили в горы Чанбайшань.

Однажды, проходя по березовой роще, где вся земля была устлана толстым ковром листьев, они услышали за ветром чей-то жалобный зов. Повернули на голос и совсем неподалеку на усеянном глыбами камней склоне горы увидели огромную березу. Под ее расщепленными корнями обнаружился вход в нору. Звуки раздавались оттуда.

Наставник Чистая Пустота сказал: «Это волчье логово, а внутри голодные волчата».

Ван Липин очень заинтересовался. Нагнувшись, он приложил ухо к норе— что там внутри? Почуввав неладное, волчата затаились. Ничего не услышав, Ван Липин собрался было пошарить в норе суком дерева, но Наставник Чистая Пустота остановил его и пододвинулся к отверстию. Два коротких звука, какими волчица призывает волчат, — и в логове тотчас произошло шевеление. Вскоре из отверстия показался пушистый серый волчонок. Оглядевшись по сторонам и обнаружив, что матери нет, он проворно развернулся, чтобы юркнуть обратно. Но Ван Липин тоже был проворен. Он мгновенно ухватил волчонка за шиворот и, очень довольный, сунул его себе за пазуху. Муж Беспредельного Дао, с улыбкой поглядев на Человека Дао Чистого Покоя и Человека Дао Чистой Пустоты, сказал: «Ну, вот и настала ваша очередь поразвлечь Юншэна.»

Младшие наставники как раз об этом и подумали. Они предложили Ван Липину взять волчонка с собой и быстро удалиться от логова. Пустив в ход мастерство левитации, они во мгновение ока оказались уже далеко от березовой рощи.

Перебрались через два горных хребта, перешли замерзшую речушку и вступили в просторную долину. Мимо по дороге промчался грузовик, груженный лесом. Путники, не сговариваясь, вскочили в него и отдались на волю случая — куда-нибудь да привезет.

Они просидели в кузове всю вторую половину дня, грузовик за это время прошел, наверное, километров сто. Наконец Человек Беспредельного Дао мигнул, все четверо спрыгнули, легко приземлились и двинулись в гору.

На полпути к вершине обнаружилась ровная полянка, где росли вперемежку высокие ели, сосны и густой кустарник. Уже наступили сумерки, и все четверо присели на поваленный ствол сосны передохнуть и утолить голод сухими лепешками.

Волчонок заскулил от голода. Ван Липин разломил свою лепешку и стал кормить его, засовывая в рот по маленькому кусочку.

И вдруг раздался душераздирающий вой и из кустов выскочила огромная серая волчица. Увидев перед собой группу людей, она застыла в нескольких десятках метров от них. Ее глаза были устремлены на волчонка в руках Ван Липина, острые клыки ощерились, грудь тяжело дышала, а на брюхе набухли соски. Волчица готовилась к прыжку.

Ван Липин сделал посыл ци, готовясь к схватке. Но Дед-Наставник приказал не вредить волчице и сейчас же отпустить волчонка. Ван Липин легонько опустил его на землю, и он тотчас быстро пополз к матери. Волчица не стала ждать, пока он до нее доберется, — один прыжок, и она была рядом, схватила его зубами, повернулась и исчезла в лесу.

Не успел Ван Липин облегченно вздохнуть, как волчица снова возникла перед ним, и с видом гораздо более устрашающим, чем мгновение назад. Пригнув голову к земле, она издала долгий вой, и сейчас же один за другим издали ей откликнулись волчьи голоса. Поспешно оглянувшись, путники обнаружили, что со всех сторон их окружает множество волков, только и ждущих удобного момента для нападения.

Человек Беспредельного Дао выдохнул одно слово: «На дерево!» — и с возгласом «Соу!» все четверо оторвались от земли в тот самый момент, когда волчица бросилась на Ван Липина. Они сидели на дереве, а волки металась внизу, с угрожающим воем скаля вверх огромные пасти. Их было так много, что Ван Липин прямо-таки задохнулся от страха. «Как быть?» — спросил он Учителей. Те в ответ засмеялись, он не мог понять, чему. Человек Беспредельного Дао сказал: «Волков собрал ты, ты и думай, как заставить их уйти. Чего нас-то спрашивать? Старики устали, им надо вздремнуть немного, пользуясь свободным

временем». С этими словами он прислонился к ветке, закрыл глаза и, вроде бы, вправду уснул.

А два Учителя-Отца, поглядывая на беснующихся волков, тоже молчали.

Ничего от них не добившись, Ван Липин подумал: «Старики опять меня „подловили“. Ну, ладно, увидите, на что я способен, ни один отсюда не уйдет». Вслед за этим он сделал посыл Пяти Внутренних Смешанных ци и поднял правую руку.

«Не смей губить живое!» – услышал он голос Деда, а Наставник Чистого Покоя добавил: «Действуй в треть силы, оставь им жизнь».

Получив приказ, Ван Липин резко рубанул ладонью. Блеснула молния, самый большой волк и с ним два поменьше рухнули на землю бездыханно. Сердце у Ван Липина сжалось, он не думал, что сила будет столь велика, вот, убил трех волков, нарушил заповедь «не убий», совершил тяжелый грех.

Ван Липин использовал здесь знаменитый прием «Ладонь Пяти Громов». Этот прием действует мгновенно и с невероятной силой, но что в нем всего удивительнее, так это то, что существо, на которое оказывается воздействие, остается без каких-либо внешних повреждений, а проникающая внутрь чудовищная сила способна разрушить все внутренние органы. Прием ладони никогда не употреблялся даосами для нападения и убийства, он предназначен исключительно для обороны.

Человек Дао Чистого Покоя совершенствовался в приеме ладони много лет и соль своего искусства передал Ван Липину. Они вместе оттачивали свое мастерство и довели его до невероятной тонкости. Обычно, если прием сопровождается еще «Шагом Юя» и рука выкидывается вперед во время движения, сила удара становится еще более невероятной.

Но Дед приказал не губить живое с помощью этого приема. А Учитель-Отец всегда действовал в соответствии с этим приказом. Как-то раз во время урока он нечаянно поранил Ван Липина, так сердце его потом жгло, как огнем. Теперь Ван Липин впервые пускал в ход данный прием, и Человек Дао Чистого Покоя приказал ему уменьшить силу удара, чтобы не умертвить живого.

То, что три волка упали замертво, несколько не напугало стаю, волки лишь еще больше разъярились. Сверкая зелеными глазами, они прыгали вверх и грозно рычали. Использовать дальше прием ладони Ван Липин не посмел, он отломил ветку и бросил ее вниз. Сразу же подскочило несколько волков, ветка мгновенно была растерзана. Стая почувствовала свое бессилие. Несколько волков, опустив головы к земле, испустили долгий вой, на который горное ущелье ответило эхом. Появилось еще несколько волков, силы стаи крепки.

Видя, что Ван Липин поделать ничего не может, Человек Дао Чистого Покоя сказал ему: «Сдерживая свой гнев, мы приобретаем способ заставить врага отступить. Волки живут стаями, если одному грозит опасность, вся стая тут как тут. Так что при таком способе их все больше будет становиться, всех не перебеешь. Но у волков есть естественные враги, больше всего они боятся тигров, стоит только появиться тигру, как вся стая рассеется».

С этими словами Чистый Покой сделал знак Чистой Пустоте, оба они приставили ладони ко рту, набрали полную грудь воздуха и внезапно издали грозный рык, потрясший небо и землю, было такое впечатление, что стая тигров упала с неба. Волки на мгновение оцепенели, а потом, поджав хвосты и не оглядываясь, быстро разбежались.

В этом рыке заключалась огромная внутренняя сила, он был как удар грома, и эхо снова откликнулось ему издалека. Ван Липин почувствовал, что внутри у него все задрожало. Ну, и сила! Это еще почище «Ладони Пяти Громов»!

Человек Беспредельного Дао приподнялся и легко спланировал на землю. Ощупал у лежащих волков брюхо, приговаривая: «Ничего, ничего, к счастью, внутренние органы не задеты, они только оглушены». Затем с помощью посылы привел волков в чувство. Ван Липин заранее обегал все вокруг и за большим камнем отыскал волчонка. Он тоже лежал без чувств, оглушенный тигриным рыком. Ван Липин подложил его к матери, и увидев, что ко всем зверям постепенно возвращается жизнь, вздохнул с облегчением.

Старики при виде этого переглянулись и улыбнулись.

Уже совсем стемнело, когда они оставили это место, чтобы поискать пристанища на ночь.

На другой день, вспоминая вчерашнее, Ван Липин попросил Отцов-наставников научить его приему «тигриного рыка». И ему были преподаны «Приемы извержения криков», называемые также «Приемами заклинания звуком».

Наставники рассказали, что когда люди только что появились на земле, обстановка их жизни была очень опасной, они часто подвергались нападению диких зверей. Люди жили родами и в случае опасности испускали крики, чтобы предупредить сородичей. Извержение крика – исконная способность человека, даже и сейчас в минуту опасности человек кричит «Мама» или взывает к Небесам, надеясь получить помощь от какой-то силы.

В результате длительных наблюдений люди со временем обнаружили, что звук – это тоже очень сложная сила. Если говорить о самом низком уровне, то вольно или невольно испускать звуки способно каждое существо. Каждый звук представляет какое-то присущее ему искони содержание, некий имманентный смысл. У животных испускаемые звуки и промежутки между ними приучают их к взаимодействию и взаимоограничению. Например, громкое пение одной птицы может вызвать целый птичий хор, а когда мышь слышит мяуканье кошки, она прячется и затаивается в норе. Это самый низкий уровень понимания истоков «заклинания звуками». На более же высоком уровне они гораздо сложнее и таинственнее. В особых звуках заключена невидимая для людей сила, обычному человеку это трудно понять, но она действительно существует, действительно действует. Это очень высокое мастерство.

«Заклинание звуком», о котором мы здесь рассказываем, очень отличается от того, что люди обычно называют «звукоподражанием». «Звукоподражание» – это простая имитация некоторых звуков, она не содержит «внутренней мощи». А «заклинание звуком» – это вид внутренней энергии, испускаемой при посредстве голоса. Благодаря движению разных внутренних энергий Ци слышимые звуки одинаковы или сходны, но их «внутренняя мощь» совершенно различна и воздействие также различно. На еще более высоком этапе испускание звуков вообще становится делом второстепенным. Иногда звуки могут и вообще не испускаться, благодаря вибрации внутренних органов наружу изливаются лишь потоки Ци, но в них-то и заключена гигантская мощь, которая распространяется на далекие расстояния. Эти потоки Ци способны сотрясать соответствующие внутренние органы человека и другие вещи. С помощью таких приемов можно человека лечить, а можно его и подчинять. Они относятся к числу начальных приемов «заклинания».

«Заклинания» становятся эффективными лишь на определенной ступени совершенствования внутреннего мастерства, это внутреннее мастерство высшего класса, то, что люди обычно называют «одушевлением неодушевленного». Ты произносишь те же самые слова, те же самые звуки, но если в тебе не заложена основа внутреннего мастерства, то «силы» в них нет, они не «одушевлены». А если их произносит человек, такую основу имеющий, то в них есть и «сила» и «одушевленность». Совершенно так же обстоит дело и с «магическими начертаниями».

Почему даосы делают такой упор на совершенствовании «сердечной природы», на выплавлении внутреннего мастерства? Как раз из-за этого. Совершенствование «сердечной природы» есть правильное закладывание корня, когда все приемы имеют своим источником Великое Дао и служат Великому Дао. В эти врата не войдут те, чье сердце неправо, чья сердечная природа нечиста. Самое элементарное требование здесь – не губить живого, не использовать приемы ради своекорыстия, ради причинения зла. А благодаря совершенствованию в выплавлении внутреннего мастерства можно освоить тысячи, миллионы приемов, эти приемы, как ступеньки лестницы, они ведут к высшему миру. Тот, кто останавливается на каком-то одном виде приемов, занимается только одним, тот не понимает Великого Дао.

«Заклинание звуком» может быть одним из приемов взаимовлияния и взаимообмена информацией между человеком и человеком, между человеком и животными, человеком и

другими силами. На самом низком уровне с его помощью можно призывать или, наоборот, прогонять людей, можно привлекать или, наоборот, отпугивать животных. Наука сейчас начала обращать на это внимание, начала изучать «язык животных». Хотя есть тут немало «учености», с точки зрения даосизма, это все еще очень низкий уровень.

Даосы не пренебрегали исследованиями такого уровня, но они их далеко превзошли. Они стремятся вложить в «звучание» гораздо большее, придать ему более важное назначение. А еще стремятся с помощью испускания беззвучного «звучания» передавать более непостижимую энергию, делать немислимые вещи.

Неизвестно, сколько десятков тысячелетий существует человечество. Но можно сказать наверняка, что в процессе его развития был как прогресс, так и регресс.

Чтобы выжить в трудных условиях первобытного существования и развиться до нынешнего состояния, человечество наверняка должно было обладать совсем иными способностями, чем те, которые нужны для выживания нынешнему человеку.

Пять органов чувств – глаза, уши, нос, язык, тело – их главная функция состоит в чувственном познании материального, или феноменального мира. А существуют ли у человека какие-нибудь другие органы чувств? Ведь феноменальный мир совсем не простое образование, а сложный многоаспектный и многофакторный комплекс, овладеть им с помощью одного только чувственного познания одного его аспекта или фактора через органы чувств далеко не возможно. А органы чувств, хотя и способны к чувственному познанию, без «ума», без «мозга» не могут вынести «суждения», это чувствительность без чувства. Нечего и говорить, что для восприятия сверхчувственных феноменов необходимы сверхчувственные средства и способности.

То, что человечество обладает средствами и способностями сверхчувственного восприятия, уже несомненно. Только у некоторых людей они в «проявленном» состоянии, у других же в «скрытом» или «подспудном».

Даосы настаивают на совершенствовании в выплавлении как раз для того, чтобы «скрытое» превратить в «явное», и это не сказки, а реальность. Благодаря этим средствам и способностям даосы исследуют более широкий, более богатый, более удивительный мир, они делают великое дело, которое имеет чрезвычайно важное значение как для настоящего, так и для будущего человечества.

Совершенствуясь в «заклинании звуком» и искусстве призвания зверей, Ван Липин глубоко ощутил, что между человеком и животными и даже больше, всем живым, в действительности существует теснейшая связь. Между человеком и природой нет рва и нет стены, человек и природа связаны общими интересами, и человек может проникать вглубь любой природной области и сливаться с природой в одно.

Природа есть мать человечества, человечество есть дитя природы.

Человек – душа Тьмы вещей, а Тьма вещей, в свою очередь, наставник человечества.

Г-н Ван Липин сказал авторам этой книги: Хотя у меня есть Дед и Отцы-Учителя, в действительности наставников, известных и неизвестных, у меня гораздо больше. Среди них есть и живущие, и давно ушедшие; есть животные, а есть и растения: есть «живое», а есть и «неживое», в их числе даже солнце, луна, планеты и созвездия. То, чему они меня научили, трудно перечислить, они учили меня наяву, а больше всего во сне. Целый мир меня наставлял.

Здесь, взглянув на иву за окном, г-н Ван Липин с чувством воскликнул: «Это дерево, как и человек, обладает чувствами!». Он сказал это так, как будто перед ним был его старый-престарый друг, как будто он видел перед собой старшего, мудрого наставника или очень уважаемого человека.

Осень в Чанбайшане длится недолго, зима наступает быстро. Глазом не успеешь моргнуть, как задуют холодные ветры, все покроется льдом и снегом, горы и леса в одно мгновение потонут в тумане.

Учителя и ученик провели ночь, медитируя в горной пещере, и заранее знали, что будет туман и снег. На другой день вышел Ван Липин на рассвете – и точно, весь мир перед ним был укутан серебряным покрывалом. Сосны стояли в снежных шапках, повсюду высились

нефритовые сугробы, как тут не обрадоваться?

Он побежал по благодатному снегу, вспомнилось детство, как играл с друзьями в снежки, лепил снежных баб. Не мог удержаться, налепил снежков и стал бросать их вдаль.

Наигравшись же, подумал, что трое его стариков в таких уже годах, мороз ведь стоит, а одежка у них тонкая, без ватной подкладки, им должно быть холодно, надо бы хворосту набрать и отнести, чтобы обогреться.

Наставник Чистая Пустота, увидев, что Ван Липин волочит в пещеру охапку сухих веток, спросил его: «Зачем ты эту штуку тащишь?»

«Да костер разжечь. Разве Учителям не холодно?»

Учитель-Отец рассмеялся: «В такую-то теплую погоду, да еще огонь разжигать? Ты не боишься нас изжарить?»

Ван Липин не ответил, а про себя подумал что Учитель опять насмешничает. В пещере он пощупал у всех руки, они были холодны, как лед. Тогда он заорал: «Все скоро в ледышки превратитесь, а еще говорите, что тепло».

Наставник Чистый Покой со смехом сказал: «Станем ледышками, так не будет ли нам от этого теплее?»

И тут Ван Липина мгновенно озарило.

Человек Дао Чистой Пустоты сказал: «Идем со мной». Он повел Ван Липина из пещеры по снежному морю и, найдя ровную полянку, принялся учить его приемам работы со снегом.

Снег был толщиной сантиметров в двадцать и легкий, пушистый, словно вата, из него легко было сделать «коврик для сидения». Наставник велел Ван Липину усесться в особой позе со скрещенными ногами, быстро закрыть наглухо часть каналов и отрегулировать дыхание и мысли, чтобы быстро понизить температуру тела до уровня температуры окружающей среды. Но чтобы внутри тела продолжал неугасимо гореть Истинный Огонь.

Это Ван Липин уже проходил, он мог по своему желанию открывать и закрывать любой канал и меридиан своего тела, любую биологически активную точку. И сейчас, стоило Учителю сделать намек, как он все понял. Когда выполнил указания Учителя, температура тела действительно понизилась, и постепенно он перестал чувствовать холод льда и снега.

Самое удивительное было то, что он таким образом будто бы накинул на себя плащ из ци, снег не падал больше на его тело, а словно скатывался с него на землю на расстоянии сантиметров тридцати от тела. Снег продолжал валить, но на нем не было и снежинок.

Как ни трудно людям в это поверить, в мире природы тоже хватает примеров выплавления мастерства Ледяного Неба. Оно часто встречается среди животных, не говоря уже о растениях. Все они путем регулирования температуры тела приспособляются к изменениям температуры воздуха и так поддерживают в себе жизнь.

Помнится, в одной статье рассказывалось, что на островах северной части Англии есть змея, которая с наступлением зимы превращается в твердый ледяной комок или в твердую прямую палку, застывает, как мертвая. Местные жители тащат таких змей домой и пользуются ими как ковриками или как палками. Но к началу весны температура повышается, лед тает, и эти «коврики» и «палки» снова одна за другой становятся мягкими и податливыми, как шелк, просыпаются от зимней спячки. возвращают себе прежний вид и уползают из домов обратно в Природу.

Обычно змеи в зимнее время спят под землей, английская же змея окостеневаает. Получается, что ее тело, замерзая, не терпит ущерба. Почему она замерзает, но не умирает, и как может она восставать от спячки. В чем тут дело, пока не выяснено. Но это явление, по крайней мере, показывает, что в живых существах имеется жизненная сила, способная регулировать температуру и очень значительно приспособляться к изменениям окружающей среды. А может ли человек длительно сохраняться при замораживании, умирать и воскресать? Это не является невозможным, наука сейчас разрабатывает условия и технику, позволяющие сделать такой шаг, некоторые государства здесь уже продвинулись вперед.

Даосы идут другим путем. Они сидят среди льда и снега в позе лотоса день, второй и

даже еще более долгое время. В позе лотоса человек всегда находится в состоянии бодрствования. Они все время контролируют себя, управляют собой. каждое мгновение отмечают мельчайшие изменения во внешней среде и внутри тела, чтобы поддерживать взаимосоответствие между ними. Толко усовершенствовавшись до определенной степени, можно заставить температуру тела повыситься вплоть до нормальной. «Разница» между температурой тела и температурой воздуха восполняется за счет другого вида энергии. Это другая граница приемов мастерства.

Человек следует образцу земли, земля следует образцу Неба, Небо следует образцу Дао, а Дао дает образец спонтанности.

Учитель велел Ван Липину сидеть на снегу восемь часов, а потом убрать посыл, один за другим в определенном порядке открыть запечатанные каналы, меридианы и биологически активные точки и разогреть тело Истинным Огнем. Постепенно чувствительность кожи восстановилась, температура тела повысилась, и Ван Липин ощутил, как со всех сторон на него наваливается холодный воздух, будто он сидит в ледяном погребе.

Он открыл глаза. Вокруг него намело большой сугроб высотой по самые плечи, из него виднелась только его голова.

Учитель-Отец пришел с Дедом и Наставником Чистого Покоя, все они выразили одобрение. Наставник Чистого Покоя опять по-детски созорничал – повалил на Ван Липина большой ком снега. Ученик и Учитель резвились среди снежного моря, и далеко в пустынных горах отдавались звуки их веселого смеха.

Путники продолжили свое продвижение на север. Странствия по заснеженным горам приносили много радостей, но и опасных ситуаций порождали немало. Трудно было различить, что находится под ногами, и это требовало повышенной осторожности. Хотя Ван Липин родился и вырос на Северо-Востоке, в глуши Чанбайшаня он оказался впервые. Прокладывание пути опять, естественно, было делом Наставника Чистого Покоя.

«Юншэн, – серьезно начал Дед-Учитель, – если вдруг упадешь в снежную пропасть, лучше всего будет сидеть там спокойненько и совершенствоваться „лицом к стене“, пока мы не закончим странствия и не вернемся за тобой».

Ван Липин ответил невозмутимо: «Лучше-то лучше, да вот только снегу навалило, с птичьего полета следа не увидишь. Где же почтенные Учителя станут искать своего ученика? Тогда уж лучше им вернуться домой, отдохнуть хорошенько, а когда потеплеет, снег растает, потекут с гор реки, пусть Учителя на лодочке ждут внизу. Как увидят самую большую рыбу, пусть ее изловят, а ученик будет у нее в брюхе сидеть в позе лотоса!»

«Ну и ну!»—старики не могли удержаться от смеха.

В этот день, вскарабкавшись на гребень горы, они увидели на снегу крупные человеческие следы. Присмотревшись, Ван Липин поразился: неизвестный шел босиком!

Дед заметил следы еще раньше и сказал: «Видно, чем дольше живет, тем больше в нем духа!» Ван Липин не понял сказанного и вместе с Учителями двинулся по следам.

Миновали гору, снег лежал глубочайший, прошли через лес и увидели на склоне горы старую сосну, которой было лет с тысячу. Ветви ее, согнутые снегом, образовали навес. А под навесом стояла бревенчатая хижина, простая и безыскусная, но на снегу она выглядела очень изысканно. Перед хижиной старик огромного роста в простой рубахе разгребал снег.

Человек Беспредельного Дао невольно продекламировал:

Под черной сосной
Приютилась избушка простая.
Глубоко в горах
Скрывается Истинный Муж.
Старик перед хижиной ответил тоже стихами:
Тысячи гор
Сотрясает свирепый вой,
Сотни зверей

задрожат от единого клича.

Ван Липин сразу насторожился: стихи-то ведь говорили о встрече с волками, случившейся много дней тому назад. Это было так давно и так далеко отсюда, за несколько сотен километров, а старик и вой слышал и о случившемся знал, наверняка это высокий мастер.

А старик уже спускался с горы им навстречу. Церемонно поклонившись, он сказал: «„Святые даосы пришли издалека, и бедный даос решил растопить немного снегу, чтобы путники могли смыть с себя дорожную пыль“». После обмена поклонами они вслед за босым стариком вошли в хижину.

Босоногий старик действительно был необычным человеком. Потомок знаменитого «Великого Чанбайшаньского Небожителя», сам себя называвший «Босоногим Даосом», он давно жил отшельником в глубине Чанбайшаня, и его мастерство было редкостным. В год их встречи «Босоногому Даосу» было Семьдесят семь лет, а сейчас ему девяносто семь. По правилам даосов Ван Липин и его тоже называет Дядей-Наставником.

Хижина была чрезвычайно простая, сложенная из нетесаных бревен, внутри почти никакой утвари, кроме длинного «стола», на который ставились вещи. Он тоже был из неструганных досок, ничем не покрыт, тут во всем было следование природе. Ни кровати, ни белья, только груды сена. «Босоногий Даос» разделил ее на несколько частей и предложил четверем «святым небожителям» занять на ней места. Угощение состояло из сухих диких фруктов. Уплетая их, Ван Липин не переставал восхищаться: «Как вкусно!»

«Босоногий Даос» спросил Человека Беспредельного Дао: «Зачем почтенный Учитель пришел сюда из-за тысячи ли, не убоявшись снега?»

Человек Беспредельного Дао сказал: «Несколько лет тому назад мы уже побывали в отрогах Чанбайшаня, прожили там некоторое время, чтобы воспитать преемника. Из-за смуты в Поднебесной пришлось отправиться в странствия с облаками, за три года обошли пол-Китая, а теперь вот возвращаемся обратно. Помня старую дружбу, пришли сюда повидаться».

«Благодарю почтенного Учителя, Ваш ученик поистине этого недостоин. Надеюсь, что почтенный Учитель и два старших брата дадут мне наставления».

Затем Человек Беспредельного Дао представил Босоногому преемника Ван Липина. Тот долго в него вглядывался и остался доволен.

Ван Липин начал понимать, что хотя Дед и Отцы-наставники жили от Босоногого Даоса за тысячи ли, их связывала старая дружба. Тут только и стали понятны слова, сказанные при виде следов.

Когда встречаются братья по Дао, им, конечно, есть о чем поговорить. Четверо стариков проговорили всю ночь напролет, и, сидя с ними рядом и слушая их, Ван Липин многому научился.

На другой день снег прекратился и небо прояснилось. Снег блестел на солнце серебром и все вокруг было ослепительно чисто.

Наставник Чистого Покоя с Босоногим Даосом занимались оттачиванием мастерства. Они выбрали снаружи местечко и уселись в позе лотоса на снегу. Благодаря выделяемой ими энергии снег вокруг них вскоре полностью растаял на расстоянии нескольких метров, показались зеленые горные камни, которые быстро высохли. Человек Беспредельного Дао с Наставником Чистой Пустоты спокойно это созерцали, а Ван Липин потихоньку ахал от удивления.

Он даже не успел заметить, когда Наставник Чистого Покоя и Босоногий Даос оторвались от земли и зависли в воздухе в сидячем положении. Они оставались в воздухе около часа.

Ван Липин не мог удержать возгласов восхищения, однако же, видя, что Учитель-Отец работает с закрытыми глазами, кое-что замыслил. Дай-ка, я тоже покажу свой прием, думал он. И потихоньку убрал столб ци, на котором сидел Наставник Чистого Покоя. Тот не

ожидал такого подвоха и с размаху шлепнулся на землю, как только не защищенное ци исчезло. Тут-то он сразу понял, в чем дело.

Ван Липин добился своего и теперь, опасаясь, что Учитель в ответ его подловит, быстренько бросился к нему просить прощения. Босоногий Даос понял его мотив и сказал: «У старшего брата мастерство необычное, а этот малец-ученик тоже не посрамил его школы, бедный даос сегодня получил урок». Все захохотали и Наставнику Чистого Покоя пришлось тут же Ван Липина простить. Ван Липин же, воспользовавшись случаем, попросил Учителя-Отца и Учителя-Дядю поучить его искусству подниматься в воздух в позе лотоса. Дяде это в ученике понравилось еще больше.

Глава шестнадцатая **Взлет в третий мир**

В начале 1970 года, как раз в то время, когда миллионы семей пытались как-то отвлечься от тягостной смуты, встречая традиционный Праздник Весны, Учителя с учеником через глубокие снега потихоньку вернулись на родину Ван Липина в Фушунь.

Быстро мелькает время, в странствиях с облаками незаметно прошли три весны и четыре осени. Человеку Беспредельного Дао минуло уже восемьдесят девять лет, Человек Дао Чистого Покоя и Человек Дао Чистой Пустоты тоже уже подходили к рубежу восьмидесятилетия. А заботливо воспитанный ими ученик Ван Липин стал стройным и высоким молодым человеком с благородным характером.

Чтобы передать Великое Дао следующим поколениям, трое стариков удалились от суетного мира и три с лишним года странствовали с учеником по горам и весям. Множество трудностей они преодолели с помощью даосского духа, во многих местах побывали и многому его научили. Тьма вещей этого мира прошла перед глазами Ван Липина, и он запечатлел в своем сердце всю изменчивость этого космоса.

Трижды сменялись весны и осени, были пройдены четыре тысячи километров. На пути странствий с облаками были и мостки над живописными потоками и поэтические картины. Но больше было голода, пота, крови. Иногда помногу дней не встречалось им на пути никакого жилья, приходилось ночевать в пещерах, а червячка замаривать дикими ягодами и травами. Иногда до костей промачивали их проливные дожди, на дорогах была непролазная грязь, но это не мешало им идти вперед.

Все четверо были высокими мастерами, и все трудности этого бренного мира для них ничего особенного не представляли. Но все-таки они были людьми, созданными из плоти и крови, ощущения, которые причиняли им все эти страдания, тоже были настоящими. Возраст стариков был велик, но чтобы передать мастерство ученику, они должны были переносить все вместе с ним, а это поистине было нелегким делом.

Но они не думали о жизни и смерти, а заботились только о том, чтобы в течение ограниченного времени, отпущенного им для жизни, передавалось из поколения в поколение великое дело исследования тайн космоса и человеческой жизни, начатое патриархами, чтобы не было потерь и утечек, чтобы мудрость, завещанная им древними, пройдя через их руки, еще более развилась и катилась бы вперед, подобно волне.

Трудное и легкое, горькое и сладкое в материальном смысле были для них не важны, важными были духовный поиск и высокие устремления.

Ван Липин научился у стариков тому, что деяние важнее слова, а дух важнее, чем тренировка в приемах. Три года и тысячи километров дороги обогатили его огромными духовными приобретениями, которые обусловили его стремительный взлет.

Еще один замечательный результат был получен ими в этом странствии: в глуши гор они обнаружили одну драгоценную книгу, написанную самим Истинным Мужем Чистого Ян, Люй Дунбином. Старики давно знали, что у патриарха было несколько сочинений, которые он не передал преемникам, уходя в высший мир, а спрятал в разных местах, в пещерах нескольких священных гор. Но их так и не нашли. А в этот раз в результате

тщательных поисков одна из них была обнаружена. Старики так волновались, когда отыскивали ее, как будто обрели несметное сокровище. Бороды у них дрожали, а глаза наполнились горячими слезами. Чувства их трудно было выразить словами. Бумага, на которой была написана книга, пришла в ветхость, при чтении нужно было осторожнейшим образом переворачивать страницы бамбуковой палочкой. Эту книгу они приводят в порядок и изучают до сих пор.

В день возвращения странников на сердце у матери Ван Липина было беспокойно. Она чувствовала, что ее второй сын должен вернуться, и, заранее выйдя за поселок, все вглядывалась из-под руки вдаль. И вот они возникли, наконец, из дорожной пыли. Три старых «доктора» по-прежнему на вид были крепкими и румяными, а сын так вырос, возмужал, похорошел! Она не могла сдержать радости, одной рукой обнимала его, а другой утирала слезы.

По дороге матушка Ван говорила без умолку, рассказывала, что вся семья вот уже несколько дней видит во сне, что они возвращаются, вот-вот должны появиться. И вот ведь чудо какое! У всех один и тот же сон, все твердили, что Липин вернется, и вот, и вправду нынче вернулся, подумать только, какие бывают чудеса в Поднебесной!

Все четверо, слушая матушку Ван сохраняли серьезную мину, а про себя посмеивались. Это ведь только им было понятно, а откуда матушке Ван было знать, что сын, так же, как и почтенные «доктора», обладает духовной силой и способами передавать вести во сне?

Напомним, что весной 1970 года классовая борьба в суетном мире по-прежнему кипела, как чайник на огне, но уже прошел «съезд представителей», борьба за власть вступила в новый этап. Население устало от непрерывной борьбы группировок, она все еще оказывала глубокое влияние на людей, но большинство уже относилось к ней не так серьезно, как прежде. Так что положение у нашей четверки было чуть получше, чем в начале «культурной революции».

Теперь, через три года, старики уже не были первыми мишенями «выметания вон», их уже оставили в покое. Кроме того, за три года их успели подзабыть. А они после возвращения стали жить еще более конспиративно. Днем по большей части скрывались в лесу и только вечером возвращались в старую хижину кузнеца, неся за спиной вязанки хвороста или дикие овощи. Многие даже не знали, что они опять там живут.

А старикам нужен был среди этой смуты спокойный уголок, чтобы выполнить последнюю работу по обучению Ван Липина, чтобы он мог сделать еще один скачок вверх на дороге восхождения.

Для Ван Липина это был последний, девятый этап на пути изучения Дао, этап «омовения». Три жизни должен был он пройти, чтобы обрести «Юншэн», «Вечную Жизнь», о чем говорило его имя.

Три жизни – это жизнь рожденного матерью в Нижний из Трех Миров Ван Липина. Жизнь Ван Липина из Среднего из Трех Миров, которого зачали, выносили и «вновь родили» старики после его голодания и смерти. Потом он снова был зачат «Великой космической матерью» и только через несколько лет, выношенный и рожденный ею, взлетел в широкий безбрежный космос. В то время он был уже Ван Липином Высшего из Трех Миров, уже обретшим «вечную жизнь».

Омовение Неба и земли – это последнее мастерство Среднего из Трех Миров. Оно подразделяется на омовение в снадобье, омовение в веществе земли, омовение в веществе Неба и омовение без формы и без материи.

Нынешней ночью старики все уже приготовили, Человек Беспредельного Дао вынул Пиллюлю Небожителей, передал ее Ван Липин и велел принять.

Ван Липин принимал пиллюлю в третий раз. Каждый раз состав Пиллюли отличался и цель приема была разная. Даосские Пиллюли подразделяются на пять видов – Металла, Воды, Дерева, Огня и Почвы. Каждый вид составляется из разных веществ и должен пройти разное выплавление на огне, у готовых снадобий разный цвет и разное действие.

Получив Пиллюлю из рук Учителя-Деда и приняв ее по всем правилам, Ван Липин

тотчас же залез в заранее подготовленную большую глиняную корчагу и сел в позу лотоса. Корчага была наполнена горячей водой, температуру которой нужно было поддерживать на определенном уровне. Ему следовало пустить в ход все свое мастерство, чтобы сначала растворить Пилюлю, вместе с кровью и ци разослать ее по всему телу, а потом вывести наружу. Достигнув поверхности кожи, снадобье встречало горячую воду и тогда с поверхности кожи всплывало на поверхность воды, образуя кристаллические зерна. С ними выносились из тела все нечистые вещества.

Ван Липин неподвижно просидел в корчаге в медитации два дня и две ночи. Процесс распространения вещества Пилюли по телу и его вывода наружу чрезвычайно болезнен. Чувства беспредельной радости, которое будто бы охватывает принявших Пилюлю бессмертия, если верить литературе, Ван Липин еще ни разу не испытал.

А старики, как и раньше, вели в это время тщательные наблюдения и вертелись, как белки в колесе. Температура воды в корчаге должна была поддерживаться довольно высокая. Нельзя было позволить водени переохладиться, ни перегреться. При переохладении поры сужаются и снадобье нельзя успешно вывести. А при перегреве можно кожу обжечь и нанести вред всему телу, совершенно разрушить уже наработанное мастерство. Учителя-Отцы возились около корчаги с регулированием температуры воды, Дед тоже все время подходил, засучивал рукава и пробовал воду, проверял, сколько всплыло вещества Пилюли.

В общем, один ученик занимал все внимание трех стариков..

Омовение снадобьем прошло очень хорошо, у Ван Липина появилось еще одно удивительное ощущение.

Однажды, сидя в медитации, он вдруг почувствовал, что в низу живота у него появился и плавно и равномерно запульсировал какой-то шарик. Ощущение напоминало ласковый весенний ветерок, что колышет белое облачко, в ясном небе. Мало-помалу эта пульсация, словно круги на воде, распространилась по всему телу, и 84 тысячи пор тела стали спонтанно раскрываться и закрываться в такт с нею. Поры стали похожи на вентиляционные трубы, по ним шло ци.

Ван Липин упивался ощущением комфорта. Он дышал не носом и ртом, а ощущал, что все тело, слитое в одно с окружающим космосом, Это целое раскрывалось и закрывалось вместе с ним, ритмично и легко пульсировало, было окружено многокрасочным сиянием, в котором человек парил.

Сознательным усилием Ван Липин закрывал поры всего тела и раскрывал пупок, который становился каналом входа и выхода воздуха. Внутренние органы в соответствии с этим сжимались и расслаблялись. Если пупок закрывался, то поры автоматически раскрывались. сами вдыхали и выдыхали. Это взаимодействие было чрезвычайно приятно, комфортность была совершенно несравнимой с дыханием через рот или нос.

Дед-Учитель понял, что он выплавил истинное зародышевое дыхание. и чрезвычайно обрадовался.

Лао-цзы говорит: «Возвратись в состояние младенца». Наверняка именно это имеется в виду.

Патриарх Люй тоже говорил: «Прием ци не создает долгой жизни, для долгой жизни требуется соккрытие ци, зародыш завязывается из сокрытого ци, когда ци вдыхается утробой. Когда ци приходит в тело, это называется рождением. Когда шэнь уходит из формы, это называется смертью. Зная, что благодаря шэнь и ци можно продлевать жизнь, сохраняй пустоту и отсутствие, чтобы пестовать шэнь и ци. Когда шэнь в порядке, то и ци в порядке, когда уходит шэнь, уходит и ци. Хочешь жить долго –шэнь и ци должны помогать друг другу, ум не должен волноваться мыслями, чтобы не было ни прихода, ни ухода, ни входа, ни выхода, когда все в спонтанном постоянстве, когда все это старательно поддерживается, это истинный путь».

Учитель –Дед рассказывал Ван Липину: «Пупок» в теле человека занимает чрезвычайно важное место. Древние говорили: «Пупок для человека –все равно что

Полярная звезда для Неба. Поэтому называется „Небесной Осью“, а еще называется „Пнем духа шэнь“. Биологически активная точка, через которую проходят шэнь и ци, это корень сохранения жизни, драгоценность, возвращающая внешнюю пустоту в Ян. Пупок соединен с Пятью Органами. Когда пупок открыт, пять органов могут прямо общаться с материнским зародышем Неба и земли, это начало возвращения человека к прежнему Небу, поэтому нужно внимательно следить за его функционированием.

Используя приемы, которым обучил его Дед, Ван Липин тщательно совершенствовался в выплавлении, сосредоточиваясь на доведении ци до пределов мягкости, на плавности и ровности дыхания, чтобы было незаметно, дышится или не дышится, есть дыхание или его нет.. Долгие упражнения приводят к тому, что обретается постоянство и Истинное Дыхание поддерживается вечно.

В это время на землю уже вернулась весна, все живое возродилось, лопались почки на деревьях, зазеленели поля.

Ласковые лучи солнца, легкий весенний ветерок. Ван Липин сидит в медитации на берегу маленькой речушки у подножья горы. Он чувствует себя травинкой, прорвавшей твердую корку земли, нежным ростком, проклюнувшимся на ветке. омывается в этом потоке света, в этом ласковом ветерке, в весеннем ци, испускаемом этой землей, цветами, травой, деревьями.

Моросящее облако, мелкий дождик приходят так тихо, такой легкой поступью, не иначе как бояться спугнуть сны Ван Липина, совершающего омовение.

Тонкие нити дождя, словно длинные девичьи волосы, струятся легко и свободно. Равнина увлажнилась, из земли прорывается ароматное ци. Ван Липин ощущает молодую травку, радующуюся дождю, слышит звук почек, раскрывающихся на ветках.

Ночной воздух ясен и спокоен. Ветра нет, только весенний холодок. Молодой месяц и множество звезд в небе, они ярко искрятся. Далекие горы спокойно спят под звездами, они вместе с Ван Липином омываются в ночной темноте.

Густой утренний туман, он заволакивает всю землю, ни горы далекие уже не видны, ни деревенские жилища. Ван Липин окутан туманом, омывается в нем.

День за днем проводит Ван Липин в выплавлении, все мысли прекратились, истинное ци наполняет его. Мышцы – словно стусившийся жир, кости – словно пустое пространство, над макушкой светится ореол, глаза полны духа шэнь, когда они обращены внутрь, то видят так отчетливо, как будто там свет включается, когда он смотрит на что-то в ночи, то видит, как днем.

Дед и Отцы-Учителя учили Ван Липин, что нельзя добиваться немедленных чудес, все должно происходить по своей природе, пусть оно само рождается и угасает, само приходит и уходит, само меняется и преобразуется. А постоянство нашего ума коренится в чистом покое, если он спокоен, выдержан, то с помощью духа шэнь соединяется с Дао и возвращается к спонтанности. При достижении границ этого мира в том, что раньше казалось вещами, отсутствует вещество, в том, что извне казалось формой, отсутствует форма, а в том, что изнутри казалось умом, отсутствует ум. Не зная своего «Я», постепенно вступаешь на Путь Недеяния, вступаешь в мир редкостного и необычного. Если же пристраститься к экстраординарному, если развлекаться тем, что бы показывать свой ум, то войдешь в мир фокусов, остановишься у боковых дверей мелкого трюкачества, прежнее мастерство будет совершенно утрачено, и от Великого Дао удалишься.

Только теперь Дед и Отцы-Учителя начали наставлять Ван Липина в приемах высшего этапа мастерства «Приемов завершения Драгоценностей Духа», то есть в «Трех Вратах Великой Колесницы превосходения обычного и вступления в совершенную мудрость», или «Мастерстве Небесных бессмертных» из «Мастерства трех бессмертных».

Как говорилось выше, «Мастерство трех бессмертных» подразделяется на три уровня – человеческих, земных и небесных бессмертных.

В «Мастерстве человеческого бессмертного» Печью является тело, Снадобьем – Ци, Огнем – сердце, Водой – почки, Кань и Ли совокупаются, Девять Возвратов, Семь

Поворотов, Золотая Жидкость возвращается в Пилюлю.

Чтобы сделать тело Печью, человеческое тело вдоль нулевой линии разделяется на две дуги – верхнюю и нижнюю. Чтобы сделать Ци Снадобьем, выплавляется Ци даньтяня, Ци и вода совокупаются и превращаются в Золотую Пилюлю.

Когда из сердца сделан Огонь, из почек сделана Вода, соединяются Небо и земля, происходит обмен ощущениями.

В «Мастерстве земного бессмертного» Печью служит шэнь, снадобьем – Ци, Огнем – солнце, Водой – луна, глубоко в море ищется жемчужина, проходят по воздуху, чтобы посмотреть на луну, шэнь и Ци совокупаются, Три Поля помогают Переправе. Что касается солнца и луны, то «Солнце» и «Луна» человеческого тела соответствуют солнцу и луне нашего мира.

В «Мастерстве Небесного бессмертного» Печью является шэнь, Снадобьем – сердечная природа, Водой – стабильность, Огнем – мудрость, Девять Дворцов не угасают, Цянь и Кунь в постоянном коловращении, Небо и человек слиты.

Долгий-долгий процесс выплавления мудрости, безостановочный поток перемен в небе и на земле, омовение в блеске солнца и луны, заботливое родительское пестование, орошение кровью сердца трех Учителей, неимоверно трудная плавка иковка, семь раз сменяются весны и осени, рождение и умирание – и Ван Липин уже достиг границ мира Высшей Колесницы – «Превосхождения оболочки и отделения от формы».

Ван Липин действительно родился вновь, полностью обновился. Лицо его стало румяным, как цвет персика, а кожа тонкой и гладкой, как яшма, выражение лица было ласковое и доброе, он источал благоухание и был внешне похож на девушку, внутри же у него скрывалась железная твердость. В покое он был подобен тихой воде, по которой не скользит ни одна волна. В движении же он потрясал Небо и землю и был беззаветно храбр.

Видя успехи Ван Липина в самосовершенствовании, старики не могли сдержать радости. Человек Беспредельного Дао снова продекламировал стихи Патриарха Люя «Сад, украшенный весной»:

Семь Поворотов и Возврат Пилюли
Во мне должны вперед произойти,
Для выплавки себя потребно время.
В день первый года,
Лишь часы покажут полночь,
Тотчас же Ян приводится в движенье,
Свинцовый трипод жарко разогрет,
Лучи его пронзают занавеску.
Друг другу вслед спешат метаморфозы,
С Драконом Тигр вступил в совокупление
Они в Огне, а в Огненное время
Весьма опасно стравливать быков.
В верховья Цюй
Луны сиянье полной,
Там птица одинокая летает.
В то время даже точности аптечной
Поверит кто? Не подойдет
Кормилица усердная к дитяти!
Чиста ль Вода в источнике, узнаем,
Как Древо и Металл разъединятся.
Тогда уже без точных указаний
Наставника совсем не обойтись.
Суть Дао сокровенна и тонка
И глубоко Небес Пружина скрывает,

Не торопись. как ищешь совершенства,
А то, пожалуй, можешь опоздать.
Деяний тьму, чтоб на Пэнлай взойти,
Свершить нам должно,
Но с должного сойти Пути
Одним лишь шагом можно.

В тот день погода была ясная, горы и реки виднелись совершенно отчетливо, отличный был денек. Все четверо Трансляторов даосской Школы Драконовых Ворот Полной Истинности в шестнадцатом, семнадцатом и восемнадцатом поколениях совершили омовение, воскурили свечи и исполнили церемонию поклонения Небу, земле и патриархам.

По окончании церемонии Человек Беспредельного Дао сказал:

«Ученик Юншэн, корнем Дао является Отсутствие, поэтому наличие слов означает отсутствие Дао. Корнем Дао является Пустота, поэтому присутствие речей нарушает Дао. О том, у чего нет тела, нельзя ни спрашивать, ни отвечать. То, у чего нет Образа, нельзя ни видеть, ни слышать. Если считать за Дао сокровенное и таинственное, то сокровенное и таинственность неотделимы от накопления вопросов и ответов. Если считать за Дао редкостное и диковинное, то редкостное и диковинное неотделимы от разглядывания и слушания.

Сокровенное и таинственное, редкостное и диковинное еще не дают Дао, и о Дао неизвестно, почему оно таково. Если обозначают его иероглифом Дао, то делают это произвольно. Понять это можно только чутьем. В том месте, куда ты сегодня идешь, увидишь или услышишь что-то, не смотри и не слушай, и те звуки сами смолкнут, те образы сами угаснут, и лишь когда минует это, прояснится Полнота Истинности. Запомни это».

По указанию Деда Ван Липин сел в позу лотоса и закрыл глаза. В скором времени Дед и Отцы-Учителя растаяли, горы, реки, деревья тоже постепенно исчезли, чувствовалось только, что он летит куда-то вдаль, а ощущение пространства и времени совершенно отсутствовало. Время, место, откуда и куда, все, что предшествовало рождению, все, что случилось после рождения постепенно перестало осознаваться, затем опять всплыло мельчайшей пылинкой в безбрежном космосе, а потом и эта ничтожная точка совершенно исчезла, со всех сторон было пусто, пресно. чисто.

Вдруг почувствовалось веяние Иньского ветерка, порыв холодного ци. Небо быстро замутилось, земля потемнела, побежали черные дождевые тучи, поднялся вихрь, летели песок и камни, слышался дикий плач и волчий вой. Ван Липин несколько не испугался, только шел вперед, словно вступал в границы отсутствия вещей.

Донесся женский смех и нежный голос: «Путь длинен, не торопись, девушки здесь учтивы». Ван Липин не стал смотреть и слушать, звуки голоса постепенно рассеялись, замерли. Перед ним возник устрашающего вида парень. С бутылкой в руках, раскачиваясь из стороны в сторону. он манил Ван Липина к себе, звал выпить вместе. Все вокруг омерзительно смердело, водочный дух поднимался к небесам. Ван Липин зажмурил глаза, взмыл и улетел.

Неожиданно дорогу преградило высокое старое дерево. В одно мгновение оно превратилось в гигантского удава, холодное мерцание его чешуи любого способно было привести в ужас. Разинув кровавую пасть, удав кинулся на Ван Липина. Ван Липин без страха шагнул ему навстречу, но перед глазами вдруг вспыхнуло пламя и быстро превратилось в ровный свет.

Ван Липин чувствовал, что летит, и наконец прибыл в какое-то место, неизвестно куда. Но там было много зданий и дворцов, вокруг росли деревья и бамбук, слышались людские голоса и ржанье лошадей, звучала музыка, словно попал он в Персиковый Источник, богатое и счастливое селение Другого Мира. И тут к нему подходили многие, говорили, что это место, где живут Истинные Люди, приглашали Ван Липин побывать здесь и поговорить о Дао. Ван Липин не стал разбираться, так это или не так, только сердце в нем чуть встрепелось,

будто услышал голоса Учителей.

«Когда внутри наблюдаешь свой ум, в уме нет ума. Когда наблюдаешь вовне свою форму, в форме нет формы. Когда издали наблюдаешь свою материю, в материи нет материи. Когда эти три вещи поймешь, останется одна Пустота». Это голос Отца-Учителя Чистой Пустоты.

«Созерцание пустоты дает пустоту, в пустоте нет того, что пусто. То, что пусто, есть Отсутствие. Отсутствие отсутствия дает отсутствие. Отсутствие отсутствия и есть Отсутствие, неизменное безмолвие. Когда в безмолвии нет того, что безмолвствует, откуда может родиться вожелание? А раз вожелание не рождается, это есть Истинный покой. Истинное постоянство откликается вещам. Истинное постоянство получает сердечную природу. Постоянный отклик на постоянный покой, это есть неизменный Чистый Покой». Это голос Отца-Учителя Чистого Покоя.

«В таком чистом покое постепенно вступишь в истинное Дао. А вступление в истинное Дао называется достижением Дао. Хотя называется это достижением Дао, в действительности нет ничего достигнутого. Вершащий метаморфозы всего живого называется достигшим Дао. Способный это понять может передавать Дао совершенной мудрости». Это голос Деда-Наставника, Человека Беспредельного Дао.

Ван Липин ввел в свое сердце иероглиф «Покой» – и ничего не стало.

Открыл глаза – все смутно, как во сне. Посмотрел на мир перед собой – все опять настоящее, реальное. «В тысячах рек вода отражает тысячи лун, на тысячи ли нет облаков в небе, тянущемся на тысячи ли».

Ван Липин прошел это, но ощутил, что Врата Неба дрогнули, пропустив золотую дорожку света, появился еще один Ван Липин. Вдруг в пустоте послышался зов: «Следуй за мной, Истинный Человек!»

Ван Липин поднял голову и увидел трех даосов в ритуальных шапках и одеждах, парящих в воздухе. и услышал пение:

Нет вещей, нет сознания – и «Я» не ищи,
«Господин» воротится, коль будешь стяжать.
Но внутри остается одна только вещь –
Красноватая пыль на подставке души.

Ван Липин взлетел за ними вслед и понесся в безбрежный сияющий космос. Проник сквозь темный «пустой тоннель» и перед глазами возник светлый сияющий Великий Путь.

Часть третья Учительство

*Чтобы я твердо знал,
Что важно только одно –
Следовать Великому Дао.
«Лао-цзы»*

Глава семнадцатая Расставание с учителями

1976 год стал для китайцев незабываемым. Он был отмечен целой цепью важнейших событий. Один за другим скончались несколько государственных деятелей. В районе Таншаня произошло страшное землетрясение, в котором погибло и пострадало несколько сот тысяч людей. И общество тоже кипело. В апреле на площади Тяньаньмэнь в Пекине собралось несколько сотен тысяч людей для выражения протеста. Их выступление было

подавлено. В октябре же был совершен переворот в верхах, «Банда четырех» прекратила свое политическое существование, и тогда было объявлено об окончании «Великой культурной революции».

После десяти лет бедствий пережить еще и события этого года – прямо-таки невероятно, как вынес все это китайский народ.

Бедствия Китая были слишком велики, и поистине нелегко было быть китайцем.

Политическая борьба не ограничивалась рамками верхушки общества, она докатывалась до семей обычных людей и сотрясала душу каждого человека. Погиб от несправедливости глава государства, а сколько простых людей вынужденно оставили свой дом и умерли в несчастье! Так называемая «классовая борьба» всю страну перевернула вверх дном, и сотни миллионов людей пострадали от этого настолько, что вряд ли можно это выразить словами.

Но в конце концов все это закончилось.

А конец этот, 1976 год, был столь трагическим, что потряс небо и землю, вздрогнули человеческие сердца и пролились слезы.

Осень того года. Вершина горы Сишань в Фушуне. Темная ночь.

Сидя на глиняном кане, три старика беседовали о древности и событиях нынешних дней, горевали о бедствиях народа и выражали надежду, что произойдут сдвиги к лучшему. Мерцал огонек масляного светильника, тени людей на стене то вырастали, то делались маленькими. Было уже полночь, а старики все не унимались.

Вспоминали Человека Дао Странствий с Облаками, о том, что говорил он о событиях Поднебесной. Два титана, под влиянием которых проходило развитие новейшей истории Китая, умерли один за другим в последние два года, но влияние их еще не исчезло. До единства страны, до процветания нации было еще очень далеко.

С конца династии Цин старики повидали уже много смут, сменявшихся затем переменами, вот и теперешняя смута, хотя и длилась целые десять лет, скоро должна завершиться.

Старики чувствовали удовлетворение, что в период всех бедствий, которые произошли в государстве, в период беспощадных гонений на буддизм и даосизм, они все же выполнили великую задачу воспитания преемника. Тысячу лет без перерыва передававшиеся секреты Школы Драконовых Ворот будут продолжать передаваться дальше. Их молодой ученик овладел полнотой мастерства. Совершенствование в выплавлении, продолжавшееся четырнадцать весен и осеней, дало блестящий результат. Для того, чтобы Великое Дао вышло в Поднебесную, нужно было только ждать перемен к лучшему в будущем.

И старики готовились к этому будущему заранее.

Ван Липин будет особой, ключевой фигурой в истории Школы Драконовых Ворот, ему предстоит многое сделать.

Ван Липин изучал Дао не в отшельничестве, а в миру, а вернее сказать, и там и там. Он и Учителей не покидал, и дома родительского не оставлял, был отшельником и мирянином одновременно – внутри даос, а снаружи мирянин.

Вернувшись из странствий с облаками, он опять жил дома. Зарплата у родителей была очень маленькая, а ртов в семье много, так что жилось им чрезвычайно трудно. Вскоре Ван Липин поступил на работу учеником рабочего, чтобы кормиться самому и как-нибудь облегчить бремя родителей.

А родителей у него было больше, чем у обычных людей: те, что его родили, и те, что дали ему «второе рождение» – Дед и Отцы-Учителя. И кормить всех родителей было трудно. А если говорить о возрасте, всем давшим ему «второе рождение» было за восемьдесят, так что о них надо было заботиться прежде всего.

Из своей ежемесячной очень маленькой зарплаты Ван Липин на жизнь тратил мало, это уже стало привычкой. Получив зарплату, он прежде всего думал о Дede и Отцах-Учителях, покупал самые нужные в хозяйстве вещи и тащил в хижину на горе Сишань. Родители его в этом поддерживали и одобряли. В то время все жизненно необходимое, как продукты, так и

мыло, спички и т.п., выдавались по числу прописанных. И родители всегда старались немного сэкономить, чтобы Липин мог отнести на гору. Родители очень переживали, что не могут помочь старикам больше, слишком уж ограниченны были их средства.

Старики, живя в пещерах, привыкли к трудностям. И во время странствий они не брали у людей ни денег, ни пищи. И даже излечивая от болезней и избавляя от бед, не просили вознаграждения. Сейчас на Сишане они развели огород, где выращивали зерно и овощи, сами собирали топливо, в общем, жили самостоятельно. Когда Ван Липин что-нибудь приносил, старики всегда благодарили и извинялись, они боялись стать обузой для семьи Ван. А Ван Липин всегда со смехом отвечал: «Да дома еще есть, нам хватит, а то, что Учителя попользуются этим, для нас будет радость».

В любое время года Ван Липин ходил в рабочей одежде, но не в такой промасленной и грязной, как у других, а в очень аккуратной и чистой. Питался по большей части солеными и свежими овощами, очень просто. В отношениях с людьми он был очень гармоничен и свободен, но не болтлив, походил на скромную девушку. Чистый сердцем, не питающий материальных желаний, он был слит с Природой, погружен в Чистый Покой, а выглядел румяным и веселым.

Опять кончилась зима, земля встречала весну.

По горло сытые горестями люди тоже раскрыли глаза, увидели синее-синее небо, зеленую-зеленую землю и свет надежды.

Как во вселенной обращение звезд постоянно, так и в человеческом обществе Истина, Добро и Красота не могут быть разрушены насовсем.

И в хижине на вершине горы Сишань восстановилась прежняя атмосфера. Старикам уже не нужно было прятаться, каждый день приходили люди, просившие «почтенных докторов» полечить, и сами они развели возле хижины и цветы и огород, так что все вокруг расцветало.

Днем Ван Липин был на работе, вечером же отправлялся к старикам и по-прежнему непрерывно совершенствовался.

Весенний дождик льет всю ночь, а утром подует ветерок, тучи разойдутся, вот уже и безоблачно и ясно.

На работу Ван Липин ходил радостно. Отношения между рабочими стали гораздо непринужденнее, чем раньше, разговоры свободнее. Однажды Ван Липин услышал, что его товарищи говорили о буддизме и даосизме, что, вот, мол, монахов в монастыри снова возвращают, что правительство даже само подвигает людей на то, чтобы они становились «монахами», что такие «монахи» получают зарплату, днем ходят на работу, а вечером возвращаются домой, правда ли, нет ли.

Слушая эти толки, Ван Липин внешне был спокоен, внутри же у него все волновалось. После работы он побежал прямо на гору, чтобы поскорее сообщить новость Учителям и порадовать их.

Он взбирался по склону быстрыми шагами. Далекое горы мягко вырисовывались на краю неба, розово-красное вечернее солнце заволакивало все вокруг своим светом. У берега реки стоял задумчивый бык, тянувший шею к прозрачному потоку, пролетела с юга стая гусей, медленно растаяла в воздухе.

Ван Липин невольно засмотрелся на эту весеннюю акварель. На память пришли строчки древних стихов:

Скрылось солнце за тысячи ли,
Стало узким бескрайнее небо...

Он не помнил, чьи это строчки и удивился, почему они всплыли сейчас. Невольно.

Дед-Учитель знал наизусть немало древних стихов, и многим из них научил Ван Липина, и сейчас должны были бы вспомниться какие-нибудь более радостные, славящие весну стихи.

В мире людей благовонья
В апреле уже на исходе,
А у храма в горах начинается
Цветение персик свое.
Вечно горюют люди,
Когда весна уходит,
Будто не знают, что снова
Сюда возвратится она.

Весна пришла в горные монастыри. это верно, скоро наступит весна для буддизма и даосизма.

...Я когда-то с цветами равнял
Снег сходящий в стихах,
Ну, а ныне в стихах все цветы
Я равняю со снегом

Ну, хорошо, весна – это цветы, а цветы – это весна, распускаются сто цветов, весна повсюду. А все-таки, чьи же это строчки? А, вспомнил, это стихи поэта эпохи Южных Династий, Фань Юня. Они называются «Разлука». Такие хорошие стихи, и почему такое название?

Больше Ван Липин о странном появлении стихов уже не думал. А думал о том, что Дед и Отцы-Учителя снова встречают весну своего дела, и это очень здорово.

Это дело всей их жизни – совершенствоваться в трудностях, чтобы были продолжатели Великого Дао, чтобы оно распространялось в Поднебесной. У них только одно стремление – чтобы человечество узнало истину бесконечности космоса и то, что человек имеет в нем свое место и свое значение, что у него есть светлый путь к своему уделу. Но сколько же среди живущих есть таких, кто способен понять эту истину и личным примером проводить ее в жизнь?

И когда внутри самого человечества идет непрерывная война, народ загнан в угол, да и природе наносится ущерб, наука, техника, интеллект в каком-то смысле сделались уже орудием самоуничтожения человечества, кому еще нужна великая мудрость, проповедуемая буддизмом и даосизмом?

А весна и поворот судьбы – разве не дают они людям новых надежд?

В таких раздумьях Ван Липин незаметно подошел к дверям хижины кузнеца. Тут он подобрался, сосредоточился и подошел уже с улыбкой, как ни в чем не бывало.

Наставник Чистого Покоя возился перед входом с цветами и деревьями. Увидев Ван Липина, он обернулся к хижине и крикнул: «Юншэн пришел!»

Из дверей тотчас же появился Дед-Учитель, в одной руке одежда, которую он латал, а другую тянет обнять Ван Липина. И Наставник Чистой Пустоты пришел из-за дома с огорода, руки в земле, приговаривает: «Только что Учитель тебя поминал, велел мне зелени нарвать, а ты уж тут как тут!»

Ван Липин помахал коробкой, которую держал в руках: «А я сегодня принес вам кое-что вкусненькое – соленый арахис, чтобы жилось веселее!»

Дед завел Ван Липина в хижину, а Наставник Чистой Пустоты пошел собирать зелень. Потом Отцы-Учителя занялись приготовлением ужина. Ван Липин же отобрал у Деда одежду: «Я почию».

Наставник Чистого Покоя сказал: «Учитель, а когда Вы успели и этому Юншэна научить?»

«Это называется „Яблоко от яблони недалеко падает“», – встрял Наставник Чистой Пустоты.

«Это называется „самоучка“», сказал Ван Липин. Иголка так и ходила в его руках.

Посмотрел Дед, как ловко работает ученик, а потом вполголоса спросил: «Сынок, а что вчера не приходил?»

Ван Липин прыснул со смеху и поклонился: «Учитель, Вы постарели, путать начинаете. Я ведь вчера вместе с вами на гору ходил, а когда вернулись, вместе медитировали, дождик еще шел, как это Вы забыли то, что было всего полсуток назад?»

Оба Отца-Учителя посмотрели на Деда, но ничего не сказали.

«Да, вспоминаю, было такое, а может и не было, вчера от сегодня не отличишь, и вправду поглупел от старости». Говоря это, Дед не спускал с Ван Липина глаз.

«Ну, ладно, – невозмутимо сказал Ван Липин, – завтра купим тетрадку, записывайте в нее все, что происходит, так все и выяснится».

«Нет уж, нет уж, не надо, тетрадка денег стоит, а тебе деньги надо собирать, они еще понадобятся». Дед чуть помрачнел.

Ван Липин этого не заметил и, продолжая работать иголкой, сказал: «Деньги вещь внешняя, зачем их копить?»

Подошел Наставник Чистого Покоя и повернул разговор в другую сторону: «Учитель хотел сказать, что тебе семью надо кормить, например, жениться будешь, как без денег обойдешься?»

Ван Липин перестал шить и поднял голову. Невольно покраснев, сказал: «Учитель опять надо мной смеется».

Все четверо засмеялись. Наставник Чистой Пустоты отвернулся и украдкой вытер уголки глаз.

«Кушать подано!» – громко объявил Наставник Чистого Покоя. На столике, стоящем на кане, уже были расставлены чашки и разложены палочки, тут была и каша, и зелень, и арахис. Все уселись вокруг и ели с большим аппетитом.

Во время еды Дед сказал: «Зелень в огороде растет отлично, больше ничего покупать и приносить не надо, приходи просто каждый день есть, и все».

И два Отца-Учителя сказали: «Мы будем ждать тебя к ужину, дома родителям скажи, чтобы не ждали».

Ван Липин дождался, пока старики кончили есть, убрал и помыл посуду, и потом только торжественно сказал: «У меня есть хорошая новость».

Дед его перебил: «Не надо говорить, мы все знаем. В Поднебесной дела так устроены, что десять лет берег восточный, десять лет берег западный, Инь опускается, Ян поднимается, упадок доходит до предела, начинается расцвет, это все причинно обусловленные дела. А мы все живем по другой мерке, нам только Великое Дао надо строго блюсти – и все. Время уже не раннее, ступай-ка ты домой, чтобы родители не беспокоились».

Почесав затылок, Ван Липин распростился со стариками. Они проводили его за порог. Дед опять наказал: «Приходи каждый день, раньше будешь уходить, раньше домой возвращаться».

С тех пор сразу после работы Ван Липин спешил к старикам. У них всегда все к его приходу было готово. Как только он появлялся, старики начинали суетиться, словно что-то еще надо было сделать, да только делать было нечего, будто много надо было сказать, но ничего не говорилось.

Ван Липин чувствовал, что что-то назревает, но что – он не знал. Это непонятное ощущение появилось в нем с того самого дня, когда Дед «напутал». Да еще те строчки, неизвестно как появившиеся у него в голове, они тоже были источником этого ощущения.

Что же может случиться?

Неужели старики знают, что в связи с изменением обстановки их горячее желание вернуться в пещеры, которые они давно покинули, не может исполниться?

А почему Наставник Чистого Покоя так пошутил, сказал, что мне надо жениться? Неужели одного меня здесь оставят, разлучатся со мной?

Про себя Ван Липин понимал, что на его уровне ощущения не обманывают. Он ничего

не может скрыть от Учителей, а Дед и Отцы тоже от него ничего скрыть не могут. Но все четверо люди, из плоти и крови, у них есть чувства, и чувства искренние, чистые, глубокие. Чтобы они расстались? Ван Липин не верил, не желал, не допускал, что такое может действительно произойти. Это было просто невыносимо, от этих чувств душа болела, и боль была гораздо острее той, которую он испытывал в процессе совершенствования в выплавлении, гораздо мучительнее. Ван Липин испытывал еще одно из страданий человеческой жизни.

А разве не то же самое чувствовали старики? Они достигли уже преклонных лет, ни родственников, ни детей у них не было, но они глубоко и искренне любили людей. А любовь к своему внуку и сынку Ван Липину, который вырос на их глазах, на которого полтора десятка лет тратили они кровь своего сердца, шаг за шагом привлекая его к себе, была так велика, что выразить ее в словах не представлялось возможным. Сейчас же им предстояло расстаться, и разве не было это для них огромным горем?

Но решено было сделать именно так, молча решено.

И ни один решения не нарушил, все строго охраняли плотину, поставленную на пути чувств.

В один из дней Ван Липин справился с работой пораньше и с завода сразу зашел в магазин. Купил две пары матерчатых туфель, они были очень прочные и предназначались для двух Отцов-Учителей. Потом зашел в магазин готового платья и выбрал кофту и штаны старого фасона, кофту с застежкой посередине, а штаны широкие, свободные, это предназначалось Деду. Завернув все хорошенько, направился на гору.

Вечернее солнце окрашивало западный угол неба, воздух был необычайно свеж.

Старики ждали его прихода у порога.

Ван Липин приблизился. Он увидел силуэты стариков. А еще то, что несколько ив перед хижинкой, которые выросли вместе с ним, были заново окопаны, земля под ними окучена валиком и залита водой.

Все четверо задумчиво глядели на эти деревья, никто не произносил ни слова. Как будто вспоминали, как сажали из здесь много лет назад.

Как быстро летит время! Деревья стали высокими и пышными, а Ван Липин из маленького мальчика превратился в мужчину, наставники же стали Бессмертными старцами.

Со свертком в руках Ван Липин подошел к старикам и не окликнул их, как обычно, ноги его подогнулись, он упал на колени.

Наставник Чистого Покоя поспешил поднять его, ворча: «Это что же такое? Почему не слушаешься, почему опять деньги зря тратишь?»

«У ученика одно желание – чтобы Наставники приняли подарки». У Ван Липина перехватило дыхание.

«Заходи в хижину, надо поговорить», – Наставник Чистого Покоя потянул Ван Липина за руку, и все вошли вслед за ним.

Уселись на кане и снова без слов глядели друг на друга. И Учителя и ученик понимали: что должно случиться, то случится.

Дед крепко взял Ван Липина за руку, другой рукой ласково потрепал его по волосам и сказал: «Сынок, ты устал за день, ступай пораньше домой, отдохни».

Старики встали. Ван Липин тоже невольно поднялся, поклонился, сложив руки, и очень тихо сказал: «Пусть Наставники берегут себя. Ученик прощается».

Пятясь, он вышел из хижины. Через несколько шагов, видя, что старики все еще стоят неподвижно, повернулся и стал быстро спускаться с горы.

Стемнело. Ван Липин шел, сам не зная куда. Внезапно до слуха его донеслись звуки ивовой дудочки, тягучие, плавные, мелодия с характерным ритмом.

За стенами дворца
У обочин пути,
Ароматы травы вознося к небесам,

Унесет ветерок звуки дудки моей
Далеко-далеко, куда солнце ушло.
И устои Небес,
И глубины морей
Будут знать, что расстались надолго друзья.
Только кубок вина и остался со мной,
Чтобы в ночь расставанья рассеять тоску.

Ван Липин понял, что это мелодия песни Ли Шутуна (впоследствии монаха Хун Ифа). Знал ее только Наставник Чистого Покоя, а в миру она была давно забыта. Как же горько было услышать в этот час песню, которая называлась «Проводы уходящего».

Глотая слезы и не разбирая дороги, Ван Липин шел, куда глаза глядят, к «устоям Небес и глубинам морей». Ноги заплетались. «Устои Небес», «глубины морей» – они ведь здесь, а впереди бескрайняя тьма.

Он упал на землю и забылся сном.

Не осознавая, сколько прошло времени и где он находится, Ван Липин почувствовал вдруг в себе необыкновенную легкость, вокруг был такой покой, такая свежесть.

Он стоял у подножия зеленой горы. Потом двинулся по старой дороге вверх. Усталости как не бывало. Невдалеке показалась старая сосна, под ней в непринужденных позах лицом друг к другу сидели три человека. Ван Липин подумал, что раз есть здесь такие небожители, то не мешало бы посетить их.

Выйдя вперед, он снизу поклонился им: «Истинные Мужичи наверху, а потомки их беспокоят».

Те трое ничего не ответили, как будто бы и не слышали. Ван Липин вгляделся попристальней и тогда только различил, что это не кто иные, как Дед и Отцы-Учителя. Сам не свой от радости, он поспешил спросить: «Почему почтенные Учителя тут сидят?»

Дед приказал ему сесть и, не торопясь, сказал: «Лин Лин-цзы, мы получили повеление оставить горы и обучать тебя в качестве Восемнадцатого Транслятора Школы Драконовых Ворот Полной Истинности. Это было пятнадцать лет назад. Мы учили тебя, как завещали патриархи, все правила поведения, принципы и приемы мастерства, все секретные техники Школы Драконовых Ворот переданы тебе. Ты учился успешно, и наша миссия завершена. Пользуясь тем, что Поднебесная успокаивается, мы возвращаемся в свою пещеру. Ты же временно остаешься дома, мы соберемся снова на горах, когда исполнится накопление заслуг. Это судьба Учителей, ни ты, ни мы не можем ее нарушать. Хотя мы любим друг друга, иногда приходится терпеть боль разлуки».

Эти слова поразили сердце Ван Липина в самое болезненное место, слезы невольно хлынули из глаз, он задохнулся от горя.

«Вы были так милостивы к своему ученику, как же снесет он разлуку? И вы все уже в преклонных годах и нуждаетесь в помощи ученика. За вашу милость и доброту ученик не сможет отплатить вам, даже если будет жить вечно. Расстаться сегодня для ученика невыносимо трудно, он хотел бы следовать за Учителями, не отходя от них ни на шаг».

Этих слов не выдержали и старики. Они залились слезами.

Наставник Чистого Покоя отер слезы и твердо сказал: «Мы пресытились горестями и страданиями и потому расчувствовались, как дети. Сынок, ты не такой, как мы, у тебя есть родители, есть братья и сестры. Хоть ты и совершенствовался и вступил на Путь, человеческий Путь тоже нарушать нельзя. Ноша, которая лежит на твоих плечах, тяжелее нашей, и если будешь вот так вот убиваться, как снесешь ее? О том, как будем жить мы, тебе не следует беспокоиться, и в такой разлуке нужно показать себя героем».

Слезы у всех высохли. Наставник Чистой Пустоты сказал: «Сынок, нам очень жаль оставлять тебя одного. Но в этом труде, как бы он ни был тяжел, мы не можем заменить тебя, ты один в силах его свершить. Мы ждем от тебя, что ты возвратишься в суетный мир, мир безбожия, претерпишь все испытания и сделаешь все совершенно один, это очень трудная

задача. Здесь нужна твердая решимость и несгибаемая сила духа».

Дед поднялся, взял Ван Липина за руку и все четверо медленно пошли по горе. Вдруг со старой сосны взлетел белый журавль. Издав протяжный клич, он умчался в небо. Настроение у всех сразу переменилось, снова увидели красоту света и услышали звуки музыки Бессмертных. Человек Беспредельного Дао начал читать стихи патриарха Цю «Весна, омывающая сад»:

Беззаботна великая мудрость,
Безудержно она в проявлениях
Доверяет свободе своей,
В этой вольности тайна сокрыта.
Под сосною на камень главу
Преклоняет поэт подгулявший—
Это зреет высокая песнь
Под луной на ветру.
То ли дудка нефритовой девы поет,
То ли отрок золотой рукавом
Помавает, танцуя,-
Провожают хмельного
До входа в великую тайну.
За вратами ж ее
Погружается разум в глубины,
И безбрежным стает,
Потому что податлив и гибок.
Сокровенья чудес не опишешь
Земными словами,
Человеку дает сокровение ход в Небеса.
Суэта позабыта, не помнится время,
Одинок в горах
Совершенствует тело и дух.
Это сплав шэнь и ци ,
Опусканье-подъем Инь и Ян,
А потом –по земле беззаботно
Бродит он, небожитель-сянь,
И легко и охотно,
Без всякой корысти
И без мук и усилий,
Словно балуясь кистью,
Пишет стихи.

Налетевшее вдруг облачко унесло стариков. Сложив руки, Ван Липин поклонился им вслед.

Проснулся он дома. в своей постели, а сон свой помнил. как будто все было наяву. Он понял, что все вот так уже и решено, что пусть все лучше идет своим чередом, и настроение у него улучшилось. Но он по-прежнему думал, что возраст у стариков высокий, а путь им предстоит дальний. Чтобы облегчить дорогу, он пошел на вокзал и купил билеты на поезд, купил также немного фруктов, а затем побежал на гору.

Старики заранее все прибрали, чисто вымели и в хижине и во дворе. Поистине, пришли на пустое место, после себя оставили ту же пустоту. Ван Липин увидел, что Дед в новой одежде, а Отцы в новых туфлях, что чувствуют они себя бодро, прямо-таки помолодели. И за фрукты не стали его ругать, сложили в котомки – и все.

Ван Липин сказал: «Чтобы пополнить личный опыт Учителей в отношении брэнного

мира, прошу их на этот раз поехать на поезде». Вытащив билеты, он протянул их Наставнику Чистого Покоя.

Старики засмеялись. Дед сказал: «Ладно, будь по-твоему. Мы, три старых отшельника, тоже понюхаем то, что Человек Дао Странствий с Облаками называет круглыми железными ногами».

До отхода поезда было еще много времени, и Ван Липин сбегал домой, попросил мать напечь лепешек. Узнав, что старики уезжают, матушка Ван тоже не могла удержаться от слез.

На горе старики уже ждали его с котомками за плечами. Дед отдал ему чудесную черепашку, чтобы он поселил ее у себя дома. Видя, что черепашка совершенно спокойна, Ван Липин поднес ее к лицу, поцеловал, а потом пустил в ладонь, чтобы она попрощалась со стариками.

Еще раз оглянулись на старую хижину кузнеца, на цветы и деревья перед ней, на все вокруг, поклонились всему этому и стали медленно спускаться с горы.

На вокзале их ждали все члены семьи Ван от мала до велика. Вслед за Ван Липином старики поднялись в вагон, он подробно объяснил Наставнику Чистого Покоя, как нужно делать пересадку, а потом сошел и остановился на перроне. Матушка Ван почтительно передала в окно лепешки и опять прослезилась.

Поезд тихо тронулся, со слезами на глазах, старики махали в окошко руками. Матушка Ван, опираясь на руку дочери, все плакала, плакала и дочка. Поезд медленно удалялся. Ван Липин стоял на перроне недвижно, без слов и без слез, в голове его было пусто.

Полтора десятка лет они четверо провели вместе, любили друг друга безгранично, виделись и утром и вечером, это был их мир. Сейчас старики уезжали от него на поезде, и стук колес усиливал его тоску. Старики всю дорогу безучастно смотрели в окно, без слов переглядывались и снова молчали, а поезд все нес их вперед.

Дорога прошла спокойно. Если трудности и возникали, всегда находился кто-то, чтобы помочь Старики и не замечали особо, кто им помогал, молчали всю дорогу.

Очень скоро добрались они до Циндао, откуда двинулись на восток, и вот уже вновь стоит перед ними гора Лаошань.

Пятнадцать лет назад они простились с землей предков, а с тех пор, как заходили сюда во время странствий с облаками, тоже прошло уже семь лет. И вот они снова здесь. Чувства стариков бушевали, как море у подножья горы. Только вот ученика не было с ними рядом, и даже втроем старики чувствовали себя одиноко.

Не обращая ни на что внимания, они направились прямо к пещере Вечной Молодости. Дорога была хорошо знакома, а шли тяжело. Когда до пещеры оставалось уже недалеко, Человек Беспредельного Дао сказал: «Там кто-то есть». И тут же из пещеры появился человек. Старики так и ахнули – это был их Юншэн. Сначала они подумали, что это его Янский дух, и только когда он бросился вперед принимать их котомки, поверили, что это он сам. И за руки его тянули, и щупали, а уж целовали, целовали! Поистине, не виделись день, а словно прожили в разлуке три года.

Человек Беспредельного Дао спросил: «Сынок, мы ведь прибыли на летающей тележке, как же ты сумел нас обогнать?»

Увлекая стариков в пещеру, Ван Липин говорил: «Я ведь провожал вас всю дорогу, разве почтенные Учителя не заметили?»

Старики словно проснулись. И вправду, всю дорогу кто-то тепло о них заботился, но они думали о другом и упустили это из виду. Переглянувшись, они невольно засмеялись. Глядь, а в пещере уже чисто выметено, все нужные в хозяйстве вещи по порядку расставлены, даже четыре тростниковые циновки аккуратно расстелены. Значит, Юншэн пришел уже давно.

Дед с интересом спросил: «Сынок, дело мы тебе уже разъяснили, зачем же ты опять сюда явился возиться со стариками?»

Ван Липин сказал: «Дедушка и Отцы устали в дороге, садитесь, пожалуйста, отдохните.

„Дело“, естественно, ученик сделает, как было ему сказано. Да вот только одну вещь он не совсем понял, поэтому и поплелся следом на гору, попросить почтенных наставников дать разъяснение».

Все четверо уселись в позе лотоса на циновках и Дед-Учитель опять спросил: «Что непонятно?»

Ван Липин сказал: «С тех пор как ваш ученик стал изучать Дао, чтобы продвинуться по Великому Пути, Наставники учили меня сохранению чистого покоя и чистой пустоты, постепенному отказу от материальных желаний, отсечению порочных мыслей, разрыву с суетой, чтобы ничто не могло нарушить Пустоту. Ученик прошел все испытания, много лет изучал Дао, понял его принципы и стал таким, каков он нынче. Зачем же почтенные Учителя опять велят ученику оставаться в суетном мире, ведь чтобы соблюдать Великий Путь, надо покончить с путем человеческим? Вот чего ученик не мог понять, сколько об этом ни думал».

Старики переглянулись, с улыбкой закивали головами. И Человек Беспредельного Дао неторопливо заговорил: «Ученик поистине неглуп. Ты подумай сначала, могло ли в Поднебесной, не говоря уж о школе Драконовых Ворот, быть такое, чтобы седовласые Учителя двух поколений учили одного ученика? А еще подумай, десять лет длилась смута в Поднебесной, ни один человек утром не знал, что будет вечером, сколько было людей, желавших войти в эти врата, да дороги не нашли, а тебя, много лет изучавшего Дао, увели в связи с этим в горы, разорвали все связи с суетным миром, разве это так просто?»

На столько лет мы увели тебя в странствия с облаками, почему же снова вернулись на твою родину, опять заставили тебя терпеть трудности этого суетного мира? Если говорить о наших чувствах к тебе, то наши отношения нельзя сравнить даже с отношениями отца к сыну. Мы уже старики, нам идет девятый десяток, горечь этой разлуки невыносима для нас, несколько десятков лет не было у нас такого горя, мы, старики, обливаемся слезами! Оставить тебя одного в суетном мире, чтобы ты опять шел по пути человека, это не нами решено, обстоятельства складываются так, что нельзя поступить иначе».

Все тихо слушали эти разумные и с большим чувством произносимые слова Человека Беспредельного Дао. А он продолжал:

«Порядок круговращения мира разумен и предопределен, его Пружина сокровенна и ее не раскрыть словами. Со времен патриарха Цю прошло восемьсот с лишним лет. Были с тех пор и расцветы и упадки, но заложенная им традиция не прерывалась. Дао пронизывает вселенную, растекается повсюду широчайшим и глубочайшим потоком, сокровенное и всепроникающее. По разным причинам мы удалились от мира, жили отшельниками на горах и в лесах, посвятили всю жизнь самосовершенствованию, только одному этому. А в распространении Великого Дао мы преуспели очень немного. Не потому, что не занимались этим, а потому, что время этому не благоприятствовало. Мы совершенствовались несколько десятков лет, чтобы сделать в конце жизни одно дело, всего за пятнадцать лет передать Дао тебе. На тебя же ляжет двойная задача – расширять и распространять Великое Дао, когда настанет время».

Человек Беспредельного Дао посмотрел на Ван Липина долгим проникновенным взглядом и продолжил с глубокой верой:

«Пройдет несколько лет, и религиозное сознание человечества пробудится вновь. Связь Неба и человека станет среди мирян средоточием всех поисков. И тогда вся мудрость, накопленная китайской цивилизацией, творческие потенции, скрытые в даосской культуре, снова будут открыты мирянами и широко разольют по миру свой свет. И тот, кто будет распространять даосскую культуру, должен быть, во-первых, истинным ее знатоком, а во-вторых, иметь личный опыт в мирских делах. Без этих двух условий задача не может быть решена успешно. Ты понял, Лин Лин-цзы?»

Слушая тонкий анализ Деда-Учителя, Ван Липин словно пробудился от глубокого сна. Сложив руки в поклоне, он сказал: «Слова Учителя, словно ветер, разогнали остатки туч. Ученик все понял».

Человек Беспредельного Дао сказал ласково: «Когда вернешься, тебе придется скрывать свой свет, „соединять свет с пылью“, быть самым обычным, простым человеком, уважающим родителей, любящим братьев и сестер, живущим в мире с соседями. мягким, уступчивым, старательным и бережливым, хорошим семьянином. Надо ни с кем не соперничать, быть добрым к людям и накапливать никому не видные заслуги тайными благодеяниями. Умение жить с людьми проистекает из истинной разумности. Сближение с живыми существами коренится в верности. Интересным питай вдохновение, неинтересным пестуй волю, возвращайся к простоте и безыскусности, ищи радость в Небесной истинности. А попросту говоря, хорошенько работай, по-доброму относись к людям, а когда заведешь семью, живи дружно, спасай от смерти, поддерживай больных, помогай Небу в осуществлении Дао. А соскучишься по нас, приходи повидаться. Здесь и твой дом тоже».

Ван Липин кивал головой: «Ученик запомнил».

Продолжил Наставник Чистой Пустоты: «Юншэн, сынок, твой Дед, когда начал учить меня и твоего Отца-Учителя Чистого Покоя, часто повторял: Труден ум, трудна и глупость, а еще труднее переход от ума к глупости. Сделаешь ход вперед – отступи назад, только так сохранишь покой сердца. Тебе сейчас известно слишком многое, и многие вещи обыкновенные люди не могут принять и неспособны понять. Ты молод и силен. Ни в коем случае нельзя соперничать с обыкновенными людьми, это процесс шлифовки сердечной природы, надо научиться вести себя естественно с людьми высшими, средними и низшими. Это то, о чем Лао-цзы говорил: „Прозревший Дао не отличается от темного“. Мы оставляем тебя для осуществления Дао в миру, тоже следуя этому принципу естественности. И мы не объяснили тебе эту трудную задачу, а хотели, чтобы ты сам постепенно в ходе жизни ее понял, именно для того, чтобы ты не потерял естественности. Замысел был такой, чтобы тут схитрить, не объяснять тебе ничего. Кто знал, что глупости в тебе совсем нет, а как можно без глупости подняться в еще более высокий мир?»

Ван Липин со смехом сказал: «Ну, в результате таких стараний Учителей ученик будет еще неглупее». Тут и старики расхохотались.

Наставник Чистого Покоя сказал: «Ты один оставлен в миру, там тебе очень одиноко, поэтому давай-ка назовем тебя „Отшельником в миру“».

Старики захлопали в ладоши: «Отлично!»

Человек Беспредельного Дао взял Ван Липина за руку, и все вышли из пещеры. Но увидев вздымающиеся горы, зеленые сосны и кипарисы, слыша плеск волн у берега, посвистывание ветра в горах и голоса птиц, он опять вспомнил стихи патриарха Цю «Без суетных мыслей» и прочитал их Ван Липину:

Пришло в движенье Дхармы колесо,
И вот уж ветер мудрости рождается,
В нем беспредельность с чистотой ее
И холодом, в которой ци искрится.
Докучных мыслей рой исчез,
Чревоугодь, алчность, вожделье –
Их нет следа, зато взамен
Спокойное величье мысли духа,
Глубин ее нельзя копьем измерить.
Удары била возвращают время.
Уж поздно навещать учителей,
Пора подумать о пути обратном.
Журавль приносит весть и зов
От тех, кто полной истиной владеет.
На облако сажусь и поднимаюсь
Ко Млечному Пути.

Учителя и ученик вернулись в пещеру, совершили церемонию поклонения патриархам, Ван Липин опять поклонился каждому Учителю и пошел с горы вниз.

Глава восемнадцатая Бодисатва

В нескольких долгих беседах с авторами этой книги г-н Ван Липин нб словом не упомянул о расставании с Учителями. И только в самом конце, когда мы снова к нему «пристали», он с трудом рассказал нам, как все на самом деле было. В то время он чувствовал себя так же, как по воскресении из мертвых после «сухого голодания», еще раз пришлось ему опуститься на самое дно пропасти человеческой жизни. При проходах Учителей на вокзале и в поезде они не обменялись ни единым словом, слез тоже не лили. Только по возвращении с Лаошаня, когда начинал вспоминать прошлое, сердце щемило все сильнее и сильнее. В самое трудное и трагическое время люди не плачут, плакать они начинают потом. После Лаошаня он заболел, заболел очень серьезно, больше двадцати дней ушло на поправку. И старики на Лаошане в это время болели. Даже при рассказе об этом глаза у Ван Липин опять покраснели.

Возможно, сказанное не соответствует образу безмятежного даоса, стремящегося порвать все связи с обусловленным миром, с образом, который мог сложиться у читателя? Никто из участников учебных семинаров, которые устраивает г-н Ван Липин, не может забыть, что когда в течение определенного времени Учитель живет вместе с учениками, когда они занимаются вместе самосовершенствованием, возникает интересное явление психологического заражения. Будь то старый немощный человек, или хронический больной средних лет, или тоскующий юноша, надо всеми словно ветерок весенний пролетает, без следа исчезает боль, тоска, печаль, потерянности, люди непостижимым образом становятся веселее, радостнее, превращаются в стайку играющих детей, становятся вдруг новыми людьми. Еще интереснее то, что у учителя и учеников сонстраиваются «биологические часы». Если вечером г-н Ван Липин не спит, ученики и не пытаются заснуть; а если не спят ученики, г-н Ван Липин тоже не заснет. Поэтому две стороны начинают «противоборствовать», и лишь когда г-н Ван Липин установит «истинную норму», все мирно засыпают.

Г-н Ван Липин рассказывает: даосы учат о слиянии микрокосма с макрокосмом, с точки зрения всего человечества, это слияние человечества с космосом. В отношении же отдельного человека, это не только исчезновение рубежей между ним и природой, но еще и исчезновение рубежей между людьми. А совместное совершенствование в выплавлении – это безмолвное общение между людьми, это общее возбуждение мышления, молчаливое согласие душ, это эмоциональное слияние. Совершенствование в выплавлении гармонизирует взаимоотношения между людьми, это хороший способ установления близости, дружбы, взаимной поддержки.

Ван Липин совершенствовался вместе со своими Учителями полтора десятка лет. Не только мысли и чувства их были слиты воедино, воедино была слита вся их жизнь. Г-н Ван часто говорит, что в нем слились шесть природ – отца, матери, троих Учителей и его собственная. Вполне понятно, что после расставания обе стороны почувствовали и как им было больно.

И разве это не один из видов философской антропологии?

В системе нашего образования, особенно начального и среднего, ученики с учителями с утра до вечера вместе, но не всегда у них получается эффект, которого г-н Ван Липин достигает в своих учебных занятиях всего лишь за двадцать коротких дней. Почему же? Потому что кроме устной и письменной формы связи с учащимися, г-н Ван Липин добивается слияния душ и жизней. Если бы наше школьное образование могло извлечь из этого урок, в методике преподавания, возможно, тоже была бы найдена дорога «без формы и без материи». Такая методика была бы чрезвычайно важна для воспитания в детях

способности любить.

Для совершенствования в выплавлении внутреннего мастерства очень важно воспитание Дэ. Некоторые совершенствующиеся связь между мастерством и Дэ объясняют так: больше будешь совершать добрых дел – больше накопишь Дэ, таким образом будет больше людей, которые в душе тебе благодарны, желают счастья, и в бесформенном поле мысли, образованном множеством народу, твое мастерство, естественно, сможет возрастать быстрее. На самом деле, здесь затрагивается лишь очень маленькая часть проблемы. Совершенствование внутреннего мастерства – это совершенствование сердечной природы, воспитание чувств, процесс очищения души. В ежедневных сидячих медитациях тело и ум постепенно погружаются в мир покоя, гармонии, равновесия, чистоты, самозабвения и слияния со всем живущим. Все беспокоящее, агрессивное, разрушительное, грязное, своекорыстное полностью размывается, исчезает, как дым. При постоянной погруженности тела и ума в этот мир, в этой безмолвии сами собой возникают вещи добрые, прекрасные, истинные, которых не может запятнать никакая грязь, это похоже на глаз, который не может вместить в себя песчинку.

Когда г-н Ван Липин рассказывал авторам книги о своих ощущениях в процессе многолетнего самосовершенствования, он говорил, что самым глубоким из них было то, что сердце невольно и неосознаваемо становилось все мягче, все невыносимее для него становилось видеть зло и несчастья.

У Лао-цзы в «Даодэ цзине» говорится о «Дао» и «Дэ». «Дао» – это корень Прежнего Неба, это корень и источник космоса. Из «Дао» рождается Тьма вещей, имеющих форму и материю, способных рождаться и исчезать. Сущность «Дао» последующие поколения даосов обоштили в виде десяти характерных черт: «чистого небытия», «беспримерной чистоты», «спонтанности», «простоты», «примитива», «легкости», «чистого покоя», «недеяния», «мягкости и слабости», «несоперничества».

Когда эти черты воплощаются в человеке, это и есть «Высшее Дэ». «Высшее Дэ» – это антропомофизация «Дао». Когда «Дао» воплощается в человеке, это называется «Дэ».

В «Лао-цзы» говорится: «Высшее Дэ не удерживает, а потому обладает притягательной способностью». И еще: «Отверстое Дэ пусто, оно следует только Дао».

Это означает, что высшее «Дэ» спонтанно, у него нет формы, нет следов, по которым можно его найти, нет истоков, которые можно исследовать, оно внутреннее, потайное, не видимое снаружи, ненарочитое, спонтанно возникающее.

Если же искусственно, нарочито, формально, то это «Низшее Дэ». «Низшее Дэ не упускает возможности удержать, а потому в нем отсутствует притягательная способность». Когда повсюду делают вид, что проявляют Дэ, считать это Дэ нельзя.

«У Высшего Дэ нет деяний, нет и неделанного».

Наставники часто говорили Ван Липину, что совершение хороших дел за вознаграждение не считается добродетельным поступком. Если сделал доброе дело и, хотя и не стремишься к вознаграждению, сам в своем сердце это отметил, это называется «Янским Дэ». А когда сделал доброе дело, но сам об этом не знаешь, это называется «Иньским Дэ».

Нам очень хотелось привести трогательные примеры того, как г-н Ван Липин в течение девяти лет жизни в своей семье помогал Небу в распространении Дао, упорядочивал мир и спасал людей, но когда мы затронули этот вопрос, Ван Липин смутился, посмотрел на нас недоуменно, как бы говоря: «Да разве стоит об этом упоминать?»

Лишь позже мы поняли, что сочувствие, сопереживание, милосердие, взаимопомощь и тому подобные прекрасные вещи у человека с «Высшим Дэ» принадлежат подсознанию, можно сказать, что они у него интуитивны.

В «Лао-цзы» говорится:

Когда Дэ, рожденное от Дао, сберегается, силы, формирующие живые существа, делают их совершенными. По этой причине среди Тьмы существ нет таких, чтобы не почитали Дао, не уважали бы Дэ. И не по чьему-то приказу, а всегда и спонтанно. Потому что когда Дэ, рожденное от Дао, сберегается, когда взращивается то, что его питает,

прекращается то, что его отравляет, когда пестуется то, что его регулирует, оно живет, но не проявляется, действует, но не обособливается, возглавляет, но не чинится. Это называется сокровенным Дэ.

Еще говорится:

У совершенномудрого человека нет постоянного сердца, его сердце составляют сердца всего народа.

Обладающий «Высшим Дэ» считается совершенномудрым. Когда совершенномудрый ведет жизнь обычного человека, смешивается с суетным миром, это еще более высокий уровень человеческой жизни, он называется «бодисатва».

О бодисатвах сказано:

Мог переправиться на ту сторону, однако остался на этой, чтобы исполнить долг.

И г-н Ван Липин, горячо любящий всех людей и все живое, слитый воедино с природой и исследующий загадки космоса, общества и человеческой жизни, естественно и просто начал свою повседневную мирскую жизнь. В семье он почитал родителей, к которым испытывал глубокие чувства. В медитациях он часто обращал свою мысль в направлении, обратном течению времени, и перед его глазами одна за другой проплывали видения того, с какой любовью мать его вынашивала, выкармливала, как шила ему одежду и готовила пищу, как тяжело работала, чтобы вырастить всех их, шестерых детей. Видения были такие ясные, такие реальные, что не могли не растрогать Ван Липина. Когда человек в детстве окружен материнской любовью, он словно греется в лучах солнца, чувствует себя спокойно, естественно, ему не о чем тревожиться. Но когда человек вырастает и вспоминает, как были тогда добры к нему родители, разве может он не растрогаться родительской любовью? А у Ван Липина чувства к родителям были сильнее, чем у обычных людей, ибо благодаря технике «возвращения к младенчеству, воспоминания прошлого» он мог возвращаться в прошлое и видеть истинное положение вещей.

А сколько крови сердца истратили на него Дед и Отцы-Учителя! Он не обманет их надежд, но, кроме того, как бы хотелось ему выразить им свою сыновнюю почтительность! Но Учителя были далеко.

Дед-Учитель часто ему говорил: «Выражая сыновнюю почтительность к родителям, ты выражаешь сыновнюю почтительность своим учителям». И он переносил свое чувство к трем старикам на родителей и всех пожилых людей вообще. Жизнь родителей он рассматривал как часть собственной жизни. Нынешняя жизнь есть всего лишь Посленебесная жизнь человека, а его Прежденебесная жизнь на самом раннем этапе начинается непосредственно матерью и отцом. Хотя после рождения человек отделяется от отца и матери, корень его остается в них, отсчет судьбы ведется от них. Поэтому уважение к родителям на самом деле является укреплением фундамента собственной жизни. И когда даосы говорят о почтении к старикам, это не просто гуманистическое, этическое требование, в этом заключен еще более глубокий жизненный смысл. По понятиям даосов, жизнь человека создается Природой, поколениями предков, эволюцией многих пространственно-временных факторов, она не изолирована, она звено в цепи причин и следствий, точка в сети связи многих факторов или точка на шаре.

Ван Липин все время жил со стариками, то с родителями, то с тестем и тещей. Он часто рассказывал им разные истории, иногда так и засыпал, как в детстве, в ногах на постели матери.

В двадцать девять лет Ван Липин женился на молодой работнице со своего завода по имени Тун Минь. На этом этапе старый стиль брака был весьма силен.

Матери Ван Липина и Тун Минь с детства росли вместе, как родные сестры. Они еще тогда договорились так: если уж мы не сестры, так будем сватьями. И, поистине Небо следует желаниям людей, через десять лет в семье Ван родился мальчик, а в семье Тун девочка, с детства они росли вместе, вместе играли, хорошо друг друга понимали. Потом Ван Липин поступил в ученики к даосам, а девочка Тун думала, что он учится у «почтенных докторов» какому-то ремеслу. Она и представления не имела, что этот мальчик, с которым

они играли в прятки, уже начал приобщение к тайнам Дао, и любила его как простого человека. Ван Липин по наказу Учителей вернулся к мирской жизни и как обычный человек должен был жениться. Зная доброту девушки, он хотел сразу все ей объяснить, но не посмел и с тех пор сильно беспокоился. По счастью, Небо всегда помогает, и эта пара любящих в конце концов поженилась. В день свадьбы наставники, естественно, пришли поздравить ученика. Они явились рано-рано, но чтобы народ не переполошить, не показались всем, их ясно видел один Ван Липин. После окончания церемонии наставники попрощались и отправились назад, а перед уходом Дед шепнул ему на ухо, что через год родится мальчик.

Во время медового месяца Ван Липин все-таки отступил от своих привычек, он был хорошим мужем. Но изменить образ жизни, который сложился более чем за полтора десятка лет, всегда очень трудно. Каждый раз глубокой ночью он потихоньку вставал и сидел в медитации до рассвета.

Потом жена это обнаружила и сначала особого внимания не обратила. Но как же ей было не встревожиться, когда это стало повторяться изо дня в день? Пришлось ей каждый вечер следить за тем, чтобы Ван Липин ложился. Он не спорил, слушался. Жена радовалась и сладко засыпала.

Однажды ночью, когда она крепко спала, Ван Липин опять потихоньку поднялся и сел в позу лотоса для медитации. Он не заметил, когда жена проснулась, а она, обнаружив, что мужа опять рядом нет, зажгла свет. Он недвижно сидел в позе лотоса. Видя, что глаза и рот мужа плотно закрыты, вид безучастный, жена протянула руку к его ноздрям – а там не следа дыхания. Перепуганная женщина разрыдалась.

А Ван Липин открыл глаза и, как ни в чем не бывало, засмеялся: «Чего плачешь? Что тут плохого?»

Ван Липин был в некотором затруднении – ну, как же ей объяснить? Этого ведь в двух словах не скажешь! Все знали, что он проводил все свое время с тремя стариками, беженцами из голодных районов собственно Китая. Но он же был тогда всего только тринадцатилетним мальчиком, очень добрым, он заботился о стариках – и только. О великой тайне этих отношений даже родители совсем не все знали, а другие люди не знали и подавно. Дед-Учитель перед расставанием еще раз ему подтвердил, что нельзя ничего никому раскрывать, пока не придет время. Жена задавала ему некоторые вопросы, касающиеся изучения Дао, но ему приходилось отмалчиваться или отвечать уклончиво в надежде, что она привыкнет и все само собой уладится.

А у жены, в свою очередь, подозрения усиливались. Так как муж толком ничего не объяснил, она все больше сомневалась. Днем на работе постаралась отдохнуть, а ночью, когда потушили свет, глаз с мужа не спускала, наблюдала, что там на этот раз он будет выделывать со своими руками и ногами.

Но на этот раз Ван Липин мирно и спокойно спал до самой зорьки. Обрадованная жена стала упрекать себя, что раньше спала слишком крепко и оставляла ему «лазейки». В апогее ее скрытой радости дверь комнаты открылась, и вошел Ван Липин! Она обернулась к кровати, а там – никого. Повернулась опять к мужу – вся обувь у него в грязи, а брюки сзади совсем мокрые.

Увидев, с каким подозрением смотрит на него жена, Ван Липин невольно опять рассмеялся. Разуваюсь, он сказал: «Вышел по нужде, а там дождь, как из ведра». Жена уж не знала, где правда, где ложь, где реальность, а где иллюзия. Все перевернулось, запуталось, она то мужа подозревала, то себя начинала подозревать.

«Этот человек поистине не как все», – часто говорила она самой себе. Он мало читал книги и газеты, но часто что-то писал в тетрадках. По правилам, муж не должен иметь секретов от жены, так что посмотреть, что такое там муж пишет, она тоже имела право. Муж тетрадок никогда не прятал, они лежали на полочке в тумбочке у изголовья кровати. Но ни у нее, ни у кого из домашних никогда и мысли не возникало почитать эти тетрадки. Одна тетрадка заканчивалась, он брал другую и снова писал. В ее глазах муж был любознательным и умным человеком. Обычно он ни о чем не расспрашивал, но ни одно событие от него не

ускользало. Говоря о делах заводских, домашних, делах друзей, а при случае и о важных государственных делах, он всегда попадал в точку, а особенно верно предсказывал события, которые должны были произойти в будущем. Он всегда знал, когда к ним придут гости. В этих случаях купит побольше овощей, вернется домой – тут неожиданные гости и пожалуют.

Однажды после обеда молодые супруги собирались пойти за покупками, как вдруг Ван Липин остановился у самой двери и велел жене скорей бежать к матери, сказал, что она сильно заболела и ее собираются отправлять в больницу. Жена разозлилась. Она была у матери в обед, все было там в порядке, как это за такой короткий срок она могла сильно заболеть? Но видя серьезность мужа и то, что он туда бросился, с недоверием и тревогой все-таки побежала вслед за ним. Только добежала до дверей, слышит – внутри шум, это как раз все домашние несут мать в больницу. Узнав, что случилось, она разволновалась до слез. Ван Липин же, наоборот, казался спокойным. Он взял руку тещи в свою и окликнул ее: «Мама!» Веки закрытых глаз старушки дрогнули и чуть приоткрылись, дыхание стало ровным. Ван Липин продолжал: «Вроде бы, Вы чувствуете себя очень хорошо, вставайте-ка и походите, посмотрим».

Старушка и вправду села, поднялась, опираясь на руку Ван Липина, сделала несколько шагов, все увереннее и увереннее. Цвет лица изменился, глаза оживились, стали живее, чем до болезни. Все вокруг сначала ахнули, потом обрадовались, заговорили, что старушке предсказана долгая жизнь, не должна была она заболеть. Одна только Тун Минь стояла в задумчивости. Ван Липин улыбнулся ей и, смеясь, сказал: «Ну, все еще не понимаешь, что случилось? Мама так по тебе скучала, что заболела. Ты пришла – и лучше ей стало». Тун Минь не могла ни смеяться, ни плакать.

На второй год после свадьбы у них действительно родился мальчик. С его рождением чудеса стали происходить постоянно. Мальчика отдали в ясли, и каждый раз как он там раскричится, Ван Липин тут же об этом узнавал и бежал сказать жене, работавшей в том же коридоре, чтобы она скорей к нему сходилась. Сначала Тун Минь думала, что мужу сообщала нянька из яслей. Порасспросила, оказалось – ничего подобного. Но муж продолжал каждый раз безошибочно сообщать ей, когда нужно было бежать к ребенку.

Тун Минь решила порасспросить поподробнее, постараться понять. На сей раз Ван Липин искренне признался жене: «По правде говоря, мне даже и самому непонятно, как я это узнаю. Это как в детстве, когда мы играли в прятки, я смутно чувствовал, где нужно искать. Когда вырастаешь, конечно умеешь чувствовать больше, чем в детстве, особенно в том, что касается кровной связи отца и сына».

Тун Минь вдруг вспомнила: точно! Когда они были маленькие, то куда бы ребяташки ни прятались, в какие бы потаенные места ни залезали, Ван Липин всегда мог их найти, словно дух, видящий демонов, с детства он был такой сообразительный. Вспомнив это, она почувствовала, что все это, как будто бы, вполне объяснимые вещи. Но был всегда в них какой-то оттенок таинственного, оставлявший в недоумении, было это или не было, никогда нельзя было сказать точно. Но, несмотря ни на что, муж человек добрый, серьезный, чрезвычайно благородный душевно, всегда готовый помочь другим – другого такого днем с огнем не сыщешь!

Таковы милосердие и любовь между людьми, мирские чувства – быть в них, но уметь их превосходить, не запачкаться, не остановиться, сохранить глубину и чистоту в постоянном вращении колеса Дхармы. Но и не показывать своего отличия, не обнаруживать своего света, не выставлять напоказ чистоты и возвышенности, они могут исчезнуть бесследно, как лед под лучами солнца. Слить воедино беспорядочный суетный мир и пустое Великое Дао – это все равно что рыбе дорваться до воды, все равно что воде обрести рыбу. Небо должно отразиться в глубине, чтобы мир обрел полноту.

Совершенствование в Дао в отшельничестве и в миру сильно отличаются. В отшельничестве дни большей частью проходят в установлении соответствия с небом, землей, солнцем и луной, в миру же – в установлении взаимоотношений с целым сонмом живых существ. Как гармонизировать отношения со множеством живых существ – у даосов есть

относительно этого свой собственный взгляд. Об этом рассказывается в даосской книге «Фан чжун шу» («Искусство правильного ведения дома»).

«Фан чжун шу» – это китайское даосское учение о человеческой жизни, учение о человеке. Вернее, это целый комплекс совершенных и систематических учений и приемов совершенствования, предназначенный для гармонизации взаимоотношений между людьми.

«Фан чжун шу» делится на двенадцать глав, основные из них – это главы о морали, о Великой Пустоте Тайсуй, о Великом Пределе Тайцзи, о Трех Стихиях Цай, о жизни человека, о родителях, супругах, братьях и сестрах. Рассказывается в них преимущественно о том, как путем совершенствования космоса человеческого индивида систематизировать жизнь человека, упорядочивать ее, преобразовывать, пестовать, рассказывается о ее составе. Эти пять сюжетов, пронизывающих друг друга, составляют совершенную систему даосской философии жизни, важной составной части даосской культуры.

Название книги «Фан чжун шу» сейчас некоторые толкуют как «Искусство внутренних покоев», понимая его в узком смысле, как руководство по сексуальной жизни. Но в действительности эта тема составляет лишь часть главы о супругах.

Системное учение о человеческой жизни исследует весь процесс жизни человека от рождения до смерти. Оно подразделяется на три части – «О зачатии и вынашивании», «О возмужании», «О старении». В главе «О зачатии и вынашивании» говорится о родителях как о Прежнем Небе, о том, как происходит зачатие и вынашивание, как в процессе девятимесячного созревания плода и десяти месяцев после рождения ребенка ежемесячно совершенствуются в выплвлении мужчина и женщина. Современные люди говорят о совершенствовании рождения и воспитания, о зародышевом обучении и т.д. Это близко к данному сюжету, но в главе «О зачатии и вынашивании» все рассматривается глубже и целостнее. Глава «О возмужании» различает в состоянии тела человека несколько этапов. Например, по основанию утраты цельности цзин и крови различаются отроческое тело, тело с утечками, тело с разрушениями, тело одряхлевшее, для каждого состояния приемы совершенствования различны. Глава «О старении» говорит о причинах старения и способах отсрочки старения.

Учение об упорядочении человеческой жизни исследует закономерности естественных изменений в жизни человека и соответствующие им изменения, которые происходят в результате выплвления внутреннего мастерства. Даосы вывели закономерности пяти периодических циклов. Здесь мы поговорим пока о трех из них, о «линии жизни», «линии эмоций» и «линии сердечной природы». Они показаны на рисунке.

Рис.5. Схема периодических циклов «трех линий» человека

Великое Дао не имеет границ, у линии жизни нет ни начала, ни конца. Но у отдельного человека есть и рождение и смерть. И на линии жизни есть начальная и конечная точки, это жизнь одного человека. Пока человек не умер, линия жизни безостановочно пульсирует, а вместе с ней пульсируют линия эмоций и линия секса. Как только линия жизни приостанавливается, приостанавливаются и линии сердечной природы и эмоций. Кроме этих трех, существуют еще две линии, которые пульсируют и когда человек живет, и когда он умирает, это даосская теория.

Начальная точка линии жизни приходится на момент перерезания пуповины, в это время человек переходит от Прежнего Неба в Последующее Небо, до перерезания пуповины – Прежнее Небо, после перерезания – Последующее Небо.

Две линии, которые продолжают пульсировать и после смерти человека, имеют отношение к пониманию форм существования и обращения человека в космосе, к познанию сущности жизни.

Линия сердечной природы отражает сексуальное возбуждение и способности человека к воспроизведению рода, а также мудрость человека. Человеческое старение и поворот к омоложению и возвращению к состоянию ребенка тоже воплощаются на этой линии. Когда половые гормоны иссякают, наступает старость. В «Фан чжун шу» говорится, что при тренировке мастерства прежде всего следует тренировать линию сердечной природы,

возбуждать выработку половых гормонов для обеспечения долголетия.

У женщин наступление менструации знаменует минимум сексуального возбуждения. Начиная с этого дня, через кратное трем число дней, то есть через двенадцать или пятнадцать дней, в момент, когда созревшие яйцеклетки еще не отделились, наступает максимум сексуального возбуждения. У мужчин это определяется путем наблюдений.

Линия эмоций показывает циклические периоды волнового движения человеческих эмоций. Даосы обнаружили, что человеческие эмоции изменяются в соответствии с сексуальным возбуждением, но между ними есть некоторый временной промежуток. За минимумом сексуального возбуждения следует минимум эмоций, а за максимумом сексуального возбуждения – максимум эмоций.

Для всех трех линий существуют закономерности периодических подъемов и спадов. Их можно наблюдать в течение всей жизни, так и по месяцам года и по дням месяца. При одном и том же методе расчета продолжительность периодов каждой линии и величина амплитуды различается у разных людей, тут требуется, чтобы совершенствующийся в выплавлении определял их, ведя постоянные записи. Если сделать развертку линий на рисунке 7а, например, в течение месяца, то получим картину, представленную на рис. 7б.

На рис. 7а мы видели, что у всех трех линий есть экстремальные точки, у них есть также точки пересечения. Когда три линии пересекаются в одной точке, у данного человека это время наибольшей нестабильности.

Когда закономерности изменения трех линий найдены, даосы предлагают для экстремальных точек и точек пересечения неодинаковые приемы совершенствования в выплавлении, это один из видов «фаз огня».

Например, в момент максимума сексуального возбуждения люди легко ссорятся, не могут себя обуздать. При тренировках в это время надо делать упор на занятия «воинственным огнем» («У хо»), то есть упражнения со сдавленным дыханием. Одновременно мужчины занимаются упражнениями по раскрытию каналов с помощью Пяти Внешних Элементов, Мысленными Шариками Восьми Триграмм, а также пестованием сердца и омовением в ручье. Женщины в динамической работе занимаются упражнениями по раскрытию каналов, в статической работе – второй ступенью «мастерства женской Пилюли».

Во время эмоциональных минимумов у людей легче всего возникают беспричинные депрессии, а у молодых людей появляется даже чувство отчаяния. В такое время требуется осторожное пестование, сдерживание сердца, пестование сердечной природы, применение «приема привлечения Бессмертных».

В результате совершенствования в выплавлении сердечной природы закономерность естественных метаморфоз человеческого тела усиливается, таким образом внутренние противоречия, конфликты в человеке могут быть своевременно рассеяны, в теле будет поддерживаться внутренний баланс, человек станет радостным, умным, здоровым, долголетним.

Овладение закономерностями изменений в окружающей человека природе тоже очень помогает в гармонизации отношений между людьми. Говоря словами г-на Ван Липина, это самая полезная в повседневной и домашней жизни вещь. Например, в период максимума сексуального возбуждения мужчина должен по собственной инициативе заниматься некоторыми домашними делами, дети должны ходить со стариками на прогулки. Маленькие дети в это время очень возбуждаются, дерутся ссорятся, взрослые должны больше за ними смотреть, чтобы исключить неожиданности.

Конечно, при лечении болезней тем более надо учитывать периоды изменения «трех линий» у больных, обычно следует еженедельно проверять «Четыре этапа»: этап подъема Ян, этап спада Ян, этап накопления Инь, этап рождения Ян, чтобы применять разные методы лечения.

В 60-х годах западные ученые обнаружили явление периодических колебаний у человека и назвали это линиями физической, эмоциональной и умственной активности.

Открытие стало использоваться для целей профилактики в авиации. Несколько лет назад эта теория стала модной в Китае, циклы вычислялись даже с помощью компьютеров. Все это выглядело весьма ново, но в даосской книге «Фан чжун шу» еще во времена «Семи Истинных людей Севера» в главе «О закономерностях жизни человека» говорилось о пяти видах закономерностей, и в ней исследование сущности жизни по своей глубине далеко превосходит то, что сделано нашими современниками. К сожалению, это блестящее учение тысячу лет не могло стать достоянием мирян.

Изучив систему и закономерности жизни человека, даосы обращают взгляд в будущее и выдвигают теорию метаморфоз человеческой жизни, предсказывая, какие вредные или полезные перемены могут произойти в будущем в отношениях человека с природой, обществом и в его естественной жизни, и предлагая профилактические меры. Это опять-таки имеет отношение к содержанию гадания «Бу» из числа «Пяти Искусств», но и само гадание «Бу» также представляет собой самостоятельное совершенное учение. В «Учении о метаморфозах жизни человека» гадание «Бу» преимущественно используется для изучения того, что даосы называют метаморфозами, «обладающими формой», которые можно предвидеть на основе обычного опыта и знаний. Например, согласно «Песне о 60 звуках звукоряда Хуа Цзя» («Лю ши Хуа Цзя наинь гэ»), 1989 год является Иньским годом «Дерева Большого Леса». Иньское «Дерево» соответствует в теле человека желчному пузырю. 1990 год – это Янский год «Земли у Края Дороги», а Янская «Земля» соответствует желудку и поджелудочной железе в теле человека. Таким образом занимающийся узнает, на что ему нужно обратить внимание при совершенствовании в выплавлении, чтобы предотвратить возможные заболевания.

На основе знаний о системе человеческой жизни и ее закономерностях и метаморфозах даосы приступают к осуществлению закономерного и целенаправленного пестования жизни. Совершенствование в выплавлении в это время походит на то, что в китайской медицине называют «выявив симптомы, применить лечение. В зависимости от разных обстоятельств совершенствуются в выплавлении разных приемов и используют разные фазы огня. Поэтому полезность и направленность учения о пестовании жизни чрезвычайно велики.

Наконец, в «Фан чжун шу» излагается учение об организации жизни человека. В результате длительного совершенствования в выплавлении в строении тела человека и его функциях неизбежно происходят огромные изменения, пространственные и временные факторы его жизнедеятельности все время множатся. Например, когда г-н Ван Липин только начал совершенствоваться в выплавлении, он сливался с ограниченным миром природы, которая его окружала. Постепенно он входил в контакт с солнцем и луной, потом усовершенствовался до возможности обмена энергией с солнечной системой и двадцатью восьмью зодиакальными созвездиями, и его жизнедеятельность стала развиваться в более широком мире. А на конечном этапе совершенствования происходит превосхождение пространства и времени и проникновение в космос с большим количеством измерений. Когда таким образом факторы, влияющие и воздействующие на человеческую жизнь, изменяются, требуется снова сознательно организовывать различные жизненные силы, чтобы жизнь непрерывно рафинировалась.

Пять сюжетов, о которых говорилось выше, в своей взаимосвязи и составили «Фан чжун шу», учение о жизни человека, которое даосы тысячу лет хранили в тайне. Мы верим, что в результате этой и последующих презентаций миряне смогут понять и соответствующим образом оценить значение и пользу этого учения. Мы верим также, что оно распространится по всему миру.

Как уже говорилось, в последнее время в связи с рыночной конъюнктурой стали появляться люди и книги, толкующие «Фан чжун шу» как «Искусство внутренних покоев». Они заявляют, что фан чжун шу – это «парное выплавление в сексуальных отношениях». То, что безответственные люди искажают замечательную традиционную культуру ради собственной известности, очень неприятно.

В действительности о сексуальных отношениях говорится в главе «О супругах», это

часть большого раздела «Учения об Инь-Ян в отношениях мужчины и женщины». Прежде всего, в качестве первой ступени, там говорится, как выплавить чувство любви, чувство молчаливого согласия между супругами. И только на второй ступени говорится о совершенствовании в выплавлении сексуальности. Здесь существует 108 приемов. Взаимная гармония супругов может укрепить здоровье, излечить многие болезни. В том числе там говорится об одном очень хорошем и совершенно естественном методе предотвращения беременности. Весь комплекс приемов был отработан двумя супругами, входившими в число «Семи Истинных людей Севера» – Мужем Киноварного Солнца Ма Юем и Женой, Распространяющей Чистый Покой, Сунь Буэр. Из-за традиционных предрассудков г-ну Ван Липину пока неудобно об этом рассказывать. Однажды он рассказал кое-что знакомым иностранцам, так они очень разволновались и, окружив его, настаивали на том, чтобы он все это записал и издал за границей. Ван Липин отшутился. Авторам книги он признался: «Я человек маленький, но чувство национальной гордости у меня большое».

В главах «О родителях», «О супругах», «О братьях», «О сестрах» в «Фан чжун шу» говорится о методах совершенствования родственных отношений. Даосы обращают на использование кровнородственных связей чрезвычайное внимание. Многие люди по своему собственному опыту знают, что если случается что-то с родным человеком за тысячи километров, у тебя в это время может появиться необъяснимое странное ощущение. А потом приходит письмо, в котором сообщается о случившемся. Тогда только понимаешь: «Так вот, оказывается, в чем было дело!» Этот опыт показывает, что между очень близкими людьми существует некая удивительная индукционная связь, на которую не влияют ни время, ни расстояние. Наука уже начала обращать внимание на это явление. А китайские даосы давно уже сознательно используют такие связи. Хотя он не называли это «волнами», явление изучено ими со всей тщательностью. Между братьями и между сестрами, рожденными от одной матери, совершенствование в выплавлении различно. В результате взаимного совершенствования чувства между родственниками становятся глубже, их слитность делается более многосторонней и высокой. Как говорит г-н Ван Липин, «Жизнь есть совершенствование в выплавлении, совершенствование в выплавлении чувств, семейного согласия, радости, сочувствия, связи сердец».

Вначале г-н Ван Липин об этом молчал, только сам тайком все настраивал. Потом Дед-Учитель дал ему разрешение провести эксперимент в узком кругу. Тогда он стал постепенно кое-чему учить стариков, вышедших на пенсию, у себя дома и по соседству. Все старики совершенствовались чрезвычайно хорошо, некоторые даже научились медитировать на снегу.

Родители Ван Липина и его жены, которым уже под восемьдесят, ежедневно практикуют сидячую медитацию, здоровье у них хорошее, зрение и слух нормальные, настроены они всегда оптимистически, спокойно и быстро поднимаются и спускаются по лестницам, часто выходят из дому погулять, сделать что-нибудь хорошее. И дома они не бездельничают – кое-что делают по хозяйству.

В семье Ван Липина и его жены пятеро стариков, да надо еще сына растить, так что живут они бедно. Ван Липин одевается очень просто. Спецовка, выданная на заводе, очень большая, широкая, она на нем прямо болтается. В праздничной одежде он чувствует себя, напротив, неудобно, стесненно. А ест еще проще. Он вегетарианец, в рот никогда не брал табаку, вина, чая и тому подобных вещей, а потом отказался также от лука, чеснока, перца и других острых приправ, ест только рис и овощи, но и то очень редко, как будто бы еда для него совсем не важна. Однажды авторы этой книги вместе с г-ном Ван Липином были на одном банкете. Хозяйка выставили богатое угощение – куры, утки, рыба, креветки – всего было на любой вкус. Ван Липин же выпил только стакан пресной воды и съел со стоящего перед ним блюда несколько ломтиков соевого сыра и чуть-чуть бобовых ростков. После банкета мы спросили: «Вам правда ничего не хочется съесть?» Он сказал: «Не то чтобы никогда есть не хотелось. временами хочется попробовать чего-нибудь вкусенького. Но подумаешь о главном, и эти желания сразу исчезают».

Любовь и сочувствие, дух самопожертвования ради общего блага – разве не в этом нуждается нынешнее общество, в котором все заполнено материальными желаниями и человеческие чувства парализованы? Если у каждого человека будет любящее сердце, в нашем мире намного уменьшатся безразличие, несправедливость, убийства. И пусть в нашей материальной жизни будет еще много не соответствующего нашим чаяниям, люди будут чувствовать себя легко и приятно, как будто они стоят под теплым и легким весенним ветерком. Если общественная пропаганда будет говорить больше о взаимной любви и справедливости людей, чем об их вражде, результаты будут лучше. Первое воспитывает в людях любовь, а второе вызывает вражду. Мы должны по-доброму относиться ко всему живущему и верить, что общая любовь человечества сможет изменить жизнь к лучшему.

Однажды после обеда авторы этой книги пришли к г-ну Ван Липину домой. Его теща приветливо нас встретила, усадила на диван и побежала хлопотать о чае. Пользуясь случаем, мы оглядели жилище г-на Вана. Более, чем самая обычная квартира. Две комнаты старого образца, большая площадью метров в пятнадцать. Дверь в маленькую была открыта и можно было видеть, что половину ее занимает большая кровать. В большой комнате также стояла большая кровать, у стены телевизор, а рядом с ним радиоприемник размером с кирпич, какие выпускались в 70-х годах, его кожаный чехол вытерся добела. Еще был там старый деревянный шкаф, наверное, для одежды. Больше ничего примечательного не было. Если бы не телевизор, это была бы квартира 50-х годов.

Г-н Ван Липин вытащил из угла складной стул и сел. Теща принесла чай. Мы двое пили из фарфоровых кружек, а г-н Ван Липин из стеклянной банки из-под какого-то напитка, это, видимо, была их обычная посуда!

«И это Ваш дом?!»

«Правда, хорошо? – г-н Ван Липин с удовольствием оглядел свое жилище. – Старики живут в большой комнате, а мы с женой в маленькой».

Мы поднялись и подошли к дверям маленькой комнаты. Она была величиной около девяти квадратных метров. Двухспальная кровать занимала большую ее половину. В головах кровати стояла тумбочка, на которой располагались тома «Даоцзана». В ногах у стены туалетный столик с наваленными на нем разными мелкими вещичками. На стене квадратное зеркало. И больше ничего.

«А где же Ваш сын?»

Приглашая нас к чаю, Ван Липин объяснял: «Мой сын живет у бабушки, у моей мамы, там в точности как здесь, тоже две комнаты, мои родители живут в проходной, а младшая сестра с моим сынишкой в маленькой. Если мы там ночуем, им двоим приходится временно спать в проходной на диване».

«А где же Вы пишете?»

Нигде в комнате не было ничего похожего на письменный стол, непонятно, где же он пишет свои заметки, которые должны пополнять лакуны «Дао цзана» и передаваться потомкам. Г-н Ван Липин указал на большую кровать в спальне: «Пишу, сидя на кровати. Это такой большой „стол“, на нем для всего места хватает». Сказано это было очень непринужденно. Читатель наверняка засомневается. Разве может быть такое? Сегодня, в девяностых годах «модернизировались» жилища даже самых обычных людей, что уж говорить об известном в стране и за рубежом даосском патриархе?

И действительно, если бы мы не побывали там сами, мы не посмели бы написать такого, хотя г-н Ван Липин и до этого рассказывал нам, как они живут. Тогда он сказал:

«В отличие от обычных семей, у нас дома есть цветной телевизор, но мебели не хватает. Если придет на несколько человек больше, скамейки приходится занимать у соседей. Потом, когда станет полегче и появятся деньги, не мешало бы прикупить кое-что. Но материальное обладание, в общем-то, дело второстепенное, поверхностное, ключевой момент в том, чтобы опираться на людей. Если сердце у человека доброе, то все хорошо. Во время „культурной революции“, когда мы с Учителями странствовали с облаками, ни есть, ни пить было нечего, одежда была рваная-прерванная, но с утра до вечера мы смеялись».

Как-то в дождливый день наткнулись на канаву, без всяких разговоров в нее полезли – и давай возиться! Перемазались с ног до головы, а потом – с песней дальше.

Каждый раз, вспоминая Учителей, он говорил о них с безграничной любовью. на лице его появлялась счастливая улыбка. «Те несколько лет были самым радостным временем в моей жизни». И тут г-н Ван Липин сказал, будто итог подвел: «Когда стремления у людей разные, и жизнь получается разная. А желания разнятся, так и направления поиска разные, цели разные – и пути разные».

А пока мы размышляли и обдумывали сказанное, г-н Ван Липин зашел в спальню и вынес оттуда два больших альбома с марками, хотел поделиться с нами своими радостями. Он сказал, что это у них с сыном общее развлечение. Мы открыли альбом – ни одной редкой дорогой марки, все самые обычные, последних лет. Пейзажи, люди, животные всех возможных цветов и видов. Полистаешь – как будто увидел через эти маленькие окошечки детскую сказку. А то воодушевление, с которым г-н Ван Липин показывал марки, заражало. Мы подумали, что это, конечно, марки с тех многочисленных писем, которые он получал за последние годы. Ему было жалко выбрасывать эти красивые марки, и он стал их все до единой собирать. По его словам, в день иногда приходит по 15-20 писем, так он первыми читает те, на которых красивые марки.

Мы и подумать не могли, что даос Школы Полной Истинности такой эстет. До этого мы знали только, что он очень любит детей, и если несколько дней подряд не удастся с ними поиграть, чувствует, что ему чего-то не хватает. Если кто-нибудь приходит в гости с ребенком, он частенько бессознательно отдает предпочтение ребенку, с детьми у него больше общего, чем со взрослыми. Его любящее сердце больше всего страдает, когда обижают детей.

Однажды он ехал по дороге на велосипеде, а в стране как раз проходил День всенародной учебы у Лэй Фэна1. Целые стайки учеников начальной школы высыпали на улицы, подметали, протирали стекла в выходящих на дорогу окнах и дверях лавчонок, а многие служители этих лавчонок собирались группками в стороне и наблюдали за суматохой. Ван Липин невольно замедлил ход велосипеда. На повороте он увидел, как в уголке школьник накачивает шины подъезжавшим велосипедистам. Некоторые даже и не думали, что им надо подкачаться, но увидев такую службу, невольно останавливались посмотреть. Это ведь так удобно, идти куда не надо, а дешево-то как! Зато маленькому школьнику, «учившемуся у Лэй Фэна», приходилось туго. Он уже тяжело дышал, на лбу выступил пот, а взрослые стояли рядом и давали указания. Ван Липин не мог этого стерпеть. Он слез с велосипеда, раздвинув толпу, подошел к мальчику, отер ему пот со лба своим платком и сказал: «Малыш, ты устал, поли отдохни, а дядя здесь за тебя поучится у Лэй Фэна». И, взяв насос, начал качать. Взрослые увидели, что тут им ничего урвать не удастся, и один за другим разъехались на своих велосипедах, вовсе не нуждавшихся в подкачке.

Нам кажется, что маленький школьник научился от г-на Ван Липина больше, истиннее, лучше, чем в «учебе у Лэй Фэна».

Так пусть всегда в этом мире живет детское сердце!

Глава девятнадцатая **Приказ «объявить себя»**

В последние несколько лет в Китае начался невиданный подъем интереса к традиционной культуре. Одновременно началось широкое распространение и применение для пользы народа таких традиционных искусств как ушу и разнообразные методы цигун.

И в то время, когда волна этого горячего интереса охватила всю страну, в городе угольщиков Фушуне в отрогах Чанбайшаня по-прежнему совершенно незаметно жил г-н Ван Липин. Как и прежде в простой и чистой рабочей одежде, с пластмассовой коробкой, в которой заключался его обед, он шагал по утрам в потоке людей, вливавшемся в ворота завода, а когда кончалась работа, вместе с товарищами выходил из цеха. Он был

немногословен, всегда с доброй улыбкой на лице. И на взгляд тех, кто с ним вместе трудился, он был самым что ни на есть обыкновенным рабочим. Возвратившись домой, он заботливо ухаживал за стариками, делал кое-какую домашнюю работу, а иногда, посадив на плечи любимого сына, ходил на улицу за покупками. В глазах соседей он был хорошим парнем, уважительным к старшим, добрым к младшим, разумным и всегда веселым.

Иногда случалась у соседей болезнь или какая-то беда, бывало, что трудности возникали у рабочих. Всегда рядом с ними оказывался Ван Липин, ласково, спокойно говорил, утешал. Удивительно было то, что все эти болезни, беды, неприятности, трудности как-то незаметно «рассасывались». Постепенно кое у кого возникли подозрения, стали его расспрашивать, а он только отшучивался, так что в нем было дело или нет, в конце концов оставалось неясным.

Но он пристально следил за приливом интереса к традиционной культуре и всегда знал, в какую сторону идет развитие. Иногда в Фушуне или в Шэньяне мастера цигун организовывали учебные группы. Он принимал в них участие за свой счет, выделяя деньги из своей весьма скудной зарплаты, смиренно сидел среди слушателей, и ни один из мастеров цигун не обнаружил, что в числе слушателей есть Истинный Высокий Человек.

А Ван Липин занимался обследованием и изучением. В беседах со слушателями он узнавал многое, узнавал, о чем сейчас думают люди, и в голове его вырисовывался грандиозный план.

Сообщения его с Учителями в далекой Лаошаньской пещере Вечной Молодости становились все интенсивнее. Конечно, это не были сообщения на бумаге, и услуги почты тут тоже не требовались. Пока он прилежно занимался своей работой, в голове у него шел напряженный прием душ-вестников из-за тысяч ли, одновременно он посылал туда свои мысли. Но как могли работавшие рядом видеть этот сокровенный тайный труд, происходивший в нем?

Наступил важный момент. Многие традиционные приемы работы по человеческому совершенствованию в выплавлении раскрывались мирским людям под названием «цигун», и «цигун» постепенно становился приемлемой для общества формой.

Созревали условия для того, чтобы повести людей к более высоким уровням.

Наступало время для того, чтобы в легкой и доступной форме открыть мирским людям глубочайшие приемы работы? которые даосская Школа Драконовых Ворот Полной Истинности хранила в строжайшей тайне тысячу лет.

К 1985 году в расцвете цигун наметился кризис. Великий прилив несет с собой рыб и драконов. Они перемешаны между собой и трудно различить в них истинное и ложное. Какие-то авантюристы начали обманывать народ, выдавая себя за даосскую Школу Драконовых Ворот

Ван Липин спокойно ждал приказа Учителей, готовясь объявить себя. И вот 105-летний Человек Беспредельного Дао передал ему: Объявляй себя и осуществляй Дао, выправляй корень и очищай источник, открыто преподавай классическое искусство внутренней работы Школы Драконовых Ворот Полной Истинности, распространяй Великое Дао в Поднебесной.

И только теперь пятнадцать лет изучавший мастерство, восемь лет хранивший Дао и двадцать три года живший в неизвестности Лин Лин-цзы Ван Липин, Восемнадцатый Транслятор даосской Школы Драконовых Ворот Полной Истинности, продолжатель «искусства внутренней работы развития ума классической Энциклопедии Драгоценностей Духа» выступил перед мирскими людьми в своем подлинном облике.

Пекин, центр огромной страны, величественная и пышная столица с ее небесным великолепием, выдающимися людьми, одухотворенной землей, древнее чудо в расцвете своей красоты, место, где собрана вся одухотворенная краса Неба-Земли-Человека.

В юго-западном уголке столицы есть одна даосская святыня, самый большой в Северном Китае даосский монастырь Байюньгуан, Монастырь Белых Облаков. Байюньгуань – одна из трех резиденций патриархов Школы Драконовых Ворот Полной Истинности. На рубеже эпох Сун и Юань основатель Школы, патриарх Муж Вечной Молодости Цю Чуцзи

начал здесь проповедь Дао? благодаря чему религия Полной Истины расцвела в Поднебесной. Восемьсот лет спустя Восемнадцатый Транслятор дела патриарха Цю Лиу Лин-цзы Ван Липин прибыл сюда и, совершив обряд поклонения патриархам, поселился в Бадачу, местечке в горах Сишань к западу от Пекина. Здесь он намеревался устроить большие лекционно-практические курсы по «искусству внутренней работы по развитию ума классической Энциклопедии Драгоценностей Духа», чтобы учить людей даосской культуре.

Место для совершенствования в выплавлении было назначено в Бадачу в Монастыре Царства Ароматов Сянцзесы. Вокруг горы, облака. Каждое утро на заре здания монастыря Сянцзесы как бы рождаются из пелены тумана.

В монастыре давно уже не было отшельников, и никто тут не убирал. Кроме трех зданий – библиотеки и двух ее флигелей, все было затянуто паутиной, покрыто пылью. Г-н Ван Липин прибыл в горы заранее и чисто-начисто вымел каждое помещение. А еще провел в каждом здании сидячую медитацию, тщательно совершил жертвоприношения Прошлому и Будущему, Верху и Низу, удалил все сырое Иньское ци, накопившееся здесь за многие годы. Потом он с улыбкой встречал слушателей курсов, прибывших из самых разных мест, их было более сотни.

Это было беспримерное дело –такой массе народа? разного пола, возраста, самых разных характеров настроений нужно было преподать мастерство покоя. Прежде всего надо было рассказать слушателям, прибывшим из разных уголков страны, о началах, прояснить некоторые понятия. Ван Липин высказал свои сомнения относительно вошедшего в моду словечка «цигун», рассказал о трех состояниях «ци».

В даосском искусстве пестования жизни самое главное правило – это соблюдение естественности, следование законам спонтанности. Человек рождается в природе, существует между небом и землей, он неразрывно связан с природой, и главная форма этой связи –«ци». Лао-цзы обобщил это такой формулой: «Человек следует образцу земли, земля следует образцу Неба, Небо следует образцу Дао, Дао же дает образец спонтанности@и.

Сейчас все говорят о «цигун», в древности же не только не было такого выражения, но и иероглиф «ци» тоже использовался по-другому. Конкретное содержание «ци» тройственно:

Первое – это ци дыхания, это ци природного воздуха. Оно бесформенно, у него нет «колеи», нет определенных путей движения, это ци, существующее в природе, а также на границах человеческого тела. Это ци среды.

Второе – это Ци, исконная тончайшая материя в человеческом теле, это поток энергии внутри тела. Хотя оно невидимо и неосязаемо, в нем есть мельчайшие частицы. которые могут быть зарегистрированы приборами, это материя без формы.

Третье –Высшее Ци, это ци, несущее свет, это тоже поток энергии внутри тела, содержащий мельчайшие частицы. Высшее Ци светится, нагревается и при испускании люди могут его видеть. Оно может испускать электрические волны, образовывать магнитное поле, что используется для лечения людей.

Три вышеназванных вида ци отражают разные уровни тренированности, между ними может быть взаимопереход и взаимовлияние. В начале тренировок занимаются природным «ци», а от него переходят к познанию самого человеческого тела. Когда достигнута определенная степень продвинутой, «ци» превращается в «Ци». Если продолжать совершенствование в выплавлении дальше, «Ци» превратится в «Высшее Ци». Если так заниматься, то продвинешься до высокой ступени.

Когда «Ци» превращается в «Высшее Ци», могут проявиться некоторые реакции, например, отказ от пищи, отказ от скоромного, от курения, от вина, чая и т.п. В таких случаях нужно действовать очень осмотрительно, иначе можно утратить прежние наработки, разрушить все на полпути. В общем, если хочешь осуществить превращение «Ци» в «Высшее Ци», необходимо совершенствоваться в мастерстве покоя, так как осуществить это в опоре на мастерство движения невозможно.

При выплавлении мастерства покоя преимущественно совершенствуются в выплавлении «Четырех Сторон» человеческого тела–передней, задней, левой и правой.

Когда внешнее впускается внутрь, это взаимосоединение шэнь, мысли и ци; внутреннее выпускается наружу, это взаимосоединение шэнь, мысли и Ци; когда наружу посылается ци, это взаимосоединение шэнь, мысли и Высшего Ци.

Чтобы обобщить все это, я прибегаю к таким словам:

ци – естественная информация Неба;

Ци – тайна микрокосма человеческого тела;

Высшее Ци – секрет совершенствования истинности и превращения в небожителя; сокровенная тайна неисчерпаемости ци, Ци и Высшего Ци.

В этом состоит сокровенная тайна даосского искусства пестования жизни.

Услышав такие слова, слушатели сразу же схватывали суть. Глубокое знание даосской теории г-н Ван Липин приобрел параллельным совершенствованием в выплавлении своего тела и ума, путем тщательных проверок на собственном опыте и мгновенных озарений.

Внимая объяснениям, ты всего лишь стоишь у ворот истины. Если же ты хочешь войти в них, а потом подняться по ступеням и проникнуть в храм, усвоив глубокий смысл, заключенный в словах, то для этого нет иного пути, чем тяжкий труд совершенствования в выплавлении.

До обеда Ван Липин читал лекции, а после обеда и вечером вел со слушателями занятия по совершенствованию в выплавлении, стараясь, по возможности, использовать для обучения методы собственных Учителей. В великом мастерстве покоя, или мастерстве сердечной природы самым трудным является сидение со скрещенными ногами. Сохранять расслабленность тела, расслабленность формы, расслабленность костей, мыслей, зрения в условиях, когда тебе очень больно, совсем нелегкое дело. В начале совершенствования в выплавлении некоторые слушатели не понимали этого глубокого секрета. Посидят немного со скрещенными ногами – им так становится больно, прямо дрожь прохватывает. Тут уж воли не удержать. Г-н Ван Липин, с одной стороны, подбадривал всех, советуя терпеть и продолжать занятия, не распрямлять ног, а с другой – разъяснял:

Тренироваться в сидении со скрещенными ногами – это самое трудное. Границей здесь является обморок. В «Условиях достижения великого совершенства» («Да чэн цзе яо») говорится: И железному человеку трудно это вытерпеть, это труднее самого трудного. Но если от боли не умрешь, то и не воскреснешь, так для чего же ее терпеть? Чтобы человек узнал, что кроме этого нашего мира человека-событий-вещей, в котором все начинается страданием, есть еще мир Неба-Земли-Человека, переход в который также совершается через страдание. Мы должны узнать эти страдания на собственном опыте, и если эту трудность мы преодолеем, никакие другие нам не будут страшны. Человек в действительности способен терпеть. Нестерпимо только то, чего не может преодолеть воля, а волей нужно управлять с помощью мысли. Сначала при сидении со скрещенными ногами выплавляются кости, изменяется вещество крови, это подготовка к выплавлению мастерства соответствия внутренним Пяти Элементом. Посидишь так один-два года, страдания прекращаются, приходит наслаждение, прямо как будто быходишь в иной мир.

Хотя все это банальные слова, но если говорить о Ван Липине, он прочувствовал их, лишь пройдя через множество страданий, через несколько смертей и воскресений. И он учил мастерству и теории, основываясь на своем собственном опыте. На слух это было очень убедительно и чрезвычайно просто. Со смехом и шутками он направлял людей ко вратам всех чудес.

Совершенствование в выплавлении очень трудно, и это работа не одного дня. Ван Липин учил всему постепенно, опираясь на опыт и методы, которые древние тысячелетиями передавали из поколения в поколение. В отличие от некоторых «великих мастеров цигун», практикующих ускоренные методы обучения, он начинал с закладывания основы. Но, учитывая то, что у новых слушателей сердечная природа суетлива, что они не смогут выдержать, если им все время монотонно вещать о трудностях, он иногда демонстрировал им искусство малых чудес. Это оживляло занятия, вносило в жизнь группы какой-то интерес, а умные люди сами могли из этого кое-что понять.

Пекин в июне, раскаленное солнце, жара. Если сидишь совершенно неподвижно, и то потом обливаешься. Место тренировки – зал восточного флигеля монастырской библиотеки. Здесь больше ста пятидесяти человек сидят в позе лотоса в помещении размером со школьный класс, страшная теснота, все забито до отказа. Двери и окна плотно закрыты, духота такая, что Ван Липину вспоминается детство, когда он сидел в погребке со свечой. Слушатели словно в парилке, пот льет с них градом, коврики, на которых они сидят, промокли насквозь, даже дышать становится трудно.

Ван Липин велит всем вытянуть руки ладонями вверх и положить по обеим сторонам бедер. следить за изменением температуры тела и окружающей среды. Затем он приседает на корточки и легонько обмахивается руками, словно веерами, беззвучно шепча что-то губами.

Через одну-две минуты в помещении возникает движение воздуха, как будто сразу одновременно открыли все окна и двери, зал пронизывается прохладным ветерком. Через семь-восемь минут душный жар рассеивается, пот на лицах и телах слушателей постепенно высыхает, и место тренировки, только что сравнивавшееся с парилкой, становится прохладным, словно горная пещера, через которую протекает ручей. Некоторые слушатели, не смея верить тому, что это происходит в действительности, приоткрывают украдкой глаза и оглядываются по сторонам. Окна и двери по-прежнему плотно закрыты, ни одно дуновение ветерка сюда, как и раньше, не может проникнуть, а все слушатели сидят с закрытыми глазами и блаженными улыбками на лицах.

Среди таких украдкой подсматривающих был и один из авторов этой книги. В то время он даже помыслить не мог, как это один человек мог в столь короткое время снизить температуру в таком значительно помещении. Лишь позже, после изучения «мастерства равновесия», когда узнал, что человек способен совершенствоваться в выплавлении в противостоянии со змеями, чистой иньской сущностью. и через это достигать равновесия, поверил теории, что человек способен захватывать змееподобное чисто иньское Ци и затем испускать его. Или же что человек может подражать функциям змеи, испускать иньское Ци, чтобы охлаждать воздух.

Чудес происходило все больше и больше, горизонты слушателей расширялись. Очень странно было то, что с приходом в учебную группу люди стали видеть много снов, а во сне больше всего видели учителя Ван Липина. Странность заключалась в том, что на другой день слушатели рассказывали друг другу содержание снов и оказывалось, что многие видели одно и то же, один и тот же сон. А иногда сон снился несколько ночей подряд, словно роман с продолжением, содержание было связным. Спросили учителя Вана, а он со смехом сказал, что, возможно, все вместе проделывают работу во сне, когда, мол, мысли движутся синхронно, то вероятность того, что во сне будешь видеть одни и те же картины, увеличивается. Большинство слушателей прибыло на курсы с целью укрепления своего здоровья, они особенно ни во что не углублялись и не обратили большого внимания на эти факты, имеющие большую научную ценность. А на самом деле передача одухотворенности во сне – одно из искусств Высшей Колесницы Школы Драконовых Ворот. Г-н Ван Липин, пользуясь случаем проведения курсов, потихоньку поставил опыт, сделал так, чтобы все увидели один и тот же сон. Прежде Учителя и ученик проводили опыты между собой, уровень обеих сторон был чрезвычайно высок, во сне можно было обмениваться мыслями, вести беззвучный диалог. Но сознанием скольких людей можно в конечном счете управлять, его предшественники никогда не исследовали. Эта задача досталась на долю Ван Липина. Он продолжает эти исследования и сейчас. С авторами этой книги не раз случалось такое, что они ясно видели во сне г-на Ван Липин, который что-то определенное делал, что-то говорил, что потом помнилось очень ясно. События, происходившие во сне, в последующие дни одно за другим подтверждались и мы прозревали, что это г-н Ван Липин передает нам одухотворенность. Но когда мы встречались, г-н Ван Липин утверждал, что абсолютно ничего об этом не знает. Мы думаем, что такое, возможно, знакомо каждому, кто долго общался с г-ном Ваном. Это явление показывает, что человек высокого мастерства может бессознательно делать сознательные вещи. Как же мы должны классифицировать такие

духовные феномены? По-видимому, для анализа деятельности головного мозга человека, усовершенствованного в выплавлении, категорий западной психологии, таких как сознание, подсознание и др., уже недостаточно.

После того как в совершенствовании в выплавлении в горах было проведено полмесяца, г-н Ван Липин сообщил слушателям, что на горе появится множество маленьких зверков. Он предупредил, что их не надо бояться, а надо жалеть и ни в коем случае не бить. Через несколько дней зверушки сами исчезнут. Слушатели и верили и не верили, но на другой день монастырь Сянцзесы действительно превратился в зверушечий рай. Одни за другими появлялись мыши, хорьки, будто спускались с неба или извергались из-под земли. При свете дня они безбоязненно сновали туда-сюда, словно на гулянье. И в месте тренировок порядок был нарушен. Только началась сидячая медитация, как в помещение с шумом ворвались мыши, стали залезать в швы плетеных ковриков, а некоторые преспокойно разлеглись в снятых слушателями туфлях, как будто там было что-то приятное. На подоконниках качались змеиные силуэты, некоторые тянули головы из верхних освещенных углов комнаты, бесстрастно что-то вынюхивая. И даже лисы, которые давно уже в Сишане стали редкостью, появились в окрестностях, забыв всякую осторожность. С несколькими слушателями было такое, что они стояли вечером столбом с закрытыми глазами под большими деревьями, совершая «омовение». По окончании упражнения они открывали глаза и видели, как что-то похожее на лису сидит прямо напротив. Женщины при этом пугались так, что убегали со всех ног. Такие происшествия придали совершенствованию в выплавлении в горах немало интереса.

Ван Липин пояснял слушателям: то, что занимаясь упражнениями, можно привлекать животных, не пустые рассказы суеверных людей, этому можно дать много научных объяснений. Каждая вещь в мирах «человека-событий-вещей» и «Неба-земли-человека» обладает собственным «полем», способна испускать определенной частоты «волны», устанавливать связь с окружающей средой. Эти самые разнообразные «поля» едины и в то же время самостоятельны. Благодаря их единству весь космос представляет собой единое целое, а их самостоятельность отделяет Тьму вещей и событий друг от друга. При совместных многодневных занятиях совершенствованием в выплавлении природные качества и способности человека меняются, частота испускания Ци тоже меняется. Когда частота Ци в основном совпадает с частотой Ци, испускаемого зверьками, эти мелкие животные как будто чувствуют приманку, и их невольно влечет к нам. Разве это сложно? В действительности здесь действуют факторы химические, а также физические и биологические. Это можно понять и шире. Если сидя в медитации, люди будут отмечать тонкие и тончайшие изменения в своем теле, это даст возможность считывать наитончайшие изменения частоты колебаний поверхности земли. В мастерстве равновесия «стоят столбом» и «омываются» спиной к дереву для того, чтобы добиться единства «поля» человека и «поля» дерева, и если зверушки занимают напротив человека, значит они тоже регулируют «поле» Ци. Древние сознательно использовали изменчивость и единую природу «поля» для возбуждения скрытых в человеке способностей.

Г-н Ван Липин, понимая тонкость даосских идей, старался, насколько возможно, выражать их приемлемым для современных людей языком, языком науки. В процессе освоения современных научных теорий и сравнения двух цивилизаций он еще сильнее почувствовал ограниченность современной науки и с еще большим рвением проповедовал даосскую культуру.

По окончании курсов в Пекине Ван Липин отправился на Лаошань в пещеру Вечной Молодости, чтобы доложить Учителям, как прошел этот первый выход в мир, рассказать о своих новых ощущениях и опыте, а также попросить у Учителей указаний по трудным и сомнительным медицинским случаям, с которыми ему пришлось столкнуться. Учителя при виде того, что их ученик достиг совершенства и может работать самостоятельно, очень радовались.

Ван Липин провел с Учителями несколько дней. Во время работы курсов он делал

посылы энергии для оказания воздействия («дай гун»), лечил болезни, читал лекции, растраты энергии были большими, но на Лаошане они полностью восстановились. Перед отъездом он отдал Учителю-Деду весь свой гонорар, чтобы в будущем осуществилось их желание отремонтировать монастырь и расширить общежитие для монахов.

Дед-Учитель наставлял его: «Хотя ты уже обрел Дао, но последнего возврата еще не вкусил, телом живешь в Нижнем из Трех Миров. У тебя есть родители, братья и сестры, жена и ребенок, которым нужны еда и одежда. Теперь ты вышел в мир, и может случиться, что будут приезжать к тебе со всех сторон друзья и гости, которых надо будет принимать. Расходы большие, зарплаты на все не хватит. А мы уже вышли из суетного мира, телом живем в Среднем из Трех Миров. Небо и Земля имеют достаточно, чтобы прокормить Человека, зачем нам деньги?» Дед велел ему взять деньги обратно, но Ван Липин не послушался.

И потом каждый раз по окончании занятий организаторы забирали себе большую часть дохода, а оставшуюся малую часть за труды полученного, за вычетом разных расходов, Ван Липин по-прежнему отвозил в горы и передавал Деду. Тот, видя, что его не переубедишь, вынужден был их принимать.

Человек Беспредельного Дао, чувствуя, что ученик верен Дао, полученному им от наставников, взял большую кисточку и на дщце души Ван Липина, находившейся в пещере Вечной Молодости, добавил два иероглифа – «Утверждающий Дао».

Ван Липин безостановочно работал, выполняя трудную задачу распространения даосской культуры. За несколько лет он объездил юг и север, читал лекции, устраивал учебные группы в Фушуне, Шэньяне, Пекине, Шицзячжуане, Сиане, Ухане, Гуанчжоу, Шэнчжэне, Нанкине, Цзинхуа, Шанхае и других местах. Снова и снова мысленно пробегая путь, по которому они вчетвером двадцать лет назад странствовали с облаками, вспоминая, как все силы отдавались изучению традиционной культуры, он теперь с таким же тщанием трудился ради распространения китайской традиционной культуры в мире.

А после возвращения с Лаошаня в Фушунь Ван Липин, горячо любивший свой родной город, занялся здесь устройством следующего учебного курса по «искусству внутренней работы».

В курсах приняли участие более четырехсот его земляков, и Ван Липин изо всех сил старался оказывать на всех индуцирующее воздействие. К концу курса у четверти слушателей в разной степени проявились скрытые способности, довольно хорошая реакция была по Пещере Небесного Глаза. Потом он повел этих слушателей на живописное водохранилище Дахофан. Слушатели не знали целей этого похода. По указанию Ван Липина, они расселись по склонам холма, с которого открывалась широкая перспектива, и спокойно занялись сидячей медитацией. При этом они повторяли мантру, смотрели с закрытыми глазами вперед и старались запомнить все, что увидели. Через два часа Ван Липин велел завершить работу и попросил не обмениваться впечатлениями, а изложить их письменно. Очень скоро в его руках оказалось более сотни записей «очевидцев». Большинство из них увидело поле битвы, на котором отчаянно сражались тысячи людей на боевых конях. А тридцать с лишним человек подробно описали увиденных ими людей, одежду, украшения, флаги, знамена, строй, сам ход битвы, да так живо, как будто авторы записок на самом деле были живыми свидетелями происходившего. Картины, увиденные этими тремя десятками людей, были в основном одинаковыми. Многие, не сговариваясь, написали одно и то же: «Это было похоже на кошмарный сон, люди и кони погибали без счета, ужасно страшно».

Полистав книги по истории, мы обнаруживаем такой исторический факт.

На 46-м году правления минского императора Шэнь-цзуна (1618 год) Нурхацци, питая к династии Мин «Семь больших ненавистей», напал на принадлежавшие Мин города Дунчжоу, Магэндань и Фушунь. В четвертом месяце в день Цзя Чэнь минские войска под предводительством Цуй Цзинсуна вступили в битву. Произошло кровавое сражение в поле. Минские войска потерпели сокрушительное поражение. «Погибло десять с лишним тысяч человек, даже одному-двум из десяти не удалось выжить». Фушунь и другие два города, а

также более пятисот крепостей в их округе были стерты с лица земли. С тех пор власть Мин с каждым годом стремительно слабела.

Эта знаменитая битва довольно подробно описана в исторических материалах, и сравнение этих описаний с описанием одежды и знамен, виденных слушателями, доказывает, что они видели именно эпизоды этой битвы.

В разговоре об этом с авторами книги г-н Ван Липин сказал: «Видение древнего поля битвы может иметь три объяснения. Во-первых, слушатели под моим воздействием могли повернуть время вспять и за два часа перенестись на 370 лет назад, благодаря чему и увидели эту битву. Во-вторых, образ давнишней битвы в какой-то форме сохраняется в космосе, и мы с помощью особых приемов способны схватывать существование этой формы. В третьих, я с помощью магии мог развернуть картину перед слушателями, подобно тому, как я заставлял их видеть сны. Но в то время я этого не делал, а если бы и делал, откуда бы я взял картину, которую показывал? Поэтому последнее объяснение можно отбросить и думать о понятиях пространства-времени и формах существования материи».

В мае 1986 года по приглашению научного общества по китайскому цигун Ван Липин еще раз устроил курсы в Бадачу, в пекинских горах Сишань. Со всей страны туда собралось более трехсот слушателей. Сорок дней, в течение которых продолжались курсы, Ван Липин жил и питался вместе со слушателями. И каких бы проблем у них ни было, начиная от застарелых болезней и кончая семейными дразгами, они со всем этим шли к нему. Между учителем и учениками установились очень глубокие чувства. Своей человечностью и добротой, гармоничностью, мудростью, искренностью, а также своим высоким духом он запечатлел в сердцах слушателей одну мысль: «Необходимо учиться Дао!»

Говоря об опыте, приобретенном в ходе нескольких лет преподавания, г-н Ван очень трогательно сказал: «Учитель должен составлять с учениками единое целое. Начинать обучение надо с любви».

Однажды на гору пришли несколько человек, они принесли старушку, которая много лет была парализована. Старушке было за восемьдесят, голова вся седая. Увидев Ван Липина, она с трудом прошептала: «Бодисатва-спаситель!»

Старушка всю жизнь была верующей буддисткой, никогда не причиняла вреда живому и до болезни ежегодно приезжала в сишаньские монастыри и ставила свечки, чтобы возблагодарить божеств. К несчастью в 1982 году у доброй старушки случился инсульт, все тело парализовало. С тех пор она лечилась в нескольких крупных больницах, и наступило улучшение, паралич стал односторонним.

Ван Липин посмотрел ее Небесным Глазом и обнаружил, что причина болезни совсем не очень серьезная, только лечить ее начали несвоевременно, не сумели найти правильных методов, упустили благоприятные возможности, отсюда и печальные последствия. Ван Липин сказал родственникам старушки, что у него несколько сот слушателей, которыми он должен заниматься, поэтому он не может лечить старушку дома. А вот не смогут ли они каждый день привозить ее сюда, в общем потребуется неделя. Родственники согласились.

И вот, каждый день, когда Ван Липин вел занятия, старушка появлялась до назначенного срока и садилась недалеко от кафедры. Читая лекции, Ван Липин потихоньку делал старушке регулирующей посыл. Старушка слушала внимательно, самозабвенно и через два дня могла уже вставать. На третий день она пошла, опираясь на палку. Через пять дней ходила уже самостоятельно, а через семь дней стала здоровым человеком, уверенно передвигалась по территории монастыря.

Когда курсы кончились, старушка привезла в монастырь всю семью, от мала до велика, человек пятнадцать, чтобы выразить благодарность. Взяв Ван Липин за руку, она сказала: «Мою болезнь обычный человек вылечить не мог. В тот день, когда я Вас увидела, я как будто бы увидела свет Будды и поняла, что встретила Звезду Спасения. Однажды в молодости я заболела и в этом самом монастыре получила от старого монаха глоток волшебного ци, после чего сразу же выздоровела. В этот раз я получила глоток волшебного ци от Вас и я, старая подставка для костей, снова смогла подняться». При этих словах по

знаку старухи вся семья повалилась на колени. Смущенный Ван Липин бросился поднимать старушку, бормоча: «Бабушка очень преувеличивает!»

В восточном флигеле библиотеки, в двух больших комнатах, соединяющихся в виде буквы Т сидели в позе со скрещенными ногами более трехсот слушателей. Ван Липин стоял поблизости, оказывая на них воздействие, он давал инструкции.

«Распустите пояса, расстегните одежду, все тело расслабьте, отрегулируйте хорошенько свою позу. Позвоночник должен быть прямым, но не жестким. Сделайте так, чтобы он был прямым, но не жестким, расслабленным, но не распущенным. Кончик языка на верхнем небе, в древности это называли „сорочьим мостом“. Ноги закрепите надежно, надо запереть три нижние Инь. Хорошо! Поднимите голову, смотрите вперед, чем дальше, тем лучше. Посмотрит, нет ли светлой точки, какого она цвета. Хорошо! Постепенно, медленно вбирайте обратно лучи шэнь, возвращайте его в место меж бровей, это „пещера“ из „Неба-Глаза– Пещеры“. Еще дальше внутрь вбирайте...»

Слушатели сидят прямо, ни одна черточка лица не дрогнет, в помещении для тренировки тихо, спокойно, не слышно ни голосов, ни дыхания. Ван Липин вытягивает обе руки вперед, как будто легонько подпирает что-то ладонями, потом раскачивает ими влево и вправо. Триста слушателей вдруг начинают раскачиваться, словно стоят на паруснике, ныряющем по волнам. Ван Липин потирает зажатые в руках две медные монеты, и слушатели раскачиваются все сильнее и сильнее. Одни запрокидываются назад, потом наклоняются вперед до земли, другие быстро машут руками, кто-то бьет себя в грудь, кто-то принимает грациозные танцевальные позы, некоторые же делают руками разнообразные жесты, словно говорящие на языке глухонемых. Некоторые вдруг принимаются громко плакать, и плачут горько. Другие хохочут, как сумасшедшие. Словно пчелиный рой вылетел из улья, в обеих комнатах все перевернулось, тишину сменил шум.

Посреди всего этого хаоса, поглядывая на странные картины вокруг себя, стоит Ван Липин, на лице довольная детская улыбка. Через четверть часа он простирает руку в направлении комнаты, вытянутой с востока на запад, и делает кистью толчок вверх. Другую руку опускает и легонько ею надавливает вниз. Затем поворачивается к комнате, вытянутой в направлении с севера на юг, трет друг о друга медные монеты, произносит несколько звуков.

А теперь посмотрите: В большой комнате, выходящей на восток и на запад, все находящиеся в западной части словно с ума сошли, громко плачут, кричат, всеобщий хаос. А сидящие в восточной части как будто уже устали, движения их все медленнее и медленнее, резкие выкрики сменяются легкими придыханиями, а потом все успокаиваются и тихо сидят со скрещенными ногами. В комнате, выходящей на юг и север, волнение успокоилось еще раньше. Более сотни слушателей выглядят, как покорные овцы, некоторые подремывают, кое-кто слегка похрапывает, не обращая внимания на плач и смех в соседнем помещении, они засыпают.

Через тридцать минут Ван Липин останавливает людей, которые шумят и плачут. Снова читает заклинание, в восточной половине комнаты спящие начинают потягиваться, зевать и просыпаться. Ван Липин велит всем потереть руки, помассировать лицо, расправить ноги и убрать посыл.

Когда слушатели пришли в себя, они не переставали изумляться: «Учитель Ван, скажите, что это сегодня было?»

Ван Липин радовался, как ребенок: «Пошумели немного, вот и все». Но люди его окружили и не хотели отпустить, тогда он начал серьезно объяснять:

Оказание структурированного воздействия на группы в аудитории развилось в древности из чтения канонов даосами и буддистами. Делится оно на Три Колесницы.

Первая Колесница называется ситуацией смуты. Это когда при оказании воздействия людьми не управляют, когда нет правил, нет структурирования, все пускается на самотек. В это время кричат, плачут, смеются, руками машут, ноги сами собой вытанцовывают, полный хаос, может быть что угодно. Оказывающий воздействие намеренно не вмешивается, потому что хочет с помощью этого увидеть характер, свойства, психические недостатки каждого

человека. Но такой эффект могут создавать вовсе не одни только высокие мастера. Например, известность, репутация, положение, выгода и тому подобные внешние силы могут заставить человека изменить своей сущности, все забыть и потерять самого себя. К этому примешивается такой фактор как психологическое заражение. Например, на выступлениях нынешних звезд эстрады и кино, на интересных спортивных соревнованиях многие молодые люди ведут себя, как сумасшедшие, как пьяные. Поэтому не надо думать, что если возникает «спонтанное движение», то это обязательно хорошо, что это влияние высокого мастера. На самом деле это низкий уровень.

Вторая Колесница называется распределением ситуаций. Оказывающий воздействие размечает разные территории, места, углы в зависимости от характера и свойств каждого человека, а потом, пользуясь приемами посылов, делает так, что люди в разных местах оказываются в разном состоянии. Часть людей он заставляет двигаться, других – спать, третьих – смеяться, четвертых – спокойно сидеть в медитации, причем каждый делает свое и друг другу они не мешают. Оказывающий воздействие является управляющим, а его слушатели – управляемыми. Можно сделать так, чтобы всем в аудитории стало вдруг холодно, потом жарко. У одних людей часы начнут спешить, у других – отставать, по той же самой причине. Даосы пользуются Девятью Ситуациями, которые распределяются по 64-м гексаграммам. Наибольшее число ситуаций не превышает девяти, но в каждой ситуации может еще быть убежище. Из десяти Небесных Стволов и двенадцати Земных Ветвей можно взять самый почитаемый первый Ствол Цзя (Щит) и начать им прикрываться, и при оказании воздействия всегда обнаруживаются один-два человека, которые не позволяют на себя воздействовать. Это называется «прикрывание щитом Цзя» («дунь Цзя»). Стволы И, Бин, Дин являются «чудесными дверцами» («ци мэнь»), они распределены отдельно друг от друга по «Девяти Дворцам», и там всегда оказывается одно пустое место, это место, которое скрывается «Цзя-Щитом». Остальные Стволы У, Цзи, Гэн, Синь, Жэнь, Гуй называются «Шестью Образцами». Это и есть «Чудесные Дверцы, сокрытые Щитом», о которых рассказывают даосы. Смысл иероглифов очень прост, но внутреннее содержание таинственно, метаморфозы неисчислимы, это объемная модель, которой очень трудно пользоваться.

Мир Высшей Колесницы воздействия называется «Сердце постигает, дух сосредоточен». Словесные описания тут уже ни к чему, секреты его использования заключаются в единстве сердец. В это время происходит переход от внешнего движения к внутреннему, от внутреннего движения к движению духа шэнь, обе стороны понимают друг друга с помощью шэнь, молча.

И, наконец, Ван Липин рассказал, что во время занятий потому получается самопроизвольное движения, движение рук, ног и т.д., что ци ставится на первое место, а шэнь на последнее, шэнь следует за ци, и в теле нет хозяина. Совершенствующийся в выплавлении должен быть хозяином самого себя, должен внешнее действие преобразовывать во внутреннее, в чистом покое ощущать сокровенные и сокровеннейшие изменения в своем теле. В «Каноне постоянства чистого покоя, сказанном Тайшан Лаоцзюнем» («Тайшан Лаоцзюнь шо чан цин цин цин») говорится: «Постоянство, если рассматривать его суть с точки зрения наличия желаний, есть волнение. Постоянство, если рассматривать тайну заключенной в нем сути с точки зрения отсутствия желаний, есть покой. Ищущий радости волнуется, обретший радость спокоен». И еще: «Небо и земля в человеческом теле соответствуют небу и земле, находящимся вне тела. Когда небу и земле, находящимся вовне, соответствуют небо и земля в человеке, а у неба и земли в человеке есть хозяин, тогда ци внешних неба и земли направляется внутрь. Если же нет хозяина, то ци из внутренних неба и земли направляется наружу, тогда блюсти полноту Дао невозможно и Дао наносится ущерб». Даосы говорят: «Моя судьба зависит от меня самого, а не от Неба.» Чем бы человек в жизни ни занимался, и в самосовершенствовании, и в предпринимательстве, для соответствия Дао нужно, чтобы «во внутренних Небе и земле был хозяин», чтобы человек мог владеть собой, чтобы своим трудом и своим умом преобразался он в совершенствовании и сознании, а не

поклонялся чему-то слепо, не терял своей самости.

Методика и стиль Ван Липина в преподавании мастерства и разъяснении Дао привлекали к нему все больше и больше людей. Монастырь Сянцзесы всех уже не вмещал, люди селились в других монастырях. И на горах слушателей было полно, и снизу приходило много народу. Утром они взбирались на гору, а после занятий отправлялись вниз отдыхать. За десять тысяч ли приезжали интересующиеся Дао из Гонконга. Японские организации, занимающиеся гуманитарными исследованиями, вступили в переговоры с Научно-исследовательским обществом китайского цигун, выражая желание провести исследование на месте.

Глава двадцатая **Двойная ноша**

Три старика возложили на Ван Липина важную и трудную задачу – дополнить и вновь отредактировать «Дао цзан».

Г-н Ван Липин говорит: «Дао цзан» – это история и энциклопедия китайской культуры».

В этой книге часто употребляется слово «даосы» и крайне редко – «даосская религия». Оба эти понятия используются не в строгом смысле, это всего лишь попытка объяснить главное направление, главное содержание китайской культуры с точки зрения Культуры, то есть человеческой цивилизации.

«Дао цзан» – это не история, расписанная по годам, в нем не описываются взлеты и падения в человеческом мире по династиям и поколениям. Речь в нем идет о связи Неба и человека, о том, как космос оформился, как изменялся, как циркулировал, как развивалось человечество, о начале и конце человечества, о месте человека в космосе, о сокровенных тайнах космоса и человеческой жизни. В нем исследуются эти великие проблемы, в нем образуется особый вид культуры, получаются уникальные результаты, поэтому он является вкладом китайской, или восточной, мудрости в общечеловеческую. Именно в этом смысле и говорится, что «Дао цзан» – это история и энциклопедия древнекитайской культуры.

«Дао цзан» охватывает широкий круг областей. Уже в древности некоторые говорили, что «Искусство даосов есть смесь многообразного». Тот, кто так говорил, не понимал даосской культуры, и тот, кто не понимает даосской культуры, будет так говорить и впредь.

Но раз даосы занимались широким кругом вопросов и занимались детально, в их исторических документах, разумеется, избежать «многообразия» и «смеси» было невозможно. И именно потому, что в «Дао цзане» сохранено большое богатство исторических документов, для потомков он является гигантской культурной сокровищницей.

На девятом году правления Чжэнтун династии Мин (1444 год) в результате сорока одного года редактирования было осуществлено последнее крупное издание «Дао цзана». С того момента, когда даосские каноны были впервые собраны, к этому времени прошло более тысячи лет. Выпущенный в 1444 году ксилограф «Чжэнтун Дао цзан» в 1601 году в период минского правления Ваньли был дополнен «Продолжением Дао цзана годов Ваньли». Вместе это издание составило 5 485 цзюаней в 572-х папках, к настоящему же времени от него сохранился один-единственный полный экземпляр. При династии Цин минское издание пострадало во время захвата Пекина объединенной армией восьми западных держав в 1900 году.

В 1923-1926 гг. Шанхайское издательство «Шаньу иньшугуань» переиздало минский «Дао цзан» по экземпляру, хранившемуся в Пекинском монастыре Байюньгуань, а затем он был переиздан в 1957-1977 гг. Китайской Даосской Ассоциацией на Тайване на основе шанхайского издания. Но так как в экземпляре, хранившемся в монастыре Байюньгуань не хватало многих страниц, а многие были испорчены, два вышеуказанных ксилографа тоже оказались неполными.

В 1988 «Дао цзан» переиздали на той же основе три издательства КНР, но испорченные

и недостающие страницы были дополнены, так что минский «Дао цзан» восстановлен.

Полный «Дао цзан», доступный сейчас, – это собрание даосских классических канонических сочинений, верхней границей которого являются годы Ваньли эпохи Мин. В него не вошли многие и многие важные даосские сочинения, как, например: 1) около 110 даосских книг, собранных после периода Ваньли в начале эпохи Цин; 2) древние классические даосские каноны, которые отсутствовали в минском издании; 3) книги, обнаруженные при раскопках в Дуньхуане в 1899 году и похищенные английскими и французскими экспансионистами, которые хранятся сейчас в музеях и библиотеках США и Франции; 4) в 1973 году в Чанша, в Мавандуе при раскопках захоронения № 3 обнаружены шелковые свитки с давно утраченными сочинениями школы Хуан-Лао начала эпохи Хань, такими как «Цзин фа», «Ши да цзин», «Чэн», «Дао юань» и др.; 5) В разграбленной экспансионистами в Юаньминьюане «Энциклопедии Юнлэ» от прежних 22 877 цзюаней сохранилось всего 3, 48 %, но, судя по остаткам, там были важные произведения, отсутствовавшие в минском «Дао цзане».

Все это еще ожидает упорядочения, редактирования и издания. Кроме того, существует еще проблема ошибок в распределении материалов «Дао цзана» по папкам.

Две очерченные выше проблемы составляют «лакуны» нынешнего «Дао цзана». Эти проблемы изучают ученые, но еще внимательнее и серьезнее относятся к ним трансляторы даосизма. Они пытаются «восполнить» упомянутые «лакуны», то есть 1) дополнить «Дао цзан»: 2) переиздать; 3) составить к нему индекс. На взгляд даосов, это часть их дела, великое дело даосской культуры, а также дело, важное для культуры всего человечества.

Взяв на себя такую трудную задачу, г-н Ван Липин и его Учителя проявили огромную смелость.

И они уже начали свой неустанный труд.

В годы странствий с облаками они обнаружили в пещерах священных гор часть спрятанных в тайниках рукописей Люй Дунбиня, которые должны были войти в «Дао цзан».

Чэнь Гофу в «Исследовании происхождения „Дао цзана“» говорит, что даосы хранили свои книги как величайшие драгоценности и передавали их только от учителя к ученику. Эта характерная черта феодальной эпохи создавала огромные препятствия в распространении культуры. Но, если посмотреть на дело с другой стороны, самоуправство при феодализме было страшное. Давали приказ сжечь книги – и сразу вся соответствующая литература уничтожалась. А были еще войны и стихийные бедствия, во время которых погибали драгоценные книги. В таких условиях тайники в священных горах или передача со строгими ограничениями от учителя к ученику, от отца к сыну была вынужденным способом сохранения культуры.

Что касается времени нынешнего, то условия для широкого распространения культуры уже созрели, окончилась «культурная революция», уничтожавшая культуру, люди стали в культуре разбираться больше. И поиски культурных сокровищ, спрятанных в глуши гор, под землей, заученных людьми наизусть, в том числе и сокровищ даосской культуры, этих условиях становятся очень важным делом.

Ван Липин и его Учителя как раз и занимаются этой чрезвычайно важной для человечества работой. Они хотят «заполнить» лакуны «Дао цзана».

И в работе есть уже достижения.

По указанию Учителей Ван Липин привел в порядок и отредактировал текст «Нью дань гун» («Мастерство женского эликсира»). Первоначально в рукописи было 170 тысяч иероглифов, сокращение и упрощение некоторых мест довело ее до 120 тысяч знаков. Скоро она увидит свет.

Приемы мастерства на всем протяжении истории были «Цяньскими», то есть предназначались для совершенствования мужчин, а не женщин. Чрезвычайно немногочисленные сочинения, специализированные для женского совершенствования в Дао, в «Дао цзане» пока отсутствуют. В последние годы в Китае и за рубежом становится все больше женщин, желающих заниматься тренировкой, но нет соответствующих руководств. На рынках можно увидеть литературу по женскому эликсиру, но это одни общие слова,

практически по ней заниматься невозможно. Ван Липин и его Учителя обратили внимание на эту проблему и намерены ее решить.

Школа Полной Истинности Дао обобщила биологические различия мужчин и женщин, а также опыт предшественников по совершенствованию в выплавлении женского эликсира и создала методы женской работы. Люй Дунбинь обучил этим методам Ван Чунъяна, тот обучил им Сунь Буэр, которая достигла совершенства в выплавлении и считается одной из Семи Истинных Даосов Севера.

Ван Липин по указанию Учителей отредактировал «Мастерство женского эликсира», сделал из него книгу, написанную простым понятным разговорным языком, ясно изложил принципы и методы работы, и она очень удобна для женского совершенствования.

В каких условиях Ван Липин писал «Мастерство женского эликсира», это даже трудно себе вообразить. Г-н Ван известный в мире человек, а если говорить о его эрудиции, то мало кто в мире может с ним сравниться. Но жилище семьи Ван чрезвычайно скромное, мебель только самая простая, письменного стола и то нет. Такого не встретишь сейчас даже в простой рабочей или крестьянской семье, разве только в самых бедных крестьянских домах в самых бедных отсталых районах. У авторов книги, когда они это пишут, сердце разрывается. Думаем, что такое же чувство будет и у добрых читателей. Впрочем, может быть кто-то авторов и заподозрит, не хотят ли они создать новый современный миф? Ведь в достоверность таких фактов трудно поверить.

Но дело обстоит именно так.

Г-н Ван Липин писал «Мастерство женского эликсира», сидя на кровати и разложив рукопись на коленях. Те, кому в будущем посчастливится заниматься по этой книге, должны помнить, в каких условиях она писалась, и пусть это будет помощью в их занятиях. В еще более аскетических условиях живут Учителя Ван Липина, Дед и Отец (Человек Дао Чистого Покоя уже вознесся, его нетленные мощи сохраняются), но все они упорно трудятся, проводят эксперименты, собирают материалы, пишут, редактируют, дополняют «Дао цзан».

Во многих случаях Учителя вырабатывают программу и поручают Ван Липину провести эксперимент в обществе. Потом успешный опыт фиксируется. Например, после того как Ван Липин объявил себя и стал создавать большие учебные группы, он проводил широкомасштабную работу по обучению мышлению в покое. Его Учителя подобного опыта не имели и в «Дао цзане» тоже на этот счет нет никаких свидетельств. В результате же проведенных экспериментов был накоплен большой опыт, произведена проверка на практике. Ван Липин всегда проводит учебные курсы по-разному, чтобы получить больше разных данных. Каждый раз он готовит к занятиям новые проекты тренинга, причем честно говорит: В этом деле у меня тоже опыта нет, не знаю, можно ли это сделать. Это не простое выражение скромности, он говорит правду, его работа – непрерывный поиск.

Однажды в Сиане ему встретилось очень редкое заболевание. Он справлялся у Деда и Отца, но оба старика тоже с ним не сталкивались и конкретных приемов лечения присоветовать не могли. Но во сне Ван Липин получил указания от одного из учителей прежних поколений. Он воспользовался его методом, и болезнь была излечена. Потом он просмотрел всю классическую литературу, но имя этого мастера нигде не упоминалось. Тогда Ван Липин сделал подробное описание болезни и метода лечения, как драгоценный материал эта информация будет занесена в «Дао цзан».

Человек Беспредельного Дао и Человек Дао Чистой Пустоты уже в высоком возрасте, но продолжают совершенствоваться. Записанный ими опыт занятий для стариков – также новая драгоценная информация, до сих пор отсутствовавшая в «Дао цзане».

К идеям и методам Ван Липина проявили большой интерес студенты и аспиранты. Они вместе с ним исследуют сейчас новые проблемы философии и проблемы, выдвинутые развитием науки и техники.

В беседах с авторами книги г-н Ван Липин пожаловался, что слишком много у него житейских дел, которые отвлекают от задач редактирования «Дао цзана». Да еще различные общественные «узы» на нем лежат, например, ему дано «важное поручение» быть

охранником завода. Много больных, каждый день толпы людей с разными трудностями и проблемами, ни уклониться, ни спрятаться нельзя. Так тратится его драгоценное время. Посмеиваясь над собой, он сказал: «Даосы-отшельники – это люди потустороннего мира, они никогда не жили в тисках человеческого. Этот мой нынешний опыт тоже потом можно записывать в „Дао цзан“».

Когда авторы книги в первый раз приехали в Шэньян на встречу в Ван Липином, был как раз обеденный перерыв. Г-н Ван потащил нас в обыкновенную харчевню. Она стояла у дороги, одна маленькая комната, несколько складных столиков, два официанта – новое частное предприятие, из тех, что появились в последние годы. Г-н Ван Липин был очень весел. «Сегодня я угощаю, выбирайте, что заказать». Протянул одному из нас меню. После нашего заказа он заказал еще для себя доуфу, соевый сыр, потребовал несколько бутылок пива. Доуфу – его главная пища, а пиво – для гостей. Он очень радовался гостям издалека, которые не говорили об обыденном, а специально расспрашивали о Дао. «Заказывать кушанья я до сих пор не научился, – сказал он. – Пусть гости сами выбирают, не надо стесняться». Ест он меньше, чем другие люди, и гораздо быстрее. После еды пошел платить по счету, вернувшись, с улыбкой сообщил: «Сегодня редакция одного журнала прислала гонорар за рукопись, сто юаней. Есть в кармане денежки, не надо у людей занимать, чтобы вас угостить». Так мы и узнали одну сторону обыденной жизни г-на Ван Липина. Каждый год ему надо ездить в Лаошань навестить Деда и Отца, каждые два-три года он навещает Дядей, Человека Дао Странствий с Облаками и Босоногого Даоса. Надо кормить родителей и тестя с тещей, четверых стариков, надо помогать младшим братьям и сестрам, воспитывать ребенка, он должен выполнять все свои человеческие обязанности. Но сам он крайне скромн, он вне материальных потребностей и думает только о том, как выполнить лежащую на нем двойную задачу.

Многие люди обращались с просьбами к г-ну Ван Липин и будут обращаться еще. Он помогает. Он помогает также еще большему количеству людей, которые не обращались к нему и, скорее всего, никогда не будут иметь такой возможности. Г-н Ван ничего от нас не просит, но неужели мы ничего не должны для него сделать?

Двойная ноша, лежащая на плечах Ван Липина, должна быть и нашей заботой. Мы способны бросить свою горсть земли, чтобы помочь в насыпании большого холма.

Глава двадцать первая **Возвращение к корню**

Авторы книги снова в простом жилище г-на Ван Липина. Добрый его отец восседает на кровати, слушая нашу непринужденную беседу, похожую на неторопливую прогулку в царстве духа, и на лице у старика довольная улыбка. Летние каникулы еще не начались. У входа, сидя на корточках на бетонных плитах, играют несколько ребятишек. Оттуда так и веет истинное живое ци, что заставляет Ван Липина все время оборачиваться и на них поглядывать, после чего наша беседа оживает еще больше.

Перед лицом всегда улыбчивого г-на Вана мы не чувствуем торжественности и почтительного трепета, приличествующего беседе о глубоких таинственных философских принципах. Совсем наоборот, ощущение такое, что лежим мы на зеленой травке, рассматриваем белые облачка, плывущие в лазурном небе, совершенно непринужденные, ничем не связанные, и проникаем во все вещи, неизвестно каким образом сливаемся с ними, мыслим открыто, свободно, ясно. К этому времени у нас не раз уже случались внезапные просветления, мы уже понимали космос, но все еще хотелось безмолвно спросить у синего Неба: Почему вселенная такова? А что за нею есть еще?

Внутренняя природа ци человека, в результате совершенствования ставшего Истинным, и одухотворенный свет его цзин и шэнь способны совершенно естественно экстериоризироваться, образуя в его жизненной среде «магнитное поле», которое влияет на окружающий мир и заражает его. В процессе знакомства с даосской культурой мы не вполне

ясно, но мощно почувствовали, что ценность ее как части традиционной китайской культуры отнюдь не ограничивается ни совершенствованием тела и пестованием сердечной природы, ни охраной человеческой жизни, ни поисками гармонии со сверхъестественным покоем. Когда тело и ум находятся в мире «глубокого и постоянного безмолвия», люди могут интуитивно осознать, что стоят у великих врат человеческой мудрости, почувствовать ее древнюю и мощную притягательную силу.

Г-н Ван Липин говорит, что в недалеком будущем восточная культура, в том числе и даосская, привлекут к себе в мире большее внимание, и у китайской культуры появится возможность нового расцвета. Этот редкий шанс, предоставляемый Китаю нашей эпохой, мы не должны ни в коем случае упустить.

В отношении даосской культуры существует проблема сущности и атрибутов. И мы в процессе интервьюирования Ван Липина тоже все время пытались выяснить, что в даосской премудрости жизненное всего? Примитивная ли диалектика мышления, продемонстрированная в «Даодэ цзине», как это обычно считается? Или даосское искусство пестования жизни, становящееся через совершенствование в выплавлении? Все это, несомненно, издавна обладало притягательной силой. Но главное, как мы считаем, состоит все-таки в ее старании широко раскрыть и использовать способности мышления, скрытые в человеческом мозге. Широкое и глубокое, как вся вселенная, море ума! Кто способен свободно в нем плыть, тот может прокладывать для человечества пути мудрости.

С того самого дня, когда три старых даоса начали обучение Ван Липина, все их мастерство было направлено к тому, чтобы снять оковы с его мышления. Они стремились вернуть мышление тринадцатилетнего мальчика из состояния движения в одну сторону, по одной колее? в состояние первозданного отсутствия всяких колеи, всякой узкой направленности, и Ван Липин плыл против течения, поднимался вверх, прямо к истокам.

В самых простых и примитивных указаниях, которые три старика давали в процессе воспитания, заключался глубокий смысл.

Юный Ван Липин два года провел в тяжелых трудах по «сосредоточению ума, пестованию сердечной природы». В то время Дед-Учитель сказал ему только, что это нужно для ограничения его своеволия, что смысл этой работы состоит в «возвращении к истокам» и «заложении основы». И только в результате длительного совершенствования Ван Липин понял, что тренировка мастерства – дело второстепенное, а основное – тренировка мышления. Надо соединиться с Дао, «чувствовать и постигать» в «глубоком и постоянном безмолвии».

В «Лао-цзы» это тщательно разработано:

Шестнадцатый чжан

Достичь предела Пустоты, сохранять покой и истинность. Тьма вещей начнет соединяться, мы увидим благодаря этому их возвратный ход. Как бы вещи ни роились, каждая вернется к своему корню. Возвращающийся к корню день ото дня становится спокойнее, это означает настройку по предназначенному. Настраивающийся по предназначенному с каждым днем приобретает постоянство. Знающий постоянство с каждым днем просветляется, не знающий постоянства безрассудно творит зло.

Пятьдесят второй чжан

Поднебесная имеет начало, оно считается матерью Поднебесной. Как обретишь эту мать, так познаешь ее дитя. Как познаешь ее дитя, вернешься к сохранению его матери, и так не будет гибели.

В этих двух чжанах очень тонко говорится, что когда мышление человека находится в первозданном состоянии, он способен понимать сокровеннейшие и таинственнейшие начала космоса. «Предел Пустоты» – это сущность Великого Дао первоначального хаоса и беспредельности, это корень Тьмы вещей. Если лелеять единое, сохранять искренность, глубокое и постоянное безмолвие, можно наблюдать попятное движение вещей Вселенной. Хотя Тьма вещей вселенной многообразно изменяется, в безмолвном покое и небытии она опять возвращается к своему первоначалу. Когда мышление схватывает этот корень, оно

может понять и рождающуюся из него Тьму событий и вещей.

Это как раз то, о чем древние говорили: «Исчерпаешь начала, проникнешь в исток, познаешь сердце, достигнешь корня». У воды есть исток, у дерева есть корень. А люди обдумывают все вещи, все начала Поднебесной, так что же является корнем и истоком человеческого мышления? Пруд это стоячей воды или же в нем скрыта пружина творения? Всего только пассивная реакция или же способность понимания и озарения? В исследованиях и ответах на эти вопросы заключается великая премудрость восточной цивилизации.

Даосы говорят: «Деяниями заучивания ежедневно прирастают деяния ежедневного убавления Дао. А убавлением его убавления достигается недеяние. Недеяние же всемогуще». А еще говорят: «Очищать сокровенное зеркало». Буддисты говорят о прорыве «кармы». Это значит, что надо стереть дочиства всю грязь, скопившуюся в человеческом уме и душе от вожделений, всю пыль, тысячелетиями скапливавшуюся на мышлении, одно за другим убрать все не обладающие формой препятствия между истинным изначальным человеческим умом и внешним миром, и тогда душа и ум станут как ясное зеркало, как осенняя луна в небе, они непосредственно и ясно будут созерцать изначальный облик вселенной, спонтанно постигать истинную суть Тьмы вещей. Освободиться от привязанностей, видеть все как должно, непосредственно, а не окольным путем, не сквозь мутную воду.

Общаясь с г-ном Ван Липином, мы часто изумлялись остроте его ума. Спросит кто-нибудь о каком-то деле, о болезни, например, он отвечает сразу же очень четко, ни на минуту не задумываясь. В даосском тренинге мышления, по его словам, ключевой момент составляет высвобождение интуиции. Интуиция – высшая форма движения мысли, но ей невозможно научиться на опыте или из книг. Она крепнет постепенно только в процессе совершенствования в выплавлении, а потом уж ее можно использовать активно. Некоторые вещи нельзя передать словами или на письме, их можно почувствовать и понять только лично.

Почти каждому человеку когда-нибудь на собственном опыте приходилось испытать прямое постижение, мгновенное озарение и интуицию, их существование не отрицает никто. А люди, совершенствующиеся в Дао, сосредоточены именно на этих скрытых возможностях человеческого мышления. Покой способен порождать мудрость, и многие люди, занимающиеся сидячей медитацией и заложившие основы совершенствования в выплавлении, знают это по своему опыту. Так называемые «возлелеивание единого, сохранение покоя и искренности» и «безмолвная неподвижность» – отнюдь не глупое сидение от скуки подобно камню или деревянному столбу. Пустота не значит, что ничего нет, неизменность не значит, что все мертво. Наоборот, в пределе пустоты, покоя и искренности скрываются основы Тьмы вещей, пружины творчества, это исконное состояние ума, корень сердечной природы. Благодаря своей чистоте, покою, ясности, высокому единству, отсутствию заблуждений и слепоты, спонтанному недеянию оно является, самым замечательным состоянием человеческого мозга. Иногда в спокойном море ума может мелькнуть какая-то мысль, о человеке ли каком-то, о каком-то событии, возникнет и исчезнет сама собой, без следа. А вскорости после окончания занятий ты вдруг с удивлением обнаруживаешь, что мелькнувшая при медитации мысль осуществилась в реальности. Или действительно этот человек пришел, или событие это произошло, или нашелся ответ на вопрос, который ты долго не мог разрешить. А когда такие дела происходят опять и опять, тут и самый несообразительный сообразит, что его ум стал совершеннее. Что касается людей, обладающих основами совершенствования в выплавлении, то при условии сохранения сверхспокойного состояния ума интуиция в них может работать не только во время медитации, но и когда они погружены в напряженную работу.

Авторы книги много раз беседовали с бывшими слушателями Ван Липина, учившимися у него Дао. Все они обладают способностью предчувствия. Сейчас, по меньшей мере, можно считать общепризнанным вот что. «Достижение предела пустоты, сохранение

покоя и искренности» – это высокое состояние человеческого головного мозга. Отсюда рождается человеческая интуиция. Интуитивное мышление не является недостижимым, его можно совершенствовать в выплавлении. Слова древних «В глубоком и постоянном безмолвии приходит понимание» – это высокое обобщение, относящееся к интуитивному мышлению.

Если привлечь учения западных психоаналитиков о сознательном и бессознательном, наши суждения по вопросу о начале мышления могут еще более углубиться. Можно считать, что «предел пустоты», «покой и искренность», «возвращение к корню» в «истинное состояние» есть приближение человеческого мозга к состоянию бессознательного. Фрейд считал, что бессознательное – область гораздо более обширная, чем сознание. Там хранится вся история, все чувства, воспоминания, вся информация. Лишь при определенных условиях они проявляются и становятся сознанием, могут осознаваться человеком. Юнг, развивший учение о бессознательном, предложил понятие «коллективного бессознательного». Считал, что в человеческом бессознательном заключена информация не одного только отдельного индивида, в нем продолжается история и информация целых поколений предков. Исчерпав начала, дойдя до истоков, мы можем сделать такой вывод, что в человеческом бессознательном записана вся история жизни человечества, свернута история эволюции целого космоса, а сам головной мозг человека является естественной сокровищницей космической информации и мудрости.

В «мастерстве развития ума» Школы Драконовых Ворот есть прием «возвращения в младенчество, воспоминания о прошлом», когда в глубокой медитации в воспоминаниях возвращаются вспять, вся жизнь всплывает перед глазами и прокручивается, как кинолента. Когда Ван Липин учил этому приему в Пекине в монастыре Сянцзесы, многие люди вспомнили давно забытые ими события, а некоторые старики даже издавали младенческие крики. А где же, все-таки, проходит граница возможности такого припоминания? Ван Липин рассказывал, что по мере повышения уровня совершенствования в выплавлении, по мере того, как погружение в покой углубляется, такой вид припоминания также углубляется, в принципе, он безграничен. Человек может узнать все события, которые произошли до его рождения. Каждый раз, когда уровень совершенствования в выплавлении повышается на одну ступеньку, человеку надо сбрасывать одну скорлупу (что называется «сбрасыванием скорлупы»), авторы книги не совсем еще поняли, поэтому пишут, как было сказано), после чего можно какой-то отрезок времени смотреть дальше, потом опять сбрасывается скорлупа, опять можно смотреть дальше. Возможно, это означает, что человеческое бессознательное также подразделяется на много уровней, на каждом уровне заключено определенное содержание и все уровни выстроены в определенном порядке. Человеческое подсознательное иерархизировано. Буддисты также обращают большое внимание на исследование того, что было до рождения.

Ван Липин говорит, что обычно он больше всего пользуется все-таки мышлением во сне. Иногда ему приходится сталкиваться с трудными случаями заболеваний, и он не знает, как лучше их лечить. Или зададут вопрос, который он не изучал, с которым не сталкивался. Или надо написать статью или план лекции на завтра. Он никогда не сидит за столом в глубоких раздумьях. Просто ложится и, поставив в уме проблему, мирно засыпает. А мозг работает вроде бы автоматически. Проснулся, потер лицо руками, записал мысли, пришедшие во сне, – это и есть ответ на вопрос.

Один ученый говорил, что в познании мира людям мешает не то, чего они не знают, а то, что они уже знают. За тысячелетия люди накопили огромные знания и в мышлении сформировались сравнительно жесткие стереотипы. То, что можно с помощью таких способов мышления объяснить, понять, принимается, а то, что им противоречит, просто отбрасывается. Формулы мышления постепенно превращаются в бастионы мышления. Глубокий, живой, многосторонний, полный скрытых возможностей головной мозг превращается в электронно-вычислительную машину, функционирующую по определенной программе. Буддисты называют это «препятствием от познанного». Логика силлогизмов

по-своему уникальна как средство познания мира, но человеческий мозг обладает и другими, более высокими, более совершенными формами мышления. Даосы как раз и стараются разорвать оковы мышления, дать мышлению свободу, великую «несвязанность», подобную движению облаков и течению воды. Когда Небесный Скакун несется по воздуху, он радостно излучает свое сияние во все стороны.

В беседе с г-ном Ван Липином мы забыли о времени, не заметили, что уже стемнело, что шум на улице за окнами стих, а чай в стоящих перед нами стаканах остыл и чайники в прозрачной воде развернулись, как цветы.

Ван Липин велел нам пить чай и крикнул за дверь: «Боян, помой три яблока и принеси сюда».

Его сын отозвался и принес на тарелке три сочных яблока. Ребенок был красивый, личико еще совсем детское. При виде чужих немного застенчив и, заметив, что нас четверо, сказал: «Па, тут четыре человека, а ты мне велел принести три яблока, одному не хватит».

Г-н Ван Липин ответил: «Достаточно. Ты вот подумай хорошенько, как разделить».

Боян присел на корточки и задумался, глядя на три яблока, лежащие на чайном столике.

Г-н Ван с улыбкой пристально смотрел на любимого сына: «Вы посмотрите на это мышление, оно пошло в одном направлении. То есть он думает, что один человек ест одно яблоко, и не подумает, что четыре человека могут есть одно яблоко.»

Боян уже понял намек, потихоньку мигнул папе, взял со стола ножик и разрезал каждое яблоко на четыре части. Затем, указав на три самых маленьких четвертинки из двенадцати, сказал: «Па, ну, так ты ешь эти три!»

Г-н Ван погладил сына по голове и со смехом сказал: «Ну, вот, опять послужил мне наглядным пособием».

А Боян, разделив яблоки, убежал дальше гулять.

Грызая яблоко, Ван Липин спросил авторов книги: «Сколько, по-вашему, в этой комнате углов?»

«Четыре».

Г-н Ван рассмеялся: «А нижние не считаются?»

«А, восемь».

«Больше,-покачал головой г-н Ван,-Разве восемь только? Чтобы правильно посчитать углы в комнате, я в детстве потратил немало времени».

Эта тема нас воодушевила, мы стали просить его рассказать историю дальше.

«Наше обычное мышление,-сказал Ван Липин, – сформировало жесткие рамки, где я являюсь центром и от меня идет наблюдение за всем, что происходит вокруг. Мышление идет в одном направлении. А космос ориентирован на все стороны, растекается по всем сторонам, или, можно сказать, в нем вообще нет никаких направлений. Мои Учителя, чтобы изменить у меня в мышлении восприятие направления, придумывали много способов».

Сначала три старых даоса учили Ван Липина стоять вверх ногами. Мы обычно видим мир из правильного положения тела, а вот как он будет выглядеть из положения вниз головой? Опираясь на стенку, на стволы деревьев, а потом уже ни на что не опираясь, Ван Липин стоял вверх ногами несколько часов. Спокойно созерцал окружающие горы, деревья, дома, столбы электропередачи. Сначала чувствовал, что все эти картины перевернуты, но постепенно ощущение неправильности утратилось, все вернулось в прежнее состояние. Из этого простого упражнения Ван Липин понял, что внешний мир вовсе не изменился, изменилось мышление человека. Он часто говорит, что вещи мертвы, а человеческое мышление живо. Все зависит от восприятия.

Потом Учителя закрыли его в доме и велели продумать, сколько в этом доме углов. Ван Липин, которому было тогда лет четырнадцать-пятнадцать, сел посреди комнаты и начал старательно считать. Сначала множество раз осматривал комнату, но как ни изошрялся, все получалось восемь углов. Учителя его высмеяли, велели посчитать еще. Ван Липин тоже

раззадорился ис места не сходил, все думал. В это время его мышление шло только в одном направлении – он смотрел только по четырем сторонам от того места, где сидел. Дед-Учитель, стоящий за окном, поглаживая бороду, с улыбкой сказал: «Сынок, вот, взять хоть нас с тобой, двоих, ты смотришь на меня или я смотрю на тебя?» Сказал и ушел.

У Ван Липин был природный корень мудрости, ему требовался только намек. Он сразу же сообразил, что по каждой внешней стороне угла комнаты есть еще угол, углы объемны, а глядя в направлении изнутри наружу, он может видеть только один из них. В конце концов он выскочил из одномерного мышления, сумел увидеть другие направления.

Самым большим плюсом в том, как три старых даоса воспитывали мышление у Ван Липин было отсутствие всяких поучений, всякого вмешательства. Все он должен был сам прочувствовать, сам понять, а в нужный момент они его только чуть-чуть направляли. Можно сказать, они тренировали его мышление так, чтобы оно уподобилось образцу самого космоса.

Еще позже даосы посадили Ван Липина в круглую корзину, сплетенную из лыка. Снаружи корзину обмазали глиной, чтобы не было ни щелочки, внутри стало совсем темно, ни в каком направлении ничего нельзя было различить. Да еще подвесили корзину в воздухе. Потом Учителя проделали в корзине маленькую дырочку, через которую проникал тоненький лучик света, и спросили Ван Липина: «Откуда свет?» В соответствии с обычными понятиями Ван Липин ответил: «Сверху». Корзину покрутили, попереворачивали и, опять проделав дырочку, спросили: «Теперь с какой стороны?» Ван Липин опять ответил по обычному ощущению: «Снизу».. Так его крутили и спрашивали, пока в голове у него все не перепуталось и он не стал отвечать наобум. У него уже не было ощущения направления. В конце концов он понял истину: в самой вселенной нет никаких направлений, нет ни верха, ни низа, ни лева, ни права, ни внутреннего, ни внешнего, ни передка, ни зада. Определенные людьми направления имеют только относительный смысл. Только когда у Ван Липина сформировалось целостное всестороннее мышление, Учителя начали преподавать ему «Чудесные Дверцы и Прикрывающий Щит». При изучении этой техники без пространственного сознания многие вещи не могут получиться.

Три даоса воспитывали Ван Липина не только на специально сконструированных тренажерах, но гораздо больше в обыденной жизни, когда все четверо разыгрывали друг друга и состязались в сообразительности. Под влиянием такой среды мышление у Ван Липина не окостеневало и всегда сохраняло высокую гибкость, живость и изощренность.

Встав утром Дед-Учитель заглянул в глиняный чан, потом глянул на Ван Липина и, растягивая слова, произнес: «А-а, в этом чане почему-у...» И не закончил.

Ничего не понимая, Ван Липин тоже заглянул в чан, воды там не было, и он договорил: «Нет воды»

Дед тотчас эти слова подхватил: «Так и быть, ступай за водой». Нечего делать, пришлось Ван Липин отправляться по воду.

Потом много раз так было, что Дед его нарочно разыгрывал, смотрел, какова будет его реакция, найдется он или нет.

Ван Липин тоже научился разыгрывать Учителей. Сготовит еду, а Дед все сидит на кане и медитирует в лотосе. Ван Липин почтительно произносит: «Дедушка-Учитель, да Вы не вставайте, я Вам подам». Сказав это, приносит полную чашку каши, но ставит ее перед ним так, что Дед не может рукой дотянуться, поворачивается и уходит. Зовет его Дед, а он делает вид, что не слышит. Вот и приходится старику лотос распускать и самому кашу брать.

Мы с воодушевлением слушаем неисчерпаемые интересные истории из воспоминаний Ван Липина о том времени, когда он был вместе со стариками.

Ведя за руку сына Ван Липина, является старушка-соседка. Улыбаясь во все лицо, она говорит: «Липин-а, твой Боян докопался там прямо до фундамента нашей стены».

Боян сжимает в руках маленькую лопатку, головенка его мокра от пота. Ван Липин сейчас же перед старушкой извиняется и просит ее зайти и посидеть немного. Старушка же, видя, что гости, с улыбкой прощается. Видно, что с соседями у них отношения теплые, как в

одной семье.

Соседи, из одного дома, а ваш ребенок подкопал их стену, как же с таким неразумным ребенком поступить? Обычно глава семьи прочитает ребенку нотацию, может и лопатку отобрать, приговаривая, чтобы больше такого не делал. Отец поостороже может и нашлапать ребенка для острастки. А Ван Липин? Он, по виду, был воодушевлен больше, чем его сын. Вышел в соседнюю крохотную кухню, раздвинул корзины для овощей и, показывая сыну на белую известковую стену, сказал: «Иди сюда, копай вот здесь.»

Сын ничего не ответил, присел на корточки и пыхтя принялся за работу. Видя эту сцену, авторы книги не могли не изумиться, для чего Ван Липин это сделал.

Боян, отколував кусок штукатурки в низу стены, остановился, лицо и одежда его были осыпаны пылью. И вдруг он радостно закричал: «Па, я понял, понял!»

«Что понял?» – спрашивает г-н Ван Липин.

Боян торопливо выпаливает: «Внутри стенки кирпичи, а между кирпичами еще мелкий песок».

Боян выяснил то, что хотел выяснить, а мы тоже вдруг поняли, для чего Ван Липин так сделал. Он воспитывал своего сына даосскими методами.

По словам Ван Липина, в те годы Дед-Учитель часто говорил: «Играющий ребенок мой учитель». В нем воплощен даосский дух благоговения перед спонтанностью. Все даосские заклинания при совершенствовании в выплавлении совершаются для того, чтобы заставить человека от Последующего Неба вернуться к Пржнему Небу, это то, что люди обычно называют «возвратом из старости в детство», а Лао-цзы называл «способностью превращаться в младенца». Не просто вернуться назад или пойти обратно, а на более высоком уровне реализовать истинное детское состояние. И не только физически, но и духовно.

Детское мышление – это спонтанное мышление, оно самое истинное, самое свободное, в нем нет изощренной сложности, оно не пострадало от социального «загрязнения». Это является перед современными людьми их чистый исконный облик. При воспитании ребенка надо задумываться над способами его сохранения и над тем, как развивать в ребенке такое неестественное мышление и дух бесстрашия перед исследованием неизвестного. Его нельзя подавлять, связывать. Тем более нельзя навязывать ребенку свои уже установившиеся стереотипы мышления, воспитывать его по своим планам и вкусам. Наоборот, нам, взрослым, «видящим глубокий смысл вещей», нужно учиться у детей тому, что мы уже утратили в своем Последующем Небе.

Г-н Ван Липин воспитывает ребенка, уважая его природную любознательность, охраняя спонтанность мышления, помогая здоровому развитию заложенных в нем умственных способностей. Именно поэтому его сын отличается от других детей по осмыслению проблем, часто выдает очень удивительные мысли. Во время урока учитель в курсе «Элементарных знаний» рассказывал, что каждый день утром солнце всходит на востоке и начинается новый день. Другие повторяли это за учителем, а Боян поднял руку и спросил: «А почему солнце не с запада всходит?» На этот вопрос учитель не мог ответить, на него не могут ответить и самые крупные современные ученые. Этот вопрос смущает все человечество. Если в этот «инфантильный» вопрос углубиться, еще неизвестно, что он за собой потянет.

Однажды Боян вернулся домой, надув губы и всем лицом выражая свое недовольство. Г-н Ван Липин спросил, что случилось. Боян ответил, что в классе он выше всех и в строю стоит сзади, а учитель всегда командует: «Направо, равняйся!» Почему каждый день направо, а не налево? Детская непосредственность и наивность всех в доме развеселила, а г-н Ван Липин глубоко понимал, что только в таком уме прячутся зерна мудрости.

Раз в школе устроили спортивные состязания и родители все пошли смотреть. Толпа играющих детей издали увидела родителей и единодушно разразилась криками «Папа!» «Мама!» И только один» ребячий голос громко зывал: «Ван Липин! Ван Липин!» Г-н Ван сразу различил в толпе своего сына. Родители и ученики очень этому удивились. По дороге

домой Ван Липин спросил: «Все другие кричали „Мама!“, „Папа!“, а ты почему же кричал мне „Ван Липин“?» Сын ответил: «Одеты все одинаково, все кричат папа-мама, разве тут можно разобрать кто кто. А когда я позвал тебя по имени, ты сразу меня и увидел». Ван Липин очень обрадовался, потому что сын помыслил самостоятельно.

Не без сожаления сказал Ван Липин, что в эти последние годы он очень занят, все время где-то ездит, воспитанием сына занимается не вплотную, а ведь школьное обучение постепенно ведет к тому, что детское мышление идет по узкой колее, только в одном направлении. А человеческая – то жизнь сама по себе не имеет направлений, куда идешь, это для тебя впереди, а повернешься, так это будет уже сзади.

Отсюда Ван Липин перешел к разговору о пороках современного образования: у учащихся область деятельности мышления по мере продвижения учебы, с одной стороны, повышается, с другой, – становится все уже и уже. В начальной и средней школе все изучают астрономию, географию, историю, математику, физику, химию, рисование, музыку, зоологию, ботанику, биологию и другие науки. Уже на второй ступени средней школы происходит разделение по гуманитарным и естественным наукам, поле зрения сужается, появляются направления, появляется ограниченность. А в вузах уже идет специализация, сосредоточение на изучении одного какого-то вида знаний. Дальше идут аспирантуры и докторантуры, где уже с головой зарываются в какое-то одно звено, в какую-то точку.. Структура знания, направление потока мышления уподобляется пирамиде – чем выше, тем уже.

А путь даосского воспитания человека как раз этому противоположен. По мере взлетов из Нижнего из Трех Миров в Средний и Высший деятельность человеческого мышления во времени и пространстве становится все шире, богаче, глубже. Вначале изучаются все дела и все принципы мира «Человека –Вещей-Событий», в котором живут обычные люди. Потом надо все это превзойти и изучать мир «Небо-земля-человек», Мир «Небо-земля-человек» вмещает мир «человека-событий-вещей», но он гораздо обширнее и глубже. Наконец, превзойдя пространство и время, изучают мир «Время-Пространство-Космос». Мышление раскрывается, развивается. И притом изучается не только внешний мир, чем выше миром ты живешь, тем больше внимания должен обращать на собственный внутренний мир, то есть на саморефлексию и изучение головного мозга.

А в самом конце г-н Ван Липин сказал, что главное-то не в широте или узости учебных курсов. Сами «Три Мира» – это три разных уровня единого. Ключевой момент в том, что надо иметь «трехмерное» мышление, надо иметь новую философию.

Авторы книги спросили, не о том же ли самом говорится в словах буддийской сутры «На кончике иглы замечаешь десятиугольную пагоду, ничтожная пылинка на сидении превращается в Великое Колесо Дхармы»?

Г-н Ван Липин с улыбкой кивнул.

Заключение

Навстречу новой заре восточной культуры

На фоне расцветшей за несколько веков западной науки и техники восточная культура поблекла. Стремление человечества к материальным благам стимулируется достигнутым с помощью науки и техники развитием производительных сил, оно уже сделалось беспрецедентно высоким и продолжает нарастать все быстрее и быстрее. Люди познали комфорт человеческой жизни и в то же время терпят небывалые страдания. Это век культуры и антикультуры. Когда на востоке темно, на западе светло.

Но немногие понимающие люди уже предвидят будущую зарю на востоке. И вскоре станет видно, что на этом Востоке есть древний и в то же время вечно новый мир, в котором сияет и искрится новый свет древней культуры.

При всем развитии науки и техники человечество подошло сейчас к рубежу

трудностей.

Наука и техника не могут далее развиваться по собственной логике, которой они обязаны своими гигантскими успехами. Она очертила круг, из которого они не могут вырваться, не могут его превзойти.

Что такое, в конечном счете, формы существования материи, формы движения? Многих ученых эти вопросы ставят в тупик. Еще один предел – скорость света. Можно ли надеяться превзойти скорость этого материального движения, даже если рассматривать данную константу как единственную и универсальную для всех излучений? Существует ли еще что-то, движущееся со скоростью, превышающей скорость света?

Наука получила очень большое развитие в гуманитарной области, но эти успехи также ограничены сферой, очерченной наукой. Она как будто коснулась другой стороны человека, но у нее не хватает смелости признать существование этой другой стороны. Лишь немногие ученые борются сейчас за признание ее права на существование. Мы имеем в виду познание человеческого духа.

В этом вопросе религия и наука стоят на разных позициях. Две данные силы были когда-то в антагонистических отношениях, но лишь на короткое время, и надо сказать, что оно уже прошло. Все больше и больше людей начинает теперь понимать, что наука и религия должны дополнять друг друга. Как говорил Эйнштейн, «Наука без религии губительна, религия без науки слепа». Даосы посчитали бы слова Эйнштейна очень проникновенными.

Положение нынешней науки можно оценить так: современная философия не указывает ей ясного направления и правильного выхода.

Еще одна серьезная проблема – использование результатов науки. Не станем перечислять важные ошибки, допущенные человечеством в этом направлении, а также их серьезные и печальные последствия. Многие-многие ученые, естественники и общественники, выступали здесь с предупреждениями, и предупреждения становятся все настоятельнее. Но, как сказал Тойнби, «Печальные последствия, причиненные наукой, не могут быть исправлены самой наукой».

Нужно новое мировоззрение, нужна новая культура.

Сегодня развитие науки и техники поставило под угрозу само существование человека. Опасность грозит ему не только со стороны природных катаклизмов, но и со стороны самого человечества.

Юнг выразился еще острее:

Сегодня мы, как никогда ясно, видим, что опасность всем нам, людям, угрожает вовсе не со стороны природы, а со стороны самого человечества, со стороны его индивидуального и массового интеллекта. Она состоит в том, что человеческий дух утратил свое постоянство.

Двое ученых, озабоченных человеческим интеллектом, говорили о проблеме духовного кризиса человечества. Один из них – японец Судзуки Дайсэцу, другой – американец Эрих Фромм. Ниже мы приводим цитаты из книги «Дзэн-буддизм и психоанализ».

Фромм:

Хотя народы, живущие на Западе, не ощущают этого (или не ощущают в своем большинстве), они переживают сейчас кризис западной культуры. Но по меньшей мере все критически мыслящие наблюдатели признают существование этого кризиса и понимают его характер. Этот кризис может быть описан как «беспокойство», «усталость», «болезнь века», инертность, механизация человека, изоляция человека от самого себя, от своих соотечественников, а также от природы. В следовании рационализму человек дошел до такой степен, когда рационализм становится нерациональным. После Хайдеггера человек с каждым днем все более отделяет мышление от чувства; считается, что только мышление рационально, а чувства подчиняются своей природе, то есть нерациональны. Человек разрезан на две половины, одна из них рациональна и считается истинным Я, которое должно управлять другим Я так же, как должно управлять природой. Рационалистическое управление природой, а также производство все большего и большего количества товаров

стало высшей жизненной целью. В этом процессе человек превратил самого себя в вещь, человеческая жизнь превратилась в приложение к товару, и существование стало управляться обладанием. В истоках западной культуры – греческой и иудейской культурах – целью жизни был совершенный человек, а современный человек считает, что целью жизни является совершенная вещь, а также знание того, как эту совершенную вещь создать. Западный человек пребывает сейчас в бессилии от духовной расколотости – в бессилии чувствования. Поэтому он и ощущает тоску, беспокойство и отчаяние.

Судзуки Дайсэцу, говоря сначала о Востоке, цитирует историю из «Чжуан-цзы»:

Один крестьянин выкопал колодец для поливки поля. Он таскал воду из колодца ведром, как это делалось в древности. Шел мимо прохожий и сказал: «Почему ты не используешь журавль, ведь сил тогда тратится меньше и сделать можно больше». Крестьянин сказал: «Я знаю, что он сберегает силы, поэтому им и не пользуюсь. Я боюсь, что от пользования таким хитрым механизмом сердце человека может тоже стать как механизм, а механическое сердце сделает человека распушенным и нерадивым».

Люди Запада часто изумляются, почему китайцы не разовьют больше свою науку и машины. Они удивляются потому, что когда-то у китайцев было ведь много открытий и изобретений, например, магнит, порох, колесо, бумага и прочие вещи. Главная причина в том, что китайцам и вообще азиатам нравится жить ради жизни, и они не хотят превращать ее в средство для достижения других целей, потому что жизнь может повернуть таким образом совсем в другую колею.

А теперь посмотрим, что Судзуки говорит о Западе.

Машина противостоит философии работы или философии труда Чжуан-цзы, а западная идея личной свободы и ответственности человека идет вразрез с восточной идеей абсолютной свободы.

Человек вступает в конфликт с машиной, и благодаря этому конфликту Запад переживает гигантское психологическое напряжение, что проявляется во всех направлениях его жизни.

Человек может говорить о свободе, но машина повсюду его ограничивает, поэтому дальше разговоров дело не идет. Западный человек с самого начала подвержен ограничениям и запретам. Его спонтанность отнюдь не является его собственной, это спонтанность машины. Машина не способна к творчеству, она движется только потому, что это позволяет ей нечто в нее заложенное, она никогда не «поступает» как «человек»..

Человек может быть свободным только в том случае, если он уже больше не индивид. Он свободен только тогда, когда отрицает себя и сливается с целым, говоря более точно, когда он является и не является самим собой. Лишь когда человек до конца понял это на вид явное противоречие, он имеет право говорить о свободе или ответственности или спонтанности. Например, спонтанность, о которой говорят люди Запада, особенно психоаналитики, представляет собой не больше и не меньше, чем детскую или животную спонтанность, а вовсе не спонтанность зрелого человека.

Кризис, перед лицом которого оказалось человечество, порожден машиной, порожден наукой.

Нужно новое мировоззрение. нужна новая культура.

Когда на западе темно, на востоке светлеет.

«Землю окутывает мрак, совсем не похожий на темноту природной ночи. Это первобытный мрак духа, сегодня он таков же, каким был миллионы лет назад» (Юнг)

Но на востоке в этом мраке уже появляются первые проблески зари.

Это новая заря восточной культуры. Встанем же навстречу приходу зари с востока.

Послесловие

Авторы выражают глубокую благодарность следующим лицам, много способствовавшим созданию и публикации этой книги:

Г-же Ши Фэнлань, начальнику отдела кадров министерства иностранных дел;
Г-же Цзян Ин, заместителю генерального директора гостиницы Цзиньчэн провинции
Ляонин и всем ее сослуживцам.
Авторы, 19 сентября 1990 года.